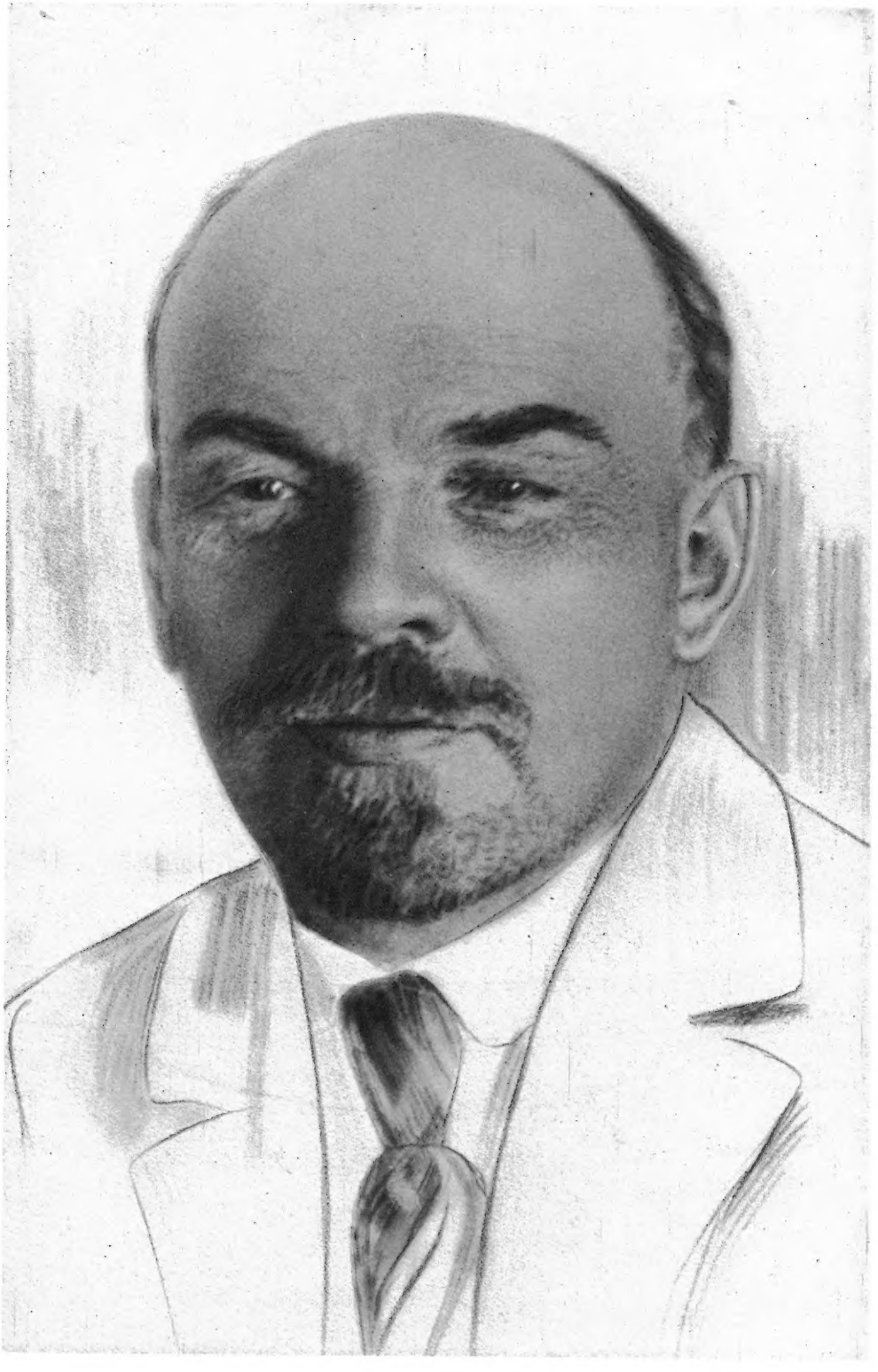
ИСТОРИЯ ВКП(Б)

★



ИСТОРИЯ ВКП(Б)

ТОМ ТРЕТИЙ

СОСТАВИЛИ
Д. БАЕВСКИЙ, ВАКС, А. СИДОРОВ, Ем. ЯРОСЛАВСКИЙ

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ
Ем. ЯРОСЛАВСКОГО

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА ★ 1929 ★ ЛЕНИНГРАД

ОТПЕЧАТАНО
в 1-й Образцовой типографии
Гиза. Москва, 17, Пятницкая, 71.
Главлит А-36286. С. 53. Гиз 27265.
Зак. № 2670. Тираж 10 000 экз.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Через 15 лет после начала империалистической войны выпускаем мы в свет том «Истории ВКП(б)», целиком посвященный эпохе мировой войны 1914—1918 гг. и партии в этот период.

По первоначальному плану предполагалось, что третий том отметит десятилетие между двумя революциями 1907—1917 гг. Но в процессе работы для составителей этого тома ясно стало, что этому периоду необходимо посвятить отдельный том. Мировая война 1914—1918 гг. привела к небывалому обострению социальных противоречий и классовой борьбы не только в России, но почти во всем мире. Она была периодом величайших испытаний не только для нашей партии, но для всех социалистических партий. Она вплотную подвела русский пролетариат и рабочий класс других стран к постановке вопроса о свержении власти буржуазии, о вооруженной борьбе за диктатуру пролетариата. Она поставила острую задачу о создании III Коммунистического Интернационала. Именно в годы империалистической войны большевизм как законченная теория пролетарской революции выступил на мировую арену. И необходимо показать, какое значение имело это выступление. Вот почему нецелесообразно было бы объединять эпоху мировой войны с предшествовавшим ей в нашей стране периодом реакции и ликвидаторства в 1908—1910 гг. и периодом нового подъема в 1911—1914 гг. Этот период мы решили выделить в отдельный том, более целостно объединенный. Том этот мы рассчитываем дать этой же осенью (1929 г.).

Выделение в особый том истории партии периода мировой войны дает нам возможность сосредоточить внимание на ряде вопросов, связанных с учением о пролетарской революции. За эти годы партия прошла через ряд испытаний, когда дискуссии с оппозиционными группами вращались вокруг вопросов, поставленных и решенных по-большевистски в период мировой войны. Так, в дискуссии с троцкистами и так называемой «новой оппозицией» (1925—1927 гг.) предпринята была троцкистами попытка извратить ленинскую теорию пролетарской революции и диктатуру пролетариата. Если в изображении оппозиции 1925—1927 гг. это учение подменялось каутскианскими и бауэровскими идейками, то правые уклонисты нередко преподносили нам, вместо ленинской революционной теории по этому вопросу, не менее оппортунистические взгляды, в которых от ленинизма осталось одно лишь название. Необ-

ходимо теперь показать, что ленинизм, о с о б е н н о в период мировой войны, вел непримиримую борьбу со всякими уклонами и зародышами уклонов. Нельзя поэтому, излагая историю партии 1914—1918 гг., обойти эту чрезвычайно глубокую по принципиальному содержанию и острую борьбу ленинизма со всякими оппортунистами и центристами. Само собою разумеется, что борьба сегодняшних дней не должна нам мешать в соблюдении исторической перспективы изложения.

Но после тех фальсификаций, который Троцкий проделал над своими статьями периода мировой войны, переиздав их в СССР в «исправленном» до неузнаваемости виде, является настоятельно необходимым восстановить подлинную картину борьбы большевизма с троцкизмом в эти годы. При этом столь же необходимо — и эта задача посильно разрешена в настоящем томе — показать, как оппортунистические теории сегодняшних дней имелись уже в зародыше тогда, в эти годы. Дело ведь нисколько не меняется от того, что носители и защитники этих оппортунистических теорий тогда, как и сегодня, считали себя 100% интернационалистами и большевиками.

В то время как буржуазные историки, а вслед за ними и социал-демократы — больше всего заняты поисками так называемых «виновников мировой войны», превращая, таким образом, историческую науку в служанку буржуазии той или иной страны, или той или иной коалиции империалистов, мы отводим этому вопросу сравнительно незначительное место в ряду других причин мировой войны. Главнейшее же внимание мы отводим, как этому учил нас Ленин, — вопросу об империализме, ленинскому анализу империализма. В противовес каутскианству и троцкизму в вопросе о мировой войне мы даем возможно более исчерпывающий материал для усвоения главнейшего ленинского лозунга этого периода — о превращении империалистической войны в войну гражданскую.

Особое внимание составители тома уделили вопросу о роли царской России в подготовке мировой войны и тем экономическим условиям, которые предопределили ход и исход этой войны для царской России. Этот период дает нам возможность уяснить троцкистское понимание так называемой «отсталости» России и разобраться в дискуссии по вопросу о природе русского империализма.

Само собою разумеется, что мы должны были особенно подробно остановиться на анализе партий и классов периода мировой войны, в особенности на анализе рабочего движения этих годов. Такой анализ приводит вплотную к пониманию неизбежности совершившейся в 1917 г. революции. Он необходим для усвоения именно ленинского, а не какого-либо иного понимания характера и движущих сил этой революции.

К сожалению по ряду причин том «Истории ВКП(б)» об империалистической войне выходит в свет ранее печатающегося тома о революции 1905—1907 гг. и раньше тома о периоде реакции 1907—1910 гг. Если и в те годы мы можем проследить на основе обширного теперь исторического материала перерастание меньшевизма в ликвидаторство, в попытку «врастания» в столыпинскую монархию, то период мировой войны развертывает картину этого перерастания особенно ярко. Русский меньшевизм, хотя и имеющий свои

особенности, подобно другим меньшевистским партиям в период мировой войны быстро перерос из ликвидаторства в социал-шовинизм. С другой стороны колебания, шатания и примиренчество в рядах самих большевиков уясняют ленинскую борьбу на два фронта. Проследить, по возможности, на протяжении всей истории нашей партии эту борьбу на два фронта и борьбу с примиренчеством тем более необходимо, что кое-кто в наши дни пытается представить эту борьбу не ленинской, не большевистской. Ленин, де, не так поступал. На Ленина в этом вопросе любят ссылаться как раз те, кто при жизни Ленина упрекал его в «нетерпимости» и т. п. Борьбу на два фронта и борьбу с примиренчеством иногда пытаются представить, как дело того или иного вождя, чуть ли не как проявление «грубости» или других черт отдельного политического деятеля. Этот взгляд, само собою разумеется, так же неправилен, как неправильно было бы объяснять возникновение того или иного уклона в нашей партии личными свойствами того или иного уклониста. Мы обращаем внимание читателя «Истории ВКП(б)» на то, что без такой непримиримой борьбы на два фронта не было и не могло бы быть ленинского большевистского отношения к партии.

Новые вопросы, возникшие в последние годы, новые дискуссии в партии заставляют нас, живых участников борьбы нашей партии за чистоту ленинизма, прослеживать корни возникающих в партии разногласий в более отдаленные периоды. С этой точки зрения нам придется развить и дополнить в новом издании некоторые главы вышедшего IV тома «Истории ВКП(б)».

Особая глава: «Большевизм на мировой арене», в которой прослеживается роль большевизма с момента возникновения мировой войны, конечно, условно берет эту дату как отправную точку. На самом деле, большевизм сыграл и раньше большую роль в деле оформления в недрах II Интернационала левого крыла, кадры которого впоследствии стали кадрами Коммунистического Интернационала. Большевизм с самого начала возник «на самой прочной базе марксизма». Он креп и рос в борьбе против оппортунистических реформистских теорий II Интернационала, против его практики и традиций. Мировая война, приведшая к открытой измене, падению и распаду Второго Интернационала, лишь ускорила открытое выступление большевизма на мировой арене в борьбе за III Коммунистический Интернационал. На самом деле Ленин еще в «Что делать», говоря о двух направлениях в современном социализме, писал о неизбежности такого размежевания.

Однако основная проблема этого тома, несмотря на подчеркнутую важность ряда других освещаемых нами вопросов, — это проблема пролетарской революции и диктатуры пролетариата. Не только эта проблема связана с разработанной Лениным теорией и законом неравномерности развития и загнивания капитализма. Из этой неравномерности вытекает и неравномерность развития пролетарской революции. Из этой же неравномерности вытекает и возможность победы социализма в одной даже отсталой стране. На этом необходимо остановиться со всей тщательностью еще и потому, что впоследствии троцкистский оппозиционный блок доказывал, будто теория о возможности победы социализма в одной стране ничего общего с ленинизмом не имеет. Необходимо было поэтому

показать, что и в понимании неравномерности развития капитализма, в понимании возможности победы социализма в одной стране и в понимании, о какой именно отсталой стране говорил Ленин, ленинизм ничего общего не имеет со взглядами троцкистского оппозиционного блока. С этими же вопросами тесно переплетена и различная трактовка вопросов об империализме и национального вопроса у так называемых «левых» этого периода (т. Бухарин и др.). Между прочим на судьбе этих уклонов можно проследить, как нередко, казалось бы, «полярно» противоположные уклоны приходят к общим выводам.

Вопросы эти имеют международное значение. Но для нас важно было показать их значение и их применение на примере истории нашей партии и истории революции в России. В вопросе о сочетании пролетарской и буржуазной революции в России мы выступаем как против тех, кто говорил о двух стратегических планах у Ленина в 1905—1917 гг. (см. т. IV и наше предисловие к нему), так и против тех, кто считал и считает, что учение Ленина о пролетарской революции до 1917 г. не относилось к России и что для России Ленин ставил вопрос т о л ь к о о буржуазно-демократической революции. Само собою разумеется, что точка зрения этих товарищей грубо ошибочна, политически вредна и неверна. Социально-экономические предпосылки для пролетарской революции, конечно, имелись до войны, война их обострила и усилила, и Ленин в 1914—1915 гг. ставил вопрос не о пролетарской революции «в о о б щ е», а о возможности ее в России. Это особенно видно из статьи Ленина «Грозящая катастрофа и как с ней бороться» [1]), где ленинская характеристика России как отсталой страны не только не исключает в ней пролетарской революции, но вплотную подходит именно к постановке вопроса о пролетарской революции.

В настоящем томе мы, наконец, уделили большое внимание вопросу о борьбе за Коминтерн, вопросу о первых шагах и об организационном оформлении III Интернационала (Циммервальд, Кинталь).

Таким образом важность круга вопросов, освещенных нами, вполне оправдывает выделение их в особый том. Без изучения этих вопросов невозможно понять ход и характер всей дальнейшей истории нашей партии и Коммунистического Интернационала.

В составлении этого тома главная работа выпала на тт. Баевского, Вакса и Сидорова. Кроме того принимал участие т. Эльвов. Подбором иллюстраций занимался т. Бондарев. Все иллюстрации, как и в других томах, взяты из Музея Революции, главным образом, отдельные — из института Ленина.

Емельян Ярославский.

---

[1]) Л е н и н, Собр. соч., т. XXI, стр. 185—186, изд. 2-е.

ИСТОРИЯ ВКП (б)

ВОПРОСНИК-ПЛАН К I ГЛАВЕ.

ПРИЧИНЫ И ПОДГОТОВКА МИРОВОЙ ВОЙНЫ.

I. Социальнс-экономические и политические предпосылки мировой войны.

1) Точка зрения Ленина и Каутского на причины мировой войны.
2) Вопрос о так называемых «виновниках» войны.
3) Вопрос о роли Англии и Германии в деле подготовки империалистической войны.
4) Конкретная постановка вопроса о противоречиях между отдельными странами тройственного союза и тройственного согласия.

II. Вопрос о роли России в деле подготовки мировой войны.

1) Природа русского империализма.
2) Вопрос об удельном весе и роли иностранного капитала.
3) Русско-германские противоречия и причины, побудившие Россию примкнуть к англо-французскому блоку.
4) Вопрос о подготовленности России к мировой войне.
5) Вопрос о провоцировании Россией начала войны.

Заключение.

1) Экономические и политические противоречия как ключ для понимания причин мировой войны.

ЛИТЕРАТУРА [1].

Ленин. Империализм как новейший этап развития капитализма, Собр. соч., т. XIII, изд. 1-е.
К. Каутский, Как возникла мировая война. С предисловием М. Н. Покровского.
М. Н. Покровский, Сборник статей, посвященных войне.

---

[1]) Литература к настоящей теме огромна. Указанная рекомендуется как минимум. Более подробно в сносках к главе.

ГЛАВА I.

ПРИЧИНЫ И ПОДГОТОВКА МИРОВОЙ ВОЙНЫ.

О мировой войне накопилась уже громадная литература на всех языках. Десятки томов дипломатических документов и многочисленные исследования позволяют выяснить, как подготовлялся мировой пожар, какие движущие силы определяли политику империалистических стран. Покрывало с тайников мировой политики снято, хотя архивы целого ряда стран еще не открыты, в первую очередь опубликованием тайных договоров царского правительства, затем дальнейшей публикацией документов по внешней политике России и Германии. Многочисленные мемуары лиц, которые «делали политику», рисуют иногда такие подробности и детали, о которых нельзя узнать из дипломатических документов. Теперь уже можно почти шаг за шагом проследить, как развертывалась мировая катастрофа, какую роль играли отдельные персонажи и целые правительства. Но чем яснее становится картина, тем более падает буржуазная теория о «виновниках» войны, стремившаяся «ответственность» за войну сложить на те лица и правительства, которые «начали войну», т. е. первые начали стрелять.

Для пролетариата такая постановка вопроса никогда не являлась удовлетворительной: Англия или Германия окончательно спровоцировали войну, это ничуть не изменяло ее империалистического характера. «И поэтому понятно, что вопрос о том, который из этих двух хищников первый вытащил нож, не имеет никакого для нас значения», — писал Ленин. Отношение пролетариата к войне определяется не тем, какая страна первая начала палить из пушек. На этом спекулирует только буржуазия. «С точки зрения марксизма, т. е. современного научного социализма — основной вопрос при обсуждении социалистами того, как следует оценивать войну и как следует относиться к войне, основной вопрос состоит в том, из-за чего эта война ведется, какими классами она подготовлялась и направлялась». (Ленин, «Правда» № 93, 1929 г. «Война и революция». Разрядка наша.) Отношение пролетариата и революционных марксистов к мировой войне определялось анализом характера этой войны, как войны империалистической, захватнической, затеянной буржуазией для укрепления своего классового господства над порабощенными народами всего мира. Совершенно другую позицию занимала буржуазия. Во всех воевавших странах

она старалась изобразить дело таким образом, что на нее «напали», что противоположная сторона является нападающей. И русская и немецкая буржуазия, в одинаковой мере выступая в роли «обиженной» стороны, сознательно старалась поднять шовинистические настроения внутри страны, сплотить все силы нации около правительства. Немецкой буржуазии удалось установить единый блок с социал-демократией для борьбы с царизмом. Французские социалисты помогали «своей» буржуазии против «зачинщиков» немцев. Для того, чтобы миллионы людей держать в окопах, буржуазия сваливала «вину» на своего противника, иначе солдаты не захотели бы сражаться. Но вот война кончилась, и Версальский мир дал буржуазии ответ о «виновниках» войны, на которых возложены все «потери и убытки». Германия признана нарушительницей мира и должна нести тяжелое бремя репараций. Можно без сомнения сказать, что если бы победила другая коалиция держав, тогда «вину» перед историей и ответственность за войну возложили бы на страны Антанты. Такова логика борьбы между капиталистами: вся ответственность перекладывается на более слабого, поверженного в прах противника. Сила решает, кто виноват, кто прав.

а) ТОЧКА ЗРЕНИЯ ЛЕНИНА И КАУТСКОГО НА ПРИЧИНЫ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ.

Совершенно иначе подходят к вопросу о причинах войны марксисты. Их, марксистов, больше всего интересует вопрос о противоречиях экономического и политического порядка, которые подготовили взрыв мирового пожара. Непосредственный предлог всегда найдется, если созрели объективные условия. Не дипломатический обмен нотами после убийства австрийского наследника престола дает ответ на вопрос, как подготовлялась мировая война, а изучение за длительный период времени экономического развития Европы и мировой политики, противоречий между капиталистическими странами. В цитированной нами выше статье т. Ленин показывает образец чрезвычайно серьезного и действительно научного отношения к изучению причин мировой империалистической войны, к изучению экономических и политических процессов новейшей истории, которые сделали неизбежной эту войну. «Мы говорим, — пишет т. Ленин, — если вы не изучили политику обеих групп воюющих держав в течение десятилетий, — чтобы не было случайностей, чтобы не выхватывали отдельных примеров, — если вы не показали связь этой войны и предшествующей политики, — вы ничего в этой войне не поняли». Революционные марксисты, — и т. Ленин в особенности, — сделали больше других для научного объяснения характера империалистической войны. Если специалисты историки занялись объяснением войны главным образом после того, как она разразилась, и в особенности после ее окончания, т. Ленин и революционное крыло социал-демократии предупреждали мир о грядущей катастрофе задолго до того, как она разразилась.

Мировая война подготовлена всем ходом развития капитализма, она есть «неизбежная ступень капитализма, столь же законная форма капиталистической жизни, как

и м и р» [1]). Империализм невозможен без войн, без конфликтов, без громадного роста вооружений и ожесточенной борьбы между отдельными государствами и их союзами за передел мира, за мировое господство. Вся «вне-экономическая надстройка, вырастающая на основе финансового капитала, его политика, его идеология усиливают стремление к колониальным завоеваниям», пишет Ленин [2]). Бешеная волна вооружений и перевооружений армии и флота, громадный рост военных бюджетов важнейших европейских стран усиливали их империалистические тенденции и аппетиты. Задолго до выстрела в Сараеве война буквально висела в воздухе, идея ее пропагандировалась в публицистике во всех странах.

Империалистический характер грядущей войны был ясен большевикам (да и не только большевикам!) задолго до ее начала. На международных конгрессах II Интернационала не один раз стоял вопрос об отношении пролетариата к грядущей войне, которая оценивалась как война империалистическая, лишь после измены социал-демократии потребовалась ревизия этого положения.

Странно теперь читать старческие рассуждения Каутского, старающегося доказать неправильность тезиса, до войны признававшегося всеми социал-демократами, что война подготовлена противоречиями империалистской эпохи. «Но это ни в коем случае не марксизм, когда указанием на безличную вину капитализма х о т я т о т в л е ч ь в н и м а н и е о т р о з ы с к а в и н о в н ы х л и ц» [3]). Дело в лицах, провозглашает Каутский, а не в экономической системе. В конце концов Каутский находит «виновника» в лице Вильгельма II, проживающего преблагополучно в Голландии. Конечно Вильгельм виноват, но для этого простого вывода не нужно было Каутскому копаться в архиве министерства иностранных дел и дожидаться того времени, когда немецкая революция свергла Вильгельма с престола. Однако, выдавая с головой Вильгельма, Каутский защищает империализм и империалистскую буржуазию и ее политику. По мнению сего ученого мужа, империализм сам по себе не порождает захватнической политики, которая приводит к войнам. Политика может быть мирная и захватническая, в зависимости от лиц, которые ее делают. Он ссылается при этом на англичан и американцев, которые, несмотря на империализм, не всегда вели агрессивную политику. «Поэтому неверно, — пишет Каутский, — что финансовый капитал неизбежно приносит с собой воинственные прихоти и опасности войны» [4]).

Естественно, раз Каутский отрывает войну от ее экономического базиса, ему остается заниматься, с точки зрения политики и истории, — пустяками, изысканием «виновных лиц».

Позиция Каутского по вопросу о войне чрезвычайно интересная. Несмотря на марксистскую фразеологию, которой он прикрывает свои рассуждения, оппортунизм его основных положений со всей ясностью выступает из-под словесных риз. Глубоко неверно его основное положение, что империализм как хозяйственная система с неизбежностью не порождает войн. Капитализм, по

---

[1]) Л е н и н , т. XIII, стр. 16.

[2]) Там же, стр. 302.

[3]) К. К а у т с к и й, «Как возникла мировая война», стр. 50. Подчеркнуто нами.

[4]) Там же, стр. 70.

мнению Каутского, — это «абстракция», на безличную вину которой нельзя ссылаться, ибо этим отвлекается «внимание от розыска виновных лиц». Увлекшись изысканием конкретных носителей зла, Каутский переступает всякие границы марксистского анализа. Обвиняя Вильгельма и вообще немецкий милитаризм, он договаривается до оправдания политики Англии, Америки и России, главных застрельщиков мировой войны. Оправдание политики главнейших участников Антанты он обосновывает тем, что они «не знали вплоть до мировой войны никакого милитаризма». Правда, в России милитаризм был, но после разгрома царского правительства во время русско-японской войны он был еще слаб. Вообще англичане и американцы вели «разумную» политику. «Они не были игроками ва-банк, а солидными капиталистами», поэтому и не вели дело к войне, «когда она их могла разорить». Зато против германского правительства Каутский направляет свои стрелы. «Виновником» войны им безапелляционно признается одна Германия, которая «провоцировала ее соседей» на войну. Оставляя в стороне самые «результаты исследования», уместно обратить внимание на самый методологический подход автора к рассмотрению политики с точки зрения психологии тех, кто «ее делает». Конечно и выводы автора абсолютно далеки от какой-либо объективности. Выбросить из поля зрения политику России и Англии, отказаться от анализа экономических факторов, которые ее определяют, это значит ничего не понять в той грандиозной подготовке к войне, которая продолжалась в течение десятилетий.

Большевистская постановка вопроса о причинах мировой войны как небо от земли отличается от каутскианской. В первые месяцы войны Ленин писал:

«Рост вооружений, крайнее обострение борьбы за рынки в эпоху новейшей, империалистической, стадии развития капитализма передовых стран, династические интересы наиболее отсталых восточно-европейских монархий неизбежно должны были привести и привели к этой войне. Захват земель и покорение чужих наций, разорение конкурирующей нации, грабеж ее богатств, отвлечение внимания трудящихся масс от внутренних политических кризисов России, Германии, Англии и других стран, разъединение и националистическое одурачение рабочих и истребление их авангарда в целях ослабления революционного движения пролетариата,— таково единственное действительное содержание, значение и смысл современной войны» [1]).

Эта краткая характеристика Ленина полностью охватывает всю совокупность причин, вызвавших войну, и раскрывает ее содержание. Говоря о войне, как империалистической, Ленин не забывает одновременно про страны, в которых империалистическая буржуазия была еще слаба, не определяла еще всей политики правительства. К таким странам, в первую очередь, относилась Россия, где «преобладает военный и феодальный империализм». Про такие страны Ленин говорит, что там «династические интересы», т. е. интересы крепостников-помещиков, подталкивали правительство на войну.

В основном мировая война порождена противоречиями империалистического капитализма. Западно-европейский империализм созрел и оформился в определенную систему уже к началу XX века. Это созревание началось с 80-х годов XIX столетия. Конечно, в отдельных отсталых странах, как Россия, формирование монополистического капитализма совершалось значительно

[1]) Ленин, т. XIII, стр. 5. «Война и российская социал-демократия».

позднее, в XX столетии, непосредственно перед мировой войной. Про Россию Ленин говорит, что там колоссальную роль играли интересы крепостников-помещиков, в руках которых находился весь аппарат власти. Если от экономики перейти к политике, то ясно, что основу политических комбинаций стран надо искать еще в XIX столетии. Нам представляется глубоко правильным замечание Покровского в предисловии к сборнику «Империалистическая война». Он пишет: «Две трети той комбинации держав, которая стала против Германии и Австрии в 1914—1918 годах, было уже готово к 1904 году». Потребовалось еще десятилетие для того, чтобы коалиции окончательно оформились, противоречия обострились до необходимости вооруженной схватки. Глубоко неверен выпад Каутского против большевиков, будто они, вместо конкретного исторического анализа причин войны и персональных ее виновников, отделываются ссылками на безличную вину капитализма. Начиная с манифеста ЦК Российской социал-демократии от 1 ноября 1914 года и кончая последующими статьями Ленина, большевики везде давали глубоко конкретный анализ. Противоречия новейшего капитализма определенным образом увязываются ими с политикой определенных государств.

В манифесте указываются главные фигуры обеих воевавших коалиций и, следовательно, главные виновники: Англия — во главе Антанты и Германия, возглавлявшая тройственный союз. Между этими государствами были главнейшие противоречия. Кроме того важное значение имели противоречия между Францией и Германией, с одной стороны, и Россией — с Германией, Турцией и Австрией — с другой.

В статье «О сепаратном мире», написанной уже в конце 1916 года, Ленин говорит не только безлично об империалистических противоречиях новейшей эпохи капитализма, вызвавших войну, но и указывает главнейших «виновников» войны.

«Война порождена империалистскими отношениями между великими державами, т. е. борьбой за раздел добычи, за то, кому скушать такие-то колонии и мелкие государства, причем на первом месте стоят в этой войне два столкновения. Первое — между Англией и Германией. Второе — между Германией и Россией. Эти три великие державы, эти три великие разбойника на большой дороге являются главными величинами в настоящей войне, остальные — несамостоятельные союзники

Оба столкновения подготовлялись всей политикой этих держав за несколько десятилетий, предшествовавших войне» [1]).

Может быть, Лениным несколько преуменьшена самостоятельная роль Франции, но основные линии экономических и политических противоречий им очерчены сжато и исчерпывающе полно. Как любил выражаться Зиновьев, к ленинскому анализу нельзя ничего ни прибавить, ни убавить.

Из-за чего шла борьба между главными партнерами? Мы не будем забираться в глубь сырого материала, а попробуем ответить на этот вопрос путем разбора установившихся в нашей литературе точек зрения.

---

[1]) Ленин, т. XIII, стр. 386—387. Подчеркнуто нами.

б) АНГЛО-ГЕРМАНСКИЙ КОНФЛИКТ.

Говоря о соперничестве между Англией и Германией, т. Покровский в одной из своих работ пишет:

«Как мне представляется, непосредственно п р о м ы ш л е н н о е соперничество Англии и Германии не играло тут главной роли. Мировой рынок в этом отношении был достаточно емок... Крутое и непримиримое соперничество начиналось в области мирового транспорта: этой монополии Англия никому не могла уступить, ибо, лишившись ее, она переставала быть «Великой Британией, владычицей морей», переставала быть Англией» [1]).

В своих лекциях по внешней политике т. Покровский повторяет, что шла «борьба за океан». Борьба за океан означала борьбу за мировое господство. Владея океаном, Англия до войны оставалась первой страной мира. Это ее первенство стало оспариваться Германией, переживавшей бурный процесс экономического расцвета. Именно благодаря громаднейшему росту индустрии, металлургии, электротехники, химии — Германия становилась опасной соперницей Англии: в области металлургии и тяжелой индустрии Германия заняла первое место в Европе и второе в мире. Англия оставалась далеко позади.

Но Михаил Николаевич Покровский до самого последнего времени остается на своей позиции, изложенной нами выше. Конфликт между двумя главными соперниками на мировом рынке им не выводится из столкновения двух систем империализма, из промышленной конкуренции, а ограничивается почему-то только областью флота.

«Настоящую англо-германскую войну, — пишет т. Покровский, — можно понять только из колониальных отношений и прежде всего из англо-индийских интересов.

Легенда о промышленном соперничестве Германии, которая якобы «душит» великобританскую индустрию, давно опровергнута в литературе. Этот предрассудок сложился в последние годы XIX и в первые нынешнего столетия» [2]).

Эта точка зрения нам кажется неверной по двум соображениям. Со стороны методологической, ограничение конфликта локальными рамками означает известное смягчение империалистических противоречий. Если по линии экономической борьбы двух г л а в н ы х империалистических стран противоречия еще не были неизбежны, тогда нельзя связывать войну вообще с империализмом, выводить из него «в последнем счете». Другое соображение — практического порядка. Конкретный материал доказывает противоположное, чем т. Павлович, на работу которого т. Покровский ссылается для подтверждения своей точки зрения.

Если мы хотя на одну минуту отвлечемся от того, что борьба между Англией и Германией в основном лежала в сфере столкновения английского и немецкого промышленного капиталов, то тем самым отрежем себе путь для правильного объяснения всей совокупности противоречий между этими

---

[1]) Вступительная статья М. Н. П о к р о в с к о г о к книге Каутского «Как возникла мировая война», стр. 18.

[2]) М. Н. П о к р о в с к и й, «Империалистская война», сб. статей, 1928 г., стр. 65.

странами. Даже допустим, что основой столкновения обеих стран являлась борьба за Индию. Что же, спрашивается, порождало эту борьбу? Почему в XX в. Германии спонадобилась Индия, без которой она могла обходиться 50 лет ранее? Очевидно разгадкой будет служить экономическое развитие Германии в новейшее время, те противоречия, которые вскрылись между немецким империализмом и английским. С этой точки зрения будет понятна и борьба этих стран за гегемонию на море, т. е. за мировую гегемонию. Какое бы большое значение ни имела Индия для Англии и, следовательно, каким бы лакомым куском она ни являлась для Германии, борьба не ограничивалась Индией: она охватывала более широкий круг явлений.

Именно потому, что в результате быстрого экономического развития германский империализм «бил» Англию, «бил ее беспощадно своей превосходной техникой, организацией, торговой энергией, бил и побил так, что без войны Англия не могла отстоять своего мирового господства». (Ленин, т. XIII, стр. 387.) Мы вправе утверждать, что основной конфликт между главнейшими конкурентами лежал по линии борьбы за передел колоний. Ленин прямо так и пишет, что «Англия воюет за то, чтобы ограбить колонии Германии и разорить своего главного конкурента». Германия же, в свою очередь, борется за то, чтобы отвоевать себе «право на мировое первенство в грабеже колоний и зависимых стран». Потом далее Ленин добавляет, что внимание немецкого империализма привлекали Турция и Балканский полуостров.

Можно ли после этого говорить, что германо-английская борьба за гегемонию вытекала из каких-то локальных, частичных столкновений, не из «промышленного» соперничества. Конечно нет. Отбросить «промышленное соперничество» империалистических хищников — значит искусственно отделить мировую драму, разыгравшуюся между империалистами, от того базиса, противоречия которого ее подготовили. Обратимся к рассмотрению экономического развития обеих стран.

Приведем некоторые цифры, характеризующие быстроту экономического роста Германии и других стран, начиная со времени начала формирования финансового капитала до войны. С 1887 по 1912 год увеличение выработки достигает [1]):

	Каменный уголь	Чугун	Переработка хлопка	Внешняя торговля
	(в процентах)			
Германия	193,3	350	461,5	225
Англия	62,9	—	61,5	103,2
Франция	95,2	150	163,5	98,1

По всем основным показателям хозяйства Германия развивалась по темпу значительно быстрее Англии — в 2, 4, даже 6 раз.

По размеру абсолютных величин добычи угля, размерам переработанного хлопка и внешней торговле Германия почти сравнялась с Англией, а в области добычи металла даже в два раза обогнала свою конкурентку, заняв первое место в Европе и второе в мире.

[1]) Данные взяты из работы т. Лукина-Антонова, «Очерки Германии».

Несмотря на то, что в области морского транспорта Германия развивалась быстрее Англии в несколько раз, она все же оставалась неопасной соперницей. Морской торговый флот Англии был в 4 раза сильнее германского. На долю Британской империи приходилось 47,8% всего мирового тоннажа, на долю Германии — только 12% [1]).

В области судостроения и кораблестроения «Германия стояла не только значительно ниже Англии, но и не имела никаких шансов догнать в этом отношении «владычицу морей» [2]), пишет историк Лукин. За Англией вплоть до войны оставался колоссальный перевес в тоннаже судов, которые она спускала на воду. Наконец если бы даже действительно конкуренция флотов являлась тем пунктом, в котором острее всего скрещивались противоречия обоих противников, то и тогда эта борьба являлась бы лишь отражением растущего экономического могущества стран.

Уместно сослаться на свидетельство такого авторитетного автора, как Гельферих, являющегося не просто дипломатом, но видным финансовым дельцом предвоенной и военной Германии. В своей книге [3]) он следующим образом резюмирует основную линию экономических противоречий между Англией и Германией:

«Германия проявила на экономическом поприще стремление к расширению, в котором Англия стала все более и более усматривать серьезную угрозу для своего промышленного и торгового преобладания, а следовательно, и вообще угрозу своему мировому могуществу... Во всех частях света все больше и больше проявляла себя немецкая предприимчивость; она отваживалась уже на предприятия мирового масштаба, например, на предприятия по сооружению железных дорог и портов, считавшиеся до того времени исключительным достоянием Англии и, пожалуй, еще Франции».

И хотя это было «мирное» экономическое соревнование, но именно оно являлось

«решающим фактором в установлении политических взаимоотношений между Германией и Англией и образовании, в силу этих отношений, мировой коалиции, направленной против Германии».

Опираясь на свою развитую индустрию, Германия успешно конкурировала с Англией, особенно на материке Европы. Англия имела колоссальные колонии и огромный флот, поэтому конкуренция на Востоке, в Азии и других частях света для Германии была затруднена. Но в Европе немецкие товары все больше вытесняли английские. Англия реализовала в Европе только 38%, а Германия — 76% своего экспорта. Мало того, в самой Англии Германия реализовала 11% всего экспорта. Хотя мировой рынок был и велик, но он с каждым годом сжимался для Англии. Германия вытесняла свою соперницу с материка Европы все больше, и недалеко было то время, когда при помощи растущего флота немецкие товары начали бы прокладывать свой путь в английские колонии. Германия могла расширять свой экспорт только за счет захвата чужих рынков

[1]) Акад. Тарле. «Европа в эпоху империализма», стр. 291.

[2]) Н. Лукин-Антонов. «Очерки по новейшей истории Германии», стр. 130.

[3]) К. Гельферих. «Накануне мировой войны», стр. 35. Подчеркнуто нами.

сбыта, так как она владела чрезвычайно незначительными и бедными колониями. В начале 80-х годов XIX столетия, когда Англия и Франция были величайшими колониальными странами, Германия еще совсем не имела колоний. После этого она деятельно занялась колониальными грабежами. Однако мир уже почти весь был поделен, незахваченными остались только плохие куски. Без большого флота, без войны и передела мира Германии нельзя было отнять колонии у великих стран, поэтому она оставалась перед войной самой «бедной» колониями страной. У Англии площадь колоний была больше метрополии в 94 раза, у Бельгии — в 80, Франции — почти в 25 раз, а у Германии только в 5 раз, да и те находились в пустынных частях Африки. Ее колонии играли ничтожную экономическую роль: 0,5% по экспорту и импорту, тогда как Англия 25% своего импорта и 29,5% экспорта реализовала в колониях [1]). Внимание немецких империалистов было сосредоточено на колониях, но получить их можно было только путем передела мира, путем империалистической войны.

«Мы не можем переносить больше положение, — писал один из идеологов немецкого империализма, — при котором весь мир станет владением англичан и французов, русских и японцев. Мы не можем также верить, что только мы одни должны довольствоваться той скромной долей, которую уделила нам судьба 40 лет назад. Времена изменились — и мы не остались теми же» [2]).

Другой идеолог империализма Трейчке связывал судьбу Германии, как великой нации, с вопросом о колониях. Германия деятельно готовилась к исправлению этой «исторической» несправедливости. Накануне войны она обладала лучшей армией, но сухопутная армия предназначалась против других соседей. С Англией надо было воевать на море, поэтому со времени прихода адмирала Тирпица в морское министерство начинается лихорадочный рост военного флота. За промежуток 1899/1900 г. по 1913/1914 г. морской бюджет Германии вырос более, чем у других стран [3]):

	Проценты		Проценты
Россия на	288	Франция на	175
Англия »	186	Германия »	375

Быстрое вооружение Германии стимулировало вооружение других стран и в первую очередь Англии, так как Германия строила флот против нее. Однако на протяжении одного десятилетия, с 1904 по 1914 г., соотношение флотов явным образом стало меняться в пользу Германии, имевшей после Англии самый сильный флот. Англия делала несколько предложений ограничить рост морского вооружения. В феврале 1912 года морской министр Хольдэн приезжал в Берлин для соглашения с немецким правительством по вопросу о вооружениях. Германия соглашалась на сокращение вооружений лишь при условии, если Англия обяжется держать нейтралитет не только тогда, когда на Германию нападут, но и «если Германию вынудят к войне» [4]). Эти условия не были приняты в Англии. Она соглашалась дать обязательство не участвовать в высту-

[1]) Н. Суханов. «Мировое хозяйство накануне и после войны», стр. 12.
[2]) Б. Ишханян. «Развитие милитаризма и империализма в Германии», стр. 25.
[3]) «Россия в мировой войне», стр. 97. Морские бюджеты государств.
[4]) Акад. Тарле. «Европа в эпоху империализма», стр. 214 и 215.

плениях против Германии, «не будучи к тому вызванной», и не принадлежать к соглашениям, преследующим ту же цель. Германия не видела в таком договоре достаточной для себя гарантии, а потому переговоры окончились впустую. Тогда Англия объявила, что она будет строить новых дредноутов на 60% больше, чем Германия, какую бы программу та ни имела. Таким образом экономический конфликт приводил к росту вооружений. Обе страны деятельно готовились путем вооруженной борьбы свести свои счеты и решить вопрос о мировом господстве. Но все же германский военный флот оставался примерно в 2 раза слабее английского. Поэтому Англия оставалась вне досягаемости немецкой мощи. Германия имела первую в мире сухопутную армию, но с Англией воевать надо было на море. С проведением Багдадской железной дороги сделалось возможным напасть на английские колонии с суши, опираясь на плацдарм Турции. Благодаря этому пути Германия ставила под удар и Индию и Египет. И Германия и Англия в одинаковой мере понимали важность этого пути, поэтому переговоры о нем тянулись так долго. Окончательно вопрос разрешился после того, как Германия договорилась в 1910 г. с Россией относительно этого вопроса. Германское правительство видело в Багдадской дороге «возможность весьма значительного расширения всемирно-экономического положения Германии», пишет Гельферих, один из главных воротил этого дела. Именно поэтому она наткнулась на стену сопротивления и интриг со стороны англо-французской политики. Вслед за первым открытым участком в 200 километров, летом 1908 года Германия окончательно договорилась с Турцией относительно дальнейшей постройки 800 километров пути. Однако переговоры с Англией затянулись на ряд лет. Уже до этого Англии удалось значительно обезвредить немецкую затею, так как дорога не получала выхода к Персидскому заливу. Ее конечным пунктом был намечен город Басра. Кроме того немцам пришлось согласиться на участие английского капитала в предприятии и предоставить два места англичанам в управлении дороги. Англия заключила еще соглашение с турецким правительством относительно развития судоходства на турецких реках. В этом деле гегемония целиком была за английским капиталом, хотя и немцы имели свою долю. Только к 1914 году, буквально накануне войны, все спорные вопросы между Англией и Германией были окончательно разрешены, в значительной мере в пользу Англии.

Таков в самом общем виде конфликт между главнейшими конкурентами.

в) ФРАНКО-НЕМЕЦКИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ.

Противоречия между Францией и Германией были ясно осязаемы. Прежде всего французская буржуазия стремилась взять реванш за разгром 1871 года и возвратить потерянные провинции. Представители французской металлургии аппетитно посматривали на Рур, мечтая завладеть богатейшим центром немецкой индустрии и подкрепить свою металлургию угольной базой, которой ей нехватало. Слабейшим пунктом французского империализма было отсутствие угля. «Обладая 25% количества железной руды всего мира, — пишет Жак Садуль, — она не имеет и 1% мировых залежей каменного угля».

После Версальского мира запасы руды у Франции увеличились на 100% и угля на 40%. Это довольно значительное приобретение. Борьба Франции

с Германией принимала в первую очередь характер столкновения королей металлургии.

Сильная могущественная Германия, великолепно вооруженная, явилась для Франции опасным соседом. Поэтому еще на заре империализма Франция бросилась в объятия царской России, закрепив свои отношения договором в 1892 году. Французская буржуазия щедро субсидировала царское правительство, выполнявшее за это роль сторожевого пса на германской границе. Поэтому конфликт между Германией и Францией, расширяясь, неминуемо захватывал и Россию. Война против Франции была равносильна войне с другой соседкой. Германия это понимала и готовилась к борьбе на два фронта. Именно так разрабатывалась стретегия войны Шлиффеном и его преемником Мольтке.

Кроме борьбы между королями тяжелой индустрии — Круппом и Шнейдером — интересы обеих соседок — Франции и Германии — постоянно встречались на поле колониального грабежа. Особенно в XX веке, когда Германия втянулась в активную колониальную политику, а Франция прибирала к своим рукам Марокко. Марокканский конфликт является типичным колониальным конфликтом между соперниками. Два раза Европа находилась на грани войны.

Французский посланник в России М. Палеолог.

Франция в течение ряда лет подготовляла захват Марокко, добивалась уничтожения его суверенитета. Первое соглашение Франции с Англией, по которому «интересы» Германии совершенно игнорировались, последняя отказалась признать. Вильгельм объявил себя другом султана и защитником свободы народов. На Алжезирасской конференции, где, по требованию Германии, обсуждался марокканский вопрос, хотя и были признаны экономические интересы Германии в Марокко, но в целом вопрос решился в пользу французов. Точка зрения немцев поддерживалась только представителем Австро-Венгрии. Второй конфликт из-за Марокко был значительно острее. Франция нарушила постановления Алжезирасской конференции и фактически уничтожила самостоятельность Марокко, ввела там свой протекторат. Германия демонстрировала свой протест не только дипломатическими нотами, но и посылкой военного судна в гавань Агадир. Только решительное заявление Ллойд Джорджа, что Англия во время конфликта встанет на сторону Франции, усмирило военную спесь Германии, и последняя пошла по пути мирного решения конфликта. От Марокко Германии пришлось все же отказаться. В качестве компенсации своих претензий Германия получила колониальные владения в Центральной Африке, которыми представители немецкого империализма остались недовольны.

Характерно, что за несколько лет до войны Германия сталкивается сильнее всего с Францией, а главный ее конкурент — Англия — держится несколько в тени. Только в решительный момент выступает английская дипломатия,

властно решая дело и заставляя немцев отступать и несколько охлаждать свой воинственный пыл.

Развитие противоречий между Францией и Германией показывает еще раз, что главной движущей силой политики являются интересы империалистической буржуазии, расширявшей сферу своего колониального угнетения.

г) РУССКО-ГЕРМАНСКИЙ КОНФЛИКТ. РОССИЯ И ПРОЛИВЫ.

Конфликт между Россией и Германией нельзя анализировать, не говоря в то же время об отношении России к Австрии и Турции, как нельзя говорить о «цели войны России», не упоминая о Константинополе. Главным призом «будущей» войны царское правительство считало захват Константинополя и проливов, при помощи которых должно было укрепиться экономическое и политическое влияние России на Ближнем Востоке: старая традиционная цель русской дипломатии, к достижению которой самодержавие стремилось больше чем в течение 100 лет. В. И. Ленин блестяще охарактеризовал ближневосточную политику России, ее основной стержень:

«И к завоеванию Константинополя, и к завоеванию все большей части Азии царизм стремился веками, систематически проводя соответствующую политику и используя для этого всячески противоречия и столкновения между великими державами» [1]).

Захватническая политика царизма сталкивалась в Турции с политическими интересами Германии и Австрии, значительно усиливая экономические противоречия. Политика оказывала обратное действие на экономику.

Между Россией с одной стороны, Германией и Австрией, с другой, были серьезные экономические противоречия и конфликты. Эти противоречия не ограничивались только борьбой за выгодную реализацию продуктов русского сельского хозяйства на германском рынке. Они были гораздо шире, чем противоречие между русским торговым капиталом и прусским юнкером. Торговля хлебом с развитием банкового капитала перестала быть привилегией купеческого капитала. Экспорт и импорт находились в руках банкового капитала, поэтому в борьбу за выгодные условия экспорта русского хлеба в Германию втягивались и представители финансового капитала. Все же по линии сельского хозяйства сталкивались больше всего интересы прусского юнкера и русского помещика. Таможенная борьба за пошлины на хлеб временами достигала особенной остроты. Так еще при заключении торгового договора в 1894 г. дело дошло до настоящей таможенной борьбы. Следующий торговый договор был заключен в обстановке невыгодной для самодержавия: поражение в войне с Японией, развитие революционного движения внутри страны значительно обессилили царизм и заставили его пойти и на большие экономические жертвы в пользу Германии. Ввозные пошлины на хлеб попрежнему остались очень высокими. Поэтому экспорт продуктов сельского хозяйства внутрь Германии не возрастал, зато с каждым годом вырастал немецкий экспорт внутрь России. В 1913 г. из Германии было ввезено в Россию жизненных припасов на 54,5 млн. руб., что заставляло особенно возмущаться наших аграриев. Это—

[1]) Ленин, т. XIII, стр. 387.

одна линия противоречий России и Германии. С другой стороны, выгодные условия экспорта в Россию немецких промышленных товаров затрагивали интересы промышленной буржуазии. Предвоенный германский экспорт в Россию составлял более 652 млн. руб. Пассив торгового баланса с Германией достигал накануне мировой войны 200 млн. руб. Покрытие его поглощало почти весь актив внешней торговли. Особенно резкие противоречия во внешней торговле России и Германии были по графе промышленных изделий.

Наш промышленный экспорт в Германию выражался в ничтожной цифре 6 млн. руб., а импорт из Германии — 299,8 млн. руб., т. е. в 50 раз более. Немецкие промышленные изделия были широко известны по всей России и вытесняли с рынка английские и другие изделия своей доброкачественностью и дешевизной. Из года в год возраставший немецкий импорт в Россию сильно бил по карману русскую буржуазию. Поэтому так кричали о германском засилье. Председатель Совета съездов промышленности и торговли, глава крупнейшей организации буржуазии — Авдаков, стращал накануне мировой войны опасностью превратиться в немецкую колонию. Конечно, в этом заявлении было громадное, и притом сознательное, преувеличение, так как в борьбе против немецкого «засилья» деятельное участие принимал англо-французский капитал, интересы которого в борьбе против Германии совпадали с интересами русской буржуазии. Все же бесспорно, что между русским и германским капиталом было серьезное противоречие. Основа этого конфликта заключалась не только в сильной позиции, которую занимал немецкий промышленный и финансовый капитал внутри России, но и в том, что «интересы» растущего русского империализма встречались с германским империализмом в Турции и вообще на Ближнем Востоке.

В борьбе с Германией у помещика и буржуазии России был единый фронт со всей Антантой. Опираясь на своих союзников — Англию и Францию, царизм собирался «разбить Германию в Европе, чтобы ограбить Австрию (отнять Галицию) и Турцию (отнять Армению и особенно Константинополь)». (Ленин.) Русско-германский конфликт являлся, следовательно, конфликтом русско-австро-турецким. Русский царизм и империалистическая буржуазия намеревались поживиться в первую очередь за счет двух последних стран (Австрии и Турции). Ближневосточная политика царизма с средины XIX столетия всегда встречала сопротивление со стороны Австрии. Последняя, в свою очередь, всячески стремилась укрепить свои позиции на Балканах, скушать Сербию и т. д., преграждая тем самым путь аннексионистским стремлениям России. Однако не следует преувеличивать значения Австрии. Последняя являлась в значительной мере послушным орудием в руках Германии, которая, используя Австрию, продвигалась к завоеванию Ближнего Востока. Поэтому борьба России за Черное море и Константинополь была фактически с Германией, конфликт с которой выходил за пределы интересов торгового капитала.

Как правильно пишет М. Н. Покровский,

«вопрос даже о Константинополе приходится далеко расширить за пределы влияния русского хлебного вывоза и торгового баланса в 1912—1913 гг. Это был большой вопрос русского империализма, зревший по мере того, как зрел последний» [1]).

[1]) Книжка Каутского, вводная статья Покровского, стр. 13.

В 1913 году через проливы прошло 60% морского и 46% общего экспорта России [1]).

Следовательно, вопрос о проливах затрагивал интересы не только русского зернового экспорта, — хотя через проливы экспортировалось более 80% всего зерна, — но и всей системы русского капитализма. Отлично понимая экономическое значение проливов для России, министр иностранных дел Сазонов докладывал царю: «Проливы в руках сильного государства — это значит полное подчинение экономического развития всего Юга России этому государству». Турция таким государством не являлась. За исключением нескольких месяцев 1912 года проливы все время были открыты, но Германия с каждым годом усиливалась на Ближнем Востоке, подчиняя Турцию себе. Понятно, Россия должна была торопиться, чтобы не «опоздать».

Мы уже сказали, что экономической базой ближневосточной русской политики было не только земледелие, но и промышленный капитал. Захват проливов шел навстречу интересам растущего империализма.

Русский империализм складывался как раз после русско-японской войны, особенно во время предвоенного промышленного подъема. Он нуждался во внешних рынках. Поступательное движение на Дальний Восток было остановлено благодаря поражению в войне с Японией. Единственным рынком сбыта являлся Ближний Восток, где русская индустрия имела еще возможность конкурировать с английскими и немецкими товарами. Собственно русский империализм добивался при помощи царизма монопольного положения на турецком рынке. После раздела сфер влияния в Персии с Англией русские капиталисты оценили благодетельные результаты монополии: за несколько лет промышленный экспорт России в Персию увеличился вдвое. Дело шло гораздо более быстрым темпом, чем развивался внутренний рынок в результате столыпинщины. Поэтому русская буржуазия так поддерживала внешнюю политику царизма против Турции и Германии, поощряя стремление царизма забрать «ключи для поступательного движения в Малую Азию и для гегемонии на Балканах» в собственный карман.

К началу войны русский промышленный капитал значительно укрепился на Востоке. Мануфактура, сахар и спирт прочно завоевывали персидский рынок, керосин — египетский и турецкий. Слабее были позиции тяжелой индустрии. Без особого покровительства она не могла его завоевать. Требовалось решительное вмешательство правительства, завоевание Турции, что открыло бы блестящую перспективу для развития промышленного капитала. Русский капитализм, несмотря на быстрый темп своего развития, всегда страдал от недостатка внутреннего рынка. Столыпинщина отчасти разрешила эту проблему, но только отчасти. Подкрепление столыпинщины путем расширения колониального владения не на Дальнем Востоке, а можно сказать «дома», по соседству с Украиной и Кавказом, превращение Черного моря в русское озеро весьма улыбалось и русскому аграрию и еще более промышленной буржуазии.

---

[1]) Гурко-Кряжин. «Ближний Восток и державы», стр. 44.

Ленин блестяще понял происшедшую перегруппировку сил в результате развития империализма и сумел объяснить и показать это «единство» интересов различных классов в ближневосточной политике царизма. Активную политику России на Балканах он объясняет тем, что на этом

«сошлись, как известно, «Новое время» и «Речь». А это значит, что сошлись крепостники-помещики и реакционно-националистические правящие круги, с одной стороны, и, с другой стороны, наиболее сознательные, наиболее организованные круги либеральной буржуазии, давно уже тяготеющие к империалистской политике» [1]).

Это объяснение Ленина коренным образом отличается от той точки зрения, которая все сводит к иностранному капиталу, заполонившему и нашу промышленность и подчинившему якобы себе политику царизма. Ленин подчеркивает самостоятельные задачи, которые ставили крепостники-помещики и империалистическая буржуазия России.

В XIX столетии интересы сельскохозяйственного экспорта — торгового капитала в широком смысле этого слова, — определяли нашу политику в отношении Турции. В XX веке они не утратили своего значения, но наряду с ними выдвигаются интересы промышленности. Борьба за «торговые пути» в XX веке укладывается исторически в рамки старой русской политики, — политики Екатерины и Николая I, но в качестве экономической пружины этой политики значительную роль начинают играть интересы промышленного и финансового капитала.

Торговый капитал потерял экономическую гегемонию в хозяйственном развитии страны. Ведущим началом стал промышленный капитал. Полукрепостническое самодержавие сделало ему уступку в столыпинщине, создав тем самым предпосылки для третьеиюньского блока.

«Третья Дума, — пишет Ленин, — есть политически оформленный, общенациональный союз политических организаций помещиков и крупной буржуазии. Царизм делает попытку решить объективно-необходимые исторические задачи при помощи организаций этих двух классов» [2]).

Вступив в союз с верхами торгово-промышленной буржуазии, крепостники-помещики и самодержавие принуждены были больше, чем раньше, считаться с интересами промышленности. И во внешней политике это особенно легко было сделать, потому что они совпадали с интересами «феодального империализма», т. е. царизма, и стоящим за ним классом крепостников-помещиков. В борьбе за проливы мы имеем полное совпадение интересов как аграриев, так и промышленников, другими словами, — торгового и промышленного капиталов. Таким образом русско-турецкий конфликт, который можно назвать и русско-германским, встречал в России единый фронт, начиная от ярых консерваторов и кончая «либеральными» кадетами. Недаром Ленин писал, что «в области иностранной политики кадеты

---

[1]) Ленин, т. XII, ч. 2, стр. 182. Подчеркнуто мною, *А. С.*

[2]) Ленин, т. XI, ч. 1, стр. 248.

уже давно являются правительственной партией». Позднее лидер партии Милюков сам признался в этом, заявив, что он поддерживал общий курс политики Сазонова, не одобряя только его излишнюю уступчивость Антанте. Это показывает, что партия российского империализма шла единым фронтом в борьбе против Германии и Турции с крепостниками, следовательно, война 1914 года была империалистической не только со стороны Германии, Англии, но и со стороны России. Своеобразие ее заключается лишь в оригинальном переплетении империалистических интересов с «феодальным империализмом», что имело место у нас.

Мы изложили основные противоречия между важнейшими странами обеих воевавших коалиций. Эти противоречия с неизбежной логикой приводили к войне, вызывали ее. Англия старалась удержать свое мировое господство, властвовать над громадными и богатейшими колониями и «защищалась» от нападавшей Германии, а потому вооружалась. Германия вооружалась, чтобы «перераспределить» мировые колонии, отхватить кусок от России, поработить свою союзницу Турцию. Россия «заживо» делила Турцию и Австрию и собиралась округлить свои владения на западе за счет Германии.

Такие же захватнические и империалистические соображения определяли политику Австрии и Франции. Весь клубок этих противоречий сильнее всего обнаруживался на Балканах и в Турции, ибо там интересы переплетались не только между членами тройственного союза и Антанты, но и у отдельных членов одной и той же коалиции. Англия боялась усиления Германии на Востоке, но ни за что не хотела видеть там и Россию. Германия поощряла захватнические цели своей союзницы Австрии на Балканах, но опять-таки до определенных пределов, и т. д. Усиление влияния какой-либо страны рассматривалось как серьезное поражение другой. Австрия смотрела за Россией, чтобы она не усилилась путем союза с мелкими государствами; Россия же старалась охранять независимость их, чтобы иметь опору в борьбе против Австрии и Турции. В случае даже мелкого конфликта в дело должны были вмешаться государства, которые сами не имеют никаких интересов, но обязаны поддерживать своего союзника.

Таким образом еще за несколько лет до начала мировой войны Балканы и проливы сделались пороховым погребом, который грозил взорвать весь мир от первой попавшейся искры. Все это понимали, а поэтому готовились произвести взрыв в такой обстановке, которая оказалась бы наиболее невыгодной для врагов.

д) АНТАНТА И ТРОЙСТВЕННЫЙ СОЮЗ.

Соответственно шла и дипломатическая подготовка мировой войны.

Коалиция держав, выступивших против Антанты — тройственный союз — образовалась еще в доимпериалистический период развития капитализма, в конце 70-х годов (союз Германии с Австрией в 1879 г., с Италией в 1882 г.). Россия в 80-х годах окончательно рассорилась со своей бывшей союзницей Германией и была одинока. Причина конфликта заключалась в конкуренции между русским и немецким сельским хозяйством. Аграрный кризис сильно ударил по карману прусского юнкера, на помощь которому пришло правительство, поднявшее таможенные сборы на рожь и пшеницу. Этого было достаточно, чтобы

отношения между двумя монархиями испортились. «Но основной смысл конфликта, соперничество русского и прусского помещика и борьба на хлебном рынке, — пишет М. Н. Покровский, — было только подчеркнуто лишний раз самым последним из эпизодов, предшествовавших русско-германской войне» [1]). Кроме того царизм нуждался в громадных деньгах, надо было реализовать внешние займы. Расцвет промышленного развития Германии поглощал все капиталы страны. На получение миллиардов в Германии царизму рассчитывать было нельзя. Больше того: Бисмарк приказал выбросить на биржу русские ценные бумаги, которые благодаря этому сильно обесценились. Все это, естественно, толкало Россию в объятия Франции, открывшей широкий кредит царизму и искавшей союзников. Соглашение России с Францией произошло на 10 лет позднее, чем оформился тройственный союз. Англия в это время имела свободные руки и не примыкала ни к одной коалиции. Она сохраняла еще за собой мировое господство. Но быстрое экономическое усиление Германии делалось все более опасным для Англии, и последняя стала более интересоваться европейской политикой и подбирать себе союзников. Однако заключению союза с Россией мешали противоречия между этими странами на Востоке. Россия вела активную дальневосточную политику и одновременно подготовляла захват проливов. «Если обратить внимание на двухвековую историю наших отношений с Англией, то она представляется в виде бесконечной цепи политических недоразумений, взаимного подозрения и тайных и явных враждебных действий». Так характеризует русско-английские отношения бывший руководитель внешней политики России, царский министр Сазонов, один из главных виновников империалистической бойни.

Английский посол в России Д. Бьюкенен.

Надо было иметь большую смелость и настойчивость, чтобы векового врага превратить в своего союзника. Такая задача была по плечу только английской дипломатии, способной, когда надо, отвлечься от мелочей, пойти на серьезные экономические уступки, чтобы добиться реализации своих широко задуманных планов. По отношению к России в начале XX века Англия провела блестящий стратегический план. В 1902 году она заключила союз с Японией. «Этот союз, — пишет академик Тарле, — был, конечно, прямым прологом к войне Японии с Россией. Япония делала этой войной не только свое, но и английское дело». Дальневосточная авантюра произошла при активном участии английской и германской дипломатии. Россия подталкивалась Германией, а Япония Англией. Германия старалась обезопасить свою восточную границу, а Англия—ослабить своего врага на Востоке. Оба эти расчета блестяще оправдались. Германия просчиталась только в одном: ей не удалось заключить союз с Россией, поссорить ее с Францией и совсем оторвать от союза с Англией. Между тем английская

[1]) М. Н. Покровский. «Русская история», т. IV, стр. 271, изд. 4-е.

дипломатия подготовляла первый удар по Германии: 8 апреля 1904 года она заключила соглашение с Францией. Готовясь к борьбе с Германией и запасаясь союзниками, Англия пошла на большие уступки своей новой союзнице: она уступила ей Марокко и произвела размежевание интересов во всех колониях.

Путем материальных жертв английская дипломатия стремилась осуществить свой грандиозный план: образовать под своей гегемонией кольцо из враждебных Германии государств. Сазонов пытается отрицать в своих воспоминаниях о войне «немецкое окружение», но вся его книжка в целом убеждает в этом. Заключительным звеном этого плана было привлечение России в союз против Германии, что и было выполнено в 1907 г.

Англия рассчитала хитро: она сперва дала возможность Японии разгромить Россию, сделала ее неопасным себе конкурентом на длинный ряд лет, а после этого превратила ее в своего союзника. Вековая борьба России и Англии прекратилась, так как были улажены все спорные вопросы. Англия дала возможность своему союзнику получить лакомый кусок. Был произведен раздел Персии, по которому Россия получила львиную долю. Было достигнуто соглашение относительно Тибета и Афганистана. В общем надо оценивать это соглашение, как чрезвычайно выгодное для России. Через несколько лет после него русский промышленный экспорт в Персию удвоился, а экспорт Англии уменьшился. Но, идя на частичные уступки, Англия сумела добиться главного, основного, привлечь Россию в русло своей антинемецкой политики. Причем это было достигнуто задолго до финансового и экономического покорения России антантовскими капиталами, о чем обычно так много пишется теперь в литературе. Наоборот, после заключения союза с Англией ее капиталы широкой рекой хлынули в русскую нефтяную промышленность.

В 1907 году образование Антанты было закончено. Был создан инструмент войны. Совершенно понятно, что без Англии Россия и Франция никогда не решились бы вести наступательную политику против тройственного союза и Турции. Заключение союза с Россией дало в опытные руки английской дипломатии огромную силу, которой она стала играть против своего противника. «Для меня представляется несомненным, что соглашение 1907 года устранило многие препятствия к участию Англии в борьбе против Германии на стороне России» [1]). Вернее сказать, обратно.

После образования Антанты Европа оказалась разделенной на две группы враждовавших государств, соперничество которых неизбежно вело к мировой войне. Главные противники готовили силы к предстоящей войне. Адмирал Колчак рассказывает в своих показаниях, что он в 1907 году пришел к выводу о неизбежности европейской войны и что русские военно-морские специалисты уже тогда готовились воевать на стороне противников Германии. Ориентация России определилась окончательно после заключения договора с Англией в 1907 г.

Промежуток между образованием Антанты и началом мировой войны наполнен острейшей борьбой между отдельными странами, которая неизбежно вела к столкновению обеих коалиций. Первый конфликт произошел между

---

[1]) С. Д. Сазонов. «Воспоминания», стр. 25, Париж 1927 г.

Австрией и Россией. В 1908 г. Австрия произвела аннексию Боснии и Герцеговины (на что Россия давала свое согласие, думая, что Австрия не будет противиться захвату проливов). Австрийский министр Эренталь обвел Извольского вокруг пальца. Россия протестовала против аннексии и не соглашалась ее признать. Тогда Германия предъявила России ультимативное требование признать эту аннексию. Она поддержала свою союзницу «всем весом ее международного влияния», и Россия должна была согласиться. Союзники не были настроены поддерживать ее «до конца». Воевать Россия все равно не могла: ни политические, ни финансовые, ни военные условия не позволяли немедленно принять участие в войне. Это была значительная дипломатическая победа Австрии, повергшая тогдашнего министра иностранных дел России Извольского в уныние. В значительной мере этот факт является причиной его ухода из министров, хотя его преемник Сазонов держался в политике курса своего предшественника. Позиция Австрии на Балканах значительно усилилась, а царское правительство носило все время камень против своей соседки.

Следующий этап борьбы между двумя коалициями выразился в столкновении Франции и Германии из-за Марокко, о котором говорилось выше. Потребовалось решительное заявление Англии, чтобы Германия отступила. В какой мере Россия являлась активной стороной, подготовлявшей войну благодаря своим претензиям на Константинополь и проливы, — покажет дальнейшее изложение.

Революционные потрясения 1905—1907 гг., разгром армии и флота в русско-японской войне лишили русскую дипломатию необходимой экономической и военной базы. Без их помощи и опоры язык дипломатических нот потерял всякую убедительность. Россия на ряд лет потеряла возможность вести активную политику. Несмотря на явное бессилие России, Извольский уже в 1908 году выдвигает проблему проливов на первый план. По его мнению, отказ России от вмешательства в надвигающиеся осложнения приведет к тому, что «мы не будем великой державой». Столыпин выступил решительным противником «авантюры» наступательной политики, которая может быть только «бредом ненормального правительства» и представляла бы прямую угрозу «династии». Он прямо заявил, что в руках нашей дипломатии «теперь рычаг без точки опоры». Именно поэтому в эти годы дипломатия без «опоры» терпит ряд серьезных поражений. К 1911 году политическое и экономическое положение страны значительно крепнет, и мы видим, как опять мысль о проливах становится руководящей линией нашей внешней политики.

Постепенно царское правительство убеждается в невозможности без войны, даже европейской, получить проливы. Попытка путем частичного соглашения с Австрией и Италией добиться их захвата кончилась самым печальным образом. Поэтому приходилось надеяться на союзников, на их помощь России. В это время германская дипломатия попробовала расколоть тройственное согласие, перетянув Россию на свою сторону. Первая попытка такого рода была произведена в 1905 году, когда Николай и Вильгельм подписали соглашение в Бьорке о союзе России, Германии и Франции. Благодаря вмешательству Витте этот договор был Николаем нарушен. Следующее предложение о соглашении с Россией Германия сделала в 1909 году. Смысл соглашения сводится к тому,

что Россия должна соблюдать нейтралитет в случае нападения Англии на Германию, а в качестве компенсации за это «Германия окажет России деятельную дипломатическую поддержку в видах желательного для последней решения вопроса о проливах».

Повторное предложение было сделано в следующем году, во время свидания Николая и Вильгельма в Потсдаме. Несмотря на соблазнительность предложения, Россия отказалась менять союзников, заключив лишь договор о Багдадской железной дороге. Она стала готовиться к вооруженному захвату проливов и к европейской войне. Агрессивность России по отношению к Турции с каждым годом увеличивалась. В 1912 году военные настроения во Франции и России повышаются, так как к власти приходит Пуанкаре, ставленник магнатов тяжелой индустрии, который в январе 1913 года избирается президентом республики.

Русский посол в Париже Извольский с дрожанием рук писал Сазонову по поводу выборов Пуанкаре: «Если, не дай бог, Пуанкаре потерпит поражение, это для нас будет катастрофой». Пуанкаре был избран, и это сразу усилило позицию сторонников войны как в России, так и во Франции. Во время конфликта России с Турцией Николай советовал Сазонову «пригрозить туркам» посылкой Черноморского флота.

В 1913 году стало совершенно ясно, что война может разразиться каждую минуту. В особом совещании, созванном 31 декабря 1913 года, слышны были другие речи, чем ранее. Захватнические намерения Сазонова находят подкрепление в заявлении военного министра и начальника генштаба, которые «категорически заявляют о полной готовности России к единоборству с Германией, не говоря уже о столкновении один на один с Австрией» [1]). Но в такое единоборство никто не верил, а потому, заканчивает представитель военного ведомства, «дело придется иметь со всем тройственным союзом».

На том же совещании решили применить «способы давления» к Турции, которые могут вызвать мировую войну с Германией, лишь при наличии активной поддержки союзников. В своих прилизанных воспоминаниях Сазонов об этом «совещании» ничего не рассказывает. Он останавливается только на совещании 8 февраля 1914 года, из которого он ушел «с безотрадным впечатлением нашей полной военной неподготовленности» к захвату проливов.

В совещании 8 февраля 1914 года вопрос о завладении проливами обсуждался лишь с точки зрения практического проведения этого мероприятия в жизнь. На совещании все отлично представляли, что захват Россией проливов невозможен без общей европейской войны. Она подразумевалась как необходимое дополнение этого акта. Речь шла лишь о наиболее верном пути захвата и о стратегическом плане операции. В то время, как генерал Жилинский считал возможным завладеть проливами только через Берлин и Вену — «ибо успешная борьба на западной границе решит благоприятно и вопрос о проливах», начальник морского генерального штаба считал, что победа на западе не даст нам проливов и Константинополя. «Их могут занять чужие флоты (читай союзнические. *А. С.*) и армии, пока будет происходить борьба на нашей западной границе» [2]).

---

[1]) Вестник НКИД № 1, 1919 г. Журнал Особого совещания 31 декабря 1913 г., стр. 30.

[2]) Там же, Журнал Особого совещания 8 февраля 1914 года, стр. 35.

Все это показывает, в какой мере разговоры о нападении на Россию со стороны Германии были чистейшим вымыслом, так как царское правительство само готовилось к нападению на своего врага. Своей политикой царизм неизбежно вел к европейскому конфликту. Поведение других «великих» государств также вело дело к роковой развязке. Достаточно остановиться лишь на наиболее рельефных фактах борьбы европейской дипломатии за 2—3 года до начала войны.

В 1912—1913 гг. происходят две войны на Балканах, которые надо рассматривать как репетицию мировой войны. К войне 1912 г. славян против турок Россия приложила свою руку. Ей помогала Франция. Из Балканских государств образовали союз, острие которого направлялось против Турции и Австрии. Легко разбив турок, «союзники» подрались между собой при дележе добычи. Австрия и Италия, при поддержке Германии, проявляли живейший интерес к этому дележу и всячески препятствовали созданию сильного госу-

Эссен. Общий вид Крупповских заводов.

дарства на Балканах. В 1912 году Германия отказалась от предложения Англии сократить морские вооружения, а в следующем году происходит громадное состязание в росте вооружений между Германией и Францией. Отмечая 25-летний юбилей Вильгельма, немецкая буржуазия вотировала свыше 1 миллиарда золотых марок на улучшение вооружения и на усиление армии, состав которой увеличивался больше чем на 100 тысяч человек. Это было прямым вызовом России и Франции. Последняя приняла его и через несколько недель после германского решения, 19 июля 1913 года, за год до мировой войны, провела через парламент закон о трехлетней военной службе, увеличивая тем самым состав своей армии на 50%.

Осенью 1913 года Вильгельм разговаривал с бельгийским королем Альбертом о пропуске немецких войск через Бельгию для нападения на Францию. Этот разговор делается известен членам Антанты. Почти аналогичное происходит в лагере противников Германии. Английский король обещает русским дипломатам пускать во время войны ко дну немецкие торговые суда. Франция

отпускает кредиты России на постройку стратегических железных дорог против Германии. В 1914 году реализован был первый железнодорожный заем на 665 млн. франков, на каковую сумму французское правительство обязалось предоставлять ежегодные займы в течение пятилетия. Это мероприятие оказалось запоздалым. Новых железных дорог построить не удалось.

По линии военной между членами тройственного согласия также заметно взаимное сближение. Представители генеральных штабов России и Франции ежегодно съезжались для обсуждения общего плана действий против Австрии и Германии. С Англией Россия договорилась о заключении морской конвенции, которая согласовывала действия флотов. Франция также имела специальную конвенцию с Англией, о существовании которой знало лишь несколько членов правительства. Тихой сапой взрывался мир. Таковы факты, свидетельствующие о поведении империалистов перед войной. Обе коалиции держав деятельно готовились к ней и провоцировали ее.

е) ПОСЛЕДНИЕ ДНИ ПЕРЕД ВОЙНОЙ.

Выстрел в Сараеве, которым был убит наследник австрийского престола, сразу показал, что дело идет к мировой войне. Исследованием М. Н. Покровского установлено, что убийство произошло с ведома сербской охранки и по наущению из России, которая провоцировала войну. Но, с другой стороны, Австрия и Германия хотели того же. Об этом свидетельствует их поведение в те роковые дни, которые пережил мир после предъявления ультиматума Сербии, до объявления Германией войны России. Австрийский император Франц-Иосиф сразу повел дело к «умалению Сербии», как он писал Вильгельму. Немецкий посол в Вене, Чиршка, желавший предостеречь свою союзницу «от необдуманных шагов», получил нагоняй от Вильгельма, который сам сделал при чтении его донесения пометки: «Кто его уполномочил на это? Это очень глупо» и т. д. Вильгельм с самого начала дал полную свободу своей союзнице, сетуя только, что она действует слишком медленно. Наконец австрийский совет министров, ободренный поддержкой из Берлина, предъявил такие требования Сербии, которая она не могла принять, так как они уничтожали суверенитет сербского государства. Читая об этом донесении своего посла, Вильгельм делает весьма сочувственные пометки. Германия принимала все подготовительные решения на случай войны с Россией в то время, когда дипломаты заверяли друг друга о полном миролюбии. Уже составленный ультиматум медлили предъявить Сербии, ожидая, когда Пуанкаре покинет Питер, чтобы застать врагов порознь.

В своих воспоминаниях Сазонов, умный дипломат, старающийся обелить свою политику и поведение России перед войной, правильно резюмирует содержание австрийского ультиматума Сербии в следующих словах: «сломить Сербию, не считаясь с Россией». Кроме воспоминаний руководителей тогдашней политики, имеется официальный фактический материал, который показывает, что с самого начала Австрия вела дело или к войне, или к уничтожению Сербии, как суверенного государства. Если мы вспомним конфликт России с Германией в 1913 г. из-за назначения генерала Сандерса командиром турецкого корпуса в Константинополе, то станет понятно, что такая неуступчивость Австрии не-

избежно вела к мировой войне. Австрия имела столько возможностей показать свое миролюбие и кончить дело без военного вмешательства, но она не использовала ни одной. Принятие предложения о посредничестве 4 незаинтересованных держав, отвергнутого в Берлине, давало возможность локализовать конфликт. Если оно не было принято, то только потому, что в Берлине и Вене предпочитали дипломатическим разговорам на конференции более решительное средство — язык пушек.

Вильгельму, без сомнения, хорошо было известно от своего посла в Петрограде, что Россия не допустит территориального уменьшения Сербии и что намерение Австрии добиться ее «умаления» неминуемо приведет к войне с Россией. Граф Пурталес сообщал о своем разговоре с Сазоновым, который ему заявил: «Жизненные интересы России требуют, чтобы Сербия не превращалась в «вассальное государство Австро-Венгрии», «Сербия не должна стать Бухарой»[1]).

С этими заявлениями очень мало считались, так как боеспособность России германцами расценивалась не особенно высоко. Предложение Сазонова передать конфликт на рассмотрение нейтральных сторон было отклонено и в Берлине и в Вене. И все больше укреплялось впечатление, пишет бывший немецкий посол Англии, что Германия хочет войны при «всяких обстоятельствах». Однако Вильгельм хотел войны не при всех обстоятельствах. Он хотел ее при условии, что Англия будет соблюдать нейтралитет. Как только выяснилось, что придется воевать со всей Антантой, прыть немецкого императора поубавилась, но возврата назад уже не было.

Заслуживает внимания поведение Англии. Точка зрения русской дипломатии совершенно ясна. С самого начала конфликта Сазонов держался того взгляда, что дело идет к войне и другого выхода быть не может. Политика царского правительства находила полное одобрение во Франции. Но Англия держалась в тени, предоставив своим союзникам свободу действий. Она отказалась сделать заявление о решительной поддержке своих союзников, как это имело место во время франко-германского конфликта. Воспоминания Сазонова содержат дружеский упрек за это англичанам. «Одного решительного заявления о солидарности Великобританского правительства с Францией было тогда достаточно, чтобы разогнать густо собиравшиеся грозовые тучи», пишет Сазонов [2]). Если верить этому утверждению, совершенно непонятно становится поведение английской дипломатии, опытнейшей дипломатии в мире империалистов. Или она потеряла способность совершенно разбираться в событиях или, наоборот, так же хорошо понимая логику развития конфликта и его последствия, как и Сазонов, она дала ему зайти так далеко, что не было возврата к мирному его разрешению.

И в России и в Германии во главе событий стояли военные партии, сторонники быстрых решений.

28 июля (нов. стиля) Австрия объявила войну Сербии. На следующий день Россия мобилизовала 4 военных округа, мотивируя необходимостью защиты против Австрии. Надеяться в такой обстановке на возможность мирного исхода

---

[1]) Граф Пурталес. «Между миром и войной», стр. 47.

[2]) «Воспоминания», стр. 217.

мог только сумасшедший человек. Как показывают воспоминания Сухомлинова и Сазонова, они и не надеялись, а подталкивали события до их конца.

В 2 часа дня 30 июля Янушкевич, начальник главного штаба, вызвал Сазонова к себе. У него же был и военный министр Сухомлинов.

«Я застал обоих генералов в состоянии крайней тревоги. С первых же слов я узнал, что они считали сохранение мира более невозможным и видели спасение только в немедленной мобилизации всех сухопутных и морских сил империи» [1]).

Сазонов имел точно такое же мнение, поэтому и принял предложение обоих генералов уговорить Николая дать распоряжение о всеобщей мобилизации, которая уже фактически означала объявление войны. На следующий день была объявлена всеобщая мобилизация. Получив по телефону согласие Николая, Янушкевич сломал телефон, боясь, что Николай еще одумается, и отменит принятое решение.

На следующий день Германия мобилизовала армию и флот. Между Николаем и Вильгельмом продолжался еще обмен телеграммами, но никто не придавал им значения, так как после объявления Россией мобилизации, пишет Пурталес, «для меня стало окончательно ясно, что война стала уже более неотвратимой». Последняя телеграмма немецкого правительства требовала в качестве гарантии мира остановки мобилизации, на что Николай не согласился, и 1 августа (19 июля) Германия объявила войну России, а через два дня и Франции.

Немецкие войска потекли в Бельгию, через которую лежал удобный путь для нападения на Францию. Нарушение бельгийского нейтралитета явилось благовидным предлогом для вступления в войну Англии под лозунгом защиты свободы и справедливости.

---

[1]) Сазонов. «Воспоминания», стр. 242. Подчеркнуто нами.

ВОПРОСНИК-ПЛАН КО II ГЛАВЕ.

БОЛЬШЕВИКИ НА МЕЖДУНАРОДНОЙ АРЕНЕ.

I. Крах и исторические итоги деятельности II Интернационала (оппортунизм на международной арене).

1) Колониальный и военный вопрос во II Интернационале; перерастание оппортунизма в социал-шовинизм.

2) Крах II Интернационала к началу войны; тактика и лозунги социал-шовинистов в связи с их теоретической концепцией.

3) У откровенных социал-шовинистов (Плеханов, Шейдеман, Ленш, Парвус и др.).

4) У правых центристов (каутскианцев).

5) У левых центристов (троцкистов).

ЛИТЕРАТУРА.

Ленин. Собр. соч., т. XIII, «Социализм и война», гл. I.

Там же. «Русские Зюдекумы», «Крах платонического интернационала».

Там же. «Положение и задачи социалистического интернационала».

II. Большевики на мировой арене (ленинская — большевистская стратего-тактическая позиция во время войны).

1) Ленинская постановка вопроса об империализме и империалистских войнах; колониальная и национальная проблемы — критика различных уклонов справа и слева в этих вопросах.

2) О превращении империалистической войны в гражданскую; о поражении своего правительства и о праве наций на самоопределение.

3) О лозунге Соединенных Штатов Европы и возможности победы пролетарской революции и победоносного социалистического строительства. Извращение оппозиционным блоком 1927 г. ленинской трактовки этих вопросов, в частности, в применении толкования этой проблемы к России.

III. Борьба за III Интернационал.

1) Исторические корни III Интернационала.

2) Циммервальд и Кинталь.

3) Разрыв на деле со всеми оттенками и группами социал-шовинизма и социал-патриотизма.

4) Левая Циммервальда как зародыш III Интернационала.

Литература к разделам см. в тексте.

Заключение.

Особенности борьбы большевизма с мировым оппортунизмом в этот период.

ГЛАВА II.

БОЛЬШЕВИЗМ НА МЕЖДУНАРОДНОЙ АРЕНЕ.

а) КРАХ II ИНТЕРНАЦИОНАЛА.

Проблема войны во II Интернационале.

Вопрос о войне не раз обсуждался на конгрессах II Интернационала. Начиная с 90-х гг. империализм все более обозначался как новая фаза капитализма, особенно чреватая опасностями войн.

Финансовый капитал приобретает господствующую роль; капитализм обнаруживает свои тенденции к образованию крупнейших монополий и к захвату в монопольное владение рынков сбыта и сырья; происходит «окончательный» раздел колоний и их захват крупнейшими государствами-монополистами. На политической арене, как мы видели уже, определяющим фактором становятся две группировки империалистических держав. На одной стороне тройственный союз: Германия, Австрия и Италия; на другой — в 1892 году был окончательно оформлен франко-русский союз, позже превратившийся в тройственное согласие.

Заключение франко-русского союза вызвало величайшую тревогу в лагере революционных социалистов. Россия была тогда оплотом реакции. Союз ее с Францией обозначал, что французской буржуазии удалось нанять полчища русского царя для проведения своих планов в Европе. С другой стороны это усиливало опасность для европейской демократии, для революционного пролетарского движения. Массовое революционное движение в России тогда еще отсутствовало, и реакционная Россия была реальной угрозой и для пролетарского движения на Западе.

При таких условиях вопрос о войне встал на международном социалистическом конгрессе в Цюрихе в 1893 году. Споры здесь шли, главным образом, вокруг вопроса о мерах борьбы с надвигающейся опасностью войны. Голландский социалист Домела Ньювенгьюис выдвинул идею всеобщей стачки. Это предложение было тогда отвергнуто по тем мотивам, что эта идея неосуществима ввиду слабости европейского рабочего движения, что она, с другой стороны, выдала бы царизму те страны, где массовое рабочее движение было развито. Европейское рабочее движение было еще слабо для такой тактики. Но революционные социалисты не выдвигали идей «защиты отечества». Правда,

немецкий оппортунист Фольмар уже тогда, в 1891 г., дал теорию социал-патриотизма. Он заявил, что

«мы (германские социал-демократы) должны поддержать тройственный союз», что «как только наша страна подверглась бы нападению, в Германии будет только одна партия, и мы, социал-демократы, будем не последними в исполнении долга» [1]).

Но эти заявления встретили решительный отпор со стороны вождей германской социал-демократии — Бебеля и Либкнехта, охарактеризовавших политику Фольмара, как «национал-либеральную», и заявивших о своей полной солидарности с взглядами Энгельса о революционной тактике по отношению к войне.

Французский социалист Гэд точно так же говорил о революционной тактике в наступающей войне. Возражая против всеобщей стачки, как метода пассивного сопротивления, он говорил: «Война столь же неизбежна при капиталистическом режиме, как холера у истоков Ганга... Либо социальная революция, либо война... Завоевать прочный мир, завладеть средствами производства мы можем не тем, что бросим ружье, которое неблагоразумное правительство и капиталисты дадут нам в руки. Нет, нам надо зарядить это ружье, нам надо взять это ружье на плечо, и только тогда обездоленный класс добьется указанных завоеваний». Мы видим, что в 1893 г. революционные социалисты, намечая свою тактику по отношению к войне, говорили не о «защите отечества», а о революционной борьбе против войны, и прямо проповедывали гражданскую войну.

В принятой резолюции говорится, что революционная социал-демократия должна всеми силами восстать против шовинистических стремлений правящих классов, укреплять солидарность между рабочими всех стран, отвергать военные кредиты, протестовать против содержания постоянных армий и т. д.

При другом положении вещей вопрос о войне обсуждался на Штутгартском конгрессе в 1907 году. Революция 1905 года показала, какие огромные революционные силы таит в себе Россия. На международной арене произошли первые явно империалистические войны: японо-китайская — 1894—1895 гг., американо-испанская — 1898 г., англо-бурская и европейско-китайская — 1899—1901 гг. Отношения между главными империалистическими державами обострялись, борьба вокруг колоний и из-за сфер влияния угрожала каждую минуту вызвать взрыв новой войны. Франко-русский союз превратился в тройственное согласие, причем конфликт между Англией и Германией обострялся все больше. Становилось очевидным, что империалисты всячески готовят мировую войну.

Главные прения по вопросу о милитаризме и борьбе против войны произошли в комиссии конгресса. Борьба шла, главным образом, между немецкими делегатами (Бебель, Фольмар) и французскими (Жорес, Вальян). Бебель говорил о «защите отечества», не проводя разницы между защитой отечества в прежних национальных войнах и нынешними империалистическими войнами. Делая уступки оппортунизму, Бебель заявлял, что положение «Коммунистического манифеста» — «рабочие не имеют отечества» — «устарело»,

[1]) Зиновьев, т. V, стр. 334.

ссылался также на то, что Маркс и Энгельс в течение десятилетий занимали вовсе не отрицательную позицию в европейских и специально-немецких национальных вопросах. Он настаивал на том, что критерий оборонительной и наступательной войны должен оставаться в силе и по отношению к наступающей войне. Он считал, что всякий наблюдательный и опытный политик вполне сможет разобрать, где оборонительная и где наступательная война. Предложение Бебеля и германской социал-демократии первоначально вообще сводилось к тому, чтобы оставить все по-старому, утвердить старые решения и т. п. Партия сделает все, что возможно, но не надо ясно говорить, что в случае войны социал-демократы должны прибегнуть к определенным революционным мерам, ибо это даст прокурорской власти повод для борьбы против легальной германской партии.

Позиция Жореса и французского большинства внешне отличалась от позиции германской делегации. Эрве выступил с резкой антипатриотической речью, в которой, наряду с заслуженными упреками в патриотизме по адресу германской делегации, утверждал, что пролетариату все равно, под властью какой национальной буржуазии находится его страна: «германская монархия или французская республика» — это для социалистов этих стран совершенно все равно. Это, конечно, была явная нелепость. В резолюции французской делегации (Жореса) говорится, что для предотвращения войны следует прибегать ко всем средствам «вплоть до массовой стачки и восстания». Это, конечно, не означало, что Жорес и его сторонники были больше революционерами, чем Бебель и его группа. Жорес, как и Бебель, не проводил резкой разницы между защитой отечества в национальных войнах и «защитой отечества» в войнах капиталистических. Он признавал защиту отечества в оборонительной войне, но он чувствовал, что его французское отечество слабее немецкого, что «обороняться» придется скорее всего Франции. Отсюда его стремление заручиться согласием социалистов других стран, в первую очередь немецких, помочь Франции в случае «справедливой» войны с ее стороны. Революционность жоресистов была лишь своеобразно выраженным оппортунизмом. В резолюции жоресистов, где говорится о стачке и восстании, прямо говорится, что

«угрожаемые нация и рабочий класс имеют повелительную обязанность защищать свою независимость и самостоятельность от этих нападений. Они имеют право рассчитывать на помощь со стороны рабочего класса всего мира» [1]).

Разница между позицией Жореса и Фольмара, как мы видим, — вовсе не принципиальная разница. И французское и немецкое большинство стояли на одной и той же принципиальной позиции.

Совсем другую, п р и н ц и п и а л ь н о отличную позицию занимало меньшинство конгресса — Ленин, Р. Люксембург. От имени этой группы выступала Роза Люксембург. В своей речи она критиковала патриотическую позицию Фольмара, а также и Бебеля. В противовес взглядам сторонников «защиты отечества» она выдвигала идею массовых революционных действий, защищала поправку к резолюции (подписанную Лениным, Люксембург и

[1]) З и н о в ь е в, т. V, стр. 352.

другими), что война должна быть использована для ускорения краха всего капиталистического строя.

Французская и немецкая делегации имели за собой обеспеченное большинство на конгрессе. Тем не менее положения о допустимости «защиты отечества» в оборонительной войне, которые они защищали, в резолюцию не вошли. И не случайно: позиция вождей II Интернационала в этом вопросе была двойственна и противоречива. Оппортунисты сознательно соединяли реформизм с патриотизмом и вполне сознательно вели II Интернационал к социал-шовинизму. Другая часть Интернационала — марксистский центр в Германии, часть социалистов во Франции и др. — не освободилась от старой идеологии, порожденной эпохой национальных войн. Но они, как опытные политики, не могли не видеть, что наступающая война будет совсем другой, что к ней критерий обороны и нападения неприменим. Эту мысль верно выразил Каутский в статье, написанной после Штутгарта, в которой он заявлял, что при данной всемирно-политической ситуации не может быть и речи о такой войне, относительно которой можно было бы допустить, чтобы

«пролетариат или демократия были заинтересованы в защите или нападении... Единственная опасность войны угрожает теперь со стороны колониальной мировой политики, по отношению к которой пролетариат с самого начала занимает резко отрицательную позицию» [1]).

Эту мысль если не вполне сознавали, то чувствовали составители резолюции. В самом деле, стоило им только попытаться конкретно указать, какую войну и со стороны кого нужно признать справедливой, оборонительной, как они сразу попали бы в безвыходное противоречивое положение. Налицо были две коалиции империалистов, между которыми шли столкновения из-за Турции, Марокко или других колоний. Разумеется, ни один разумный человек не мог сказать, на какой стороне война «справедлива», и в этом случае они просто не смогли бы договориться на чем-нибудь одном. Вот почему небольшая группа левых могла оказать такое влияние на принятую резолюцию и их поправка о революционных методах борьбы против войны оказалась принятой. Это, конечно, не значит, что большинство оппортунистов и «центра» принимали это обязательство всерьез.

В принятой конгрессом резолюции отмечается капиталистический характер войн, являющихся последствием конкуренции капиталистов на мировом рынке, борьбой за новые рынки; предлагается бороться против милитаризма, отказывать во всякой денежной поддержке вооружениям и отмечается та борьба с милитаризмом и войной, которая велась отдельными партиями, как то: демонстрации в Германии и Франции, революционная борьба русских рабочих и т. д. Резолюция далее указывает, что обязанностью рабочего класса и его представителей в парламентах является энергичная борьба и использование всех усилий и способов, чтобы помешать войне. Но самая важная часть резолюции — это ее последний абзац: принятая поправка Ленина и других. Как указывает т. Ленин, первая редакция внесенной меньшинством поправки говорила

[1]) Зиновьев, т. V, стр. 359.

гораздо прямее о революционной агитации и революционных действиях. Ввиду возражений со стороны Бебеля, указывавшего, что в таком виде она может вызвать роспуск прокурорской властью партийных организаций в Германии, первоначальный текст формулировки был несколько изменен, сохранив основную мысль. В окончательном виде поправка гласила:

«Если же война уже возникла, несмотря на все эти меры, то они обязаны приложить все усилия к тому, чтобы ее как можно скорее прекратить, и всеми силами использовать вызванный войной экономический и политический кризис для того, чтобы всколыхнуть наиболее глубоко лежащие общественные слои и ускорить падение капиталистического господства» [1]).

Копенгагенский международный конгресс в 1910 г. не внес ничего существенно нового в постановку вопроса о войне. Более отчетливую и резкую формулировку вопрос о войне получил на Базельском конгрессе. Чрезвычайный конгресс в Базеле был созван в 1912 г., в связи с событиями балканской войны и угрозой общеевропейской войны.

Принятый конгрессом манифест подтверждает штутгартскую и копенгагенскую резолюции о способах борьбы пролетариата против войны. Далее манифест перечисляет специальные задачи социалистов отдельных стран. Манифест отмечает энергичную борьбу балканских социалистов.

«Социалисты Австрии, Венгрии, Кроации и Словакии, Боснии и Герцоговины, — говорится в манифесте, — должны всеми силами оказывать сопротивление всякому покушению Дунайской монархии против Сербии. На их обязанности лежит противодействовать, как они делали это до сих пор, политике, направленной к ограблению Сербии, путем вооруженной силы и тяжких последствий войны, к обращению ее в австрийскую колонию и к навлечению, в династических интересах, на народы Австрии, а вместе с ними и на все народы Европы, самых плачевных последствий...

«С большим удовлетворением конгресс приветствует забастовки протеста русских рабочих... Конгресс усматривает в этом выступлении рабочих самую действительную гарантию против преступных интриг царизма... Конгресс надеется, что городский и сельский пролетариат России, Финляндии и Польши... воспротивится всякой воинственной авантюре царизма, всякому выступлению на Армению и Константинополь и сосредоточит все свои силы в новой освободительной борьбе против царского деспотизма... Интернационал считает одной из своих главных задач его (царизма) свержение» [2]).

Но самая важная задача, говорит манифест, выпадает на долю рабочих Германии, Франции и Англии. Рабочие этих стран должны потребовать от своих правительств отказа от какой-либо помощи Австрии и России и невмешательства в балканские дела. Война между этими государствами была бы «преступным безумием». Конгресс

«требует, чтобы рабочие всех стран противопоставили капиталистическому империализму могущество интернациональной солидарности... Пусть правительства хорошо запомнят, что при современном состоянии Европы и настроении умов в среде рабочего класса возникновение войны не окажется безопасным для них самих. Пусть они вспомнят, что

---

[1]) «Интернационал и мировая война», 1919 г., стр. 20.

[2]) Там же, стр. 34.

франко-германская война вызвала революционный взрыв Коммуны, что русско-японская война пробудила движение революционных сил русского народа... Рабочие считают преступлением стрелять друг в друга из-за выгод капиталистов, из-за честолюбия династий или из-за хитросплетений тайных соглашений» [1]).

Далее манифест призывает рабочие массы выражать свой протест в манифестациях и массовых выступлениях, в парламентах и т. д.

Мы видим, что Базельский манифест говорит о революционных действиях против войны, он прямо говорит о революции, когда напоминает пример Коммуны и 1905 г. Нигде ни слова о защите отечества, о делении стран на оборонительные и наступательные в надвигающейся войне. Точно так же и выступавшие на конгрессе делегаты — Жорес, Цеткин, Вальян и другие — говорили, что на войну пролетариат ответит революцией.

Мировая война. Посещение английским королем военных складов во Франции.

И не только за 1—2 года до войны социалисты принимали такие решения и делали такие заявления. В этом духе высказывались виднейшие социалисты почти за 48 часов до войны.

20—29 июля 1914 г. после предъявления Австро-Венгрией ультиматума Сербии, а затем объявления ею войны, в Брюсселе состоялось заседание Международного социалистического бюро. На митинге в Брюсселе представители II Интернационала выступали с зажигательными речами против войны. Гаазе, председатель германской социал-демократии, выступил с речью, в которой, обращаясь к господствующим классам Германии, Франции и другим, он говорил: «Пусть наши враги остерегутся. Может случиться, что бедные классы, испытывающие нужду и угнетение, наконец, пробудятся и установят социалистиче-

[1]) «Интернационал и мировая война», стр. 36.

ское общество» [1]). Еще в последний момент перед войной 1 августа 1914 г. в Париже происходил обмен мнений между членом президиума германской партии Мюллером и французской партией. Мюллер заявлял, что большинство социал-демократической группы настроено в пользу голосования против кредитов, в крайнем случае — воздержится от голосования. Но он считал исключенной возможность, что фракция будет голосовать в пользу военных кредитов. Центральный орган германской социал-демократии оценивал австрийский ультиматум Сербии, как провокацию войны. Этот «ультиматум, — писал «Форвертс», — может явиться зажигательной бумажкой, от которой вся Европа запылает во всех четырех углах». В воззвании ЦК германской социал-демократии говорилось, что «ни одна капля крови германского солдата не должна быть принесена в жертву честолюбию австрийских властителей, или империалистическим интересам наживы, которые теперь хотят вас использовать как пушечное мясо».

Правление французской социалистической партии выпустило манифест, в котором назревающая война оценивается как результат «стремления к захвату колоний, интриг и насилий империализма, грабительской политики одних, честолюбивых стремлений других». Ярый антимилитарист Эрве (ставший позже еще более рьяным шовинистом) за 3 дня до войны писал статьи, в которых указывал, что французские рабочие будут биться не за «демократию», не за «революционную Францию», а прежде всего за кровавого царя. Таковы были заявления, мнения и оценки войны со стороны социалистов до ее начала. В свете этих заявлений и решений становится особенно ясной та чудовищная измена, то неслыханное предательство, которое совершила международная социал-демократия с началом войны.

Крах II Интернационала.

Мы выше указали, каковы были решения интернациональных конгрессов по вопросу о войне. Мы видели, что вокруг этого вопроса шла борьба правого и левого течений и что оппортунисты уже тогда подходили к этому вопросу «патриотически». На Штутгартском конгрессе германский оппортунист Фольмар произнес чисто патриотическую речь, смысл которой сводился к тому, что социал-демократия должна прямо заявить, что в случае войны она поддержит свое отечество. Эту же точку зрения горячо отстаивали и другие оппортунисты. Даже такие вожди, как Бебель, как мы видели, отстаивали критерий оборонительной и наступательной войны. Жорес, в одной речи после Штутгартского конгресса, толковал его решения в том смысле, что конгресс, якобы, высказался за защиту отечества в случае нападения и т. д., хотя, как известно, в резолюции об этом ни слова не сказано. Оппортунисты уже тогда фактически господствовали в главнейших социал-демократических партиях Европы, а в верхах этих партий они имели несомненное большинство. На том же Штутгартском конгрессе едва не прошла резолюция, признающая современную колониальную политику империализма. Лишь с большим трудом марксистской части конгресса удалось провалить резолюцию ревизионистов и притом незначительным большинством, а именно: большинством 127 против 108 при 10 воздержавшихся.

[1]) «Интернационал и мировая война», стр. 49.

Характерно, что в это большинство вошли, главным образом, страны молодого рабочего движения: Россия, Польша, Норвегия, Япония и т. д. В странах старого рабочего движения, как раз в тех странах, чья буржуазия владела колониями, оппортунисты уже имели большинство и сознательно шли к социал-шовинизму. Это было плохим предзнаменованием, — политика 4 августа уже намечалась. Но пока еще тон и официальную линию в социал-демократических партиях задавал центр, старавшийся примирять революционную теорию с оппортунистической практикой. Лишь война и вызванный ею кризис дали полное торжество оппортунистам. Центр трусливо капитулировал перед ними, и, опираясь на аппарат военной диктатуры, осадного положения и цензуры, оппортунисты стали господами положения и открыто перешли на сторону империалистской буржуазии. Оппортунизм, давно зревший в рядах рабочего движения, вскормленный всей прошлой обстановкой империалистической эпохи, дал свои плоды и превратился в самый махровый социал-шовинизм. При первых пушечных выстрелах начавшейся мировой войны здание II Интернационала рухнуло и превратилось в развалины.

3 августа, накануне заседания германского рейхстага, собралась социал-демократическая фракция для обсуждения вопроса о кредитах. Группа депутатов-оппортунистов — Давид и другие, числом 20—30 человек, твердо решила голосовать за кредиты, причем, как позже выяснилось, они собирались голосовать сепаратно, если бы фракция приняла другое решение. Меньшинство (Ледебур, Гаазе и другие) требовало отклонения кредитов, но держалось нерешительно. Большинством 78 против 14 постановлено было голосовать за кредиты. 4 августа на заседании рейхстага вся фракция в целом голосовала за требуемые кредиты — 5 млрд. марок (в том числе и Карл Либкнехт, подчинившийся фракционной дисциплине). От имени фракции Гаазе была оглашена декларация, мотивировавшая это голосование. В ней говорилось, что империалистическая политика, вооруженное соперничество держав привели Европу к этим роковым последствиям. Ответственность за это падает на руководителей этой политики. Социал-демократия отклоняет ее от себя. Усыпив свою социалистическую совесть этой фразой, декларация далее переходит «к сути дела».

«Для нашего народа и его свободной будущности очень многое поставлено на карту в случае победы русского деспотизма, который запятнал себя кровью лучших сынов своего народа. Необходимо предотвратить эту опасность, обеспечить культуру и независимость нашего собственного отечества. Поступим же так, как мы всегда заявляли: мы не оставим отечества без помощи в час опасности. Мы сознаем себя действующими солидарно с Интернационалом, всегда признававшим право каждого народа на национальную самостоятельность и самозащиту, и точно так же в согласии с ним мы осуждаем всякую завоевательную войну... Руководствуясь этими положениями, мы будем голосовать за требуемые кредиты» [1]).

Так партия впряглась в колесницу германского империализма.

«Патриотическое» поведение социал-демократической фракции послужило примером и толчком для всей социал-демократической прессы и для всех ее руководящих органов. Волна патриотизма и национального шовинизма прока-

[1]) «Интернационал и мировая война», стр. 101—102.

тилась и по всей рабочей печати. Ответственные представители партии и профсоюзов наперебой спешили громогласно засвидетельствовать свои глубокие патриотические чувства и свою незыблемую преданность немецкому отечеству. Этот патриотический угар, особенно на первых порах, охватил также и широкие круги рабочих масс; вожди рабочих изо всех сил этому помогали. Дошло до того, что руководитель союза матросов Мюллер писал в одном органе:

«О несравнимую храбрость германских и австрийских отрядов разбиваются безумные планы клятвопреступного и вероломного кровавого царя и его союзников, будь это хитрые японцы, коварные британцы, хвастливые французы, изолгавшиеся бельгийцы, неблагодарные буры, канадцы или полудикие, силой привезенные индусы, тюркосы, зуавы, негры и прочая сволочь» [1]).

Мировая война. Английские солдаты на дне взорванной миной и захваченной ими германской траншеи. Здесь же сидят пленные немцы.

Вильгельм и Гинденбург могли быть вполне довольны своей социал-демократией! Лишь небольшая группа вокруг Р. Люксембург (Ф. Меринг, Либкнехт и другие) продолжала отстаивать идеи социализма и собирала силы оппозиции для организации отпора социал-шовинизму.

На тот же путь стала и австрийская социал-демократия. Ей не пришлось открыто высказаться, так как габсбургский абсолютизм действовал более грубо и распустил парламент с началом войны. Но свое патриотическое усердие австрийская социал-демократическая партия не замедлила проявить на деле. Венская «Arbeiter Zeitung», орган австрийской социал-демократии, в следующих словах приветствовала решение германской социал-демократической фракции:

[1]) Фрелих. «К истории германской революции», стр. 78.

«Никогда ни одна партия не действовала лучше и возвышеннее, чем эта германская социалдемократия, показавшая себя вполне достойной столь серьезного момента. Германский народ в полном единении начинает борьбу за сохранение своего государственного и национального бытия. На противной стороне мы видим лишь жалкие спекуляции, коалиции шахермахеров, лишенных какой бы то ни было нравственной идеи» [1])...

Во Франции социалисты голосовали заодно с буржуазными партиями без прений за военные кредиты и за доверие правительству. Социалисты Гэд и Самба вступили министрами в кабинет. И здесь вожди отдали рабочие организации на службу войне. Эрве, некогда «антипатриот и антимилитарист», стал горячим патриотом и борцом за французское отечество. Свою газету «Классовая война» он переименовал в «Победу», а статьи его даже в это тяжелое время выделялись своим ярым, разнузданным национализмом и диким, бешеным шовинизмом. Точно так же и вожди профсоюзов стали верными слугами Пуанкаре и французской буржуазии.

То же самое имело место в Бельгии. Вождь партии и председатель II Интернационала Вандервельде сделался министром короля Бельгии и выступал в качестве преданнейшего слуги империалистской буржуазии стран согласия.

В Англии рабочая партия перешла на сторону британского империализма, и ее вождь Гендерсон вместе с другими рабочими вождями стали министрами. Такую же патриотическую позицию заняли оппортунистические тред-юнионы и часть британской социалистической партии с Гайндманом во главе. Большинство британской социалистической партии выступало против войны. Независимая рабочая партия с Макдональдом во главе заняла пацифистскую позицию.

Обстановка в России была иная, чем в других странах. Рабочий класс уже оправился от ударов, нанесенных ему царизмом в эпоху реакции. Развивалось мощное стачечное движение, и за несколько недель до войны, ко времени приезда Пуанкаре, питерский пролетариат ответил на его визит 100-тысячной стачкой и баррикадами на улицах. Жестокая угнетательская политика царизма, непрекращающиеся преследования рабочего и национального движения и наличие революционной обстановки в стране служили некоторым противоядием против оппортунизма и социал-патриотизма. На заседании Думы, на котором обсуждался вопрос о выражении доверия правительству и о кредитах на войну, от имени обеих фракций (большевистской и меньшевистской) была оглашена декларация с протестом против войны, клеймящая ее, как захватническую, и социал-демократические депутаты демонстративно покинули зал заседания до голосования. Однако и у нас ликвидаторы и Плеханов (не говоря уже о народниках) заняли социал-патриотическую позицию и стали ратовать за царистское отечество. Часть меньшевиков (ОК и фракция Чхеидзе) заняла центристскую позицию. Лишь партия большевиков заняла последовательно-интернационалистскую позицию и повела революционную борьбу против империалистской войны. Точно так же и сербские социал-демократы, несмотря на отчаянное положение их страны, остались верны социализму и Интернационалу.

В других странах Европы, как вступивших позже в войну (Италии, Болгарии), так и нейтральных, — образовались те же течения. Оппортунисты

[1]) Фрелих, «К истории германской революции», стр. 84.

перешли на позицию социал-шовинизма, марксистские партии и группы остались на интернационалистской позиции, целый ряд других заняли центристскую позицию.

Так с началом войны II Интернационал распался и фактически перестал существовать. Три течения образовались внутри международного социализма: социал-шовинизм, прикрытый социал-шовинизм, или центризм, и течение последовательного интернационализма.

Социал-шовинизм.

Голосование кредитов было первым решительным шагом социал-демократии на пути перехода от социализма к буржуазному шовинизму. Вслед за этим первым шагом последовали другие. Социал-демократия санкционировала введение осадного положения, военной цензуры, отмену законов по охране труда и т. д. Социал-демократия провозгласила лозунг «гражданского мира» (Burgfriede), т. е. отмену и прекращение классовой борьбы во всех ее формах на время войны и замену ее лозунгом классового сотрудничества буржуазии и пролетариата. Что этот лозунг «гражданского мира» означал для пролетариата на деле, мы можем видеть на примере Германии. В Германии профсоюзы 2 августа 1914 г. постановили прекратить все стачки, а 17 августа 1914 г. конференция профсоюзных чиновников приняла постановление, что до окончания войны профсоюзы не будут вести никакой борьбы за заработную плату — ни наступательного, ни оборонительного характера. С согласия Генеральной комиссии профсоюзов в 1916 г. был проведен «закон о подсобной службе отечеству», который отменял свободу передвижения рабочих и право рабочих распоряжаться своим трудом. Важнейшие отрасли промышленности были милитаризованы. Все это привело к полному порабощению рабочего класса и отдавало его целиком на произвол эксплоатации капиталистов. Предприниматели не замедлили воспользоваться этим положением рабочих. Рабочий день растягивался без всяких ограничений, зарплата, несмотря на бешеный рост дороговизны, почти не повышалась, эксплоатация женского и детского труда приняла неслыханные размеры. Согласно отчету инспекторов труда Саксонии, рост женского труда виден из следующих цифр:

В металл. пром.	в	1914	г.	на	100	мужч.	приходилось	11	женщ.
» »	»	1917	»	»	100	»	»	60	»
» хим. индустрии	»	1914	»	»	100	»	»	30	»
» »	»	1917	»	»	100	»	»	60	»

Вожди социал-демократии фактически превратились в агентов своих правительств. Зюдекум по поручению германского правительства ездил в нейтральные страны Румынию и Италию убеждать их вступить в войну на стороне Германии; А. Тома и Гендерсон по поручению своих правительств ездили в Россию убеждать русских рабочих сражаться за царя. Во всех воюющих странах социал-шовинисты ратовали за войну до победного конца, за решительное сокрушение противника и т. д. Аппарат партийных и профессиональных организаций фактически стал частью буржуазного государственного механизма, всецело приспособленного к служению задачам и целям империалисти-

ческой войны. Таков был социал-шовинизм на практике. Рассмотрим, какова была его идеология, каковы были его формы и методы идейного воздействия на рабочие массы.

В Германии партия оправдывала свое поведение такими доводами: Германия не хотела войны, заявляли вожди партии. Войну вызвала Антанта; Германия вынуждена защищаться. Поражение Германии грозит ее экономическому и политическому развитию и даже самому ее национальному существованию. В случае победы противников Германии, полчища русского царя наводнят Германию, русский деспотизм водворит свои методы в Германии, уничтожит всякую свободу и культуру. Причины войны — империалистские, признавали и они,

Мировая война. Вход в подземную траншею. Солдат освещает ручным фонарем дорогу товарищам.

но виновником войны является ч у ж о й и м п е р и а л и з м, империализм стран согласия. Эти страны захватили огромнейшие колонии во всех частях света. Тройственное согласие — это синдикат для дележа мира и захвата колоний. Смешно говорить об империализме Германии, его почти нет, а в сравнении с своими противниками германский империализм — младенец, писал германский оппортунист Давид [1]). Германия стремится лишь к экономическому равноправию, ее лозунг — политика открытых дверей, свобода хозяйственного развития. Она борется не за завоевательные цели, а лишь отстаивает свое право на свободное хозяйственное, культурное и политическое

[1]) D a v i d. «Die Soz.-Demokratie im Weltkrieg», 1915, S. 66.

развитие. Война, которую она ведет, — «это национально-оборонительная война в самом истинном и серьезном значении этого слова» [1]). Поэтому первейший долг социалистов и рабочего класса Германии принять самое энергичное участие в защите страны от угрожающей ей опасности. Поступая так, партия не отказалась от своих социалистических принципов, она действовала в полном согласии с ними, в духе Маркса и Энгельса и других вождей социализма. Маркс и Энгельс всегда признавали право социалистов на защиту отечества. Правда, «Коммунистический манифест» заявляет, что пролетарии не имеют отечества, но после этого Маркс и Энгельс своим поведением доказали-де обратное. Они были за войну против России в 1848 г. Они желали победы Германии над Бонапартом в 1870 г. и т. д.

Эти ссылки на Маркса и Энгельса, которые мы встречаем у всех социал-шовинистов, начиная от Давида, Ленша и кончая Плехановым и Каутским, являлись возмутительным искажением взглядов Маркса и Энгельса в угоду буржуазии. В период 1789—1871 гг. одним из типов войн были войны буржуазно-прогрессивного, национально-освободительного характера. Эти войны велись во имя свержения абсолютизма и феодализма, во имя свержения чуженационального гнета, они служили историческому развитию и поэтому они были прогрессивные. Все революционные демократы, а также социалисты в таких войнах сочувствовали той стороне, победа которой была в интересах исторического развития. В этих войнах лозунг «защита отечества» был вполне законен и уместен. Например, война 1870—1871 г. была исторически прогрессивной со стороны Германии, пока не был побежден Наполеон III, ибо он вместе с царем долгие годы поддерживали феодальное раздробление Германии, мешали ее объединению. Как только эта цель была достигнута, и война перешла в завоевательную, Маркс и Энгельс решительно выступили против немцев. Даже в начале войны они одобряли отказ Бебеля и Либкнехта голосовать за кредиты, советовали не сливаться с буржуазией и отстаивать самостоятельные классовые интересы пролетариата. Перенесение оценки таких национально-освободительных войн на империалистскую войну 1914 г. является поэтому извращением и искажением марксизма. Тогда не было ни современного империализма, ни созревших объективных условий социализма, ни массовых социалистических партий. По отношению же к данной войне социалистические конгрессы — Штутгарт, Базель — говорили не о «защите отечества», а о борьбе за социализм, за пролетарскую революцию.

В числе доводов у германских социал-шовинистов выдвигался и тот, что германские рабочие сражаются с царизмом за освобождение русских рабочих,— помогают русской революции. Парвус, в журнале «Колокол» от 1 октября 1915 г., отмечал, как счастливое стечение обстоятельств, тот факт, что «германский генеральный штаб должен был вступиться за революцию... а германские рабочие выступили против царизма прекрасно организованной армией». Вильгельм II вкупе с Гинденбургом в качестве освободителей русского пролетариата, — недурная картина! Эту легенду об освободительной миссии германской армии

---

[1]) D a v i d, там же, стр. 116.

в России социал-шовинисты весьма долго поддерживали среди германских рабочих, хотя германские социалисты ведь прекрасно знали, что во время революции 1905 г. Вильгельм II собирался посылать эту же армию на помощь Николаю II, чтобы задушить русскую революцию.

Доводы о «защите отечества», подвергшегося нападению, о борьбе с царизмом являлись, так сказать, официальной аргументацией партии. Официальные органы партии (правление, фракция рейхстага) по тактическим соображениям были весьма заинтересованы в том, чтобы возможно лучше скрыть подлинные цели войны. Но другая весьма влиятельная группа германских социал-демократов: Кунов, Ленш, Гениш, вся редакция ревизионистского журнала «Социал. ежемесячник» (Шиппель, Квессель, Зюдекум и др.) выступали более откровенно. Они прямо защищали империализм и империалистические цели германской буржуазии. Кунов взялся теоретически обосновать правильность этой политики.

«Империализм — необходимая ступень капитализма,—«марксистски» аргументирует Кунов,— такая же необходимая ступень, как, напр., феодализм, промышленный капитализм. Эта ступень развития — необходимый этап на пути к социализму. Поэтому совершенно «немарксистски» объявлять ему борьбу, стремиться его уничтожить. Эта борьба так же утопична, как и борьба рабочих против машин в период появления промышленного капитализма» [1]).

Отсюда он делает вывод в духе Струве («Пойдем на выучку к капитализму»), что надо пойти на службу к империализму, содействовать его развитию, помогать его политике. Надо бороться, разумеется, с его отрицательными сторонами, «чтобы по возможности ослабить его вредные стороны. Но с другой стороны, социал-демократия должна всемерно использовать империализм и добиться для рабочего класса части тех выгод, которые несет с собой империализм»... не допустить, чтобы только капиталисты пользовались этими выгодами, но чтобы все в большей мере и «рабочий класс получил в них свою долю участия» [2]). Иначе говоря, Кунов предлагает, чтобы рабочие помогли германским империалистам ограбить своих конкурентов, захватить их колонии, и т. д. Но чтобы и рабочие кое-что получили за счет сверхприбыли от грабежа колоний, надо сокрушить деспотизм Англии, владеющий столькими колониями, в то время как бедный германский империализм должен довольствоваться жалкими крохами, заявляют в один голос социал-империалисты Ленш, Шиппель, Квессель и другие. Эта группа выступала за поддержку планов самых крайних германских империалистов, за решительную победу над Англией, за аннексирование территориальных областей в Европе, за образование «Великой Германии», путем объединения с Австро-Венгрией, и за создание европейского таможенного объединения, куда должен войти ряд ныне независимых государств и где Германии, разумеется, должна быть обеспечена экономическая и политическая гегемония.

Эта откровенная проповедь империализма и империалистической политики не была лишь выражением мнений отдельных членов партии или какой-либо неавторитетной группы, эту политику поддерживали виднейшие лидеры партии

[1]) C u n o w. «Partei Zusammenbr.», стр. 14—15.

[2]) Там же, стр. 19.

и профсоюзов, фактически ее разделяла и вся официальная германская социал демократия с правлением во главе, хотя последнее, по тактическим соображениям, держалось несколько скромнее. Такая программа социал-империализма означала решительный разрыв со всем прошлым партии и окончательный переход на новый путь, на путь буржуазного реформизма. Наиболее откровенные социал-шовинисты — Ленш, Кольб, Гениш и другие — этот вывод сделали. Они выступили с требованиями, чтобы партия официально признала необходимость полной и радикальной перемены политической ориентации. Программу нового курса политики, наиболее полную, дал Кольб в брошюре: «Die Soz.-Dem. am Scheidewege».

«Надо прямо заявить, — говорит он, — что 4-е августа — это поворотный пункт в жизни партии, и сделать последовательные выводы из той политики, которую партия ведет с тех пор. Эта политика является полной противоположностью тому, что партия раньше делала. Надо этот факт признать и покончить со старыми романтическими иллюзиями о революции и пролетарской диктатуре». «Надо преодолеть революционную идеологию, — говорит Кольб, — которая коренится в убеждении, что капиталистическое общество уже вполне созрело для отмирания и что нужна лишь пролетарская диктатура, чтобы перейти к социализму. Экономическое развитие еще далеко не доразвилось до того, чтобы посредством революционного эксперимента пролетарской диктатуры превратить капиталистическое общество в социалистическое, не говоря уже о моральных и интеллектуальных предпосылках для этого. Представление, что нужна лишь пролетарская диктатура для осуществления целей социал-демократии, является насквозь утопическим» [1]).

«Как можно говорить о социализме в передовых капиталистических странах Европы, — продолжает он, — когда крупнейшее европейское государство — Россия — еще находится на первых ступенях капиталистического развития, когда Африка, Азия, Южная Америка и бóльшая часть Северной Америки, т. е. бóльшая часть света, еще находятся в начальной стадии капиталистического развития» [2]).

Кольб, очевидно, думает, что пролетарская диктатура в какой-либо из передовых стран будет возможна лишь тогда, когда на земном шаре исчезнут последний крестьянин и последний ремесленник. «Доказав» таким образом неосуществимость пролетарской революции, Кольб спешит сделать практические выводы. Он предлагает партии отказаться от утопической идеи революции и признать путь эволюции, т. е. путь реформизма и постепенного врастания капитализма в социализм. Надо отказаться от враждебности и непримиримости к современному капиталистическому государству, перейти на путь сотрудничества с ним и бороться за его демократизацию путем реформ. Надо перестать отклонять принципиально бюджеты, согласиться на участие во власти вместе с буржуазными партиями. Надо примириться и с существованием монархии в Германии, — республика вовсе не лучшая форма правления и рабочий класс при капитализме может даже от монархии получить больше преимуществ, чем от республики (стр. 37). Путь к социализму ведет через завоевание на свою сторону большинства населения, поэтому партия должна расширить свой социальный базис, перестать быть только узкой рабочей партией, а стать народной партией, т. е. включить и отдельные слои буржуазии (стр. 24) и т. д.

---

[1]) C o l b. «Die S.-Dem. am Scheidewege», S. 18.

[2]) Там же, стр. 19—20.

Такова была программа, провозглашенная последовательным социал-шовинистом Кольбом. В основном его положения являлись лишь некоторым развитием старых взглядов ревизионизма, в свое время формулированных Бернштейном и осужденных германской партией на Дрезденском съезде в 1903 г. и на Амстердамском интернациональном конгрессе в 1904 г. Теперь же эти взгляды на деле господствовали в партии и являлись лишь теоретической формулировкой того, что партия делала практически, начиная с 4 августа. Однако в период войны партия еще не могла сделать теорию Кольба своей официальной программой. Лишь после войны, как известно, эта теория стала официальной программой германской социал-демократии, да и всего II Интернационала.

Социал-шовинисты Франции, Бельгии и Англии приводили против Германии те же доводы, что и германские социал-шовинисты против России. Войну-де союзники ведут против абсолютизма Вильгельма II, против прусского милитаризма, против германского империализма за западную культуру и цивилизацию и т. д. В случае победы союзников они сулили человечеству не меньше благ, чем и их германские собратья.

«Если союзники победят, — писал французский социал-патриот Ш. Дюма, — угнетенные народности мы освободим, милитаризм ниспровергнем; что же касается империализма и права одного народа властвовать над другим в силу того, что он является носителем, якобы, высшей культуры, — эту идею мы совсем изгоним из образа мыслей европейских народов» [1]).

Как известно, программа эта целиком (!) была выполнена союзниками после войны... в грабительском версальском договоре!!

Социал-шовинисты в России находились несколько в неудобном положении: говорить о защите «свободы», которой совершенно не было в России, было просто дико, нельзя было также говорить и о защите от нападения, ибо агрессивная политика царизма была у всех на виду. Прямо провозглашать долг патриотизма и звать рабочих на поддержку царизма было невозможно. Преследование рабочего движения здесь не только не прекратилось, но даже усилилось с началом войны. Печать была уничтожена, тюрьмы переполнены, национальный гнет принимал варварский, погромный характер. Ратовать прямо за победу царизма во имя высоких идеалов, преследуемых им, было явно нелепо. Поэтому социал-шовинисты — ликвидаторская группа «Наша заря» — на первых порах скрывали свой шовинизм за фразами о прекрасной Франции, о несчастной Бельгии, о защите западных демократий от прусского юнкерства. В статьях «Нашей зари», вышедшей вскоре после объявления войны, германский империализм объявлялся виновником войны, Англия и Франция, мол, не хотели войны [2]). Союзники вынуждены были принять навязанную им войну, они борются против агрессивности Германии. Гэд вступил в министерство для защиты «интересов демократии и рабочего класса», писала «Наша заря» [3]). Германский милитаризм является угрозой всей демократии Европы. Германия и ее общественно-политический строй, «кроме общих грехов современного раз-

---

[1]) Раковский и Дюма. «Социалисты и война», стр. 7, изд. 1918 г

[2]) «Наша заря», № 7—9, 1914 г., стр. 108.

[3]) Там же, стр. 110.

вития, имеет еще и свои специальные, сверхсметные грехи», заявлял там же Потресов (стр. 122).

Точно так же в своем ответе на обращение Вандервельде к русским социалистам о поддержке войны царизма в интересах европейской демократии, ликвидаторы заявляют, что война на стороне союзников «есть правое дело самозащиты против тех опасностей, которые грозят демократическим свободам и освободительной борьбе пролетариата со стороны агрессивной политики прусского юнкерства». Они вполне одобряют позицию социалистов Англии, Франции и Бельгии, принявших активное участие в войне, вошедших в министерства. К сожалению, жалуются ликвидаторы, условия режима в России лишают их возможности поступить точно так же, т. е. попросту говоря, они не идут в министерства, потому что их туда не приглашают. Несмотря на это они говорят: «м ы з а я в л я е м в а м, ч т о в с в о е й д е я т е л ь н о с т и в Р о с с и и м ы н е п р о т и в о д е й с т в у е м в о й н е» [1]).

Фактически, провозгласив «непротиводействие», ликвидаторы вполне определенно высказались за поддержку войны, — пожалуй, царизму пока больше и не требовалось. Однако позже, когда война стала складываться неблагоприятно для России, и царские войска стали терпеть поражение за поражением, ликвидаторы сделали следующий шаг и стали откровенно проповедывать «патриотизм» и «защиту страны». Наиболее удобными для них были оборонческие лозунги: «самозащита», оборона страны от грозящего ей разгрома. Мотивировка выдвигалась такая: «в ходе войны, вследствие целого ряда причин, она стала и у нас оборонительной». Страна сейчас стоит перед угрозой нашествия германских войск. Ей угрожает смертельная опасность быть разбитой, разгромленной прусским юнкерством, а надо активно выступать в ее защиту [2]). «Если в начале войны при совокупности тех конкретных условий, которые существовали, мы могли ограничиваться рекомендацией пролетариату тактики «непротиводействия» войне, то теперь мы можем и должны итти дальше», заявляет Череванин в журнале «Наше дело», который заменил закрытую «Нашу зарю» [3]).

Пролетариат обязан защищать свою страну, когда ей угрожает опасность; поступая так, он действует в духе Маркса—Энгельса, в духе решений интернациональных конгрессов, которые признавали право каждой нации на независимость и самоопределение. Патриотизм не противоречит интернационализму, а так сказать, дополняет его, заявляет Потресов, пытаясь подвести «теоретическую, принципиальную» базу под патриотическую идеологию русских меньшевиков. Патриотизм — это, так сказать, необходимая ступень для пролетариата по пути к интернационализму [4]). Правда, Потресов с горечью вынужден признать, что патриотизм плохо прививается русским рабочим, что в России все еще нет патриотизма, как массового явления [5]). Он издевается над интернационализмом русского пролетариата, объясняет это отсталостью

---

[1]) З и н о в ь е в, том V, стр. 36. Подчеркнуто нами. *Г. В.*

[2]) Сборник «Самозащита», Петр. 1916 г., стр. 118.

[3]) «Наше дело» № 5—6, 1915 г., стр. 61.

[4]) «Самозащита», стр. 11—12.

[5]) Там же, стр. 21.

России, говорит, что не верит в «восточный интернационализм, который будто бы процвел и спасает честь социализма», что это не «в первый раз Пошехонье спасает Европу». Потресов однако утешается тем, что он видит, как из европейского окошка брезжит свет, и указывает: «через патриотизм, — иного пути нет, — в международное царство братства и равенства» [1]).

Среди доводов оборонцев большое место отводилось следующему: поражение России ослабит ее экономическое развитие, вредно отразится на развитии ее производительных сил, это ослабит пролетариат, а тем самым и освободительную борьбу в России. Этот довод являлся решающим в концепции Плеханова. Плеханов с начала войны занял ярую патриотическую позицию. Вместе с группой с.-р. Бунаковым, Авксентьевым и пр. он стал издавать в Париже журнал «Призыв», который занимал самую крайнюю шовинистическую позицию в вопросах войны, отстаивал войну до конца, ратовал за победу союзников и России. Плеханов в 1916 г. обратился к думской соц.-демократической фракции с советом голосовать за кредиты, указывая, что «голосование против кредитов было бы изменой по отношению к народу», требовал, чтобы Чхеидзе и другие вступили в Комитет содействия обороне [2]). В своей защите войны Плеханов доходил до того, что утверждал, будто царизм ведет необходимую справедливую войну, что, якобы, то, что царистская Россия требовала для Сербии, «совсем совпадало с требованиями социал-демократического интернационала» [3]). Свое желание победы России и поражения Германии Плеханов обосновывает такими «марксистскими» доводами. В случае поражения России Германия навяжет ей такие тяжелые условия, что это вредным образом отразится на ее экономическом развитии...

«Победа германского империализма, — говорит Плеханов, — явится сильнейшим препятствием на пути экономического развития России. А так как в своем качестве марксиста я думал и думаю, что экономика в последнем счете всегда сильнее политики, то для меня сейчас же ясно стало, что поражение России очень сильно замедлит ее экономическое развитие, стало быть и рост ее рабочего движения, тем самым весьма значительно отдалит время политической эмансипации России» [4]).

Нетрудно заметить всю несостоятельность этого довода Плеханова. Желание победы России мотивируется интересами экономического развития России. Но царизм и царистский режим являлись крупнейшим тормозом и препятствием, задерживающим это экономическое развитие. В результате победы этот режим конечно укрепится, т. е. задержка развития не уничтожится, а естественно усилится.

Плеханов считает, что поражение России вредно отразится на ее экономическом развитии, а отсюда и на ее освободительном движении. Но такой же довод выдвигал и немецкий соц.-шовинист Ленш, утверждая, что поражение Германии, ослабив ее экономически, ослабит в ней рабочее движение и тем отда-

---

[1]) «Самозащита», стр. 21.

[2]) Письмо к Бурьянову, «Призыв» № 17, 1916 г.

[3]) «О войне», стр. 63. Петроград, изд. М. Попова.

[4]) «Призыв» № 17, 1916 г.

лит момент победы социализма. Довод Плеханова ничуть не отличается от довода Ленша. Оба они обнаруживают узкий национальный эгоизм, буржуазный шовинизм и патриотизм, исходящий лишь из интересов «своего» отечества, но отнюдь не интернационализм, отнюдь не сознание солидарности международных пролетарских интересов.

Плеханов делает вид, что он строго придерживается метода марксизма, аргументирует законами экономического развития. На деле же эти рассуждения являются марксистскими лишь внешне, по форме, а по сути они являются чистейшими софизмами и издевательством над диалектическим методом Маркса,

На фронте р. Сомма (Франция). Марокканские всадники, готовящиеся к наступлению. Мировая война 1914—1918 гг.

которым так прекрасно владел Плеханов, до того как он стал патриотом. Плеханов не анализирует конкретного характера войны, не ищет ее связей с прошлой политикой господствующих классов, не выясняет ее реакционного грабительского характера и забывает о социалистических задачах пролетариата. Ссылка Плеханова на марксистский закон экономического развития, на связь экономики с политикой, на деле является лишь марксистской вывеской над не-марксистскими буржуазно-шовинистическими взглядами, которые в данном случае отстаивает Плеханов. В основе этих взглядов лежат мотивы буржуазного шовиниста и национал-либерала, который, вне зависимости от каких-либо соображений, просто желает победы «своему отечеству», успеха экономического развития «своей стране», и т. д.

Мы не будем останавливаться на остальных общих доводах Плеханова, что «социализм отнюдь не исключает любви к отечеству», что Маркс признавал «защиту отечества» и др. Эти доводы его ничем не отличались от доводов других социал-шовинистов западных и русских — Давида, Каутского, Потресова. В благородном деле фальсификации и извращений марксизма социал-шовинисты всех стран обнаруживали поразительное единодушие и замечательную близость и сходство доводов и аргументации. И неудивительно, ибо в основе это было одно и то же идейное течение, одна и та же идеология. Суть ее заключалась в замене революционного марксизма — оппортунизмом. Отказ от классовой борьбы и защита сотрудничества классов, отречение от идеи социальной революции, проповедь буржуазного шовинизма под именем патриотизма — такова сумма идей социал-шовинизма. На Западе элементы этой идеологии у оппортунистов имелись налицо уже до войны. Война только вскрыла их и дала им возможность полностью проявиться. Российский оппортунизм — ликвидаторство — давно уже подошел к «европейскому» оппортунизму и уже до войны обладал всеми его прекрасными качествами.

«Нехватало только одного признака: национализма, буржуазного взгляда на «державные» задачи своей нации, поддержки иностранной политики своего «отечества». Ныне и этот признак налицо: цикл развития завершен. В войне 1914 г. русский оппортунизм окончательно получил свое боевое крещение». Он сделался филиальным отделением, русской секцией международного оппортунизма. «Ликвидаторство сложилось в национал-ликвидаторство» [1]).

б) КАУТСКИАНСТВО.

Каутскианство или центризм.

Выше мы разобрали социал-шовинизм в его наиболее откровенной неприкрытой форме. Другой весьма распространенной формой социал-шовинизма являлось каутскианство, социал-шовинизм, прикрытый маской пацифизма. Представителями этого течения выступали Каутский, Гаазе и др. в Германии, окисты и Троцкий — в России, независимая рабочая партия — в Англии и т. д.

Интернациональным теоретиком и главой этого течения являлся Каутский, давший наиболее полное изложение взглядов центризма. Экономическим обоснованием этих взглядов служит его теория империализма. Каутский, как известно, выдвинул свою особую теорию империализма. Каутской рассматривает империализм лишь как особую политику, «предпочит емую финансовым капиталом».

Империализм не есть современный капитализм, а лишь одна из форм политики современного капитализма. Но это не единственно возможная форма политики, и ей Каутский противопоставляет другую, возможную, будто бы, буржуазную политику на той же базе финансового капитала. Получается, говорит Ленин, что «монополии в экономике совместимы с немонополистическим, ненасильственным, незахватным образом действий в политике, ... что территориальный раздел земли, завершенный как раз в эпоху финансового капитала и составляющий основу своеобразия теперешних форм соревно-

[1]) Зиновьев, т, V, стр. 154.

вания между крупнейшими капиталистическими государствами, совместим с неимпериалистской политикой» [1]). Получается затушевывание, замазывание самых коренных противоречий новейшей эпохи капитализма, получается буржуазный реформизм вместо марксизма.

Исходя из такой оценки империализма, сводящей на-нет все присущие ему коренные противоречия, Каутский приходит к выводу о возможности новой фазы империализма — фазы ультраимпериализма. «С чисто экономической точки зрения, — пишет Каутский, — не невозможно, что капитализм переживет еще одну новую фазу, перенесение политики картелей на внешнюю политику, фазу «ультраимпериализма», т. е. сверхимпериализма, объединения империализмом всего мира, а не борьбы их. Фазу прекращения войн при капитализме, фазу «общей эксплоатации мира интернационально-объединенным финансовым капиталом». Эта теория является насквозь фальшивой, ибо совершенно не учитывает конкретных условий эпохи финансового капитала, игнорирует закон неравномерности капиталистического развития. В самом деле, допустим, что несколько империалистских держав — Англия, Франция, С. Штаты и др., эксплоатирующие 6—7 сот миллионов душ в Индии, Индо-Китае и Китае, составили союз для «мирного раздела» названных стран. Можно ли предположить, чтобы при капитализме эти союзы не были бы кратковременными? Разумеется, нет. Ибо при капитализме немыслимо иное основание для раздела сфер влияния, интересов, колоний и пр., кроме учета силы участников дележа, силы общеэкономической, финансовой, военной и т. д., а сила у участников дележа изменяется неодинаково, ибо капитализм развивается неравномерно. Полвека тому назад Германия была экономически отсталой по сравнению с Англией, тоже — Япония по сравнению с Россией, а теперь соотношение между ними стало совершенно другим. Но с изменением силы участников союза между ними неизбежна борьба за более равномерное участие, за передел долей и прав участия, соответственно возросшей силе тех или других участников. Поэтому такие союзы империалистов являются лишь передышками между войнами, они, в свою очередь, обусловливают и подготовляют войну. Поэтому теория ультраимпериализма Каутского является на деле реакционной мещанско-пацифистской утопией, не имеющей под собой реальной почвы в действительных отношениях современного капитализма.

Беспомощность этой теории империализма особенно наглядно проявляется у Каутского при объяснении им причин войны.

«Перед войной, — пишет Каутский, — в Западной Европе отсутствовали спорные империалистические пункты. Они все были раньше урегулированы... Война разразилась в такой момент, когда не было налицо ни одного спорного империалистического вопроса между Англией и Германией» [2]).

Чем же была она вызвана, если все спорные империалистические вопросы были разрешены? Оказывается, главной причиной войны было соперни-

---

[1]) Ленин, т. XIII, стр. 309, Гиз, 1924 г. — Последующие цитаты из XIII тома Ленина также взяты по изданию 1924 г.

[2]) Каутский. «Национальное государство, империалист. государство и союз государств», изд. 1917 г., 73 — 74.

чество в вооружениях. «Это состязание в вооружениях, — говорит Каутский, — должно было неминуемо привести к войне, если бы оно не было во-время приостановлено, — даже при условии, если бы все спорные империалистические пункты удалось уладить путем мирных соглашений». Итак, соперничество в вооружениях, которое является следствием противоречий империализма, — вот собственно причина и источник войны. Неудивительно, что, исходя из такой оценки причин войны, Каутский обнаруживает не меньшую путаницу при определении характера войны. В одном случае он заявляет, что она империалистическая, в другом утверждает противоположное.

Позиция Каутского и каутскианцев в Германии по отношению к войне по существу мало чем отличалась от позиции правых. Они также проповедывали патриотизм и отстаивали идею «защиты отечества». Но эта защита социал-шовинизма проводится Каутским более тонкими методами, чем у откровенных социал-шовинистов. Социал-шовинисты свой откровенный грубый национализм защищали грубыми националистическими доводами. Плеханов заявлял: «Моя страна ведет справедливую войну, она является обороняющейся, мы, социалисты, должны защищать свое отечество». То же заявлял Зюдекум на противоположной стороне и с обратными выводами для германских социал-демократов. Каутский понимает,что вся эта аргументация весьма неубедительна, да и ставит социал-шовинистов во враждебную позицию друг к другу. Он старается примирить всех социал-шовинистов и обмануть рабочих более тонкими доводами. Каутский ведь помнит, что когда-то он сам учил рабочих, что к нынешней империалистической войне теория «обороны» и «нападения» неприменима. Поэтому он выдвигает другое положение, именно, что все социалисты поступили правильно, что и германские и французские социалисты имеют одинаковое право защищать свое отечество, что эта защита вполне примирима с марксизмом и Интернационалом, который будто признает за каждой нацией право на защиту своей независимости.

«Марксистское понимание, — пишет Каутский после начала войны, — может в данном случае притти к выводу, что у различных держав господствуют одинаковые тенденции, ставящие их во враждебные отношения друг к другу, и что в этом отношении ни одна из них не может упрекнуть другую». «Если, несмотря на все усилия социал-демократии, дело дойдет до войны, то каждая нация должна спасать свою шкуру, как только она может. Из этого для социал-демократии всех наций вытекает одинаковое право или одинаковая обязанность принимать участие в такой защите, причем никого не приходится упрекать за это» [1]).

Не правда ли, какое замечательное рассуждение? Так как противоречия интересов приводят империалистов к войне... то поэтому пролетарии должны истреблять друг друга во имя торжества какой-либо группы этих империалистов; за это никто из них не вправе упрекать другого, ведь они выполняют священный долг... «социалистов».

Во время войны, говорит Каутский, с точки зрения социализма речь может итти лишь о том, победа какой стороны наиболее желательна в интересах

---

[1]) «Neue Zeit» от 2 октября 1914 г. Подчеркнуто нами.

исторического прогресса (как будто реакционная война 1914 г. была прогрессивна на какой-либо стороне!). Неверно, говорит он, что надо относиться одинаково отрицательно к той и другой стороне. Маркс всегда желал успеха какой-либо одной стороне в прошлых войнах. Каутский прибегает здесь к тому же софизму, что и Давид и другие. Так как Маркс в прошлых национально-освободительных войнах желал победы той стране, успех которой был в интересах исторического развития, то поэтому в нынешней реакционной грабительской войне, когда налицо имеются предпосылки социализма, социалисты должны поддерживать какую-либо коалицию империалистов. «На чью сторону стать, — пишет Каутский, — это и есть та особенная проблема, которую война приносит с собой для социалистов. Возникает именно эта проблема, а не вопрос о наиболее «целесообразной тактике» [1])... Но если нужно желать успеха одной стороне, то не приходит ли Каутский к выводу, что немецкие социал-шовинисты должны желать победы не своему немецкому «Фатерланду», а, скажем, чужому, французскому, или наоборот. О нет, Каутский далек от таких опасных выводов, он выходит из затруднения посредством забавного логического трюка. Оказывается, что

«интернациональная солидарность совсем не обусловливает одинакового ответа повсюду. Интернационалисты в этом вопросе могут приходить к совершенно различному пониманию в зависимости от различного фактического материала, на основании которого всякий делает свое заключение» [2]).

Французские социал-патриоты могут считать, что победа их «отечества» в интересах социализма, немецкие — могут считать правильным обратное, и то и другое, по Каутскому, будет вполне интернационально.

Однако сколько бы ни старался Каутский доказать правильность поведения социал-шовинистов, сколько бы ни заявлял он, что с Интернационалом ничего не случилось, факт краха Интернационала был налицо, и от этого факта никак нельзя было уйти. Официозный теоретик Каутский попытался найти и для этого факта теоретическое оправдание. Суть выдвинутой им по этому поводу теории состоит в том, что до войны границы действия Интернационала переоценивались будто бы, от него ожидали больше того, что он в состоянии сделать. Ныне война приведет к лучшему пониманию Интернационала. Война не убьет Интернационал,—говорит Каутский,—она приведет лишь к лучшему пониманию границ действия Интернационала. Мы ошиблись, думая, что Интернационал гарантирует нам единообразное отношение к войне всего социалистического пролетариата.

«Это означает, что Интернационал не является действующим средством во время войны. Интернационал по существу является орудием мирного времени, и в двояком смысле, Интернационал может со всей силой развернуть свое влияние только во время мира. И поскольку Интернационалу это удается, он действует всегда в пользу мира» [3]).

---

[1]) Каутский. «Война и Интернационал», стр. 45, изд. «Наша мысль».

[2]) Там же, стр. 10—25.

[3]) Там же, стр. 41.

Интернационал — орудие лишь мирного времени, в военное время сей инструмент перестает действовать! В мирное время существует пролетарская солидарность, действует лозунг: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», а во время войны действует другой лозунг: «Пролетарии всех стран, убивайте друг друга!» Вот до какого подлого лицемерия и гнусного фарисейства дошел Каутский в своем стремлении обелить и «теорией» оправдать шовинизм.

По существу же, если отвлечься от его бессовестного лицемерия, заявление это исходит из чисто обывательских рассуждений, что война все ставит вверх ногами. Во время мира существует классовая борьба, есть пролетарская солидарность, а во время войны все это исчезает и пролетариат вкупе и влюбе со своей буржуазией «защищает отечество». Марксизм же учит, что война есть продолжение политики, только иными, насильственными, средствами. Перед войной политика господствующих классов была империалистической; война является продолжением этой политики другими, военными средствами. Но положение классов и классовые противоречия остались те же и еще во сто крат обострились. Марксист Каутский все это затушевывает, «забывает» и, лакейски прислужничая перед социал-шовинистами, фальсифицирует и опошляет марксизм. Вполне заслуженно Р. Люксембург обозвала его за это «Mädchen für alle» (проститутка).

Измена марксизму Каутского и вождей II Интернационала всего нагляднее видна на примере их отношения к вопросам революции. Резолюции Штутгартского и Базельского конгрессов прямо ставят в связь очередную войну с революцией. Они говорят, что вызванный войной кризис социалисты должны использовать для ускорения краха капиталистического господства вообще. Каутский не только прекрасно знает эти резолюции, но и сам в своих статьях до войны не раз ставил вопрос о связи очередной войны с революцией.

«Всемирная война становится угрожающе близкой, а война означает также революцию... Не может быть уже речи о преждевременной революции», писал Каутский в 1909 г. в брошюре «Путь к власти».

«Несомненно, что будущая империалистическая мировая война повлечет за собой революционный переворот... Империалистическая всемирная катастрофа несомненно будет началом социалистического мирового переворота» [1]).

Так писал О. Бауэр в 1908 г. Такие же заявления делали Бебель и др. Теперь эта мировая катастрофа наступила. Каутский пишет брошюру за брошюрой, но о резолюциях Штутгарта и Базеля ни слова. Он даже иногда цитирует эти резолюции, но как раз те места их, которые говорят о революционной тактике пролетариата в данной войне, он опускает и обходит «так же осторожно, как вор обходит место своей последней кражи» (Ленин). Вместо лозунга революции Каутский и каутскианцы выдвинули пошленькую теорию буржуазного пацифизма, жалко взывали к господствующим классам, чтобы те поскорее дали мир. О революции же господа каутскианцы, как и все социал-шовинисты, «забыли».

---

[1]) Зиновьев, т. V, стр. 203.

Практическая программа каутскианцев заключалась в требовании мира — таково основное содержание их агитации, и этим единственно они и отличались от откровенных социал-шовинистов. Последние обычно стояли за борьбу до победного конца. Лозунг мира каутскианцы выдвигали обычно в виде целой программы мира демократического, мира без аннексий и контрибуций, разоружения, создания третейских судов для разрешения спорных вопросов и т. д. С этой программой мира они апеллировали к господствующим классам, от них они требовали и ждали ее осуществления. Они не призывали рабочий класс к революционным действиям, чтобы положить конец преступной войне господствующих классов, а всячески убеждали и усовещевали Гинденбурга и Фоша, что война вещь вредная и нехорошая, что народы желают мира, что в их же интересах дать этот мир скорее и т. д. Эта проповедь мира была чистейшим видом буржуазного пацифизма, ничего общего не имеющего с марксизмом. Марксизм, в противоположность буржуазному пацифизму, не является принципиальным противником войн вообще. При капитализме войны неизбежны. Марксисты не отрицают прогрессивного значения революционных войн, таких войн, какие велись в прошлом (1789—1871 гг.) за свержение чуженационального гнета, за свержение феодализма и абсолютизма. Марксисты, далее, безусловно за войну, которую поведут угнетенные колониальные народы за освобождение от империализма. Они за войну, которую должен будет повести победивший буржуазию пролетариат для охраны завоеваний пролетарской революции. Каутскианская проповедь мира, не сопровождавшаяся призывом к революционным действиям была вреднейшим обманом масс, ибо сеяла иллюзии, будто буржуазия хочет и может дать действительно демократический мир. Вместо того, чтобы разоблачать эту ложь и сказать пролетариям, что мир, заключенный буржуазией, будет такой же реакционный и грабительский, как и война, что демократический мир может дать лишь пролетариат, если он революционным вмешательством положит конец войне, они обманывали рабочих сладенькими пацифистскими фразами о скором и демократическом мире и т. д.

В начале войны «оппозиция» войне со стороны Каутского и каутскианцев в Германии вообще была мало заметна и проявлялась разве лишь в тайных вздохах о происходящем вокруг зле. Они всячески старались избегать гласного обсуждения спорных вопросов о войне, а тем более какого-либо осуждения официальной политики партии, мотивируя это соображениями необходимости сохранить «единство» партии.

«Теперь не время вести споры публично, — заявлял Каутский в начале войны. — Но тем больше обязан каждый товарищ обсудить и обследовать все вопросы, вызванные войной, разобрать их в тесном кругу, чтобы в тот момент, когда наступит время свободного их обсуждения (т. е. после войны, очевидно. *Г. В.*), он мог выступить с обдуманным и твердым убеждением» [1]).

Итак, пусть пока немецкие пролетарии храбро выполняют свой долг по защите капиталистического отечества, когда война кончится, Каутский и другие все «обсудят и обследуют» и тогда уже твердо скажут им, в полном или

[1]) «Война и Интернационал», стр. 7.

неполном согласии с Интернационалом они разбивали черепа французским рабочим и давали им разбивать свои.

Однако по мере того, как война затягивалась и недовольство рабочих масс официальной политикой партии становилось все больше, каутскианцы вынуждены были выступить несколько более решительно. Они теперь стали критиковать наиболее резкие проявления шовинизма со стороны отдельных лидеров партии, стали требовать от партии более энергичной политики в пользу мира. Но они и не думали *серьезно* бороться с социал-шовинистами, они и слышать не хотели о разрыве с ними. Они отстаивали «единство» партии во что бы то ни стало, т. е. единство с Давидом — Зюдекумом. Но, оставаясь

Мировая война. Английская подводная лодка в Северном море в бурную погоду.

в партии Зюдекумов — агентов буржуазии в рабочем классе, — они могли делать лишь то, что угодно было Зюдекуму и буржуазии, т. е. на деле становились их прислужниками в деле предательства рабочих. Поэтому вся «оппозиционность» каутскианцев носила лишь словесный, показной характер и являлась глубочайшим обманом масс. Их мнимая оппозиционность служила лишь тому, чтобы ничего незначащей фразой успокоить революционное возбуждение масс.

Мы рассмотрели основные положения Каутского и каутскианцев. В основном, как мы видим, они стояли целиком на точке зрения социал-шовинизма, но этот *социал-шовинизм у них более прикрытый и более замаскированный*. В этом смысле он был *вреднее и опаснее откровенного социал-шовинизма*. Послед-

ний сам разоблачал себя своими откровенно-буржуазными проповедями, между тем как каутскианский прикрытый социал-шовинизм труднее было разгадать, и поэтому он мог дольше обманывать рабочих. Борьба последовательных интернационалистов, в частности большевиков, и была направлена в первую очередь против каутскианства.

«Каутский всех лицемернее, всех отвратительнее и всех вредней. Каутского ненавижу и презираю сейчас хуже всех: поганенькое, дряненькое и самодовольное лицемерие... Нет на свете теперь ничего более вредного и опасного для идейной самостоятельности пролетариата, как это поганое самодовольство и мерзкое лицемерие Каутского, желающего все затушевать и замазать, успокоить софизмами... разбуженную совесть рабочих» [1]).

Так неустанно заявлял Ленин, требуя решительной, беспощадной борьбы с этой формой обмана рабочих.

В разных странах «каутскианство» или центризм принимал ту или иную форму, тот или другой оттенок, но основная идейная база оставалась одна и та же. В Англии независимая рабочая партия выступала против методов дипломатии, обвиняла ее в том, что та

«вместо того, чтобы стремиться к объединению Европы в один союз для совместного обеспечения мира, умышленно старалась разделить Европу на два вооруженных лагеря, была полна коварства, хитрости и тайн, покушаясь на то лучшее, что есть у соседей» [2]).

Как будто буржуазная дипломатия стремится к чему-нибудь иному, кроме подготовки войны и ограбления соседей. Этот же «Манифест» заявляет о готовности защищать «нашу национальность и самостоятельность», т. е. английских империалистов, но вместе с тем говорит, что «не может радоваться этому организованному избиению десятков тысяч рабочих других стран», требует скорейшего окончания войны и демократического мира.

Французские каутскианцы — сторонники Лонге — полностью поддерживали «защиту отечества», так же как и социал-шовинисты говорили о «национальной обороне», «восстановляли права» и т. д., но вместе с тем позволяли себе оппозиционный жест в парламенте и печати и робко вздыхали о мире.

Правда, под влиянием роста недовольства рабочих масс центристы вынуждены были позже пойти на раскол с правыми. В марте 1916 г. произошел раскол во фракции рейхстага, центристы создали свою отдельную фракцию «Трудовое содружество», а в апреле 1917 г. раскол произошел и в партии, центристы образовали независимую социал-демократическую партию. Но и после этого их политика в основном и существенном была такая же, как и до этого.

Благодарную почву нашло для себя каутскианство в России, где было трудно выступать открыто с шовинистическими лозунгами и больше чем где-либо оппортунистам нужно было маскировать свой шовинизм интернационализмом. Вместе с тем в России более наглядно обнаруживалась действительная роль «центристов» — служить прикрытием для откровенного социал-шовинизма. Здесь мы видим некоторое разделение труда: в то время

---

[1]) «Ленинский сборник», т. II, стр. 198—201.

[2]) «Манифест независимой рабочей партии», «Голос» № 23, 1914 г., Париж.

как «Наша заря» и др., которые вели всю практическую работу ликвидаторов в массах и имели некоторое влияние среди отдельных групп рабочих и интеллигенции, выступают открыто как социал-шовинисты, — ОК и фракция Чхеидзе выступают «оппозиционно», делают «интернационалистские» заявления, едут в Циммервальд, и т. д. В России мы встречаем два крыла центризма: правый «центр» — ОК и фракция Чхеидзе, и левый «центр» — Троцкий. Рассмотрим взгляды правого «центра».

Мартов в начале войны занял было интернационалистскую позицию. Он был в это время фактическим редактором газеты «Голос», начавшей выходить в Париже, и вел ее, в общем, прилично. В ряде статей, писанных в это время, он оценивает войну как империалистическую, вызванную столкновением империалистских интересов Англии и Германии, противоположностью экспансивных тенденций австрийского и русского правительств, противоположностью интересов международной буржуазии и пролетариата, грозившего ее господству. Наступившая империалистическая эпоха, войны, которые она несет с собой, указывает он, вызывают обострение внутренних социальных противоречий, будят освободительные движения угнетенных колониальных народностей и создают крайнюю неустойчивость общественных отношений. В Европе создается ситуация, которой не было с эпохи буржуазных и национальных революций. Перед пролетариатом становится дилемма: или постоянные войны на пути к окончательному торжеству империализма, или решительные этапы классовой борьбы на пути к его ликвидации.

«Для демократии, — заключает Мартов, — эта перспектива означает наступление периода решительной непосредственной борьбы за овладение властью в развитых капиталистических государствах, как единственного выхода из тупика, в который загоняет общество империализм» [1]).

В это же время Мартов пишет несколько статей, направленных против социал-шовинистической позиции Плеханова. Мартов резко критикует позицию, занятую по отношению к войне центральным органом германской социал-демократии «Форвертсом», который согласился на требование военного командования не говорить о классовой борьбе. По этому поводу он прямо заявляет: «умер «Форвертс».

В этот период Мартов выступал как интернационалист; большевистский «Социал-Демократ» с одобрением отмечал его выступления. В письме к Шляпникову от 27 октября 1914 г. Ленин пишет: «Рад прекрасному (в общем) ведению «Голоса» Мартовым в Париже. Но боюсь смертельно, что Мартов (и иже с ним) переметнется к позиции Каутского — Трульстры» [2]). Эти опасения скоро оправдались: Мартов действительно «переметнулся».

Этот поворот Мартова обнаружился в его выступлении в защиту русских ликвидаторов, выступивших с знаменитым обращением к Вандервельде: Мартов видит в этом документе лишь «блуждания» некоторых петербургских товарищей, вызванные сложностью проблем, поставленных новой обстановкой, но отсюда, говорит он, «еще далеко до социал-шовинизма». В своем стремлении

[1]) М а р т о в. «Сборник статей против войны», стр. 43, изд. 1917 г

[2]) «Ленинский сборник», т. II, стр. 200.

обелить ликвидаторов Мартов доходит до того, что этот позорный манифест, говорящий о непротиводействии ведению царизмом войны, Мартов называет «р е з к о а н т и ц а р и с т с к и м» [1]). Это уже была полная капитуляция перед социал-шовинистами. Мартов опять вернулся в родное гнездо к ликвидаторам. Хотя и после этого он иногда еще проявлял колебания, но в основном и решающем шел вместе с Аксельродом — Потресовым.

Аксельрод с самого начала войны стоял на более определенной позиции, именно на позиции социал-шовинизма, в духе каутскианской его разновидности. Хотя он признает войну империалистской, но из этого, по его мнению, не следует, что все участники одинаково виноваты в ее возникновении. Этого виновника он видит в Германии, хотя не отрицает, что и французские империалисты стремились, конечно, «через два-три года вызвать войну». Отсюда он считает, что «нельзя ставить на одну доску вступление Гэда, Самба, Вандервельде в правительство с вотированием кредитов германской социал-демократией» [2]). Но и для германской социал-демократии Аксельрод находит смягчающие обстоятельства: «я не обвиняю германский пролетариат и его партию в измене» (там же). Он говорит лишь, что германская социал-демократия обнаружила недостаточную проницательность тем, что не обнаружила, кто зачинщик. На самом же деле поведение немецкой социал-демократии, как Гэда и других, несомненно является вопиющей изменой социализму, и оценка их поведения Аксельродом является оппортунистической. Аксельрод делает двойной поклон: один в сторону немецких социал-шовинистов, другой — в сторону французских. «Взятые вместе, эти поклоны и составляют образцовый «российско-бундовский» социал-шовинизм» [3]).

Аксельрод прямо заявляет, что социал-шовинист Плеханов ему «ближе», чем интернационалист Ленин с его «межевательным фанатизмом», т. е. требованием разрыва с оппортунистами. Надо быть «сугубо осторожным с обвинениями таких людей, как Гэд, в оппортунизме», заявляет Аксельрод. Той же «осторожности» он требует, разумеется, и в оценке шовинизма русских ликвидаторов, заявив год спустя после начала войны, что он «не причислял и не причисляет группу «Нашей зари» к националистскому лагерю» [4]).

Эти оттенки в мнениях Мартова, Аксельрода и др. окистов не являлись принципиальными разногласиями, и скоро они вместе дружно взялись за работу. Работа эта, главным образом, заключалась в том, что они защищали и выгораживали русских ликвидаторов, скрывая их шовинизм и изображая их перед Европой верными интернационалистами. Мартов выступает, правда, несколько более «лево», но здесь играли роль не столько его индивидуальные свойства, сколько та среда, перед которой он выступал в Париже, где сильны были интернационалистские элементы в русской эмиграции. Он сам это откровенно признает в одном письме к Аксельроду. Он говорит, что расходится с Аксельродом лишь во «второстепенных вопросах», и расхождения эти он объясняет лишь тем, что оба «они имеют перед собою разную публику, задача

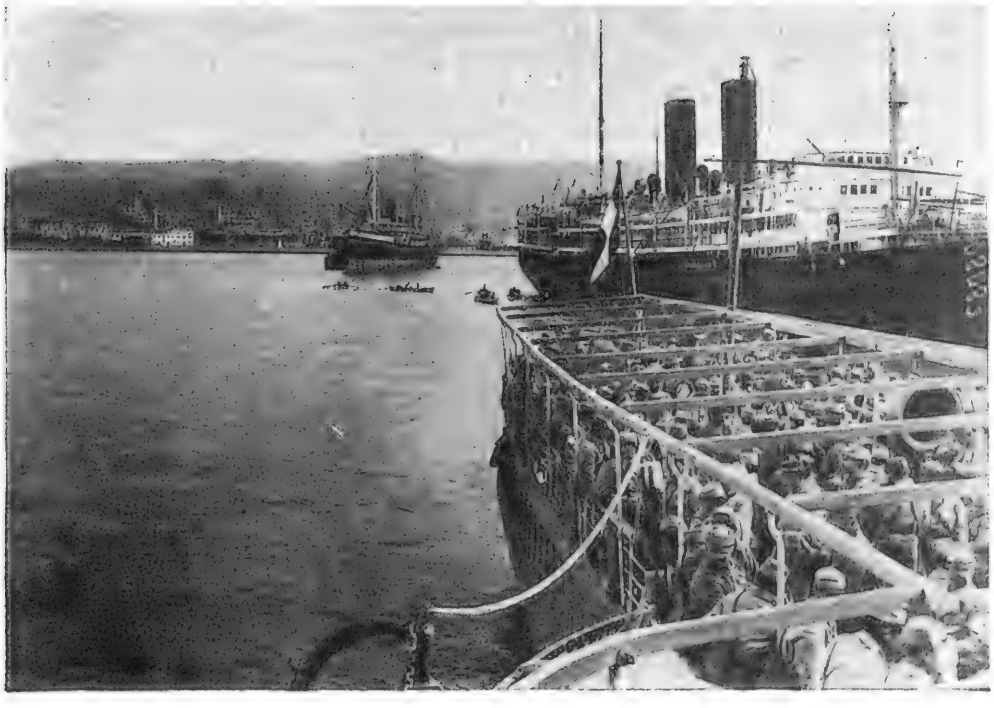
[1]) «Голос» № 87, 1914 г. Подчеркнуто Мартовым.

[2]) Там же, № 86, 1914 г.

[3]) Л е н и н, т. XIII, стр. 42.

[4]) Т р о ц к и й. «Война и революция», том II, стр. 59, изд. 1923 г.

воздействия на которую обусловливает подход к вопросу» [1]). Мартов здесь прямо выбалтывает, что его «левизна» — лишь маскировка, вызванная потребностью «воздействия» на свою публику, т. е. попросту для лучшего ее надувательства. Из той же переписки мы узнаем, что «интернационализм» оокистов, их «отмежевывание» от чересчур откровенных шовинистических выступлений русских ликвидаторов были вызваны не действительным интернационализмом и желанием борьбы с социал-шовинистами, а главным образом соображениями «воздействия на публику». После того как шовинистические взгляды русских ликвидаторов подверглись беспощадной критике со стороны большевиков, Мартов вынужден был выступить с открытым письмом, в котором также



Мировая война. Высадка французских войск в Салониках.

критиковал эти взгляды и слегка отмежевывался от позиции своих русских единомышленников. В переписке с Аксельродом он объясняет, почему он вынужден был выступить. Он указывает, что «дезавуирование» этих взглядов являлось неизбежным, ибо они были явно «компрометирующими», ничем, кроме «шовинистических пошлостей», не отличались от плехановских взглядов. Он говорит, что Плеханов печатно заявил, что «я не имею права говорить от имени кого бы то ни было, так как мои «собственные друзья» из «Нашей зари» стоят на другой точке зрения». С другой стороны, левые требовали ответа. «Гласно вопрошали: «буду ли я иметь мужество отречься от солидарности с моей кликой», как это сделали некоторые ученики Плеханова по отноше-

[1]) Письма Аксельрода и Ю. Мартова. Материалы по истории русского революционного движения, т. I, стр. 337.

нию к нему» [1]). Поневоле пришлось открыто отречься, — другого выбора не оставалось. Иначе нужно было прямо зачислиться по шовинистическому ведомству Плеханова. Но, выступая с «критикой» русских социал-шовинистов, отмежевываясь от их чересчур откровенных выступлений, окисты ни в малейшей мере не думали о серьезной борьбе с этими взглядами, они озабочены были лишь одним, — как бы получше прикрыть эти взгляды, и главное, что их беспокоит, это то, что они опасались, как бы социал-шовинисты в России не выкинули такой трюк, что уже нельзя было бы их прикрывать. А в этом отношении «русские друзья» действительно причиняли окистам не мало беспокойства. В письме к Аксельроду Мартов выражает опасения, как бы эта группа не выступила против позиции думской фракции вообще, или за Манькова [2]) в частности, и тогда наше «менажирование» их (т. е. прикрытие), с которым я лично сейчас солидарен, примет в глазах всех одиозный характер» [3]). Действительно опасения Мартова были вполне обоснованы: в глазах последовательных интернационалистов позиция русских центристов была весьма «одиозна». Заграничному ОК действительно приходилось всячески изворачиваться в деле обеления своих шовинистских единомышленников, приходилось прибегать ко всяким увертkам и крючкотворству, чтобы их выгораживать. В этом отношении ОК не брезговал никакими средствами, доходил до самых беззастенчивых поступков вплоть до того, что, издавая по-немецки декларацию русских меньшевиков, он выпустил всю первую часть, где говорилось об оборончестве и патриотизме, и дал перевод лишь той части, которая имела вполне благовидный интернационалистский характер.

Русские центристы (ОК и фракция Чхеидзе) не выдвинули никакой самостоятельной программы борьбы против войны. Против революционной тактики большевиков, лозунга «гражданской войны», «поражения» они выступали самым решительным образом. Генеральный лозунг, который выдвинут был ими против войны, был формулирован таким образом: «Ни побед, ни поражений! — только таким сейчас может быть лозунг всех выдержанных интернационалистов» [4]). Этот лозунг фактически являлся перенесением на русскую почву каутскианского положения, что все нации вправе «защищаться» от вторжения. Выступать с лозунгом победы России центристы не могли, это был бы явный абсурд. Между тем лозунг «ни побед, ни поражений» в скрытом виде протаскивал ту же патриотическую идею: не допустить поражения. Умные оппортунисты иначе и не ставили вопроса: «Мы не за войну, мы против поражения», заявлял немецкий оппортунист Давид. Хотя окисты и заявляли, что этот лозунг всех «выдержанных интернационалистов», он от этого не становился лучше, и на деле это был лозунг, в лучшем случае, колеблющихся социал-патриотов. Мотивировали его окисты, конечно, доводами от чистейшего интернационализма. Мы не можем, — говорили они, — желать победы ни одной стороне, ибо обе группировки борются ради империалистических интересов. Но мы не можем также быть и за поражение одной стороны, ибо это усиливает

[1]) «Переписка», стр. 323—324.

[2]) С.-д. меньшевик, депутат IV Гос. думы, высказавшийся за голосование кредитов.

[3]) «Переписка», стр. 335.

[4]) «Изв. Заграничн. секр. ОК», № 2, 1915 г.

империализм противной стороны. Выдвигая лозунг поражения, мы действуем на-руку социал-патриотам противоположной стороны, которые будут использовать это для обмана своих рабочих, ссылаясь на это как на подтверждение того, что их отечество ведет справедливую войну, ибо социалисты другой стороны тоже за поражение своей страны. Эти доводы, которые на разные лады повторялись всеми русскими центристами, на деле являлись чистейшими софизмами. Выдвигая лозунг поражения, интернационалисты требовали, чтобы социалисты всех стран вели революционную борьбу против войны, затеянной их империалистической буржуазией, и стремились бы превратить эту войну в гражданскую, т. е. победу социализма. Лишь ведя такую борьбу, которая, естественно, вела к поражению в войне буржуазии данной страны, можно было как раз разоблачать все предательство социал-патриотов, которые не ведут борьбы с войной, а поддерживают ее. Сделав своим критерием «ни поражения» (т. е. ни поражения царского правительства), центристы логически скатывались к патриотизму, оборончеству и отказу от революционной борьбы. Ибо ясно, что всякая серьезная оппозиция, всякие действительно революционные действия против правительства, ведущего войну, безусловно ослабляют его, содействуют и облегчают его поражение. Лозунг «ни поражения» логически вел к отказу от революционных действий, к теории гражданского мира и знаменитому «непротиводействию» русских ликвидаторов.

И действительно лозунг «ни побед, ни поражений» у окистов на деле служил лишь флагом для прикрытия идеи оборончества. Это явствует из всего их дальнейшего поведения. ОК одобрял вхождение в военно-промышленные комитеты, и хотя при этом он и говорил о революционных мотивах, о мобилизации сил рабочего класса и т. д., на деле же имелись в виду цели обороны. В изданной ОК нелегальной прокламации, где они естественно могли говорить свободнее и прямее, чем Чхеидзе в Думе, мы не встречаем ни единого слова, принципиально отвергающего оборону в данной войне, в ней нет ничего принципиально неприемлемого для социал-шовинистов. Зато мы встречаем целый ряд заявлений в духе чистейшего оборончества. «Страна на краю гибели. Пролетариат не может относиться безразлично к надвигающемуся разгрому», «пролетариат кровно заинтересован в самосохранении страны» и тому подобные фразы читаем мы в этой прокламации [1]). Мы видим здесь те же лживые фразы и тот же обман рабочих, что и у социал-оборонцев.

Грабительскую войну царя и помещиков и их стремления «спасти» великодержавные привилегии они называют — спасением страны от разгрома, помогая этим помещикам и буржуазии обманывать народ.

Практические предложения по вопросу о войне у русских «центристов» сводились к той же пацифистской программе мира, что и у всех каутскианцев. В этом духе выступала в Думе фракция Чхеидзе, с той разницей, что по условиям России она голосовала против кредитов и держалась оппозиционной позиции по отношению к царизму. В таком же духе выступали и окисты, выдвигая лозунг мира, как основной стержень для деятельности интернационалистов. Аксельрод даже разработал целый план практической борьбы за мир. В статье

[1]) Сб. «Интернационал и война» № 1, стр. 144, изд. ЗСОК.

«С чего начать» [1]) он выдвигает план собирания подписей среди русских рабочих в пользу мира и подачи петиции международному совещанию социалистов. В то же время он высказывается против борьбы масс за мир. «План теперь же начать призывать рабочие м а с с ы (подчеркнуто Аксельродом) к боевым выступлениям (демонстрациям, политическим стачкам и т. д.) кажется мне преждевременным и крайне рискованным», заявляет он там же. Таким образом лозунг мира сводился лишь к пацифистскому воздыханию о мире и выражал скорее невинное платоническое пожелание, чем реальную программу борьбы за мир.

Ложь и лицемерие интернационалистской фразы русских центристов, сразу обнаруживались, когда вставал вопрос о решительной борьбе с оппортунистами, о разрыве с русскими социал-шовинистами. Рвать с социал-шовинистами окисты и не думали, ограничиваясь заявлениями о своем «несогласии», о «расхождениях» и т. д. А вся их деловая программа сводилась к отстаиванию единства с ними и к борьбе с «раскольниками», т. е. большевиками. Эту линию они проводили как в отношении русских социал-шовинистов, так и в отношении социал-шовинистов других стран. Мартов и Аксельрод выступают против «отбора праведников» и зачисления в ряды «грешников», т. е. против деления на социал-шовинистов и интернационалистов и против отмежевания одних от других. Они отрицают связь социал-шовинизма с оппортунизмом. Вину за измену вождей II Интернационала Мартов сваливает на «ограниченность исторической эпохи, предшествовавшей войне» [2]). Но он предлагает не судить их строго, щадить вождей и «беречь Гэда, Каутского, Вандервельде» для будущего. Отсюда и программа восстановления Интернационала из старых партий, т. е. вместе с оппортунистами или вернее с ними во главе. Аксельрод возмущается против того, что хотят изгнать из «царства праведников» группу русских литераторов, т. е. ликвидаторскую группу «Нашей зари», за некоторые «промахи», или за то, что ее взгляд на причины войны несколько другой, чем у большинства интернационалистов. Когда по инициативе «Нашего слова» проектировалась конференция интернационалистских групп русской социал-демократии, то окисты прямо заявили, что без социал-шовинистов из «Нашей зари» они ни на какие совещания не пойдут. Отстаивая единство с социал-шовинистами, центристы на деле доказывали, что все их расхождения с ними — лишь фикция и обман масс. Действительно, в России среди рабочих боролись два течения: большевистское, с одной стороны, ликвидаторское-гвоздевское — с другой. Это наглядно обнаружилось при выборах в военно-промышленные комитеты, где выступали две группы: интернационалисты и гвоздевцы. Третьего течения (центристского) не оказалось, окисты же являлись лишь ширмой и флагом для гвоздевской партии.

Русский левый «центр» — троцкизм.

Другое крыло русского «центризма» составляли Троцкий и его группа. Это течение группировалось, главным образом, вокруг газеты «Наше слово»,

[1]) «Известия» ОК № 2.

[2]) «Наше слово» № 16, 1915 г.

выходившей в Париже взамен закрытого «Голоса» в течение 1915 и по осень 1916 года. Газета держалась в общем интернационалистского направления хотя и недостаточно цельно и последовательно. В идейно-политическом отношении газета не представляла единого течения, в ней принимали участие представители разных фракционных течений: «нефракционные» (Троцкий и его группа), Мартов и его единомышленники (позже ушли), впередовцы и др. В числе ее сотрудников были Троцкий, Мартов, Л. Владимиров, А. Коллонтай, А. Лозовский, А. Луначарский, Д. Мануильский, Овсеенко-Антонов, М. Павлович, М. Покровский, К. Радек, Рязанов, Х. Раковский, В. Сокольников и др. Под влиянием уроков войны, с одной стороны, критики большевиков—с другой, позиция газеты делалась все более решительной. Она все более приближалась к большевикам, однако вплоть до ее закрытия разногласия по ряду важнейших вопросов не были ликвидированы, и общий тон газеты продолжал оставаться троцкистским, т. е. «центристским».

К началу войны троцкизм находился в общем лагере ликвидаторов в качестве особой подфракции, безуспешно пытавшейся проводить свою знаменитую «среднюю» «нефракционную» линию. Ту же линию Троцкий пытался сохранить и после начала войны, соответственно приспособив эту линию к новым условиям, созданным войной. Это оказалось несколько труднее, так как на эту почтенную роль «центра» нашлись другие претенденты — деятели ОК. Троцкому оставалось только играть роль отдельного крыла, особого оттенка, внутри самого русского «центра». Какова же была эта линия в вопросах, поставленных войной?

Теоретическая установка Троцкого, из которой он исходит при решении проблем войны, его понимание и характеристика империализма безусловно неудовлетворительны. Троцкий в своем определении империализма отмечает и выпячивает на первый план лишь один его момент — перерастание национальных границ. Капитализм перерос национальные границы, «национальное государство» пережило себя, как рама для развития производительных сил, «империализм есть капиталистически-хищническое выражение этой (централистической. *Г. В.*) тенденции хозяйства — окончательно вырваться из идиотизма национальной ограниченности» [1]). Такова в основном та характеристика империализма, которую мы находим у Троцкого.

Эта характеристика страдает явным упрощенчеством и чрезвычайным схематизмом. Перерастание капитализмом национальных границ, конечно, присуще империализму, но не эта черта является основной. Такими основными чертами являются: монополизм, загнивание капитализма и закон неравномерности капиталистического развития. Все это упускается в характеристике Троцкого. Троцкий далее переоценивает тенденции империализма к централизму, к образованию единого мирового хозяйства, и в то же время упускает, либо недостаточно учитывает противоречия империализма, которые препятствуют этим централистическим тенденциям современного капитализма. Эта переоценка централистических тенденций капитализма особенно

[1]) Троцкий. «Война и революция», т. II, стр. 471.

обнаруживается в выдвинутом им лозунге Соединенных Штатов Европы, который Троцкий экономически обосновывал категорической необходимостью для современного капитализма осуществить свои централистические стремления, разрушить и сломать стесняющие развитие капитализма границы национальных государств с их таможенными барьерами и перегородками. Что эти стремления заложены в самом развитии капитализма, это абсолютно верно; но Троцкий переоценивает возможность их реализации, когда он допускает «создание империалистического треста европейских государств», хотя бы в виде неполного, а частичного компромиссного разрешения современным капитализмом проблемы централизации [1]). В этом отношении концепция империализма у Троцкого весьма близка к теории империализма Каутского. Ибо так же как и последний, он не понимает закона неравномерности развития капитализма.

Эта ошибочная полукаутскианская позиция в теории не может, разумеется, не привести его к таким же ошибочным и каутскианским выводам в области практики, когда он переходит к формулировке лозунгов и к формулировке тактики пролетариата по отношению к войне.

Войну 1914 г. Троцкий оценивает как конфликт между централистическими тенденциями империализма и стоящими поперек их рамками национальных государств.

«Война 1914 г. есть прежде всего крушение национального государства, как самостоятельной хозяйственной арены... Объективный смысл войны состоит в разрушении нынешних национально-хозяйственных гнезд во имя мирового хозяйства... Крах национального государства возвещает война» [2]).

Исходя из этой оценки войны, как войны, направленной на разрушение устаревших границ национальных «отечеств», Троцкий выводил отрицание лозунга «защиты отечества». Пролетариат не может теперь принять этот лозунг, так как историческое развитие теперь больше не связано для него с границами (рамками) национального отечества. Этот лозунг защиты устаревшего отечества теперь становится консервативным и реакционным.

«Для европейского пролетариата в этих исторических условиях дело может итти не о защите пережившего себя национального «отечества», ставшего главным тормозом экономического прогресса, а о создании нового, более могущественного и устойчивого отечества — республиканских Соединенных Штатов Европы, как перехода к Соединенным Штатам мира» [3]).

Империализм, указывает Троцкий, не в состоянии полностью разрешить это противоречие между производительными силами и узкими национальными рамками. Кроме того он разрешает это противоречие присущими ему методами: путем вооруженного соперничества, войн и дезорганизации мирового хозяйства. Этим империалистическим методам разрешения неразрешимых противоречий «пролетариат может противопоставить только социа-

---

[1]) Троцкий. «Война и революция», т. II, стр. 473—476.
[2]) Там же, т. I, стр. 75, Гиз, 1923 г.
[3]) Там же, стр. 78.

листическую организацию мирового хозяйства, как практическую программу дня».

Троцкий, как мы видим, признает, что война ставит перед пролетариатом задачу социалистической революции. Однако признание этой связи само по себе еще ничего не говорит о тех практических путях, какими он мыслит себе достижение этой задачи. Выше мы видели, что и Мартов признавал связь социализма с войной и говорил о захвате пролетариатом власти, как о задаче дня, а между тем он ограничивался лишь голым словесным признанием этой связи и в практических выводах стоял целиком на почве социал-шовинизма. Какова же была позиция Троцкого в области практических выводов, какие лозунги он ставил, какие пути намечал для осуществления пролетариатом этой социалистической задачи? В этом отношении, как увидим далее, позиция Троцкого была такая же, как и у всех центристов.

Троцкий отвергал большевистский лозунг гражданской войны. В качестве общего лозунга он выдвигал тот же лозунг, что и все «центристы»,— лозунг мира. «Немедленное прекращение войны! — писал Троцкий, — вот лозунг, под которым социал-демократия может снова собрать свои рассеянные ряды как в партиях отдельных стран, так и во всем Интернационале... Собрать ряды пролетариев в борьбе за мир — значит противопоставить неистовствующему империализму по всему фронту силы революционного социализма» [1]).

В другом месте Троцкий так формулировал свой взгляд на лозунг мира. — Лозунг этот, говорит там Троцкий, — является лозунгом революционной мобилизации масс для борьбы с войной.

«Мобилизация пролетариата против войны и милитаристического аппарата, — а таким аппаратом является сейчас все буржуазное государство, — способна сама по себе, в обстановке ускоренного развертывания событий, придавать борьбе за мир все более глубокое революционное содержание и в случае затяжного характера войны, которая пока еще только расширяет свою базу, усложняя свои методы и усугубляя их зверство, мобилизация рабочих масс против империалистической бойни может непосредственно привести к открытому столкновению между пролетариатом, в рабочей блузе или цветном наряде, и государственной властью. Начавшись с борьбы за прекращение войны, революционная мобилизация масс может закончиться завоеванием политической власти пролетариатом» [2]).

Итак, Троцкий считает основным ориентирующим лозунгом — лозунг мира, но в своей мотивировке Троцкий подчеркивает революционное значение этого лозунга, как протеста против войны. Сам по себе, разумеется, лозунг мира не заключает в себе еще ничего революционного и является лишь добреньким пацифистским пожеланием. Об этой пацифистской стороне лозунга мы уже подробно говорили выше; здесь остановимся лишь на том, в какой мере этот лозунг мог служить средством революционной мобилизации масс. Троцкий бросал большевикам упрек в том, что они предоставляют «этот лозунг в исключительное распоряжение сентиментальных пацифистов и попов». Иначе говоря, Троцкий хотел сказать, что этот лозунг близок и понятен массе, страдающей

---

[1]) Троцкий. «Война и революция», т. I, стр. 150—151.

[2]) Там же, т. II, стр. 83.

от войны, и поэтому мы не можем игнорировать этот лозунг. Разумеется, социалисты не могли игнорировать назревающее движение за прекращение войны и в своей агитации должны были говорить и об этом. Но они не могли ограничиться лишь этим, и назревающее движение они должны были использовать для просвещения масс и направления их ненависти к войне на революционную борьбу против виновников войны. Они, далее, не могли ограничиться такой куцой программой, как лозунг мира, который максимально мог служить до окончания войны. Революционная социал-демократия должна была развернуть полную программу действий и для всей новой эпохи империализма и империалистических войн, указать пролетариату те пути и способы, какими он может успешно бороться в нынешней новой эпохе империалистических войн. Лозунг мира становился революционным лишь тогда, когда он сопровождался революционным протестом против буржуазии «своей» страны, против империалистов «своего» отечества, когда он сопровождался призывом к определенным массовым революционным действиям: стачкам, демонстрациям, братанию и т. д. Но определенного призыва к революционным действиям Троцкий нигде не выдвигал. Больше того: у нас имеется свидетельство обратного порядка. Перед Циммервальдской конференцией по инициативе делегатов ЦК и польской оппозиции было созвано совещание ряда делегатов, на котором Радек от имени левых развил ряд тезисов: против оппортунизма, против «центра», за массовые революционные действия. В числе возражавших выступил также и Троцкий, который заявил:

«Я не знаю, что подразумевается под массовыми революционными действиями». На это Радек превосходно ответил, что «в Германии все оппортунисты, н е ж е л а ю щ и е революционных действий, тоже обыкновенно «не знают», что подразумевается под ними» [1]).

Что лозунг мира и у Троцкого является таким же пацифистским лозунгом, как и у всех каутскианцев, видно из его отношения к лозунгу поражения. Кто всерьез ставил вопрос о борьбе за социалистическую революцию, о революционных действиях против войны, тот не мог не принять и лозунг поражения, ибо всякая действительно революционная борьба против войны, безусловно ослабляла военную мощь данного государства и тем самым содействовала его поражению. А Троцкий отвергал лозунг «поражения» вообще и в частности тезис, что «поражение России меньшее зло». Возражения его против этого лозунга частью такие же, как и у Мартова, Семковского и др., частью несколько иные. Поражение одного государства, — говорит он, — укрепляет другое, которое одерживает победу.

«А мы не знаем такого европейского социального и государственного организма, в упрочении которого был бы заинтересован европейский пролетариат, и в то же время мы ни в каком смысле не отводим России роли избранного государства, интересам которого должны быть подчинены интересы развития других европейских народов» [2]).

Но кроме этих соображений Троцкий выдвигал и другие:

---

[1]) «Социал-демократ» № 47, ЦО РСДРП, Женева 1915 г.

[2]) Т р о ц к и й. «Война и революция», т. I, стр. 243.

«Поражения, — говорит он, — дезорганизуют и деморализуют правящую реакцию, но одновременно война дезорганизует всю общественную жизнь и прежде всего ее рабочий класс... Выросшая из поражений революция получает в наследство вконец расстроенную войной хозяйственную жизнь, истощенные государственные финансы и крайне отягощенные международные отношения» [1]).

Какой же вытекает отсюда логический вывод? Троцкий его не делает, но ясно, что, последовательно рассуждая, вывод можно сделать только один, а именно, что борьба за революцию должна быть подчинена соображению недопущения поражения, ибо это «деморализует» пролетариат, расстраивает хозяйственную жизнь и т. д. Нельзя серьезно бороться за революцию, не вызывая или не облегчая поражения. Но так как, по Троцкому, поражение — наибольшее зло, то очевидно надо отказаться от борьбы за революцию, либо отложить ее на более благоприятное будущее. Все разговоры Троцкого о революции превращались, таким образом, в пустые бессодержательные фразы.

Лозунг мира Троцкий выдвигал также и как цельную программу пролетарского мира, которая у него увязывалась с лозунгом Соединенных Штатов Европы.

Лозунг этот экономически совершенно неправилен. В условиях империализма и решающей роли вывоза капитала и раздела мира крупнейшими колониальными державами, Соединенные Штаты Европы означали бы не что иное, как соглашение о дележе колоний. Но при капитализме не может быть другого принципа дележа, кроме силы. А сила эта у участников дележа с ходом экономического развития изменяется неравномерно, раньше, напр., передовым капиталистическим государством Европы была Англия, позже стала Германия. Отсюда неизбежна борьба, войны за восстановление нарушенного равновесия. Поэтому невозможно длительное соглашение между империалистами. Вполне возможны временные соглашения между ними. Но в этих условиях это могло бы быть лишь соглашением европейских капиталистов, чтобы сообща давить социализм в Европе или чтобы сообща охранять награбленные колонии против Японии и Америки, «обиженных» теперешним разделом колоний. На современной экономической основе это означало бы «организацию реакции для задержки более быстрого развития Америки» [2]). Таким образом «Соединенные Штаты Европы при капитализме либо реакционны, либо невозможны» [3]).

Но этот лозунг неправилен и как лозунг социалистической революции.

«Как бы ни закончилась война, — говорит Троцкий, — «лозунг Соединенных Штатов Европы» получит во всех случаях огромное значение, как политическая формула борьбы европейского пролетариата за власть... Но победоносная европейская революция — каковы бы ни были ее перипетии в отдельных странах — за отсутствием других революционных классов, может передать власть только пролетариату. Следовательно, Европейские Соединенные Штаты прежде всего представляют собой форму — единственно мыслимую форму — диктатуры европейского пролетариата» [4]).

Троцкий, как видим, ставит победу диктатуры пролетариата в отдельном государстве в зависимость от осуществления лозунга Соединенных Шта-

[1]) Троцкий. «Война и революция», т. I, стр. 243—244.

[2]) Ленин, т. XIII, стр. 132.

[3]) Там же, стр. 131.

[4]) Троцкий. «Война и революция», т. II, стр. 477—481.

тов Европы. Иначе говоря, Троцкий считает исключенной мысль, что пролетарская революция может победоносно завершиться в национальных рамках, и что возможна победа социализма в одной стране. В этом отношении Троцкий коренным образом расходился с Лениным, который считал возможной победу социализма сначала даже в одной стране. Разбирая в 1915 г. лозунг «Соединенные Штаты Европы» с этой стороны, Ленин писал:

«Как самостоятельный лозунг, лозунг Соединенные Штаты мира» (а не Европы) «был бы, однако, едва ли правилен, во-первых, потому, что он сливается с социализмом; во-вторых, потому, что он мог бы породить неправильное толкование о невозможности победы социализма в одной стране и об отношении такой страны к остальным». (Подчеркнуто нами. *Ред.*)

Неравномерность экономического и политического развития есть безусловный закон капитализма. Отсюда следует, что возможна победа социализма первоначально в немногих, или даже в одной капиталистической стране. Победивший пролетариат этой страны, экспроприировав капиталистов и организовав у себя социалистическое производство, встал бы против остального капиталистического мира, привлекая к себе угнетенные классы других стран, поднимая в них восстание против капиталистов, выступая в случае необходимости даже с военной силой против эксплоататорских классов и их государств» [1]).

Этот взгляд Ленина на закон неравномерности капиталистического развития и на вытекающую отсюда возможность победы социализма в одной стране Троцкий оспаривал. Он признает, что капиталистическое развитие разных стран неравномерно. «Но самая эта неравномерность, — говорит он, — весьма неравномерна. Капиталистический уровень Англии, Австрии, Германии или Франции неодинаков. Но по сравнению с Африкой и Азией все эти страны представляют собой капиталистическую «Европу», созревшую для социальной революции». Он признает, что каждой стране не нужно дожидаться других с началом революции.

«Не дожидаясь других, мы начинаем и продолжаем борьбу на национальной почве в полной уверенности, что наша инициатива даст толчок борьбе в других странах; а если бы этого не произошло, то безнадежно думать, — так свидетельствуют и опыт истории и теоретические соображения,— что, напр., революционная Россия могла бы устоять перед лицом консервативной Европы, или социалистическая Германия могла бы остаться изолированной в капиталистическом мире» [2]).

Троцкий совершенно неправильно понимает закон неравномерности. Он под этим понимает не неравномерность капиталистического развития, а лишь состояние отдельных стран, степень их капиталистического уровня. «Капиталистический уровень (разрядка наша) Англии, Германии и т. д. неодинаков», — говорит Троцкий. Троцкий далее неправильно понимает этот закон, когда он противопоставляет капиталистическую Европу, созревшую для социализма, и некапиталистические Азию, Африку, которые он совершенно упускает в своем построении. Диалектической связи между борьбой пролетариата за социалистическую революцию в Европе и колониальными революциями в Азии,

---

[1]) Ленин, том XIII, стр. 133.

[2]) Там же.

[3]) Троцкий. «Война и революция», т. II, стр. 478.

Африке и т. д. против империализма он не замечает. Получается искажение перспектив социальной революции, схематическое шаблонное представление об объективных условиях и ходе пролетарской революции. Значения национально-колониальной проблемы как вопроса о союзниках пролетариата в мировой пролетарской революции, на что так настойчиво указывал т. Ленин в споре с левыми (Пятаковым и др.), Троцкий совершенно не учитывает. Отсюда он неизбежно приходит к пессимистическим выводам по вопросу о возможности победы социализма в одной стране, да и о самой возможности победы социализма вообще, ибо твердо рассчитывать на одновременность победы в разных странах вряд ли приходится.

В организационном вопросе, в вопросе об отношении к оппортунистам и о методах борьбы с ними, Троцкий оставался на старой «примиренческой» позиции. Он признает, что II Интернационал потерпел крах.

Но причины краха II Интернационала и шовинистического поведения вождей II Интернационала Троцкий не ставит в связь с оппортунизмом. Крушение II Интернационала, — пишет он, — есть прежде всего крушение пережившей себя тактической системы, именно системы,

«поссибилизма, т. е. сознательного и планомерного приспособления (социалистов. *Г. В.*) к экономическим, правовым и государственным формам национального капитализма» [1]).

Оппортунизм и вождей оппортунизма Троцкий оценивает как некую «жертву режима». Дело, мол, не в оппортунизме вождей, не в оппортунистическом течении, а в «поссибилизме» самой всей предыдущей эпохи. Троцкий отрицает связь между группировками в социализме, созданными войной — социал-шовинисты, интернационалисты — и теми группировками, которые были до войны — оппортунисты и марксисты.— «Группировки, ...слагающиеся сейчас под непреодолимым давлением событий войны, — заявляет Троцкий, — ни в коем случае не совпадают с теми группировками, какие сложились в прошлую эпоху внутри социалистических партий»... [2])

Это ошибочное объяснение причин краха II Интернационала и социал-шовинизма имеет у Троцкого свой политический смысл. Он заключается в том, чтобы запутать и замазать важнейший вопрос об оппортунизме и избежать вытекающих отсюда выводов о решительной борьбе и разрыве с социал-шовинистами. Вместе со всеми центристами он выступал против большевистской постановки вопроса о необходимости разрыва и раскола с социал-шовинистами. Правда, он и в этом вопросе пытался занять «среднюю» позицию. Он против раскола «во что бы то ни стало» и против единства «во что бы то ни стало». «Если политика кружкового отбора и сектантской непримиримости, — пишет он, — как ее проводит «Социал-демократ», означает собою стремление навязать партии в целом теоретически еще отнюдь не обоснованную, жизнью непроверенную и левому крылу Интернационала во многом чуждую точку зрения, которая способна только вносить дезорганизацию в лагерь интернационалистов, то

[1]) Троцкий. «Война и революция», т. I, стр. 135.
[2]) Там же, т. II, стр. 79.

лозунг «единства, выдвигаемый... из кругов августовского блока» он также считает неприемлемым [1]).

В другом месте Троцкий выражает эту мысль таким образом: интернационалисты в своей деятельности должны «ставить своей целью не раскол, а политическое завоевание организаций, как таковых» [2]). Ясно, что эта позиция «середины» на деле сводилась лишь к тому, чтобы бороться против раскола, чтобы отстаивать единство и возможность совместной работы с социал-шовинистами.

Эту линию Троцкий отстаивал как в отношении всего Интернационала, так и в отношении социал-демократических группировок в России. В России положение дел было несколько иное, чем на Западе. Здесь вопрос стоял более отчетливо и ясно. Раскол партии был фактом, налицо были два течения: ликвидаторское, ставшее с началом войны социал-шовинистским, и большевистское, отстаивавшее интернационализм. Как относится Троцкий к ним? Он, с одной стороны, считает «старые фракционные рамки изжившими себя», с другой стороны он их признает как «единственные пока центры политического действия» [3]). Иначе говоря, он и теперь не хочет делать вытекающего вывода по отношению к ликвидаторам и социал-патриотам. Вплоть до последней возможности он отстаивал единство с ними. Лишь под давлением жестоких фактов, воочию обнаруживших всю глубину их предательства, под влиянием, далее, беспощадной критики большевиков, он шаг за шагом сдавал свои позиции и вынужден был объявлять разрыв ликвидаторам, гвоздевцам, затем ОК. Однако вплоть до революции 1917 г. Троцкий определенно не сказал: единство или раскол с фракцией Чхеидзе, которая являлась вернейшим другом и защитником «патриотов» и ОК.

Разбор взглядов Троцкого в годы войны нам показал, что эти взгляды составляют лишь особый оттенок внутри «центризма». В основных и решающих вопросах политики, в тех вопросах, которые действительно определяют политическую линию, они целиком совпадали с общими идейными взглядами каутскианства или «центризма».

в) БОЛЬШЕВИЗМ И ПРОБЛЕМА ВОЙНЫ.

Выше мы рассмотрели два течения: социал-шовинизм и «центризм». Третье течение составляли последовательные интернационалисты: большевики в России и интернационалистские элементы и группы других партий.

В этот период величайшего кризиса социализма, измены и предательства его виднейших вождей только эти немногочисленные элементы интернационалистов стойко и мужественно продолжали бороться за идеи марксизма и социализма. В силу особых революционных условий своего исторического развития наша партия большевиков оказалась наиболее подготовленной к тому, чтобы стать авангардом и центром для всех последовательно интернационалистских элементов западно-

[1]) «Наше слово» № 146, 23 июля 1915 г.

[2]) Троцкий. «Война и революция», т. II, стр. 87.

[3]) «Наше слово» № 47, 1915 г.

европейских партий. Воспитанная в духе непримиримой ортодоксальной теории марксизма, выросшая и окрепшая в беспрерывных боях как с меньшевизмом, так и с другими уклонами от верной линии революционного марксизма, наша партия теоретически и практически оказалась наиболее под-

Галиция. Тюрьма в Новом Тарсе, куда был заключен австрийским правительством Ленин в 1914 г.

готовленной к этой, выпавшей на ее долю, исторической роли — авангарда международного революционного социализма. Война с необычной в мирное время быстротой ускорила историческое развитие, приблизила и обозначила крах капиталистического общества. Пролетариат вплотную придвинулся к задаче непосредственной борьбы за социалистическую революцию. Но перед революционной социал-демократией встал целый ряд совершенно новых и чрезвычайно серьезных проблем о путях и методах этой борьбы, о стратегии

и тактике пролетариата в борьбе за социалистическую революцию. Под гениальным руководством т. Ленина наша партия в годы войны наметила и разработала все эти основные вопросы и заложила фундамент III Интернационала — международного боевого объединения пролетариата для борьбы за мировую социалистическую революцию.

Взгляды нашей партии по вопросам войны были формулированы в манифесте ЦК (ноябрь 1914 г.), а затем в резолюциях Бернской конференции 1915 г. Свое развитие и обоснование эти взгляды находили в журнале «Социал-демократ», ЦО партии, выходившем в Женеве под редакцией Ленина и Зиновьева, затем в статьях в непериодических органах: «Коммунист» № 1—2, сборники «Соц.-демократ» № 1—2 и в ряде других статей и брошюр. Само собой разумеется, что основное и существенное в этих работах принадлежало перу Ленина. Экономическим обоснованием этих взглядов является разработанная Лениным в годы войны теория империализма. Основные моменты ленинской теории империализма сводятся к следующему.

Ленин дает такое определение империализму:

«Империализм есть капитализм на той стадии развития, когда сложилось господство монополий и финансового капитала, приобрел выдающееся значение вывоз капитала, начался раздел мира международными трестами и закончился раздел всей территории земли крупнейшими капиталистическими странами» [1]).

Империализм, таким образом, можно назвать монополистическим капитализмом. Монополия выросла из концентрации производства на очень высокой ступени его развития в виде трестов, синдикатов, картелей, являющихся монополистическими союзами капиталистов. К началу XX века они имели в передовых странах явное преобладание. В Соединенных Штатах Америки половина всего производства находилась в руках трех тысяч предприятий гигантов, составляющих одну сотую общего числа всех предприятий. В Германии крупные торгово-промышленные заведения составляли 0,9% общего числа, а на их долю приходилось 39,5% всех рабочих, 75% паровой и 80% электрической двигательной силы. В отдельных отраслях промышленности картели и тресты часто сосредотачивают 70—80% всего производства.

Монополия еще в большей мере проявилась в банковом деле. 3—5 гигантских банков ворочают всей экономической жизнью Англии, Франции, Германии. Роль банков изменилась: вместо первоначальной функции посредничества в платежах, они превратились в монополистов, «распоряжающихся почти всем денежным капиталом всей совокупности капиталистов и мелких хозяев, а также большей частью средств производства и источников сырья в данной стране и в целом ряде стран». Происходит в огромной мере сращивание банкового и промышленного капитала в финансовый капитал, сопровождаемое личной унией банков с крупнейшими предприятиями промышленности и торговли. Шесть крупнейших берлинских банков были представлены через своих директоров и членов правления в 751 обществе. Таким путем создается могущественная финансовая олигархия.

---

[1]) Ленин, т. XIII, стр. 306.

Для старого капитализма был типичен вывоз товаров, для новейшего капитализма, монополистического, стал типичным вывоз капитала. Перед войной капитал, вложенный за границей тремя главными странами Европы (Англией, Францией и Германией), достигал 175—200 млрд. франков, а годовой доход — не меньше 8—10 млрд. франков.

Важнейшие источники сырья захвачены трестами и финансовой олигархией и начался раздел мира международными картелями. Таких картелей, делящих мир (экономически), до войны насчитывалось свыше 100.

Наряду с этим закончился и территориальный раздел мира и захват всех колоний империалистскими государствами. Следующая таблица это ярко иллюстрирует:

Раздел мира «великими» рабовладельческими державами [1]).

«Великие» державы	Колонии				Метрополии		Всего	
	1876 г.		1914 г.		1914 г.		1914	
	кв. км	жителей	*кв. км*	жителей	*кв. км*	жителей	*кв. км*	жителей
	миллионы							
Англия	22,5	251,9	33,5	393,5	0,3	46,5	33,8	440,0
Россия	17,0	15,9	17,4	33,2	5,4	136,2	22,8	169,4
Франция	0,9	6,0	10,6	55,5	0,5	39,6	11,1	95,1
Германия	—	—	2,9	12,3	0,5	64,9	3,4	77,2
Япония	—	—	0,3	19,2	0,4	53,0	0,7	72,7
Соед. Шт. Сев. Америки	—	—	0,3	9,7	9,4	97,0	9,7	106,7
6 «Вел.» держав	40,4	273,8	65,0	523,4	16,5	437,2	81,5	961,1
Колонии, принадлежащие не великим державам (а Бельгии, Голландии и другим государствам)	—	—	—	—	—	—	9,9	45,3
Три страны «полуколонии» (Турция, Китай и Персия)	—	—	—	—	—	—	14,5	361,0
Итого	—	—	—	—	—	—	105,9	1 367,4
Остальные государства и страны	—	—	—	—	—	—	28,0	289,2
Весь земной шар без полярной области	—	—	—	—	—	—	133,9	1 656,6

С 1876 по 1914 г. шесть великих держав награбили 25 млн. *кв. км*, т. е. территорию в $2^1/_2$ раза большую всей Европы. Они поработили свыше полумиллиарда населения в колониях, а если прибавить и полуколонии (Китай,

[1]) Ленин, т. XIII, стр. 298.

Персия), то порабощаемое население увеличится почти до 1 миллиарда. Но в этом великом дележе объектов грабежа не все державы имеют одинаковое участие. Молодые, позже развившиеся капиталистические государства (Германия и др.), оказались «обиженными». Отсюда стремление к переделу захваченного и неизбежность войн.

Камера тюрьмы в новом Шарге, в которой был заключен Ленин в 1914 г.

Империализм есть паразитически загнивающий капитализм. Монополия приводит к застою и задержке технического прогресса. Промышленные государства перерастают в государства кредиторов, получающих огромные доходы от эксплоатации колоний, проценты на вывезенные капиталы. В Англии, напр., доход рантье, доход от капитала впятеро превышает весь доход от внешней торговли. Империализм превращает цивилизованный мир в паразита на теле сотен миллионов нецивилизованных народов. Этот паразитический характер

капиталистических держав отражается и на рабочем классе, выделяя привилегированные слои его, которым перепадают кое-какие крохи от империалистического грабежа. Это создает почву и питает оппортунизм.

Империализм есть умирающий капитализм, переходный к социализму. Монополии приводят к гигантскому обобществлению производства, создавая объективные предпосылки для перехода к социализму. Империализм обостряет противоречия капитализма до крайних пределов.

Империализм означает всесилие монополистических трестов, банков и финансовой олигархии в промышленных странах. Обычные методы борьбы рабочего класса, профсоюзная и парламентская борьба, которые и раньше, разумеется, могли дать лишь скромные результаты, помогая вырывать у господствующих классов ту или иную уступку, теперь перед всесилием финансовой олигархии становятся совершенно недостаточными, бессильными. При всяком более или менее значительном экономическом конфликте трестированный капитал теперь предпочитает пускать в ход готовый к его услугам аппарат государственной власти (как мы это наблюдали в Англии в период стачек горняков), и, таким образом, борьба сразу же переводится на политические рельсы, класс становится против класса. Тем самым рабочий класс вплотную подводится к проблеме борьбы за власть, и пролетарская революция ставится как практическая задача дня.

Противоречия между самими финансовыми группами и империалистическими державами в их борьбе за источники сырья, за передел уже поделенного мира, неизбежно приводят к войнам. Это ведет к взаимному ослаблению империалистов и к приближению момента пролетарской революции.

Противоречия между империалистическими государствами и эксплоатируемыми колониями переходят в революционную борьбу. Эксплоатируя эти страны, империализм вынужден в известной мере развивать в них промышленность, строить железные дороги и т. д., а это ведет к появлению класса пролетариев, зарождению местной интеллигенции, пробуждению национального самосознания, усилению освободительного движения. Это подрывает позицию капитализма и превращает колонии и зависимые страны в резервы пролетарской революции.

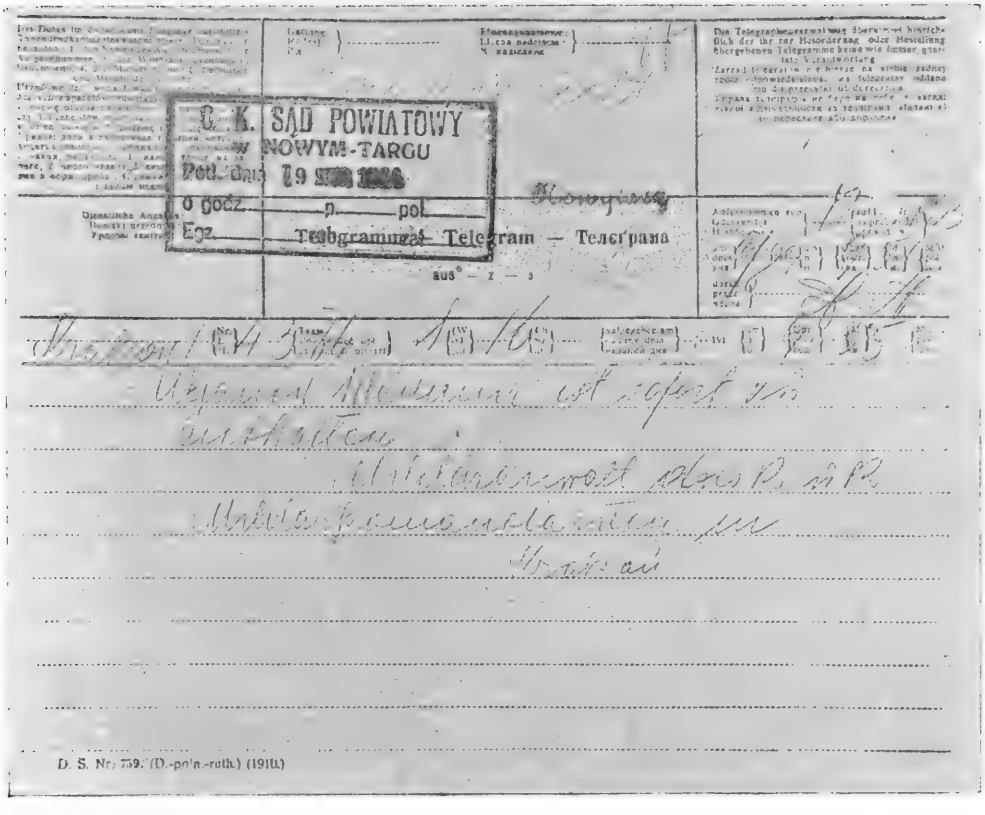
Все эти противоречия империализма делают его «капитализмом умирающим, кануном и эпохой социалистических революций».

Таковы основные моменты ленинской теории империализма. Это учение Ленина об империализме являлось той теоретической основой, базируясь на которой наша партия дала ответ на все те проблемы, которые встали перед международным пролетариатом в связи с войной.

Позиция партии по вопросу о войне впервые была формулирована в наброске тезисов Ленина. В первых числах сентября 1914 г., после освобождения из-под ареста в Австрии, т. Ленин переехал в Швейцарию (в Берн), где в условиях войны представлялась наибольшая возможность для развития нашей партийной работы. Там числа 6—7 сентября состоялось узкое партийное собрание, на котором Ленин представил свои тезисы о войне. Совещание с ними согласилось и после этого несколько экземпляров их было пере-

слано в Россию. Здесь русская часть ЦК и думская фракция большевиков присоединились к ним. После этого тезисы были окончательно переработаны в манифест ЦК, который был напечатан в первом номере (№ 33) возобновленного ЦО «Социал-демократа» от 1 ноября 1914 г.

Основные положения манифеста следующие: начавшаяся война — империалистическая война. Фразы о «патриотизме», об «освободительной» войне есть ложь буржуазии. Поведение вождей социалистических партий главнейших европейских стран (вотирование военных кредитов, вхождение в буржуазные



Телеграмма из Кракова об освобождении Владимира Ильича.

министерства) является изменой социализму. Это есть крах Интернационала. Крах Интернационала есть крах оппортунизма, который получил в последние годы фактическое господство в Интернационале и вырос на почве особенностей развития капитализма перед войной.

Манифест выдвигал следующие большевистские лозунги:

Превращение современной войны в гражданскую есть единственно правильный пролетарский лозунг.

Русскими социал-демократами, с точки зрения рабочего класса, считается наименьшим злом поражение царской монархии.

Необходим решительный разрыв с оппортунизмом, чтобы осуществить действительное интернациональное сплочение рабочих. Пролетарский Интернационал не погиб и не погибнет. Рабочие массы через все препятствия создадут новый Интернационал.

Необходимо указать, что и после выхода манифеста в рядах нашей партии, особенно среди заграничных секций, некоторое время проявлялась кой-какая

Народный дом, где В. И. Ленин участвовал на совещаниях заграничных большевистских групп перед отъездом в Россию в 1917 г. (Берн).

неясность и путаница по ряду вопросов. Не вполне ясным казался лозунг гражданской войны. Так, например, секция в Монпелье, вполне признавая необходимость захвата власти пролетариатом, отодвигала, однако, в будущее этот лозунг, а на первый план выдвигала лозунг «демократического мира» («Долой войну», «Да здравствует мир демократический»). По вопросу об отношении к другим течениям российской социал-демократии эти товарищи, не возражая

против размежевания с социал-шовинистами, считали необходимым объединение всех социал-демократических групп за границей, стоящих на интернациональной точке зрения, и концентрации вокруг себя всех колеблющихся элементов. Они считали желательным издание общей газеты всеми интернационалистскими организациями за границей.

В другой секции, в Божи, имелись расхождения с ЦК по вопросу о лозунге гражданской войны, который они считали необходимым уточнить в смысле более ясной формулировки его революционной стороны, чтобы он не был понят как обычная форма классовой борьбы. Попутно, они считали необходимым дополнить его лозунгом мира, считая, что последний не противоречит лозунгу гражданской войны, а скорее является содействующим проведению этого лозунга в жизнь. Группа эта, кроме того, категорически отвергала лозунг поражения.

Наличность несогласованности и путаницы вызывала необходимость созыва партийной конференции для обмена мнений и установления идейного единства по спорным вопросам.

В условиях войны думать о созыве полной партийной конференции с участием представителей и от России не приходилось, это было явно невозможно. Остановились на созыве конференции представителей заграничных секций нашей партии. Конференция эта состоялась в Берне, в Швейцарии 27/II 1915 г. На конференции присутствовали: В. Ленин, Г. Зиновьев, Н. Крупская, И. Арманд, З. Лилина, В. Каспарова, Корнблюм, Ильин; Г. Беленький — от парижской секции, Харитонов — от цюрихской, Шкловский — от бернской, Мовшович (Владимир) — от лозаннской, О. Равич — от женевской, Н. Бухарин, Н. Крыленко, Е. Розмирович, Трояновский — от божийской секции; Е. Бош и Ю. Пятаков. Важнейшие вопросы на конференции были: 1) Война и задачи партии (отношение к другим политическим группам); 2) задачи заграничных организаций (отношение к общим выступлениям и предприятиям различных групп); 3) отчеты с мест и др. По основному вопросу о войне и задачах партии доклад сделал т. Ленин, развивший в своих тезисах взгляды ЦК, которые были формулированы в манифесте. Конференция целиком солидаризировалась с этими взглядами. В принятой резолюции основные положения манифеста были более полно развиты; отдельные лозунги: «гражданская война», «поражение» были уточнены и дополнены. Разногласия, которые существовали по отдельным вопросам, были устранены, и по всем вопросам, выдвинутым конференцией, достигнуто было полное единодушие. Это в чрезвычайной мере укрепляло позицию нашей партии в ее работе по проведению намеченной линии.

Оценку начавшейся войны, ее причин и характера манифест ЦК формулировал следующим образом.

«Европейская война, которую в течение десятилетий подготовляли правительства и буржуазные партии всех стран, разразилась. Рост вооружений, крайнее обострение борьбы за рынки в эпоху новейшей, империалистической стадии развития капитализма передовых стран, династические интересы наиболее отсталых восточно-европейских монархий неизбежно должны были привести и привели к этой войне. Захват земель и покорение чужих наций, разорение конкурирующей нации, грабеж ее богатств, отвлечение внимания трудящихся масе от внутренних политических кризисов России, Германии, Англии и других стран, разъединение и националистическое одурачение рабочих и истребление их

авангарда в целях ослабления революционного движения пролетариата,— таково единственное действительное содержание, значение и смысл современной войны» [1]).

Отсюда вытекало и отношение нашей партии к лозунгу так называемой «защиты отечества». Война эта — реакционная, грабительская с о б е и х с т о р о н, ни одна из них не уступает другой в зверствах и жестокостях, ни одна из них не отличается от другой и по тем целям, которые они себе ставят — целям грабежа, захвата и угнетения чужих народностей. Буржуазии выгодно скрыть истинный смысл войны и представить эту захватническую реакционную войну, как войну национальную, ведущуюся во имя защиты национальной независимости и т. д. Совершенно ясно, что, оставаясь социалистами, не изменяя социализму, социалисты не могут выдвигать в данной войне лозунги «защиты отечества», «обороны» и т. д. Но социал-шовинисты пытались оправдать свое предательство ссылками на Маркса — Энгельса. В ряде работ т. Ленина вскрыта вся фальшь этой ссылки и показано действительное отношение марксизма к вопросу «защиты отечества».

Вопрос о войне и защите отечества, — указывает т. Ленин, — нельзя ставить без учета конкретных особенностей и исторического характера данной войны.

«В истории неоднократно бывали войны, которые, несмотря на все ужасы, зверства, бедствия и мучения, неизбежно связанные со всякой войной, были прогрессивны, т. е. приносили пользу развитию человечества, помогая разрушать особенно вредные и реакционные учреждения (например самодержавие или крепостничество), самые варварские в Европе деспотии (турецкую и русскую). Поэтому надо рассмотреть исторические особенности именно теперешней войны» [2]).

В период после французской революции и до Парижской коммуны (1789—1871 гг.) одним из типов войн были войны буржуазно-прогрессивного, национально-освободительного характера. Главным содержанием таких войн было свержение абсолютизма и феодализма, подрыв их, свержение национального гнета и создание государств на национальной основе, как предпосылка капиталистического развития. Поэтому это были п р о г р е с с и в н ы е войны, и социалисты при таких войнах всегда сочувствовали успеху той стороны, которая содействовала свержению или подрыву устоев феодализма, абсолютизма и угнетения чужих народов. По отношению к таким войнам был законен и правилен критерий «оборонительной» войны, только в этом смысле социалисты признавали справедливость «защиты отечества». Ясно, что перенесение оценки этих войн, прогрессивных и национально-освободительных, на нынешнюю реакционную и империалистскую войну является издевательством над истиной, искажением марксизма в угоду буржуазии. Прошлая эпоха оставила следы и революционные воспоминания в народных массах, эту «национальную» идеологию буржуазия теперь эксплоатирует, чтобы одурачить массы, скрыть действительную сущность войны между рабовладельцами за более «справедливый» передел рабов. Социалисты, повторяющие вслед за буржуазией лозунги «за-

[1]) Л е н и н, т. XIII, стр. 5.
[2]) Там же, стр. 93.

щиты отечества», «национальной обороны», помогают ей одурачивать массы, раскалывать рабочий класс и отвлекать его от своих классовых революционных задач.

Каково отношение интернационалистов к вопросу «защиты отечества»? Интернационалисты не отвергают защиту отечества вообще. Они отвергают «защиту отечества» в империалистической войне, какова война 1914 года. Они выставляют основное положение, что в данную империалистическую эпоху войны между великими державами, по правилу, и не могут быть иными (т. е. не империалистическими). Справедливая война между империалистическими европейскими правительствами невозможна, как невозможно представить себе «спра-

Дом на Geselschaftsstrasse, в котором жил В. И. Ленин в июле 1913 г. (Берн).

ведливую» борьбу между несколькими разбойниками из-за дележа награбленной добычи. Но и в нынешнюю империалистскую эпоху возможны войны прогрессивные, «справедливые». Они возможны в двух случаях. Первый — война победившего в какой-либо стране пролетариата, защищающего завоеванный социалистический строй против капиталистических государств. Второй—война угнетенных народов, например колоний, за свою независимость против империалистских держав. В этих случаях критерий «защиты отечества» вполне законен и правилен, и социалисты, конечно, за поддержку такой войны, за лозунг «защиты отечества». Но ни первого, ни второго случая не было в империалистской войне 1914 г., — войне, враждебной рабочему классу. По отношению к такой войне речь может итти не о «защите отечества», а о революционной борьбе против войны, за превращение ее из империалистской в гражданскую.

Таким образом наша партия в подходе к этому вопросу, как и к ряду других, не выдвигала общих абстрактных положений за или против «защиты отечества» вообще. Положение, выдвинутое партией, исходило из основного требования марксизма и марксистской диалектики, а именно, из учета конкретно-исторических особенностей данного общественного явления (войны). Именно недостатком марксистской диалектики и отказом от конкретно-исторического анализа и грешила позиция некоторых «левых» в этом вопросе (группа польских социал-демократов, Пятаков и др.).

Правление польской социал-демократии выставляло положение, требовавшее «отклонения какой бы то ни было защиты отечества, которая

Дом на Seidenweg, в котором жил В. И. Ленин в ноябре 1915 г. (Берн).

в эпоху империализма является защитой прав своей буржуазии на угнетение и ограбление чужих народов» [1]). Точно так же и Пятаков заявлял, что «защита отечества принадлежит к арсеналу наших злейших врагов», что этот лозунг является «предательским», и поэтому резко выступал против него. Основная ошибка этих товарищей заключалась в том, что положение, верное по отношению к войне 1914 г., они огульно распространяли на все виды войн, упуская из виду такой, например, случай, как войны колоний против империалистов, где лозунг «защиты отечества» был бы вполне правилен. Указывая на неправильность такого подхода, Ленин писал:

[1]) Ленин, т. XIX, стр. 256.

«Один из крупных недостатков в постановке вопроса, например, о защите отечества у некоторых левых состоит в недостаточной конкретности ответа. Гораздо вернее теоретически и неизмеримо важнее практически сказать, что в данной империалистской войне защита отечества есть буржуазно-реакционный обман, чем выдвинуть «общее» положение против «всякой» защиты отечества. Это и неверно, и не «бьет» непосредственного врага рабочих внутри рабочих партий: оппортунистов» [1]).

Генеральный лозунг партии, намечавший основную стратегическую линию партии, был лозунг «превращения империалистской войны в войну гражданскую». Манифест ЦК формулировал его следующим образом:

«Превращение современной империалистской войны в гражданскую войну есть единственно правильный пролетарский лозунг, указываемый опытом Коммуны, намеченный Базельской (1912 г.) резолюцией и вытекающий из всех условий империалистской войны между высокоразвитыми буржуазными странами. Как бы ни казались велики трудности такого превращения в ту или иную минуту, социалисты никогда не откажутся от систематической, настойчивой, неуклонной подготовительной работы в этом направлении, раз война стала фактом.

Только на этом пути пролетариат сможет вырваться из своей зависимости от шовинистской буржуазии и, в той или иной форме, более или менее быстро, сделать решительные шаги по пути к действительной свободе народов и по пути к социализму» [2]).

Такая постановка вопроса о задачах социалистов в данной империалистской войне в ту эпоху являлась совершенно новой и впервые была формулирована лишь нашей партией. Со стороны вождей II Интернационала лозунг этот был встречен с нескрываемой враждебностью. Роберт Гримм, — «левый», редактор полуинтернационалистского органа «Бернер Тагвахт» и позже председатель Циммервальда, отказался напечатать манифест ЦК о войне, ссылаясь на то, что говорить сейчас о превращении империалистической войны в гражданскую есть «анархизм». Каутский, Плеханов и др. в один голос вопили, что это — «анархизм», «эрвеизм» старой марки и т. д. Все эти вопли и крики об «анархизме» лишь плохо скрывали ренегатство и измену этих вождей основным заветам марксизма, забвение ими идеи революции и ее связи с данной войной. На деле лозунг партии о гражданской войне являлся лишь применением и развитием идей революционного марксизма в том виде, как они были ясно и четко формулированы в резолюциях Штутгартского и Базельского международных социалистических конгрессов. Когда Штутгартский конгресс заявлял, что задачей социалистов в данной войне является «ускорение краха капиталистического господства», то это и означало провозглашение «гражданской войны». Когда Базельский конгресс напоминал в качестве примера для поведения пролетариата в данной войне русскую революцию 1905 г. и пример Коммуны, то это являлось не чем иным, как прокламированием лозунга гражданской войны. Большинство вождей II Интернационала и главнейшие социалистические партии «забыли» и отреклись от этих, принятых на себя обязательств. Наша же партия не только осталась верна им, но и развила и конкретизировала их и указывала те пути, которые ведут к их осуществлению.

---

[1]) Ленин, т. XIII, стр. 455.

[2]) Там же, стр. 11—12.

Противники лозунга гражданской войны, не смея открыто оспаривать этот лозунг, обычно искажали его, приписывая его сторонникам тот взгляд, будто они стоят за немедленную революцию, за неорганизованные, неподготовленные бунты, восстания и т. д. Это было в корне неверно, ибо партия, разумеется, была против неорганизованных бунтов, неподготовленных восстаний и т. д. Партия требовала лишь ведения подлинно классовой революционной борьбы против войны, разрыва с буржуазией, требовала подлинной борьбы против шовинизма буржуазии своей страны. Лозунг гражданской войны не говорил о том, что мы должны «сделать» ее, он указывал лишь направление работы, требовал систематической проповеди в этом духе, настойчивой и упорной подготовки гражданской войны.

«Не саботаж войны, не отдельные индивидуальные выступления в таком духе, — разъяснял этот лозунг т. Ленин,—а массовая пропаганда... ведущая к превращению войны в гражданскую войну. Никто не решится ручаться, когда и насколько «оправдается» сия проповедь практически: не в этом дело (только подлые софисты отрекаются от революционной агитации из-за неизвестности того, когда будет революция). Дело в такой линии работы. Только эта работа — социалистическая, не шовинистская. И она одна принесет социалистические плоды, плоды революционные» [1]).

Мы видим, что наша партия была далека от анархистской карикатуры на революционность, заключавшейся в обещаниях ответить на войну немедленной всеобщей стачкой, или немедленным восстанием. Партия прекрасно понимала неправильность такой постановки, она вполне ясно отдавала себе отчет и сознавала те трудности, которые делают такие меры сразу невозможными без более или менее длительной и серьезной подготовки к ним. Этим она отличалась, с одной стороны, от анархистских фразеров, надававших кучу таких обещаний перед войной, а во время войны, как известно, полностью отрекшихся от них во имя священного долга «патриотизма». Но наша партия, в отличие от оппортунистов, не отвергала самих этих революционных методов, в том числе и всеобщей стачки, указывая лишь, что она может увенчаться успехом лишь с переходом ее в вооруженное восстание. Упорная систематическая работа в массах, на предприятиях и в армии, обязательное создание нелегальных организаций и т. д., — этот путь, который намечала партия перед революционной социал-демократией, и вел неизбежно к превращению империалистской войны в гражданскую.

Лозунг гражданской войны, формулированный в манифесте ЦК лишь в общей постановке, был несколько уточнен и развит затем в резолюциях бернской конференции. Резолюция конкретно указывает те первые шаги, которые ведут по пути превращения империалистской войны в гражданскую, а именно:

«1) Безусловный отказ от вотирования военных кредитов и выход из буржуазных министерств; 2) полный разрыв с политикой «национального мира» (bloc national; Burgfrieden); 3) создание нелегальной организации повсюду, где правительства и буржуазия, вводя военное положение, отменяют конституционные свободы; 4) поддержка братания солдат воюющих наций в траншеях и на театрах войны вообще; 5) поддержка всякого рода революционных массовых выступлений пролетариата вообще».

---

[1]) «Ленинский сборник», т. II.

С другой стороны резолюция несколько уточняет и содержание самого лозунга гражданской войны.

«Гражданская война, к которой революционная социал-демократия зовет в настоящую эпоху, — указывает резолюция, — есть борьба пролетариата с оружием в руках против буржуазии за экспроприацию класса капиталистов в передовых капиталистических странах, за демократическую революцию в России (демократическая республика, 8-часовой рабочий день, конфискация помещичьих земель), — за республику в отсталых монархических странах вообще и т. д.».

Здесь революционное значение и смысл лозунга гражданской войны разъяснен с замечательной ясностью и определенностью, именно, как лозунга, означающего войну пролетариата против капиталистов данного государства за социалистическую революцию. В этом смысле, как лозунг социалистической революции, он получал значение формулы, обобщающей и намечающей генеральную линию пролетарской борьбы не только на период данной войны, но и на всю наступившую новую эпоху империалистских войн. Основные положения, легшие в основу такой постановки вопроса, сводились к следующему. Объективные предпосылки для социалистической революции капитализмом уже созданы давно, недоставало только субъективных условий. Ныне война ускоряет в необычайной мере подготовку и этих предпосылок, создавая революционную ситуацию, без которой успешная революция невозможна. «Для марксиста не подлежит сомнению, — писал т. Ленин,— что революция невозможна без революционной ситуации». Главные признаки революционной ситуации, указывает он, таковы: 1) невозможность для господствующих классов сохранить в неизменном виде свое господство, — тот или иной кризис «верхов», 2) обострение выше обычного нужды и бедствий угнетенных классов, 3) значительное повышение, в силу указанных причин, активности масс [1]). Такая ситуация и обнаружилась после начала войны в большинстве передовых стран Европы, и чем дальше шла война, тем она становилась более явственной и определенной. Классовые противоречия неимоверно обострялись, глухое брожение и недовольство масс росли. Но для победоносного исхода революции одних этих объективных причин, одной лишь революционной ситуации недостаточно, нужно, чтобы к ним присоединилась субъективная «способность революционного класса на революционные массовые действия, достаточно сильные, чтобы сломить (или надломить) старое правительство, которое никогда, даже в эпоху кризисов, не «упадет», если его не «уронят» (стр. 140. Курсив наш. *Ред.*). Эту подготовку и организацию революционного класса к революционным массовым действиям может и должна взять на себя партия, авангард класса. Лозунг гражданской войны являлся таким образом той обобщающей формулой, которая намечала цель борьбы — пролетарскую революцию, и одновременно указывал направление деятельности для революционных партий: неустанную пропаганду массовых действий, создание нелегальной организации и т. д. Работа в этом направлении, при наличии революционной обстановки, рано или поздно неизбежно должна была

[1]) Ленин, т. XIII, стр, 139—140.

привести в тот или иной момент к открытому столкновению, к вооруженной борьбе пролетариата против буржуазии за власть.

Лозунг гражданской войны неправильно понимался частью членов нашей партии, а также некоторыми интернационалистами других партий. Выше мы уже указывали, что, например, божийская группа и часть членов монпельерской, принимая этот лозунг, считали необходимым дополнить его лозунгом мира. Соглашаясь с этим лозунгом, резолюция божийской группы возражала против «такого толкования этого лозунга, которое бы выставляло его, как лозунг единственно возможный и исключающий все остальные» [1]). Группа считала желательным совмещение этого лозунга с лозунгом мира, не видя в них противоречия, а, наоборот, находя, что лозунг мира служит дополнением к лозунгу гражданской войны. Бернская конференция, на которой обсуждалось это предложение, отвергла такую постановку вопроса, указав, что лозунг мира затемняет сознание пролетариата, вводит в заблуждение и сеет иллюзии о возможности будто бы при империализме демократического мира без ряда революций.

Некоторые интернационалисты (скандинавские и др.), принимая постановку вопроса о войне против войны, о социалистической революции и т. д., выдвигали, однако, еще требование «разоружения» в смысле отмены милитаризма и милитаристской системы. Основной предпосылкой этого требования являлось пацифистское отношение к войне, насилию и вооруженной борьбе. Против этих взглядов Ленин обрушился самым резким образом. «Разоружение, — говорит Ленин, — есть идеал социализма. В социалистическом обществе не будет войн, следовательно, осуществится разоружение. Но тот не социалист, кто ждет осуществления социализма п о м и м о социальной революции и диктатуры пролетариата. Диктатура есть государственная власть, опирающаяся непосредственно на н а с и л и е. Насилие в эпоху XX века, — как и вообще в эпоху цивилизации, — это не кулак и не дубина, а в о й с к о. Поставить в программу «разоружение» значит сказать вообще: «мы против применения оружия» [2]). Это требование Ленин считает равносильным полному отказу от точки зрения классовой борьбы, отречению от всякой мысли о революции. Нашим лозунгом должно быть не «разоружение», а вооружение пролетариата для того, чтобы победить, экспроприировать и обезоружить буржуазию. И Ленин дает совет рабочему:

«Тебе дадут ружье. Бери его и учись хорошенько военному делу. Эта наука необходима для пролетариев — не для того, чтобы стрелять против твоих братьев, рабочих других стран, как это делается в теперешней войне и как советуют тебе делать изменники социализма, а для того, чтобы бороться против буржуазии своей собственной страны, чтобы положить конец эксплоатации, нищете и войнам не путем добреньких пожеланий, а путем победы над буржуазией и обезоружения ее» [3]).

Вот какова была та линия, тот путь, который указывала рабочим наша партия для борьбы против империалистических войн и за социалистическую революцию.

---

[1]) «Резолюция божийской группы». Приложение к ст. т. М. Сыромятникова, «Пролетарская революция», № 5, за 1925 г., стр. 171.

[2]) Л е н и н, т. XII, стр. 456.

[3]) Там же, стр. 453.

Исходя из этой общей стратегической линии, наша партия ставила и тактический лозунг — лозунг поражения. Превращение империалистской войны в гражданскую не может быть «сделано», оно вырастает из целого ряда явлений и последствий империалистской войны. Такое вырастание невозможно без ряда военных неудач и поражений тех правительств, которым наносят удары их собственные угнетенные классы. Кто всерьез ставит вопрос о революционной борьбе против войны, кто действительно хочет превратить империалистскую войну в гражданскую, тот, разумеется, не может не принять и лозунг поражения.

«Революция во время войны, — говорит Ленин, — есть гражданская война, а превращение войны правительств в войну гражданскую, с одной стороны, облегчается военными неудачами («поражением») правительств, а с другой стороны, — невозможно на деле стремиться к такому превращению, не содействуя тем самым поражению» [1]).

Поэтому-то так и открещивались от этого лозунга прикрытые социал-шовинисты (ОК, Троцкий), ибо этот лозунг один единственно означал настоящую, а не словесную борьбу против войны.

Лозунг «поражения» первоначально в манифесте ЦК был формулирован так: «Для нас, русских социал-демократов, не может подлежать сомнению, что с точки зрения рабочего класса и трудящихся масс всех народов России наименьшим злом было бы поражение царской монархии». Ставя так вопрос, ЦК, разумеется, не считал, что быть «пораженцами» это обязанность одних лишь русских социал-демократов, что социалисты Германии имеют право на этом основании стоять за победу «своего» отечества в войне с Россией. Указывая, что поражение России наименьшее зло, ЦК исходил прежде всего из того положения, что интернационалистский долг обязывает социалистов в первую очередь бороться с шовинистами и правительством «своей» страны, желать поражения «своему» отечеству. Отстаивая лозунг поражения России, наша партия этим не только не освобождала социалистов других стран (Германии, Австрии) от их интернационалистских обязанностей, но, наоборот, показывала пример последовательности и преданности интернационализму, ведя борьбу против «патриотизма» своей буржуазии, против империалистов своей страны. В то же время она не переставала разоблачать германских и иных социал-шовинистов. Тем не менее в качестве лозунга не только для России, но и для интернационалистов других стран, формулировка, данная в манифесте, нуждалась в уточнении. Это было сделано на Бернской конференции, которая изменила формулировку в том смысле, что «пораженчество» обязательно также для социалистов и других стран. «В каждой стране, — указывает бернская резолюция, — борьба со своим правительством, ведущим империалистскую войну, не должна останавливаться перед возможностью в результате революционной агитации поражения этой страны. Поражение правительственной армии ослабляет данное правительство, способствует освобождению порабощенных им народностей и облегчает гражданскую войну против правящих классов». Это положение, — говорит далее резолюция, — «особенно верно» для России и ее поражение «при всех условиях представляется наименьшим злом».

---

[1]) Ленин, т. XIII, стр. 80.

По вопросу о «поражении» в нашей партии также имелись разногласия. Некоторые заграничные секции, отдельные товарищи в России (Каменев) отвергали лозунг поражения. Упомянутая уже нами божийская секция, в принятой резолюции, «категорически отвергала какое-либо выставление в качестве лозунга для России так называемого «поражения России» [1]). Бернская конференция, как мы выше указали, целиком подтвердила точку зрения ЦК, внеся лишь некоторые изменения в редакцию самой формулировки.

Война вскрыла тот факт, что оппортунисты, получившие господство в главнейших социал-демократических партиях Европы, перешли на сторону империализма и империалистской буржуазии. Поэтому действительная борьба против империализма сделалась невозможной без решительной беспощадной борьбы с оппортунизмом и социал-шовинизмом. «Нельзя выполнить задачи социализма, нельзя осуществить действительное сплочение рабочих, — заявляет манифест ЦК, — без решительного разрыва с оппортунизмом и разъяснения массам неизбежности его фиаско». — Надо решительно бороться против всяких попыток замалчивания или прикрытия дипломатическими фразами краха II Интернационала, — читаем мы там же. «Напротив, надо открыто признать этот крах и понять его причины, чтобы можно было строить новое, более прочное социалистическое сплочение рабочих всех стран». Этому вопросу, выяснению причин краха II Интернационала, Ленин посвящает ряд самых блестящих своих статей. В них он с замечательной глубиной и ясностью вскрывает корни оппортунизма, устанавливает его связь с социал-шовинизмом и доказывает категорическую необходимость для революционной социал-демократии разрыва с оппортунистами и социал-шовинистами.

Оппортунизм вырос на почве особенностей современного капитализма. — Экономической основой оппортунизма, — указывает Ленин, — служит огромная сверхприбыль, получаемая капиталистами благодаря монополиям, эксплоатации колоний, посредством которой они подкупают верхушки рабочего класса, бросая им кое-какие крохи из своей империалистской добычи.

«Буржуазия «великой» империалистской державы экономически может подкупать верхние прослойки «своих» рабочих, — говорит Ленин, — бросая на это сотенку-другую миллионов франков в год, ибо ее сверхприбыль составляет, вероятно, около миллиарда» [2]).

В прошлом, в 1848—1868 гг. и частью позже, монополией пользовалась только Англия, поэтому в ней мог на десятилетия победить оппортунизм. На эту связь оппортунизма в Англии с монопольным положением Англии неоднократно указывали Маркс, Энгельс. В одном письме от 1882 г. Энгельс писал: «Вы спрашиваете меня, что думают английские рабочие о колониальной политике. Решительно то же самое, что они думают о политике вообще. Здесь не существует ведь рабочей партии, здесь существуют только консерваторы и либеральные радикалы, а рабочие усердно соучаствуют в потреблении тех благ, которые несет с собой английская монополия на мировом рынке и в колониях». Те явления, которые в свое время отмечал Энгельс в одной лишь Англии, стали

[1]) «Пролетарская революция» № 5, за 1925 г., стр. 172.

[2]) Ленин, т. XIII, стр. 478.

теперь типичными для всех империалистских стран. Тогда монопольное положение Англии долго было неоспоримым и тогда рабочий класс одной страны можно было подкупать десятилетия. Монополия современного финансового капитала, которой пользуется ряд держав, бешено оспаривается. Подкупить весь рабочий класс теперь невозможно, «но зато меньшие (чем в Англии 1848—1868 гг.) прослойки «рабочей аристократии» подкупить может и подкупает каждая империалистская «великая» держава» [1]). Формы этого подкупа самые разнообразные. В одном случае это лучшая оплата отдельных слоев рабочих, связанных с какой-нибудь отраслью промышленности (например военной), или служащих, занятых в отраслях торговли с колониями, в другом — обеспечение рабочим лидерам теплых местечек в качестве рабочих министров, депутатов, чиновников и т. д.

«Доходные и спокойные местечки в министерстве или в военно-промышленном комитете, в парламенте и в разных комиссиях, в редакциях «солидных» легальных газет или в правлениях не менее солидных и «буржуазно-послушных» рабочих союзов,— вот чем привлекает и награждает империалистская буржуазия представителей и сторонников «буржуазных рабочих партий» [2]).

Получая крохи с империалистского стола буржуазии, эта рабочая аристократия отрывалась от нужд и страданий пролетарских масс, поддерживала буржуазию против массы пролетариата и приносила коренные интересы рабочего класса в жертву временным интересам ничтожной кучки рабочих.

В течение всей эпохи II Интернационала во всех социал-демократических партиях шла борьба между революционным крылом и оппортунистическим. В ряде стран происходили расколы по этой линии (Италия, Россия, Болгария, Голландия). Война ускорила развитие, превратив оппортунизм в социал-шовинизм. Оппортунизм в обстановке войны 1914 г. и дает социал-шовинизм. Экономическая основа и идейно-политическое содержание социал-шовинизма вполне совпадают с основами оппортунизма. Это — одно и то же течение.

«Война видоизменила десятилетиями выращенный оппортунизм, подняла его на высшую ступень, увеличила число и разнообразие его оттенков, умножила ряды его сторонников, обогатила их доводы кучей новых софизмов, слила, так сказать, с основным потоком оппортунизма много новых ручейков и струй, но основной поток не исчез» [3]).

Если взять все европейские страны в целом, то окажется, что именно оппортунистическое течение стало главным оплотом социал-шовинизма. В Германии крепость оппортунизма, ревизионистский журнал «Социалистический ежемесячник» («Sozialistische Monatshefte») стал крепостью шовинизма; идеи интернационализма защищаются крайними левыми. В России основное ядро оппортунистов (ликвидаторская «Наша заря») стало основным ядром шовинистов. За интернационализм борется РСДРП большевиков. В Италии оппортунистическая партия Биссолати и К⁰ стала шовинистской, интернационализм представлен рабочей партией. То же самое и в других странах.

---

[1]) Ленин, т. XIII, стр. 478.
[2]) Там же, стр. 479.
[3]) Там же, стр. 167.

Во всех крупнейших странах с начала войны образовалось два главнейших вида оппортунизма: во-первых, откровенный социал-шовинизм—Плеханов и группа «Наша заря» в России; Шейдеман, Легин, Ленш и др. в Германии; Гайндман, Гендерсон в Англии и т. д. Во-вторых, прикрытый социал-шовинизм — «центризм» — Каутский, Гаазе и др. в Германии; Лонге-Прессман во Франции; Макдональд и др. вожди «независимой рабочей партии» в Англии; Мартов, Чхеидзе и др. в России и т. д. Несмотря на различие в оттенках, основа у них одна и та же — оппортунистическая. Они сходятся в основном: в замалчивании или игнорировании конкретного вопроса

«о связи теперешней войны с революцией и другими конкретными вопросами революции. И это несмотря на то, что перед войной бесчисленное количество раз указывалось на связь именно этой грядущей войны с пролетарской революцией и неофициально, и в Базельском манифесте официально» [1]).

Социал-шовинизм есть оппортунизм, настолько созревший и окрепший, настолько определившийся идейно-политически, так тесно сблизившийся с буржуазией и правительствами, что существование такого течения внутри социал-демократических партий стало дальше невозможным. В прошлую эпоху, до войны, оппортунизм, хотя и считался «уклоном», но с ним, как с особым оттенком, мирились в большинстве социал-демократических партий. Война показала, что в будущем это больше невозможно, что отношение к оппортунизму не может остаться старым. С войной оппортунизм окончательно дозрел, вполне сросся со своей национальной буржуазией, став ее верным союзником внутри рабочего движения. Война показала, что оппортунисты, в мирное время делавшие свою буржуазную работу тайком, в эпоху кризиса оказываются открытыми союзниками всей буржуазии. Но с войной социализм вступил в эпоху кризисов, в стадию революционной борьбы за социалистическую революцию. Поэтому без решительной борьбы и разрыва с оппортунистами никакая борьба против империализма невозможна.

Во всех почти капиталистических странах социал-шовинизм вполне определился как буржуазная рабочая партия. Социал-шовинистское (оппортунистическое тож) течение не может ни исчезнуть, ни вернуться к революционному пролетариату, ибо оно не случайно, а экономически обусловлено в условиях империализма, порождающего паразитизм и в рабочем классе. «Революционный класс XX века имеет (подобно революционному классу XVIII века, буржуазии) свою Жиронду и свою Гору» [2]).—В наступающую эпоху, — говорит т. Ленин, — рабочее движение будет развиваться в борьбе этих двух тенденций.

«Мы не имеем ни тени оснований думать, что эти партии могут исчезнуть до социальной революции. Напротив, чем ближе будет эта революция, чем могущественнее разгорится она, чем круче и сильнее будут переходы и скачки в процессе ее, тем большую роль будет играть в рабочем движении борьба революционного массового потока против оппортунистического — мещанского» [3]).

---

[1]) Ленин, т. XIII, стр. 454—455.
[2]) Там же, стр. 23.
[3]) Там же, стр. 481.

Беспощадная борьба, разрыв с оппортунистами и изгнание их из рабочих партий, — такова главнейшая задача социалистов. Оппортунисты — это буржуазные агенты в рабочем классе. Единство с оппортунистами теперь означает на деле союз с своей буржуазией и раскол интернационального пролетариата. Единство пролетарской борьбы за социалистическую революцию требует безусловного отделения рабочих партий от оппортунистов. Задача социалистов — разъяснять массам неизбежность и необходимость раскола с оппортунизмом, разоблачать всю мерзость и предательство национал-либеральной рабочей политики и таким путем воспитывать их к революции.

Борьба с левыми уклонами.

Нашей партии в годы войны пришлось вести борьбу не только с противниками справа, но и с уклонами слева. Такие левые уклоны проявлялись как среди отдельных членов нашей партии, так и среди интернационалистов других партий. Расхождения эти шли, главным образом, вокруг вопроса о «праве наций на самоопределение». По существу же эти споры были значительно шире, чем показывает само это название, и ближайшим образом соприкасались с проблемой пролетарской революции.

Вопрос о праве нации на самоопределение в связи с войной приобрел особо важное значение. Без ясного и правильного ответа на этот вопрос нельзя было вести последовательной борьбы с социал-шовинистами. Этот вопрос, далее, охватывая собою также и национальную проблему в целом, теснейшим образом сливался с вопросом о пролетарской революции; именно, он являлся вопросом о союзниках пролетариата в пролетарской революции в лице многомиллионных масс угнетенных колониальных и полуколониальных народностей, борющихся против империализма. Все это вместе выделяло эту проблему как одну из важнейших и наша партия уделяла ей чрезвычайное внимание. «Вопрос этот («самоопределение») архиважен», заявлял т. Ленин [1]), требуя самого внимательного и серьезного подхода к этому вопросу и решительно борясь против поверхностного шаблонного подхода при его решении.

По вопросу о самоопределении наций среди оппортунистов во время войны имелись два оттенка. Одни из них — Кунов, Парвус в Германии, вожди тред-юнионов в Англии и др. — прямо выступали против права самоопределения и защищали аннексии. Они обосновывали свою позицию в этом вопросе доводами, что империализм и политическая концентрация, т. е. образование великих держав, прогрессивны, что это лежит в основе исторического развития, что право наций на самоопределение является утопическим, мелкобуржуазным. Признание за каждой нацией права на государственную независимость, — заявляет Кунов, — «прямо противоречит марксизму». Это требование утопическое, мелкобуржуазное и лишь как пережиток мелкобуржуазной идеологии оно фигурирует в социал-демократической программе и теории [2]). Кунов (как и другие) «теоретически» отвергает право наций на самоопределение,

---

[1]) «Ленинский сборник», т. II, стр. 264.

[2]) C u n o w, Parteizusammenbruch, S. 32—35.

для того чтобы оправдать стремления к аннексиям и захватам своей отечественной империалистской буржуазии.

Другая группа социал-шовинистов, главным образом каутскианцы, выступала за самоопределение и против аннексий. Но эта защита самоопределения и борьба против аннексий была чисто формальной, выражалась лишь в словах, а не на деле, ибо они отказывались признать право на самоопределение и на государственное отделение за теми нациями, которые угнетались буржуазией их собственной страны. Каутский выступал за самоопределение, но требование свободы политического отделения угнетенными нациями он считает «чрезмерным». Он против аннексий, говоря, что должна быть «отвергнута мысль об аннексиях чужих областей» [1]). Но лицемерие этой борьбы сразу же обнаруживается, когда он от общего лозунга — отрицания аннексий — переходит к его конкретизации. Когда он касается «чужих» аннексий, например России, он прямо признает право на отделение за русской Польшей. Но он молчит о свободе отделения поляков от Германии, он отвергает свободу отделения для наций, угнетаемых Австрией — союзником Германии.

На такой же позиции в России стояли Мартов и Троцкий.

«Разве не ясно, — писал Ленин, — что Мартов так же лицемерно «защищает» самоопределение, как и Каутский? Так же прикрывает свое желание м и р и т ь с я с шовинистами. А Троцкий? Он горой за самоопределение, но у него это пустая фраза, ибо он не требует отделения наций, угнетенных «отечеством» д а н н о г о национального социалиста; он молчит о лицемерии Каутского и каутскианцев!» [2]).

Обе группы социал-шовинистов одинаково стояли на оппортунистической, а не на марксистской позиции в этом вопросе, обходили и затушевывали революционный способ его разрешения и облегчали обман народа господствующими классами.

Позиция нашей партии в вопросе национального самоопределения была формулирована в тезисах ЦК «Социалистическая революция и право наций на самоопределение» [3]). Основные положения этих тезисов сводились к следующему.

«Победоносный социализм, — читаем мы в тезисах, — необходимо должен осуществить полную демократию, а, следовательно, не только провести полное равноправие наций, но и осуществить право на самоопределение угнетенных наций, т. е. право на свободное политическое отделение... Право на самоопределение наций означает исключительно право на независимость в политическом смысле, на свободное политическое отделение от угнетающей нации. Конкретно это требование политической демократии означает полную свободу агитации за отделение и решение вопроса об отделении референдумом отделяющейся нации. Таким образом, это требование вовсе не равносильно требованию отделения, — дробления, образования мелких государств. Оно означает лишь последовательное выражение борьбы против всякого национального гнета» [4]).

Только такая последовательная линия борьбы против национального гнета создаст условия для наиболее полного сближения наций, поможет изжить

[1]) «Ленинский сборник», т. II, стр. 301.

[2]) Л е н и н, т. XIII, стр. 238—239.

[3]) Первоначально напечатаны в органе циммервальдской левой «Vorbote» № 2, апрель 1916 г.; перепечатаны в сборн. «Социал-демократ», № 1, октябрь 1916 г.; вошли в XIX том Собр. соч. Ленина.

[4]) Л е н и н, т. XIX, стр. 155, 157.

все веками накопленные национальные антипатии, недоверие и вражду. Именно в целях ликвидации этого недоверия и скорейшего изживания всех остатков национальной вражды и обособленности тезисы намечают неодинаковое отношение к национальному вопросу со стороны пролетариев угнетающей и угнетенной наций и выдвигают требование, чтобы пролетариат угнетающей нации наиболее полно доказал свою вражду к национальному гнету, практикуемому буржуазией, наиболее решительно выступал за право отделения наций, угнетаемых буржуазией его национальности.

«Пролетариат угнетающих наций, — указывают тезисы, — не может ограничиться общими, шаблонными, повторяемыми любым пацифистским буржуа фразами против аннексий и за равноправие наций вообще.

Пролетариат не может обходить молчанием особенно «неприятного» для империалистской буржуазии вопроса о границах государства, покоящегося на национальном гнете... Пролетариат должен требовать свободы политического отделения колоний и наций, угнетаемых «его» нацией. В противном случае интернационализм пролетариата останется пустым и словесным; ни доверие, ни классовая солидарность между рабочими угнетенной и угнетающей нации невозможны; лицемерие реформистских и каутскианских защитников самоопределения, умалчивающих о нациях, угнетаемых «их собственной» нацией и насильно удерживаемых в «их собственном» государстве, остается неразоблаченным».

С другой стороны, социалисты угнетаемых наций должны отстаивать и проводить в жизнь полное единство рабочих угнетенной и угнетающей наций, борясь против всякого шовинизма, насаждаемого буржуазией, и т. д.

По вопросу о самоопределении, указывают тезисы, надо различать три типа стран. Во-первых, передовые капиталистические страны Западной Европы и Соединенные Штаты. Здесь национальные движения давно закончены, каждая из этих наций угнетает чужие нации внутри страны и в колониях. Здесь задачи пролетариата господствующих наций — помощь, содействие и поддержка борьбы угнетаемых наций за их освобождение. Во-вторых, восток Европы — Австрия, Балканы и Россия, где буржуазно-демократические национальные движения не закончены и в XX веке приняли форму острой борьбы. Пролетариат должен решительно отстаивать и бороться за утверждение буржуазно-демократического преобразования и осуществления права наций на самоопределение. В-третьих, колониальные и полуколониальные страны, где буржуазно-демократические движения лишь начинаются и далеко не закончены. Социалисты должны самым решительным образом требовать безусловного освобождения этих стран; они

«должны самым решительным образом поддерживать наиболее революционные элементы буржуазно-демократических национально-освободительных движений в этих странах и помогать их восстанию — а при случае и их революционной войне — против угнетающих их империалистских держав» [1]).

Борьба за данное требование, т. е. за право самоопределения, как и борьба за все коренные требования политической демократии, — указывают далее тезисы, — должна быть подчинена непосредственной революционной массовой борьбе за свержение буржуазных правительств и за осуществление социа-

[1]) Ленин, т. XIX, стр. 176.

лизма. Но как раз это требование не только не является помехой или тормозом социалистической революции, но, наоборот, способно помочь ей, расширить ее размах и завербовать ей огромный круг новых сторонников в лице многомиллионных масс угнетаемых наций и порабощенных народностей.

Таковы основные моменты позиции нашей партии по вопросу о самоопределении. Иначе подходила к этому вопросу часть левых. Основная ошибка их постановки вопроса заключалась в том, что они недоучитывали значения национальной проблемы, подходили схематично, шаблонно и проявляли уклон в сторону национального нигилизма.

Из того факта, что социал-шовинисты пытались представить империалистскую войну 1914 г., как национальную, группа немецких левых «Интернационал» (Р. Люксембург и др.) вывела противоположный тезис, что теперь национальных войн вообще больше не может быть.

«В период господства этого разнузданного империализма, — читаем мы в их тезисах, — не может уже более происходить национальных войн. Национальные интересы — лишь средство обмана, чтобы заставить трудовые рабочие массы служить смертельному своему врагу — империализму» [1]).

Это огульное отрицание возможности национальных войн при империализме, конечно, ошибочно и неверно. Правильно оценивая войну 1914 г., как империалистскую, и разоблачая предательство социал-шовинистов, обманывавших рабочих фразами о национальной войне, авторы тезисов впали в другую крайность и объявили все будущие войны империалистскими. Они в данном случае погрешили против основного правила марксистской диалектики, требующего конкретного анализа и учета особенностей данного общественного явления. Критикуя это положение, т. Ленин указывал, что, во-первых, национальные войны возможны (хотя и маловероятны) в результате империалистской войны 1914 г.

Во-вторых, не только вероятны, но и неизбежны в эпоху империализма национальные войны колоний и полуколоний (Индия, Китай, Турция).

И, наконец, даже в Европе нельзя считать национальные войны невозможными. Возможны, например, национальные войны со стороны маленьких аннексированных или национально-угнетенных государств против империалистических держав (Ирландия, Англия) или на востоке Европы (Австрия, Россия). Все это показывает ошибочность отрицания национальных войн вообще. Это положение немецких левых, подвергшееся критике т. Ленина, нашло мало сторонников. Более решительно и последовательно против лозунга самоопределения выступала другая группа левых, польско-голландские социал-демократы, некоторые члены нашей партии (Пятаков и др.). Свою позицию они изложили в «тезисах об империализме и национальном угнетении» (напечатаны в числе приложений к XIX т. Собр. соч. Ленина), а также в отдельных статьях (Пятаков, Гортер и др.).

Их доводы и возражения сводились к следующему. Право на самоопределение в капиталистическом обществе неосуществимо. — В капиталистическом

---

[1]) Р. Люксембург. «Кризис социал-демократии», стр. 107, изд. 1924 г.

обществе, — читаем мы в их тезисах, — «немыслимо сделать волю наций решающим фактором в вопросах изменения границ, как того требует так называемое право наций на самоопределение» [1]). «В вопросах присоединения чужих областей формы политической демократии отбрасываются, решает открытая сила». Поэтому требование, что нация сама должна решать вопрос относительно своей принадлежности к тому или иному государству, является утопичным.

Право на самоопределение, — читаем мы там же, — неприменимо и к социалистическому обществу. «Социализм уничтожит всякое национальное угнетение, потому что он уничтожает поддерживающие его классовые интересы. Нация в социалистическом обществе... будет иметь только характер единства культуры и языка»... Территориальное подразделение социалистической культурной области будет устанавливаться только исходя из потребностей производства,

«при чем об этом подразделении должны были бы решать не отдельные нации, обособленно на основании собственного полновластия (как этого требует право на самоопределение), но все заинтересованные граждане должны бы были решать совместно» [2]).

Итак, при капитализме лозунг самоопределения неосуществим, а при социализме не нужен, — таковы главные теоретические возражения против лозунга самоопределения. Но кроме теоретических возражений против лозунга выдвигались возражения тактического порядка.

— Лозунг самоопределения, — указывали левые, — неприемлем также по тактическим соображениям, так как сеет иллюзии среди пролетариата, будто капитализм может приспособиться к интересам слабых наций, вместо того чтобы сказать, «что лишь со свержением капитализма будет уничтожен и национальный гнет». — Таким образом на место «социал-революционной перспективы» лозунг этот ставит «национально-реформистскую», указывают тезисы. С другой стороны, говорят они, лозунг самоопределения не может быть использован для агитации за социализм и за социальную революцию, ибо этот лозунг способен затушевать борьбу за социализм. Интересы тактики «требуют резкого выдвигания на первый план ясного, ничем не затуманенного лозунга социализма, социалистической революции, как центральной идеи, расширяющей и обостряющей нашу борьбу за частичные требования» [3]).

Тов. Ленин подверг все эти доводы и возражения противников самоопределения самому основательному разбору и с поразительной убедительностью показал всю их несерьезность и ошибочность.

Основное возражение левых, как мы видели, состояло в том, что самоопределение при империализме неосуществимо. Это утверждение, — говорит Ленин, — может быть понимаемо либо в экономическом смысле, т. е. в том смысле, что оно абсолютно невозможно при империализме, непримиримо с его существованием, либо в смысле условном, политическом, т. е. что оно трудно осуществимо. В первом случае оно в корне ошибочно теоретически. В самом деле, можно ли утверждать, что самоопределение наций при империализме так же

[1]) Ленин, т. XIX. изд. 1924 г., стр. 258.
[2]) Там же, стр. 259.
[3]) Там же, стр. 260.

неосуществимо, как неосуществимы, напр., рабочие деньги или уничтожение кризисов при капитализме? Конечно нет, ибо осуществление самоопределения ни в коей мере не противоречит тем экономическим отношениям, которые господствуют в данной стране, оно затрагивает лишь надстройку над этими отношениями, нисколько не подрывая их базы. Факты из этой области опровергают утверждения о «неосуществимости», именно: пример отделения Норвегии от Швеции в 1905 г. достаточно ясно показывает неправильность утверждения об абсолютной неосуществимости.

Во-вторых, изменение политических и стратегических взаимоотношений в результате войны могло привести (и, как известно, привело) к образованию государств Польского, Чехо-словацкого и др.

В-третьих, совершенно неверно представление, будто самоопределение может в той или иной мере подорвать господство финансового капитала. Финансовый капитал свободно купит и подкупит самое свободное демократическое и республиканское правительство и через банки, биржу вполне подчинит его своему господству.

«Господство финансового капитала, как и капитала вообще, неустранимо никакими преобразованиями в области политической демократии, а самоопределение всецело и исключительно относится к этой области. Но это господство финансового капитала нисколько не уничтожает значения политической демократии, как более свободной, широкой и ясной формы классового гнета и классовой борьбы» [1]).

Поэтому ссылки противников самоопределения на экономическую неосуществимость этого требования были неправильны и исходили из неправильного понимания общих отношений капитализма и политической демократии вообще.

Во втором случае, в смысле политической неосуществимости, утверждение это неточно и неполно. Право наций на самоопределение, как и все коренные требования политической демократии, осуществимы при империализме лишь неполно, изуродованно или в виде редкого исключения (пример Норвегии). Они осуществимы лишь через ряд революций. Разумеется, отсюда вытекает для социал-демократии не отказ от этих требований, а, наоборот, немедленная и решительная революционная борьба за эти требования, втягивание в активную борьбу масс и расширение борьбы из-за всякого коренного демократического требования до прямого натиска пролетариата на буржуазию, т. е. до социалистической революции. Ибо

«социалистическая революция, — говорят тезисы Ленина, принятые ЦК, — может разгореться не только из-за крупной стачки или уличной демонстрации, или голодного бунта, или военного восстания, или колониального мятежа, но и из-за любого политического кризиса вроде дела Дрейфуса, или Цабернского инцидента, или в связи с референдумом по вопросу об отделении угнетенной нации и т. п.» [2]).

Левые отвергали лозунг самоопределения как ненужный и неприменимый при социализме. Это ошибочное мнение левых проистекало оттого, что они неправильно представляли себе политические формы социализма, неправильно

---

[1]) Ленин, т. XIX, стр. 170.

[2]) Там же, стр. 157.

ставили вопрос о государстве. В своих тезисах они на этот счет выражаются весьма неопределенно и туманно. Вместо того, чтобы говорить о государстве, они говорят о «социалистическом культурном круге», т. е. употребляют такое определение, что все государственные вопросы, в том числе и вопрос о границах, стираются. Более ясно на этот счет выразился Пятаков, прямо отрицающий существование государства при социализме.

«Мы мыслим, — пишет он, — и всегда мыслили себе социалистический строй, как строго демократическую (!!?) централизованную систему хозяйства, при которой государство, как аппарат господства одной части населения над другой, исчезает» [1]).

Ясно, что если нет государства, то нет вопроса и о его границах. Но такой взгляд на государство при социализме является результатом несомненной путаницы в этом вопросе. С одной стороны, в этой формулировке фактически отрицается государство и для переходного периода, между тем как марксизм ясно учит, что в этот переходный от капитализма к коммунизму период государство существует, именно, диктатура пролетариата.

С другой стороны, здесь упускается процесс отмирания государства при социализме и характерные черты этого процесса.

Империализм, несомненно, оставит в наследство социалистическому государству границы недемократические, ряд аннексий и т. д. Победивший социализм, проводя до конца полную демократию по всей линии, не может отказаться от демократического определения границ, не может не провести самоопределения наций вплоть до свободы политического отделения. Глубоко неправильным, недемократичным или точнее аннексионистским является утверждение левых, что при социализме вопрос о территориальном подразделении «должны решать не отдельные нации обособленно..., а это будут решать все заинтересованные граждане совместно».

«Все реакционеры и буржуа, — отвечал им Ленин, — предоставляют нациям, насильственно удерживаемым в границах данного государства, право «совместно определять» его судьбы в общем парламенте. Вильгельм II тоже предоставляет бельгийцам право «совместно определять» в общем немецком парламенте судьбы немецкой империи» [2]).

Отрицание лозунга самоопределения приводило левых к противоречиям и к таким выводам, которые могли быть на-руку лишь социал-шовинистам. Они, конечно, решительно и определенно против аннексий. «Социал-демократическая партия должна энергичнейшим образом бороться с аннексионистской политикой империализма и ее следствием — политикой национального угнетения», заявляют они в своих тезисах. Но аннексия есть нарушение самоопределения нации, установление границ государства вопреки воле населения. Следовательно, быть против аннексий значит быть за право самоопределения. Таким образом левые, выступая против самоопределения, вынуждены были, с другой стороны, признавать его, хотя и в другой формулировке, в форме отрицания аннексий.

---

[1]) Ленин, т. XIII, стр. 368.

[2]) Там же, стр. 400.

Противоречивость их позиции становится еще яснее, если учесть, что для колоний они провозглашали лозунг «прочь из колоний», т. е. отстаивали право на самоопределение этих наций, в то время как для Европы они это отвергали. Теоретически такое различение Европы и других стран ничем не обосновывалось. Но этот различный подход, будучи теоретически неверным у левых, был не случаен, а являлся выражением непонимания ими хода и условий социалистической революции.

Процесс социальной революции левые представляли себе весьма схематично, шаблонно. Они мыслили себе дело так, что в капиталистически зрелых странах пролетариат восстает, свергает буржуазию и захватывает власть. Вопрос о союзниках пролетариата в социалистической революции, о широких массах мелкой буржуазии (в Европе, Азии и т. д.) и крестьянстве в первую очередь, которые пролетариат должен привлечь на свою сторону и вести за собой в целях обеспечения и закрепления своей победы над буржуазией, — этот вопрос ускользал из построения левых. Вот, например, как схематически представляет себе ход социалистической революции Пятаков.

«Этот процесс (социальный переворот), — пишет он, — мы мыслим как объединенное действие пролетариев всех стран, разрушающих границы буржуазного государства, сносящих пограничные столбы, взрывающих национальную общность и устанавливающих общность классовую» [1]).

Но такое представление, что социальный переворот будет «объединенным действием пролетариев всех стран» в корне неправильно, ибо большинство стран и населения земли еще стоит даже не на капиталистической или только в начале капиталистической ступени развития. Для социализма созрели лишь передовые страны Европы и Америки. Поэтому мечтать о том, что социальный переворот будет одновременным объединенным действием пролетариев всех стран, значило откладывать социализм до далекого будущего. Фактически это означало переход на точку зрения реформиста Кольба, думавшего, что социализм возможен будет тогда, когда исчезнет последний крестьянин и ремесленник.

Именно такое схематическое представление и лежало в основе положения левых, что лозунг самоопределения способен затушевать борьбу за социалистическую революцию, что лозунг социалистической революции должен быть чистым и т. д. Связи между национально-освободительным движением угнетенных наций и гражданской войной пролетариата против буржуазии левые совсем не замечали, ибо недоучитывали и не понимали закона неравномерности капиталистического развития.

«Социальная революция не может произойти иначе, — указывал Ленин, — как в виде эпохи, соединяющей гражданскую войну пролетариата с буржуазией в передовых странах и целый ряд демократических и революционных, в том числе и национально-освободительных движений неразвитых, отсталых и угнетенных наций.

Почему? Потому, что капитализм развивается неравномерно, и объективная действительность показывает нам, наряду с высоко развитыми капиталистическими нациями, целый ряд наций, очень слабо и совсем не развитых экономически» [2]).

---

[1]) Ленин, т. XIII, стр. 368.

[2]) Там же, стр. 369 — 370.

Вот это непонимание закона неравномерности и вытекающих из него последствий для социалистической революции и являлось той коренной ошибкой, которая характеризовала подход левых к проблеме социальной революции. Отсюда и отрицание лозунга самоопределения и недооценка национальных движений. В какой мере они не понимали роли и значения национальных движений, наглядно продемонстрировал К. Радек своей оценкой ирландского восстания. Когда в 1916 г. разразилось ирландское восстание, К. Радек в статье под заглавием «Песня спета» обозвал его «путшем», «чисто городским мелкобуржуазным движением, за которым, несмотря на большой шум, который оно производило, социально стояло не многое» [1]). В этой доктринерской оценке ирландского восстания, которое имело за собой десятилетия борьбы и массового движения, наглядно обнаружилось, до каких нелепостей может довести упрощенство и схематизм в теории, неуменье приложить свои теоретические концепции к действительной жизни и проверять их на ее опыте.

Эта оценка Радеком ирландского восстания (оценка, кстати сказать, совпавшая с оценкой его реакционерами) вызвала заслуженную отповедь со стороны т. Ленина.

«Кто называет такое (ирландское) восстание путшем, — писал Ленин, — тот либо злейший реакционер, либо доктринер, безнадежно неспособный представить себе социальную революцию, как живое явление.

Ибо думать, что м ы с л и м а социальная революция без восстаний маленьких наций в колониях и в Европе, без революционных взрывов части мелкой буржуазии с о в с е м и е е п р е д р а с с у д к а м и, без движения несознательных пролетарских и полупролетарских масс против помещичьего, церковного, монархического, национального и т. п. гнета, — думать так значит о т р е к а т ь с я о т с о ц и а л ь н о й р е в о л ю ц и и. Должно быть, выстроится в одном месте одно войско и скажет: «Мы за социализм», а в другом — другое и скажет: «Мы за империализм», и это будет социальная революция! Только с подобной педантски-смешанной точки зрения мыслимо было обругать ирландское восстание «путшем». Кто ждет «чистой» социальной революции, тот н и к о г д а ее не дождется. Тот — революционер на словах, не понимающий действительной революции» [2]).

Таким образом формальная «левизна» левых фактически приводила их к весьма правым, подчас реакционным выводам. И корень всех этих ошибок заключался в том, что не в пример Ленину «левые» подходили ко всем этим серьезнейшим проблемам неконкретно, недиалектично, не понимали и не старались понять отличительных черт и своеобразия эпохи; они подходили к этим сложнейшим общественным явлениям с готовой меркой, с общим и шаблонным представлением. Понятно, что результат получался плачевный. Правда, результат этот не оказывался еще более плачевным, потому что тогда, не в пример «левым» последней формации, левые умели отрекаться от своих ошибок, когда партия им указывала на них.

В этой беспощадной борьбе с левыми уклонами, как и с правыми противниками, наша партия выковывала свое теоретическое оружие, разрабатывала и формулировала важнейшие вопросы пролетарской стратегии для наступавшей эпохи социалистической революции. В то же время партия неустанно работала

---

[1]) Л е н и н, т. XIII, стр. 430.

[2]) Там же, стр. 430—431.

в направлении организационного сплочения и объединения подлинно интернационалистских элементов, чтобы вместе с ними создать новый Интернационал вместо обанкротившегося II Интернационала. Это удалось выполнить в Циммервальде и Кинтале, где были заложены основы будущего Коммунистического Интернационала.

г) БОРЬБА ЗА III ИНТЕРНАЦИОНАЛ.

Циммервальдская конференция.

Позорное поведение важнейших социал-демократических партий привело к краху II Интернационала. С началом военных действий Интернационал фактически перестал существовать. Международное социалистическое бюро больше не созывалось, а председатель II Интернационала Вандервельде стал министром его величества короля Бельгии и вернейшим слугой правительств Антанты.

Оппортунисты (за исключением наиболее откровенных — Ленша, Кольба и др.) и каутскианцы всех родов, как мы видели, пытались отрицать этот крах II Интернационала. С Интернационалом-де ничего не случилось, имеется временное «недоразумение», кончится война, все пойдет по-старому. Оппортунисты в один голос твердили, что они горой за Интернационал, что надо возможно скорей добиться возобновления нормальной деятельности Интернационала.

Как же они мыслили себе воссоздание II Интернационала, каким путем, на какой основе? В подходе к этом вопросу мы наблюдаем поразительное единодушие со стороны всех оппортунистов.

Метод восстановления Интернационала у них у всех был таков: надо подождать конца войны. До окончания войны, разумеется, социалисты каждой страны должны защищать свое «отечество» и поддерживать «свои» правительства. По окончании же войны — друг друга «амнистировать», признать, что все поступили правильно и возобновить деятельность Интернационала. Австрийский оппортунист Виктор Адлер писал, что «когда мы переживем это тяжелое время, нашей первой обязанностью будет не ставить друг другу каждое лыко в строку». Плеханов говорил, что «неприятно пожимать руки (германских социал-демократов), пахнущие кровью невинно-убитых». Но, прибавлял он, «тут вполне уместно будет подчинение сердца рассудку». Немецкий оппортунист Гейне называл поведение Вандервельде «мужественным и гордым» и т. д.

В ответ на лживые лицемерные фразы оппортунистов и каутскианцев наша партия еще в начале войны заявила о крахе Интернационала и провозгласила лозунг создания III Интернационала. «Надо открыто признать этот крах и понять его причины, чтобы можно было строить новое, более прочное социалистическое сплочение рабочих всех стран», заявлял манифест ЦК. «II Интернационал умер, побежденный оппортунизмом. Долой оппортунизм и да здравствует очищенный от оппортунизма III Интернационал». Но лишь постепенно и медленно этот лозунг нашей партии завоевал сторонников среди тех элементов международной социал-демократии, которые остались верны социализму, и лишь в Циммервальде удалось сплотить ядро интернационалистов — так называемую циммервальдскую левую. Пока

же наша партия направляла все свои усилия на то, чтобы ознакомить возможно более широкий круг социалистов и рабочих с своими взглядами. Для этого ЦК рассылал разным оппозиционным группам и лицам свои тезисы, манифест, брошюры и др. Брошюра «Война и социализм» Ленина и Зиновьева была переведена на французский, немецкий и норвежский языки, распространялась также и нелегально. Попутно использовался также всякий случай, чтобы организовать выступления на международной арене, если только была надежда, что представителю партии дадут возможность высказаться. Таких возможностей, разумеется, было до чрезвычайности мало. В первый раз это удалось на съезде шведской социал-демократической партии в ноябре 1914 г. Представитель ЦК т. Шляпников произнес речь, в которой изложил позицию, занятую РСДРП по вопросу о войне, указал на революционную борьбу русского пролетариата, на жестокие преследования царизма и охарактеризовал поведение германской социал-демократии, как измену социализму. Не обошлось, конечно, без инцидента. Лидер шведской социал-демократии, оппортунист Брантинг, одобрявший оборонческую позицию социалистических партий, был задет за живое этой характеристикой германской социал-демократии и предложил съезду выразить сожаление по поводу этой фразы. Хотя его предложение и собрало небольшое большинство, но дискуссия все же завязалась, и цель выступления была достигнута. Ленин был в восхищении. Выступление «вышло ч у д е с н о», писал он Шляпникову. Однако во второй раз устроить подобное выступление не удалось. Когда в январе 1915 г. в Копенгагене состоялась конференция нейтральных социалистов (фактически скандинавских стран), ЦК решил не итти «на совет нечестивых».

«Не дадут сказать шведской речи вашей, писал Владимир Ильич Шляпникову.—По всей видимости — это интрига немцев. Я даже думаю, что тут есть интрига немецкого генерального штаба, которому хочется через других позондировать «мир». Ничего там не узнаем. Ничему там не поможешь. Посылка манифеста — вот все, что нам нужно» [1]).

Следующая попытка выступления была сделана на конференции социалистов союзных стран в Лондоне в феврале 1915 года. Официальный представитель нашей партии в Международном социалистическом бюро т. Литвинов, живший тогда в Лондоне, не был приглашен, хотя адрес его был хорошо известен. Зато Международное социалистическое бюро не забыло пригласить эсера соц.-патриота Рубановича, меньшевиков и других «социалистов». Наш представитель появился на конференции с тем, чтобы прочитать свою декларацию и заявить о неучастии нашей партии в конференции. После заявленного протеста против неприглашения т. Литвинову «разрешили остаться» на конференции. Однако зачитать полностью декларацию ему не дали, точно так же не разрешили заявить, по каким мотивам он не будет участвовать в конференции. Пришлось оставить письменную декларацию у председателя, к которой присоединился и представитель ЦК латышской СДРП — Берзин. В органе английской рабочей партии появилась заметка об уходе нашего представителя и о мотивах его ухода, и таким образом, несмотря на замалчивание нашей позиции всей социал-импе-

[1]) «Ленинский сборник», т. II, стр. 214, 218.

риалистической печатью, рабочие все же, хотя бы по мелкой заметке, могли узнать о ней.

С своей стороны интернационалисты и близкие к ним группы также пытались наладить и восстановить прерванные интернациональные связи. Наша партия, конечно, всячески поддерживала эти попытки. Еще осенью 1914 г. Н. К. Крупская от имени женской организации при ЦК вступила в переписку с т. Кларой Цеткин по поводу необходимости созыва международной конференции женщин-работниц. Инициатива представителя ЦК встретила сочувствие, и это привело к тому, что т. Цеткин поехала в Голландию и оттуда стала организовывать женскую конференцию. В конце апреля 1915 г. она состоялась в Берне и в ней приняли участие делегатки из Германии, Италии, Швейцарии, Англии, Франции. От нашего ЦК на ней присутствовали Н. К. Крупская, Инесса Арманд, З. Лилина и О. Равич.

На конференции столкнулись два миросозерцания, две тактики пролетарских партий. Подавляющее большинство конференции отказалось признать крах II Интернационала, отказывалось осуждать социал-шовинизм и замалчивало поведение официальных социал-демократических партий. Резолюции наших представительниц, дававшие ясный ответ на эти вопросы, были провалены подавляющим большинством, состоявшим из оппортунисток и недостаточно последовательных левых. Решения, принятые конференцией, носили пацифистский характер. Положительное значение конференции заключалось лишь в том, что в противовес идеям и лозунгам, которые в то время почти безраздельно господствовали в социалистических партиях воюющих и нейтральных стран, здесь впервые со времени войны собрались социалистки разных стран, и, хотя неполно и непоследовательно, закрепили в резолюции принципиально иное отношение к событиям, чем господствовавшее в официальных социал-демократических партиях, именно, осуждение войны, как затеянной господствующими классами, отказ от лозунга «защиты отечества».

Неделей позже в Берне состоялась международная юношеская конференция. По своему идейному багажу эта конференция мало чем отличалась от женской. Резолюции ЦК и здесь были провалены, хотя влияние нашей партии было там несколько больше и удалось внести некоторые улучшения в проекты резолюций. Международная женская и юношеская конференции, как и состоявшееся до того совещание (в Лугано), несмотря на все их несовершенства, имели большое значение как предварительные шаги по пути интернационального объединения рабочего класса и были подготовкой к Циммервальду.

Инициатива созыва Циммервальдской конференции принадлежит итальянской социалистической партии. Фактически подготовку и созыв проводил Р. Гримм, редактор бернской социалистической газеты «Berner Tagwacht». Уже на первом заседании после объявления войны ЦК итальянской партии поставил своей задачей созыв Международного социалистического бюро. В сентябре 1914 года в г. Лугано состоялась конференция представителей швейцарской и итальянской партий. Принятая резолюция отмечала империалистический характер войны, признавала, что все правительства одинаково виновны в ее

возникновении, что она всецело направлена против интересов пролетариата, и что «отдельные фракции рабочего класса подверглись влиянию шовинистических течений» [1]). На совещании решено было добиваться созыва Международного социалистического бюро и для этой цели был делегирован в Париж и Лондон член ЦК итальянской партии Моргари. Однако поездка эта не увенчалась успехом. Вандервельде наотрез отказался от созыва Международного социалистического бюро, заявив, что оно будет созвано, когда восторжествует «право и справедливость», т. е. когда союзники одержат победу над Германией. Таким образом попытка воскресить труп умершего II Интернационала закончилась неудачей. Только после этого инициаторы решились обратиться к оппозиционным элементам и созвать конференцию помимо и против воли социал-патриотических партий. Лишь теперь дело двинулось быстро вперед.

После провала попытки созыва Международного социалистического бюро, ЦК итальянской партии в мае 1915 г. решил взять на себя инициативу по созыву международной конференции. Согласно этому решению на конференцию должны были быть приглашены социалистические партии или части их (и вообще рабочих организаций), которые остались верны принципу классовой борьбы и международной солидарности и отвергали голосование за военные кредиты. Однако фактические организаторы конференции, Роберт Гримм и др., постарались расширить состав конференции и привлечь центристов и др.

В июле 1915 г. в Берне состоялось совещание по подготовке конференции, на котором обсуждался вопрос о составе ее. Представитель ЦК большевиков на совещании высказался против приглашения германских центристов, предложив передать этот вопрос на рассмотрение немецких левых, т. е. группы Люксембург и Либкнехта. Это предложение было отклонено. Аксельрод от имени меньшевиков прямо заявил, что если группа Каутского — Гаазе не будет приглашена на конференцию, то для меньшевиков станет вопрос, могут ли они участвовать в такой конференции. Но сами Каутский, Гаазе и Бернштейн искали сближения с французскими социал-патриотами типа Реноделя и Жуо. В Швейцарию приезжал Бернштейн для свидания с названными французскими социал-патриотами, но последние пока не пожелали иметь никаких дел с немцами и сближение не состоялось. Но в Циммервальд названные вожди центра не пошли, и это избавило конференцию от сомнительного удовольствия иметь в своих рядах Каутского и его друзей. Однако устремления организаторов конференции в сторону «центра» частью увенчались успехом: левое крыло каутскианцев явилось на конференцию, и это не могло не отразиться неблагоприятно на составе конференции. На Циммервальдской конференции присутствовало свыше 30 делегатов разных стран.

От России присутствовали от ЦК РСДРП (б) тт. Ленин и Зиновьев, от меньшевиков — Аксельрод и Мартов, от эсеров М. А. Натансон (Бобров) и Виктор Чернов (Гарденин), от латышской социал-демократии — Я. А. Берзин (Винтер), от парижской интернационалистской газеты «Наше слово»—Троцкий. Бунд прислал делегата только с информационными целями. Польша имела

[1]) Газета «Голос» № 20, от 4/X—1914 г.

3 делегатов: Радек — от польской социал-дем. оппозиции, Варский — от главного правления ПСД, Лапинский — от ППС. Немецкая делегация состояла из 10 человек, из которых 6 делегатов примыкали к группе Ледебура, представлявшей центристскую оппозицию в Германии. В рейхстаге они не голосовали против военных кредитов, а воздерживались от голосования. Они объясняли эту свою позицию тем, что голосование против кредитов означало бы раскол фракции, а раскол последней означал бы раскол партии. Этого нужно избегать, так как они надеются скоро добиться большинства внутри партии. Либкнехт будто бы своим открытым голосованием против кредитов помог только правым. Обязательства голосовать против кредитов Ледебур категорически отказался дать, заявив, что этот вопрос они могут решить у себя внутри партии в зависимости от ситуации. Левые были представлены редактором журнала «Lichtstrahlen» («Лучи света») т. Борхардтом. Этот делегат выступал последовательным интернационалистом, примыкая к левой группе Циммервальда. Остальные 3 делегата (вюртембержцы) были левее Ледебура, но у них не было цельной теоретической оценки момента, и они еще не решались на разрыв с официальной социал-демократией, хотя последняя исключила их из своих рядов. Франция была представлена только двумя делегатами: синдикалистом Мергеймом и социалистом Бурдероном. Во Франции оппозиция в рабочем движении лишь начиналась. Огромная часть французской территории была занята немецкими войсками и это обстоятельство затрудняло процесс освобождения рабочего класса от патриотического угара. Итальянская делегация состояла из 4 человек (кроме Балабановой), из них двое принадлежали к левым реформистам. В партии сильны были пацифистские элементы. У них не было решимости итти против оппортунизма, строить III Интернационал без оппортунистов. От балканской федерации присутствовали болгарский «тесняк» Коларов и от румынской партии Х. Раковский. Болгарские «тесняки» были марксисты, внутри своей страны они вели решительную борьбу со своими реформистами («широкими»), но на арене Интернационала они еще не выступали решительно. Раковский в это время тоже занимал недостаточно последовательную интернационалистскую позицию, и на конференции еще выступал сторонником восстановления старого II Интернационала. От Швеции и Норвегии присутствовали Нерман (Норвегия) и Хеглунд (Швеция), обе группы вели энергичную борьбу с своими оппортунистами. За ними шла часть партийных организаций, они приняли ряд резолюций о войне в духе манифеста нашего ЦК. От Голландии присутствовала Роланд-Гольст, которая занимала среднюю позицию между трибунистами, — группой левых, отколовшихся от оппортунистической голландской с.-д. партии еще до войны, — и оппортунистами. От Швейцарии были Р. Гримм, Нэн и Фр. Платтен.

Конференция, таким образом, оказалась довольно пестрой по составу и имела довольно сильную правую группу — центристов. Но, с другой стороны, образовалась группа левых, группировавшаяся вокруг ЦК нашей партии, выступавшая сплоченно с ясно формулированными предложениями. Между этими двумя группами и развертывалась борьба на конференции. Некоторые (Троцкий и др.) пытались и здесь создать новый «центр» и занять среднюю пози-

цию. Однако эти элементы вынуждены были присоединяться то к той, то к другой группе и особой третьей позиции фактически не оказалось.

Еще задолго до конференции Владимир Ильич занялся организацией последовательно левых интернационалистов, завязывая с ними связи путем рассылки официальных материалов ЦК, брошюр и т. д. Перед конференцией Ленин добивается от левых, чтобы они подготовились и обязательно явились на конференцию, подготовляет идейное единство среди левых для объединенного выступления на конференции. В июле 1915 г. Ленин пишет А. Коллонтай:

«Вопрос о конференции «левых» двигается. Была уже 1-я Vorkonferenz и на носу 2-я, решающая. Крайне важно привлечь левых шведов (Хеглунда) и норвежцев.

По-нашему, левые должны выступить с общей идейной декларацией (1), с обязательным осуждением социал-шовинистов и оппортунистов; (2) с программой революционных действий (сказать ли: гражданская война, или революционные массовые действия— не так уже важно); (3) против лозунга «защиты отечества» и т. д. Идейная декларация «левых» от имени нескольких стран имела бы гигантское значение...

Если несогласны с этой тактикой, черкните тотчас 2 слова.

Если согласны, возьмитесь перевести (1) манифест ЦК (№ 33 «Социал-демократа») и (2) бернские резолюции (№ 40 «Социал-демократа») на шведский и норвежский и снестись с Хеглундом, — согласны ли они на такой базе (из-за частностей, понятно, мы не разойдемся) готовить общую декларацию (или резолюцию). Спешить с этим надо сугубо» [1]).

Накануне конференции тт. Лениным, Зиновьевым и Радеком были выработаны проекты манифеста и резолюции, которые были потом в сокращенном виде внесены на конференцию от имени «Циммервальдской левой фракции».

В состав этой фракции входили, кроме представителей ЦК, делегат латышской партии (Берзин), польской с.-д. оппозиции (Радек), делегаты Швеции и Норвегии (Хеглунд и Нерман), от «интернациональных социалистов Германии» (Борхардт) и от швейцарской социал-демократии — Платтен. При обсуждении отдельных вопросов сторонники левой увеличивались до 10—11.

Борьба на конференции развернулась между группой левых и полукаутскианским крылом конференции, имевшим на ней большинство. В резолюциях и тезисах, представленных левыми, дана исчерпывающая характеристика войны и выдвигалось положение, что борьба должна вестись против системы, породившей войну, т. е. против капитализма за социализм. Отсюда намечался и целый план борьбы.

«Эта борьба, — говорит резолюция, — требует отклонения военных кредитов; выхода из министерств; разоблачения с парламентской трибуны в легальной и, если необходимо, в нелегальной печати капиталистического, антисоциалистического характера теперешней войны, самой резкой борьбы с социал-патриотизмом; использования каждого вызванного последствиями войны (нуждой, большими потерями и пр.) народного движения для организации антиправительственных демонстраций; пропагандирования интернациональной солидарности в траншеях; содействия экономическим стачкам и превращения их при благоприятных обстоятельствах в политические» [2]).

---

[1]) «Ленинский сборник», т. II, стр. 231—232.

[2]) «Социал-демократ», ЦО РСДРП, № 45—46, 1915 г.

Словом, гражданский мир должен превратиться в гражданскую войну.

Каковы же были те доводы, которые выдвигались против этой линии? Немцы признавали, что приближается революция, но о таких вещах, как братанье в траншеях, политические стачки, гражданская война, не надо-де кричать на весь мир. Другие говорили, что это ребячество, вспышкопускательство. На это т. Ленин и др. ответили им, что они проводят старую политику Каутского. На словах признают, что идут к революции, на деле отказываются от того, чтобы рабочим массам прямо об этом сказать и намечать конкретные меры борьбы. Французские делегаты указывали, что французский рабочий «не верит никому и ни во что»; он пресыщен анархистской и эрвеистской фразой, изверился в своих вождях, не поверит, следовательно, и этой проповеди. Между тем эти ссылки на слабые стороны французского рабочего движения доказывали лишь то, что подход с проповедью к французским массам должен быть более умелый, осторожный но, разумеется, не отказ от этой проповеди. Один итальянец, возражая против тактики левой, говорил: «Ваша тактика является либо слишком поздно (ибо война уже начата), либо слишком рано (ибо война еще не породила условий революции)». Кроме того эта тактика для него еще потому неприемлема, что она означает изменение программы Интернационала, который всегда выступал против насилия. Ему пришлось объяснить, что начало революции не совпадает с началом агитации за нее и подготовки ее. Русская революция 1905 г. началась не раньше 9 января 1905 г., а революционная проповедь подготовки массовых выступлений велась годами до этого. Старая «Искра» вела эту проповедь с 1900 г. Не верно и утверждение, что Интернационал был против применения насилия. Ни один влиятельный вождь II Интернационала не отрицал применения насилия и непосредственных революционных методов борьбы вообще.

Большинство конференции выступило решительно против положения левой о борьбе с оппортунизмом и необходимости создания III Интернационала. Правое крыло не хотело раскола с оппортунистами, смотрело на Циммервальд, как на временную меру, и мечтало о воссоздании II Интернационала. «Мы пришли сюда не затем, чтобы давать формулу III Интернационала», заявлял французский делегат Мергейм. В этом вопросе они боялись делать выводы из своих же заявлений. Тот же французский делегат на одном заседании сделал такое замечание. «Партия (социалистическая), Жуо (секретарь Генеральной конфедерации труда) и правительство — это три головы под одним колпаком» [1]). На это Ленин ему ответил: «Совершенно верно. Но отсюда надо делать тот вывод, что борьба с империализмом, с империалистическим правительством невозможна без борьбы с оппортунистическими руководителями партии и профсоюзов». Но этот вывод они боялись сделать, и вопрос этот не получил своего ответа в резолюциях конференции. Резолюция левой была отклонена 19 голосами против 12.

Результатом работ конференции явились манифест, резолюция сочувствия арестованным и преследуемым и общая декларация французской и немецкой делегаций. Манифест заявляет, что «в о й н а, п о р о д и в ш а я э т о т

---

[1]) Л е н и н, т. XIII, стр. 205.

хаос, является плодом империализма», она вызвана жаждой эксплоатации и борьбой за раздел мира между крупными нациями. «Капиталисты всех стран утверждают, что война служит защите отечества, демократии, освобождению угнетенных народов, — продолжает далее манифест. — Они погребают на полях опустошений свободу собственного народа вместе с независимостью других народов». О поведении социалистических партий там говорится следующее: «В Штутгарте, в Копенгагене, в Базеле международные социалистические конгрессы указали пролетариату пути борьбы. Социалистические партии и рабочие организации разных стран, участвовавшие в этих постановлениях, попрали, однако, с начала войны ложившиеся на них обязательства». Это выразилось в том, что 1) их представители призвали рабочих к приостановке классовой борьбы, 2) они голосовали за военные кредиты в распоряжение господствующих классов, 3) они предоставили под видом социалистических министров своим правительствам заложников для охранения национального единения, 4) они пытались через посредство своей прессы и особых послов перетянуть нейтральных на сторону политики своих правительств. О Международном социалистическом бюро там сказано: «Подобно отдельным партиям, несостоятельным оказалось также и признанное представительство социалистов всех стран — Международное социалистическое бюро».

Мы видим, что манифест повторяет целый ряд мыслей и положений резолюции левых. Но вместе с тем он страдает недоговоренностью и непоследовательностью. Он говорит о лжи капиталистов, о «защите отечества», но умалчивает о том, что эту ложь повторяют и поддерживают социал-шовинисты разных стран. Вопрос о связи социал-шовинизма с оппортунизмом и о причинах краха II Интернационала обойден и затушеван. Далее нигде не сказано прямо и определенно о революционных средствах борьбы пролетариата вообще. Каутскианское большинство боялось сделать решительные и последовательные выводы.

На конференции был избран исполнительный орган — Интернациональная социалистическая комиссия, куда вошли сторонники большинства: Гримм, Нэн и Моргари. Несмотря на непоследовательность и недоговоренность, конференция означала шаг вперед в сторону разрыва с оппортунизмом и социал-шовинизмом. Вот почему левая, заявив о своем несогласии, не отказалась присоединиться к манифесту. В заявлении, внесенном левой группой, говорится, что манифест ее не удовлетворяет и мотивируется голосование за него: «Мы голосуем за манифест потому, что смотрим на него, как на призыв к борьбе, а в этой борьбе мы хотим итти рука об руку с остальными частями Интернационала» [1]).

Подводя итоги закончившейся конференции, Ленин писал:

«Следовало ли нашему Центральному комитету подписывать страдающий непоследовательностью и робостью манифест? Мы думаем, что да. О нашем несогласии, — о несогласии не только Центрального комитета, но всей левой международной революционно-марксистской части конференции, — сказано открыто и

---

[1]) Социал-демократ», ЦО, № 47, 1915 г.

в особой резолюции, и о особом проекте манифеста, и в особом заявлении по поводу голосования за компромиссный манифест. Мы не скрыли ни иоты из своих взглядов, лозунгов, тактики. На конференции было роздано немецкое издание брошюры «Социализм и война». Мы распространили, распространяем и будем распространять наши взгляды не менее, чем будет распространяться манифест. Что этот манифест делает шаг вперед к действительной борьбе с оппортунизмом, к разрыву и расколу с ним, это факт. Было бы сектантством отказываться сделать этот шаг вперед вместе с меньшинством немцев, французов, шведов, норвежцев, швейцарцев, когда мы сохраняем полную свободу и полную возможность критиковать непоследовательность и добиваться большего; было бы плохой военной тактикой отказаться итти вместе с растущим международным движением протеста против социал-шовинизма из-за того, что это движение медленно, что оно делает только один шаг вперед, что оно готово и хочет завтра сделать шаг назад, пойти на мир со старым Международным социалистическим бюро. Готовность мириться с оппортунистами есть пока только пожелание, не более. Согласятся ли оппортунисты на мир? Возможен ли он, объективно, между расходящимися все глубже и глубже течениями социал-шовинизма, каутскизма и революционного интернационалистского марксизма? Мы думаем, что нет, и мы поведем и дальше свою линию, ободренные успехом ее на конференции 5—8/IX».

А успех несомненен. В сентябре 1914 г. мы были одиноки, а

«в сентябре 1915 г. мы сплачиваемся в целую группу международной левой, выступаем со своей тактикой, проводим ряд основных наших идей в общем манифесте, участвуем в образовании ИСК (Интернациональной социалистической комиссии), т. е. фактически нового Международного социалистического бюро, вопреки воле старого, на базе манифеста, прямо осуждающего тактику старого» [1]).

Последующие события вполне оправдали эту оценку. К числу безусловных успехов конференции надо отнести то, что на ней сплотились левые последовательно интернационалистские элементы, закрепили также организационно свое объединение, создав Бюро циммервальдской левой в составе тт. Ленина, Зиновьева и Радека. Бюро в дальнейшем объединяет работу левых и ведет широкую пропаганду взглядов левой. Ее органом стал журнал «Vorbote» («Предвестник»)— вышло 3 номера во время войны. Кроме того она распространяла «интернациональные листовки» (Internationale Flugschriften), в которых пропагандировались взгляды левой. Левая стала, таким образом, зародышем III Интернационала. С другой стороны, самый факт созыва конференции из оппозиционных меньшинств, вопреки воле и помимо официальных социал-демократических партий, среди всеобщего разгула шовинизма являлся событием крупнейшего значения. Как ни старалась буржуазная и социал-шовинистическая печать «замолчать» ее, в рабочие массы сведения о ней все же проникали, и это, несомненно, усиливало недовольство рабочих против патриотической позиции социалистических партий и помогало им освободиться от шовинистического дурмана. Циммервальдская конференция не на шутку встревожила социал-шовинистов, и они повели резкую борьбу против циммервальдцев. Голландские оппортунисты опубликовали заявление, в котором говорилось, что Циммервальдская конференция

«состояла из представителей маленьких, случайно собравшихся групп, которые не авторитетны создавать Интернациональную социалистическую комиссию. Манифест не является

[1]) Ленин, т. XIII, стр. 202—203.

авторитетным, чтобы заставить французский и английский пролетариат отказать своим правительствам в поддержке в продолжении войны» [1]).

Правление датской оппортунистической партии заявило протест против вмешательства (?) в организационные взаимоотношения интернациональной социал-демократии и против того, что «отдельные лица, которые не являются представителями их партий, выдают себя за руководителей международной социал-демократии» [2]). Правление французской социалистической партии обратилось к своим организациям с циркуляром, в котором, указывая, что отдельными членами партии ведется пропаганда циммервальдских идей, категорически запрещало принимать какое-либо участие в этой пропаганде. Точно так же и правление германской социал-демократической партии обратилось с особым циркуляром к местным организациям, в котором решительно запретило высказывать солидарность с решениями Циммервальда и «отклоняло от себя всякую ответственность за Циммервальдскую конференцию» [3]).

Вся эта травля не могла остановить растущего недовольства масс; оппозиция росла, и влияние Циммервальда увеличивалось.

К февралю 1915 г. нижеследующие партии и организации либо заявили свою солидарность с манифестом, либо прямо присоединились к Интернациональной социалистической комиссии: 1) социал-демократическая партия Италии, 2) социал-демократическая партия Швейцарии (на Циммервальдской конференции представители этой партии присутствовали не в качестве официальных представителей партии, а лишь в порядке личной инициативы), 3) британская социалистическая партия, 4) независимая рабочая партия, 5) социал-демократическая партия Румынии, 6) от России: а) ЦК РСДРП, б) ОК меньшевиков, в) партия эсеров, г) Бунд, 7) 3 польские социалистические партии, главное и областное правление социал-демократии и ЦК ППС, 8) социал-демократические партии Болгарии, 9) социал-демократическая партия Португалии, 10) социалистическая федерация Салоник, 11) социалистический союз молодежи Швеции и Норвегии, 12) социалистическая рабочая партия Америки, 13) социалистическая партия Америки, 14) латышская социал-демократическая партия, 15) социалистический союз молодежи Дании, 16) интернациональная социалистическая лига Южной Африки, 17) социалистические юношеские организации Мадрида, 18) немецкая группа социалистической партии Америки [4]). Сюда же необходимо добавить оппозиционные меньшинства в Германии и Франции.

Уже при беглом взгляде на этот перечень сразу бросается в глаза, что циммервальдский блок был весьма разношерстный. Наряду с последовательными интернационалистами мы видим в нем организации и группы центристского оттенка, вроде ОК, ухитрявшегося сочетать идеи Циммервальда с практикой гвоздевщины в России; Бунд и эсеров, среди которых господствовал открытый социал-шовинизм, и т. д. Для того, чтобы Циммервальд действительно

---

[1]) Internationale Soz. Kommission zu Bern, Bulletin № 2, 27 Sept. 1915 J.

[2]) Там же.

[3]) I. S. K., Bulletin № 2, 1915 J.

[4]) I. S. K., Bulletin № 3, 29 März 1916 J.

стал этапом по пути к III Интернационалу, необходима была дальнейшая дифференциация и размежевка его рядов. На первых порах объективные условия толкали к тому, что наметился уклон влево. Такими этапами являются февральское расширенное совещание ИСК и Кинталь.

На Циммервальдской конференции была избрана Интернациональная социалистическая комиссия в качестве исполнительного органа циммервальдского объединения. Однако комиссия понимала свои функции узко, считала себя временной. В опубликованном отчете о конференции ИСК заявила, что она готова распуститься, как только Международное социалистическое бюро в Гааге начнет опять функционировать. Это была уступка социал-патриотам и колеблющимся. Но уже очень скоро ИСК почувствовала, что для сколько-нибудь успешной работы нужно не бояться существовать отдельно, а надо создать более прочный орган. Было решено расширить ИСК путем включения в нее постоянного представительства от всех стран. Толчком, ускорившим созыв такого совещания, послужило наглое заявление секретаря Международного социалистического бюро (перенесенного тогда в Гаагу) К. Гюисманса, что «Интернационал теперь более жив, чем когда бы то ни было, и провозгласившего близкое восстановление и формальных интернациональных связей на основе взаимной амнистии» [1]). Силою вещей бернская ИСК вынуждена была теснее сплотиться против МСБ. Первое такое совещание состоялось в Берне 5—10/II 1916 г. На нем присутствовало 22 человека. В обращении к циммервальдским организациям, принятым совещанием, говорится о «необходимости революционного вмешательства интернационального пролетариата», приветствуются 100 тысяч рабочих Петрограда, которые отказались итти в военно-промышленные комитеты, и отмечаются политические стачки в России и уличные демонстрации в Германии. Указывается, что «так называемая защита отечества является не чем иным в данной войне, как грубым средством обмана, имеющим целью заставить народы служить империализму». Об официальных социалистических партиях там говорится, что они своим поведением «укрепляют добровольное подчинение пролетариата руководству господствующих классов и содействуют продлению войны». Далее следует резкая критика немецких социал-патриотов, комедии интерпеляции о мире Шейдемана в рейхстаге, французов, англичан. Про русских социал-патриотов там сказано: «незначительное (!) меньшинство социал-демократов и эсеров России пошло на сделку с царизмом». Речи Гюисманса (секретаря МСБ) охарактеризованы как обман рабочих.

Далее в виде конкретных указаний следуют принятые поправки представителя ЦК о голосовании против кредитов «независимо от стратегического положения» (это — против немецких центристов — Ледебура и др.), осуждение «всякого добровольного участия рабочих в учреждениях национальной обороны» (это — против ликвидаторов и их участия в военно-промышленных комитетах), наконец рекомендуются стачки, демонстрации и другие массовые действия. Обращение оказалось таким образом значительным шагом в сторону взглядов левой. Многое в нем было сказано недостаточно ясно, оппортунизм (каут-

---

[1]) Зиновьев, т. V, стр. 469—470.

скианство) недостаточно разоблачен, но все же в существенном он повторял много из того, что левая предлагала еще в Циммервальде и что тогда было отвергнуто, «циммервальдское большинство, нехотя и упираясь, но в силу хода вещей, должно было пойти в направлении циммервальдской левой»,— такова была оценка, которую давал этому обращению представитель ЦК [1]).

На этом же совещании было решено созвать II Циммервальдскую конференцию. Местом конференции была назначена Швейцария, но в целях конспирации в печати была названа Голландия.

д) КИНТАЛЬСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ.

II Циммервальдская конференция состоялась в горной швейцарской деревушке Кинталь 24 — 30 апреля 1916 г. За время, протекшее со времени первой конференции, в массах произошел большой сдвиг. Оппозиция везде сделала значительные успехи, особенно это заметно было в Германии.

В Германии оппозиция развернула большую работу в рабочих центрах. Было распространено свыше 600 000 нелегальных листков. Группа Ледебура в парламенте, наконец, решилась на раскол, образовала свою фракцию и голосовала против кредитов. Перед самой конференцией группа «Интернационал» выступила с воззванием, которое предлагало рабочим прекратить уплату членских взносов социал-шовинистскому партийному правлению. В условиях Германии это был решительный шаг к разрыву с официальной партией. 1 мая 1916 г. (к концу конференции) союз Спартака («Spartakusbund») призвал берлинских рабочих к демонстрации. Призыву последовало около 10 тыс. человек, во главе которых шел К. Либкнехт. Там разбрасывались нелегальные памфлеты и раздавались крики «Долой правительство», «Долой войну». Либкнехт был арестован там же. В то же время процесс диференциации и размежевки шел и в других странах. В Англии произошел разрыв большинства британской социалистической партии с Гайндманом и К°. Во Франции, Швеции и др. странах раскол назревал.

Война продолжалась уже 22 месяца, а конца ей не было видно. Ежедневно гибли тысячи и тысячи рабочих. В тылу капиталисты, горя патриотической «любовью к отечеству», неимоверно вздымали цены на предметы необходимости. Массы нищенствовали и голодали. А официальные социалистические партии славословили войну и звали народные массы «держаться до конца». — Вот эта общая ситуация, затем сдвиги, происшедшие в массах, отразились на составе и настроении конференции.

Правительства сделали все возможное, чтобы не допустить конференции. 10 германских делегатов и 1 австриец были задержаны на границе, несколько других по этим же причинам (неполучение виз) не могли прибыть. Это несколько ослабило циммервальдскую левую. Но и правое крыло оказалось несколько слабее, чем ожидали, чему помогли сами центристы. Каутский и Гаазе были лично приглашены на конференцию, но отказались под тем предлогом, что они являются официальными представителями германской социал-демократи-

---

[1]) Письмо Зиновьева. «Пролетарская революция» № 5, 1925 г., стр. 97.

ческой партии (т. е. Зюдекума и К°) в Международном социалистическом бюро и потому считают «неудобным» участвовать в такой конференции. Разумеется, это была лишь отговорка, а суть была в том, что они хотели союза с Шейдеманом, Вандервельде, Гайндманом, а не с интернациональными элементами Циммервальда.

В общем на конференцию собралось свыше 40 делегатов различных стран. По отдельным странам делегации распределялись следующим образом. Германия была представлена 7 делегатами; из них 4 принадлежали к группе Ледебура, 1 делегат от I. S. D. и два делегата от группы «Интернационал». Представители последней группы в Циммервальде еще шли с большинством против левой, теперь они полевели и в ряде вопросов шли с левой. Франция была представлена 3 депутатами: Бризон, Рафэн-Дюжанс и Блан. Это были типичные каутскианцы, принадлежавшие к группе французских центристов Лонге-Пресман, но настроение масс, недовольных войной, толкало их в сторону Циммервальда. Италия была представлена 7 делегатами, большинство составляли левые реформисты, стоявшие на точке зрения каутскианства и социалистического пацифизма. Меньшинство (Серрати) близко подходило к циммервальдской левой. Из Швейцарии присутствовали 5 делегатов. Трое из них: Платтен, Робман и Нобс выступали вместе с левой, Гримм и еще один шли с большинством. Сербская социал-демократия была представлена депутатом Кацлеровичем, который примыкал, хотя и не по всем вопросам, к циммервальдской левой. От Польши было пять делегатов. Трое (Радек, Бронский, Домбровский) принадлежали к циммервальдской левой, один, Варский, в вопросе о созыве МСБ поддержал левую и, наконец, последний (Лапинский) примыкал к Мартову. От России: от ЦК — Ленин, Зиновьев, Петрова (Зиновьев представлял, кроме того, и латышскую социал-демократическую партию), от ОК — Мартов и Аксельрод, от эсеров — Бобров (Натансон) и два других делегата. Циммервальдская левая по сравнению с Циммервальдом увеличилась на 50 % (с 8 до 12), а при некоторых голосованиях она собирала до 20 голосов, т. е. почти половину.

Самым главным и боевым вопросом на конференции был вопрос об отношении к Международному социалистическому бюро в Гааге.

Социал-шовинисты разных стран — германские, французские и др. — стояли на одной и той же принципиальной позиции. Война временно развела их в разные стороны, и пока Пуанкаре воевал с Гинденбургом, немецкие и французские социал-шовинисты враждовали между собой. Но война не может вечно длиться, ей должен наступить конец. Почтенная социал-шовинистическая братия всех стран не могла не думать, что будет после войны, с чем они пойдут к рабочим. Поэтому они хотели «восстановить» Интернационал для того, чтобы создать интернациональное общество на паях для обмана рабочего класса всех стран, для совместной борьбы с интернационалистами. Гаагское бюро оказалось им всем нужным как посредническая контора в настоящем и как база для «восстановления» Интернационала. Заявления и декларация секретаря МСБ Гюисманса одинаково охотно перепечатывались газетами немецких социал-шовинистов, французских и газетой русских гвоздевцев «Наш голос». Таким образом вопрос об отношении к МСБ сводился к вопросу: за II или III Интернационал, за единство или раскол с социал-патриотами? Кто возлагал надежды на МСБ,

добивался его созыва, тот фактически желал мира с социал-патриотами. Только решительный разрыв с ним, смелый и открытый призыв к рабочим строить новый, III Интернационал без оппортунистов мог собрать вокруг него рабочие массы и помочь им освободиться от пленения их социал-шовинизмом. Такова была постановка вопроса.

Принципиальную защиту единства с социал-патриотами отстаивал П. Аксельрод. Он признавал, что II Интернационал оказался не на высоте, но он против «революционных потрясений в старых социалистических партиях». Руководящие органы надо не раскалывать, а привлечь на свою сторону. Нужно с ними обращаться, как опытный врач с пациентом, который прибегает к хирургическому ножу лишь после того, как все средства лечения испробованы. Надо, чтобы массы требовали созыва Международного социалистического бюро. Надо там доказать нашим заблудшим братьям, что они ошибаются, недоразумения разъяснятся и тогда «почему в самом деле не дать друг другу амнистии». Другая группа — итальянские левые реформисты и умеренная немецкая оппозиция — выдвигала соображения «практического» порядка. Итальянцы доказывали, что на заседании МСБ циммервальдцы будут иметь большинство, и они там «застрелят» Гюисманса и К⁰ при помощи простого поднятия рук. На помощь циммервальдцам, по их расчетам, должны были притти социалисты Японии, Южной Африки и даже Индии.

Немцы из группы Ледебура говорили, что не надо уклоняться от боя с социал-шовинистами и в самом МСБ, что надо итти туда, чтобы их разоблачать.

Левые с цифрами в руках доказали абсурдность расчетов на большинство в МСБ. Дело совсем не в том, чтобы голосом южно-африканского делегата майоризировать миллионную партию немецких социал-шовинистов. И дело не в «заблуждениях». Вопрос заключался в том, являются ли левые по существу своих взглядов одной партией с правыми или программ две, и эти программы и взгляды непримиримы.

Таким образом на конференции столкнулись две точки зрения. Одни считали, что II Интернационал потерпел крах и нужно строить III без оппортунистов, другие надеялись, что временное недоразумение пройдет, и все вернется к старому. Вопрос был передан в комиссию, которая разделилась на две группы: большинство (4)—сторонники агитации за созыв Бюро, меньшинство (3)—против созыва. В результате получилось два проекта резолюций. Проект большинства требовал созыва бюро, но обставлял его такими условиями (смещения состава МСБ, т. е. Гюисманса и К⁰, исключение социалистических министров из партии), что последовательных каутскианцев он удовлетворить не мог. На пленуме конференции опять завязалась дискуссия. Лапинский внес компромиссную резолюцию, в которой резко критиковалось Бюро, но вопрос о его созыве оставлялся открытым. Голосование дало следующие результаты: проект большинства комиссии — 10 голосов; проект левых — 12; проект Лапинского— 15 голосов. Последний проект после передачи его в комиссию и был принят с поправками Зиновьева, — что в случае созыва МСБ циммервальдцы должны собраться для обсуждения у Модильяни, — признающими за отдельными партиями право требовать созыва МСБ. Решение, таким образом, получилось компромиссное, во всяком случае оно весьма портило дипломатическую игру каут-

скианцев. Оценка, данная бюро, что оно отреклось от решений социалистических конгрессов, что оно стало орудием и заложником в руках одной из империалистических коалиций. что предпринятая МСБ попытка восстановления сношений между отдельными партиями носит «характер сепаратного мира между социал-патриотами», — такая оценка, разумеется, плохо гармонировала с политикой каутскианцев за единство. Рабочие массы могли уже сами сделать выводы из подобной оценки деятельности главного органа II Интернационала.

Вторым важным вопросом на конференции был вопрос об отношении социалистов к вопросам мира. На I Циммервальдской конференции было заявлено, что «война не наша», что лозунг защиты отечества и пр. — это ложь капиталистов. Необходимо было сделать следующий шаг и выступить против пацифизма. Лозунг мира стал популярным, и теперь даже социал-шовинисты (Шейдеман и др.) стали проповедывать «мир». Этот же обман масс усиленно проповедывался Каутским — Ледебуром, английскими социал-пацифистами и др. под видом требований «демократического» мира, постепенного разоружения, третейских судов и т. д. Хотя на конференции было много сторонников таких взглядов, они не решились выступить с открытой защитой их, ограничившись поправками и смягчениями. Проект резолюции левой был отклонен и в основу был положен проект Гримма, весьма близко совпадавший с проектом левой. В резолюции указывается, что возникшая из империалистических противоречий война не устраняет ни капиталистического хозяйства, ни его империалистической формы. Поэтому она не может уничтожить и причин будущих войн. «Проекты устранить опасность войн путем всеобщего ограничения вооружений, обязательных третейских судов — не более, как утопия» и в качестве вывода следует, что

«рабочий класс должен отклонить утопические требования буржуазного или социалистического пацифизма». «Борьба за прочный мир может заключаться лишь в борьбе за осуществление социализма».

Принятые тезисы в целом направлены были против каутскианства и социал-пацифизма. Конечно это еще не значит, что Циммервальд окончательно покончил с социал-пацифистскими утопиями. Такие элементы остались, и итальянское большинство, например, — хотя и голосовало за резолюцию, — сделало целый ряд оговорок по всем важнейшим пунктам. Но для пропаганды левых эта резолюция могла служить серьезной опорой. Конференцией был также принят манифест «К разоряемым и умерщвляемым народам». Манифест мало добавляет нового к тому, что уже было сказано раньше. В нем дана лишь более ясная оценка целей войны и более резко осуждены социал-шовинисты, которых он ставит рядом с продажной прессой и слугами правительства.

Кинтальская конференция означала несомненный шаг вперед. Влияние левой оказалось гораздо большим, чем в Циммервальде, и это сказалось весьма заметно на ее решениях. Но вопрос о том, пойдут ли циммервальдцы на разрыв с официальными социалистами, станет ли Циммервальд зароды-

шем III Интернационала, окончательно еще не был решен. Циммервальд имел свое правое крыло, которое колебалось и шаталось и готово было на уступки социал-шовинистам. Как только представилась возможность, правые циммервальдцы подались на попятную. После Кинтальской конференции заседала расширенная ИСК (Интернациональная социалистическая комиссия). На ней между прочим, обсуждался вопрос об отношении к конференции нейтральных, которую собирали Гюисманс и К°. Мартов предложил рекомендовать пойти, и это предложение собрало половину голосов (5 было за это предложение, 5 за противоположное предложение Зиновьева). Такие же шатания наблюдались среди других членов правой. Председатель ИСК Р. Гримм повернул к социал-патриотам внутри швейцарской партии. Вместе с остальными социал-патриотами он выступал за срыв швейцарского партийного съезда, который должен был высказаться по вопросу о защите отечества и империалистической войне. Социал-патриоты боялись, что пройдет решение об отказе от «защиты», и решили поэтому сорвать съезд, сорвать волю швейцарских социалистических рабочих, а председатель Циммервальда выступил вместе с ними против левых, скрывая свою измену Циммервальду под разными пустяшными отговорками. Парламентская фракция итальянской социалистической партии (входившей, как известно, в циммервальдское объединение) внесла в парламент предложение о мире. А реформист Турати, выступая в защиту этого предложения, конкретизировал его для Италии «исправлением итальянских границ в отношении того, что является бесспорно итальянским и отвечает гарантиям стратегического характера», за что получил, разумеется, одобрение всех буржуазных шовинистов. Фракция Ледебура внесла в рейхстаг предложение о мире без аннексий и т. д. А Каутский, комментируя его, ясно говорил насчет того, что Константинополь не должен достаться России, но умалчивал о праве на отделение австрийской и германской Польши. Французские циммервальдцы — Бурдерон и Мергейм — голосовали вместе с социал-шовинистом Жуо за пацифистскую резолюцию на конференции синдикальных союзов 26 декабря 1916 г.

Правая Циммервальда, таким образом, явно скатилась к самому пошлому, ею же осужденному, социал-пацифизму. Своим поведением после Кинталя правая завела Циммервальд в тупик.

«Циммервальдская правая, по-моему, идейно похоронила Циммервальд, — писал Ленин накануне Февральской революции, — Бурдерон и Мергейм в Париже голосовали за п а ц и ф и з м, Каутский тоже 7/1 1917 г. в Берлине, Турати (17/XII 1916 г.!!) и вся итальянская партия тоже. Это — смерть Циммервальда!! На словах о с у д и л и «социал-пацифизм» (см. кинтальскую резолюцию), а на деле повернули к нему!!» [1]).

Левая при активнейшем участии ЦК повела борьбу и беспощадно разоблачала все эти шаги правых циммервальдцев. Ленин опубликовал открытое письмо, в котором Гримм клеймится как изменник и т. д. Но особых надежд на правый блок питать не приходилось. На очереди стал вопрос о дальнейшем размежевании внутри Циммервальда. Правая Циммервальда уже вполне показала, что строить III Интернационал она не хочет и не может. Н о в ы й

[1]) «Ленинский сборник», т. II, стр. 283.

Интернационал мог быть построен без нее и против нее. Циммервальд и Кинталь свою роль выполнили, большего они дать были не в состоянии. Циммервальд и Кинталь были лишь вехами на пути к новому Интернационалу. Основы, зародыш III Интернационала, были здесь безусловно заложены, и в этом их громадная историческая заслуга. Для того, чтобы дело создания III Интернационала могло завершиться успехом, необходим был взрыв массового революционного движения. «III Интернационал может быть рожден только в грозе и буре массового движения», писал наш ЦО после Кинталя. Эта буря скоро разразилась в России в виде Февральской, а затем Октябрьской революции и довершила то, что было лишь начато в Циммервальде и Кинтале, — создала Коммунистический Интернационал.

ВОПРОСНИК-ПЛАН К III ГЛАВЕ.

РОССИЯ В ГОДЫ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ.

I. Экономическое положение России накануне Февральской революции.

1) Война и состояние промышленности, транспорта, сельского хозяйства.
2) Состояние финансов.
3) Кризис сырья.
4) Развал хозяйственных связей между городом и деревней.
5) Продовольственный кризис и продовольственная разруха.
6) Помещичье и крестьянское хозяйство накануне революции.

II. Положение рабочего класса в России накануне Февральской революции.

1) Характер рабочего движения в момент объявления войны.
2) Влияние войны на положение рабочего класса: по районам и отраслям промышленности.
3) Экономическое положение рабочего класса, рост дороговизны и уровень зарплаты.
4) Рабочее движение во время войны; настроения рабочего класса.

Заключение.

Хозяйственный развал; кризис «верхов» и революционизирование «низов», как элементы наличия непосредственной революционной ситуации в 1917 г.

Литературу см. в тексте.

ГЛАВА III.

РОССИЯ В ГОДЫ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ [1]).

а) ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ РОССИИ НАКАНУНЕ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

Империалистическая война.

Империалистическая война 1914—1918 годов является детищем мирового империализма. Противоречия, вызвавшие войну, накапливались в течение десятилетия, они постепенно обострялись и привели к образованию двух вра-

ждебных коалиций, втянувших в войну почти весь свет. Поэтому война поражает своими грандиозными размерами: в ней приняли участие около 60% всего

[1]) Часть фактического материала этой главы взята из статьи т. Сидорова Арк.— «Очерки по истории Октябрьской революции», т. I, где и приведены источники.

населения мира, в 34 воевавших государствах было поставлено под ружье 66 миллионов человек. Самые грандиозные войны прошлого кажутся невинными игрушками в сравнении с последней войной, стоившей 9 млн. человеческих жизней и 300 млрд. руб. золотом. Золотые запасы всего мира были в 12 раз меньше военных расходов. Война велась, главным образом, за счет основного капитала наций, поэтому ее влияние на хозяйство страны было очень сильно. Война привела к решительному вмешательству государственной власти в хозяйственную жизнь страны с целью приспособления экономики к обслуживанию нужд войны. Государства регулировали не только распределение продуктов, но и производство всех важнейших отраслей индустрии, транспорт. Монополистический капитализм во многих странах превратился в государственный капитализм. Однако государственное регулирование не спасло капитализм от кризиса. Мировая война привела к величайшему истощению и разрушению производительных сил, которые вызвали революционный взрыв, сбросивший с престолов несколько царей. Россия является не исключением, а только одной из блестящих иллюстраций того глубочайшего кризиса, который переживал мировой капитализм во время войны. Благодаря целому ряду особенностей нашего экономического развития хозяйственная разруха в России была особенно сильна и наступила значительно скорее, чем в других странах.

Война и мобилизация промышленности.

Империалистическая война является переломным этапом во всем экономическом развитии России. Она началась в тот момент, когда бурный цикл предвоенного промышленного подъема заканчивался и уже ясно намечались признаки перелома конъюнктуры — биржевой кризис, отсутствие капиталов, замедлялся темп развития металлургии. Промышленность России вступала в новую полосу кризиса.

С началом войны коренным образом изменилась вся обстановка, в которой происходило экономическое развитие. Переход от золотого денежного обращения к бумажному, мобилизации, перегруженность транспорта военными грузами, — все это дезорганизовало хозяйственный тыл страны, нарушило нормальный ход торговли и промышленности.

Никто не предвидел ни продолжительности войны, ни ее размеров. Думали, что война кончится через несколько месяцев. Поэтому весь первый год войны царское правительство не приняло достаточных мер к привлечению всей промышленности страны к работе на оборону. «То обстоятельство, — говорил Гучков, — что мы целый год, буквально год, первый год войны, потеряли, это и есть самое тяжелое преступление власти» [1]). Правительство, питаясь иллюзией о скором окончании войны, надеялось довести ее до конца, опираясь исключительно на работу казенных заводов да крупных заводов-гигантов, работавших на казну и в мирное время. Такие заводы, как Путиловский, Коломенский, Сормовский и др., с момента объявления войны получили полную

[1]) «Падение царского режима», т. VI, стр. 294.

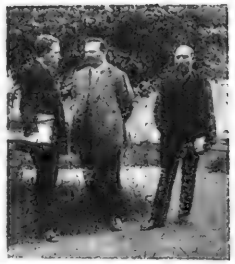
ВОЕННО-ПРОМЫШЛЕННЫЕ КОМИТЕТЫ

Рябушинский, предс. Московск. бирж. комитета.

М. П. Терещенко, предс. Киевского в.-п. комитета.

А. И. Гучков, председатель Центр. военно-пром. комитета.

А. И. Коновалов, товарищ предс. ЦВПК.



Думские соглашатели: Скобелев, Чхеидзе, Чхенкели.

Отношение к военно-промышленным комитетам

меньшевиков

Мы, с.-д. меньшевики, решили, что рабочие должны послать туда своих представителей.

(Из воззвания Пет. инициатив. гр. с.-д. м-ков 1915 г.)

большевиков

Военно-промышленные комитеты есть классовая организация русской буржуазии. Наши задача не сотрудничество с буржуазными классами в деле организации войны, а борьба с ними в интересах классовой самозащиты, классового освобождения. Не участие во враждебных нам буржуазных организациях, а в создании и укреплении своих классовых организаций.

(Прокламация тт. Смидовича и Яхонтова, наказ б-ков при выборах в Московский военно-промышленный к-т в 1915 г.)

Дунаев (правдист).

Всероссийский съезд представ. военно-пром. комитетов. В первом ряду в центре М. В. Чернов и А. И. Гучков.

„Вы пошли к Гучкову и где-то на задворках, тайно от рабочих, вели какие-то темные разговоры.

Вы приглашаете к участию в выборах, но я вам докажу, что самые выборы—сплошная подделка.

Здесь можно говорить не о том, что нужно рабочим, а чего хочет Гучков и его сподвижник Гвоздев"...

(Из речи Дунаева на вторичных выборах в Центральный военно-промышленный комитет—29 ноября 1915 г.)

Гвоздев, председатель рабочей группы в.-пр. комитета.

„Господа, выступающие с письмами из редакции, выражали здесь удовольствие по поводу того, будто мне удалось сдержать рабочее движение. Это неверно. Если движение приняло недостаточно решительную форму, то это свидетельствует лишь об инстинктивном учете обстановки"...

(Из речи М. Скобелева по поводу ареста рабочей группы Центрального военно-промышленного комитета.

„Русское слово" от 16 февраля 1917 г.)

нагрузку. В октябре 1915 года Путиловский завод имел невыполненных казенных заказов на 180 млн. руб. Такие же колоссальные заказы имели и другие заводы. За свою недальновидность правительство было жестоко наказано. Весной 1915 г. войска не имели боевого снаряжения: не было винтовок, снарядов и патронов.

Царская армия потерпела жестокое военное поражение. Вместо готовившегося наступления пришлось по всему фронту отступить... Как раз под влиянием этого поражения и возникает мысль о широком привлечении всей частной промышленности к работе на оборону и к приспособлению всего хозяйства страны к потребностям войны. Начинается лихорадочное вооружение. Буржуазия создает военно-промышленные комитеты (см. таблицу № 2) для мобилизации промышленности. Правительство организует четыре Особых совещания, во главе с Совещанием по обороне, куда были привлечены представители буржуазии. При технической и экономической помощи западно-европейской буржуазии и при сотрудничестве царизма с буржуазией промышленность переводится на военные рельсы. Вместо тканей вырабатываются взрывчатые вещества, вместо сельскохозяйственных орудий — винтовки и пулеметы. Даже железные дороги были привлечены к выработке снарядов.

Бешеным темпом производится техническая переорганизация промышленности. Покупаются новые станки, прессы и машины. С момента объявления войны и до 1916 г. один из крупнейших заводов израсходовал на усиление оборудования 17 млн. руб. Стоимость оборудования частных металлических заводов, работавших на оборону, удвоилась, поднявшись с 300 до 600 млн. руб. Ввоз машин и технического оборудования из-за границы также значительно увеличился: в 1915 г. было ввезено всего лишь на 44,4 млн. руб., а в 1916 г. в 4 раза более — на 175 млн. руб. Кроме того значительно выросло производство технического оборудования внутри страны. Вся машиностроительная продукция за 1913—1917 гг. достигла 2 841,2 млн. руб., из которых на одно промышленное оборудование приходится 684,2 млн. руб. (в границах СССР).

Вследствие указанных причин производительность военной индустрии выросла в десятки раз. Развертывание казенных заводов, где в разгар войны работало больше 200 тысяч рабочих, происходило еще быстрее, чем частных. Все вместе дает достаточную картину империалистической «индустриализации», проводившейся с целью усиления боеспособности армии и увеличения личной наживы капиталистов. После приведенных выше цифр будут совершенно понятны результаты этой «индустриализации». В августе 1916 года, по сравнению с 1 января 1915 г., производство удушливых газов увеличилось в 69 раз, 3-дюймовых снарядов — в 19,48, линейных снарядов — в 9, 3-дюймовых орудий — в 8,8, починка орудий — в 13,2 раза и т. д. Эти цифры свидетельствуют о колоссальном росте производств, работающих на оборону.

Из материалов Особого совещания по обороне видно, что из числа 2 443 тысяч рабочих, занятых в промышленности (вместе с казенными заводами), целиком или частично работали на оборону 2 018 тысяч, или 86%; в частной промышленности по всем 12 заводским районам 73,3% рабочих было занято в оборонной промышленности. Относительно рабочей силы можно

ЧИСЛЕННОСТЬ АРМИИ и ФЛОТА в ПЕРИОД ВООРУЖЕННОГО МИРА и во ВРЕМЯ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

сделать такое общее заключение: $^4/_5$ всех рабочих были заняты в 1916 году в предприятиях, обслуживающих полностью или частично потребности войны; по частной промышленности эта цифра уменьшается до $^3/_4$.

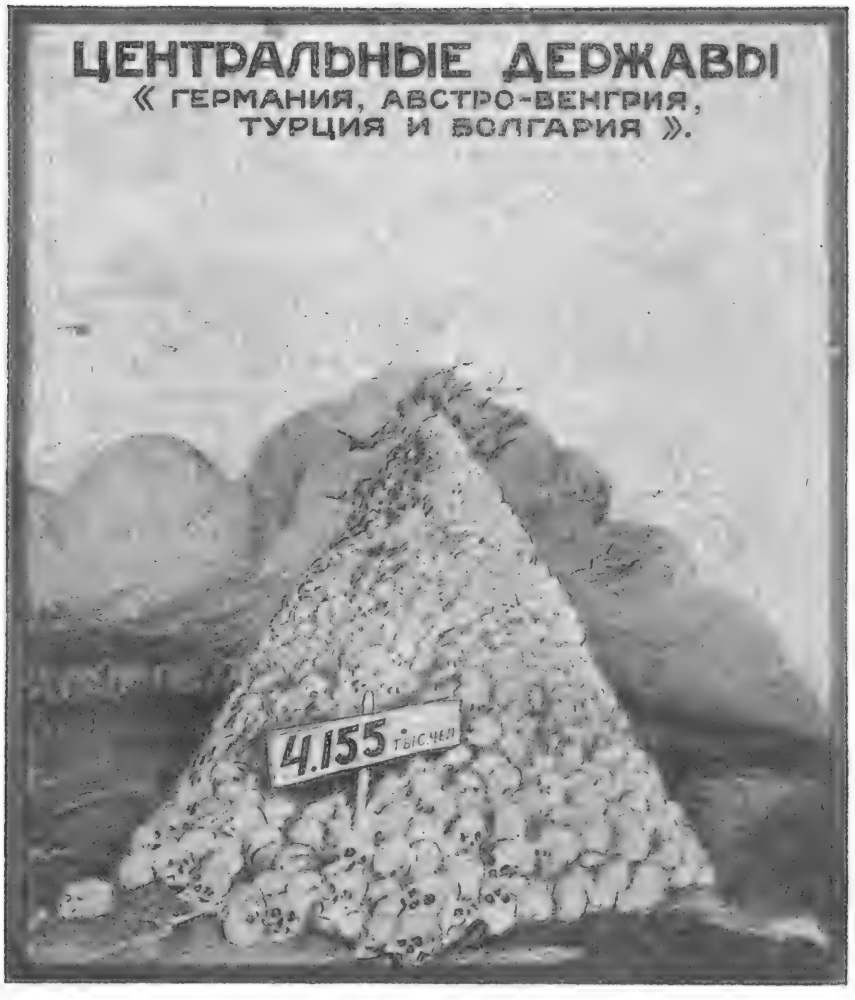
Что касается распределения продукции между тылом и фронтом по ценности, то имеются две чрезвычайно характерные цифры: 75% и 25%. Первая цифра показывает ценность продукции, потребляемой государством, главным образом, армией, вторая—все то, что оставалось на долю тыла, всего населения страны. Текстильная промышленность давала для населения в 5—6 раз меньше довоенного, а продукция целого ряда отраслей целиком забиралась госу-

дарством и распределялась среди различных категорий потребителей... Предприятиям, работавшим на частный рынок, т. е. на удовлетворение потребностей всего населения тыла, не отпускалось ни топлива, ни металла, так как их нехватало и для оборонной промышленности. В таком изменении распределения продукции среди потребителей, между фронтом и тылом, и в сокращении производства кроется основная причина дороговизны на фабричные изделия во время войны.

Распад промышленности.

Война явилась начальным пунктом распада нашей промышленности. Благодаря мобилизации рабочих, расстройству транспорта и финансов, дороговизне и отсутствию продовольствия, промышленность не могла разви-

ваться, несмотря на государственные заказы и авансы. Не было рабочих, нехватало металла, топлива и угля. Даже пока все эти факторы проявлялись не особенно заметно, в первые месяцы войны происходит значительное сокращение учредительства. За первые 7 месяцев 1914 года капитал вновь открытых компаний в два с лишком раза более, чем за вторую половину. В 1915 году происходит дальнейшее сокращение учредительства, и только в 1916 году заметно оживление учредительской горячки, главным образом вследствие



обилия выпущенных бумажных денег и их дешевизны. Буржуазия страховала себя от дальнейшего обесценения бумажного рубля путем вложения их в промышленное предпринимательство.

Общие размеры учредительства в промышленности и торговли достигли следующих размеров:

в 1913 году	. . . . .	526,03	млн. руб.
» 1914 »	. . . . .	422,51	» »
» 1915 »	. . . . .	409,83	» »
» 1916 »	. . . . .	923,53	» »

Несмотря на значительное обесценение рубля, 1915 год дает наименьшее вложение капиталов, некоторое увеличение происходит в 1916 году, так как к этому времени промышленники накопили большие средства, «подработав» на военных заказах.

Однако, если мы будем судить о положении промышленности по новым вложениям капитала, по числу занятых рабочих и по общему движению продукции, то составим себе ложное представление о действительном положении дел. Несмотря на потерю целого района, рабочих было занято в промышленности в 1916 году на 13% больше, чем в 1913, движение валовой продукции тоже из года в год возрастает.

(В миллионах рублей)

	1913 г.	1914 г.	1915 г.	1916 г.	1917 г.
Ценность продукции	5 620	5 690,4	6 389,7	6 831,4	4 344,1
Проценты	100	101,2	113,7	121,5	77,3

Оказывается, что в 1915 году, наиболее неблагоприятном по вложению капиталов, продукция дает наибольший прирост. До 1916 года происходит непрерывный рост ценности продукции, и только 1917 год дает значительное снижение. Однако было бы большой ошибкой делать отсюда заключение, что до 1917 г. происходило развитие всей промышленности.

Рост ценности продукции «в общем» маскирует настоящее положение дела. Больше того, именно благодаря непрерывному росту продукции в отдельных отраслях промышленности, капитализм расшатывался, а процесс распада промышленности ускорялся.

Вот, например, как буржуазия характеризовала итог 1916 года:

«Для промышленности основное значение имел военный спрос, поддерживавший и укреплявший мобилизованную с середины 1915 года промышленность... Однако основные отрасли промышленности, под влиянием все возрастающего недостатка в рабочей силе, сырье, в техническом оборудовании, не только не обнаружили роста, но и до сих пор не могут поднять своей производительности до размеров мирного времени».

Характеристика совершенно верная. Тяжелая промышленность, текстиль и ряд других отраслей промышленности деградировали. Другие же отрасли хозяйства колоссально развили свою производительность. Напр., металлообрабатывающая промышленность увеличила свою продукцию в три раза — с 628,1 млн. руб. в 1913 году до 1 888,4 млн. руб. в 1916 году; химическая промышленность выросла в два с лишком раза: 337,7 млн. руб. в 1913 г. и 853,5 млн. руб. в 1916 году.

Еще ряд отраслей, связанных с работой на оборону, также развили свою продукцию. Выработка предметов вооружения увеличилась на 110%, предметов снаряжения на 21%; из 2 287 промышленных предприятий, которые непрерывно действовали в течение 1913—1918 гг., только 795 предприятий увеличили ценность продукции с 615,4 млн. руб. в 1913 году до 1 180,9 млн. руб. в 1916 году, т. е. на 91,9%.

Такая экспансия отдельных отраслей хозяйства создавала видимость общего промышленного подъема и экономического благополучия.

Наряду с отмеченной тенденцией расширения производства, в ряде отраслей хозяйства, работавших на оборону, наметилось сокращение производства. Производство тканей в 1916 г. сократилось — по данным промышленной переписи — на 14,3%; 1 492 непрерывно действовавших предприятия с валовой продукцией 1 203,7 млн. руб. в 1916 г. дали продукцию 995,7 млн. руб. — сокращение достигает 17,3%. Вся группа промышленных предприятий, учтенных по переписи и не участвовавшая в работе на оборону, также значительно сократила свою продукцию: в 1913 году она давала 9,6% всей продукции, а в 1916 году только 7,9%, что дает сокращение, примерно, на 17%.

Патриотическая манифестация.

Промышленные предприятия, не принимавшие участия в работе на оборону, лишь изредка развивали свое производство только в первые годы войны. В 1916 году они сократили производство на 21,9% и опустились ниже довоенного уровня. Развивающаяся разруха, недостаток сырья и рабочих, дезорганизация товарооборота, несмотря на колоссальные прибыли, которые получали эти предприятия, лишала возможности расширять производство. Сокращение производства охватывает не только отрасли промышленности, работавшие на частный рынок, но и часть оборонной промышленности. Напр., хлопчатобумажная промышленность, работавшая на $^4/_5$ на нужды обороны, сократила производство; шерстяная — работала на войну на все 100% — также сократила производство; производство пищевых продуктов и горная промышленность, несмотря на значительное увеличение числа рабочих — сократились; обработка дерева, животных продуктов, добывание камней, полиграфическая

промышленность и ряд других также сократили производство. Участие в работе на оборону еще не гарантировало обязательного расширения производства.

Кризис топлива и металла.

Оборонная промышленность могла развиваться лишь до тех пор, пока имелось сырье: металл, топливо. Скоро ее развитие натолкнулось на непреодолимые препятствия: металлургия и топливная промышленность не справлялись с растущим военным спросом. Исчерпав свои производственные возможности, не получая машин и другого оборудования, эти две решающие отрасли промышленности обнаруживали все признаки упадка. Добыча угля сократилась в 1916 г. по сравнению с 1913 г. процентов на 5, а Донбасс даже увеличил выработку на 12%, но, несмотря на это, угольная промышленность находилась в катастрофическом положении. Достаточно взглянуть на цифры, показывающие, какой ценой было куплено увеличение добычи угля в Донбассе на 12%, чтобы понять всю глубину экономического кризиса, охватившего Россию. Вот эти цифры:

	Добыча в миллионах пудов	Число рабочих в тыс. чел.	Число рабочих в процентах	Месячная производительность в процентах	
1913 г.	1 543	168,5	100	764 пуд.	100
1916 г.	1 751	235	139,8	622 »	81,4
1917 г. январь	156	291,3	172,8	534 »	69,8
1917 г. февраль	143,4	291,5	173	492 »	64,4

Таким образом к Февральской революции число рабочих выросло на 73%, производительность труда упала на 35,6% (более $^1/_3$) сравнительно с 1913 годом. Таков итог влияния войны на каменноугольную промышленность.

Дальнейший рост числа рабочих в лучшем случае мог лишь компенсировать падение производительности труда. Основные причины этого падения производительности труда сводятся к двум факторам: к ухудшению оборудования и к изменению состава рабочего класса. Князь Шаховской, последний царский министр промышленности, посетивший перед Февральской революцией Донбасс, писал по этому вопросу:

«Производительность труда рабочих понижается от ряда причин, из которых на одно из первых мест следует поставить ухудшение оборудования рудников, за невозможностью своевременного ремонта необходимых для добычи угля машин и приспособлений».

Из того же доклада Шаховского Николаю видно, что увеличение рабочих происходило, главным образом, за счет пленных, женщин и подростков, и производительность их труда была значительно меньше, чем взрослых рабочих-специалистов. За счет отмеченных выше новых категорий приходится на Донбасс 86% прироста рабочих за 1916 год.

Еще до Февральской революции обнаружилась «диспропорция» между производством и потреблением топлива. Война увеличивала потребление топлива во всех отраслях хозяйства. За ростом потребностей производство не поспевало. Пришлось ограничиться снабжением топлива только предприятий, работавших на войну; но, вследствие роста производства, ухудшения машин и качества топлива, рост потребностей в топливе происходил очень быстро. Производство же угля почти не возрастало; разрушения в области угольной промышленности к началу 1917 года достигли таких размеров, которые делали невозможным дальнейшее расширение добычи угля. Ответственные руководители предприятий ответили господину министру торговли, при посещении им

Патриотическая манифестация московского студенчества на Тверской.

Харькова 10 февраля (1917 г. *А. С.*), что «едва ли можно рассчитывать на увеличение добычи, и что все их старания заключаются в том, чтобы хоть как-нибудь сохранить (добычу. *А. С.*) на теперешней высоте».

В нефтяной промышленности в 1916 году добыча была больше на 7%, чем в 1913 г. Но ввиду прекращения ввоза заграничного угля и потери Домбровского бассейна спрос на жидкое топливо значительно расширился. Одновременно происходил процесс значительного свертывания подготовительных работ: в 1916 году бурилось скважин на 27%, закончено бурением на 25% и начато бурением на 60% меньше, чем в 1913 году. Тем самым нефтяная промышленность лишалась соответствующей базы для своего дальнейшего развития и в ближайшее же время должна была сократить добычу.

«Поскольку нехватает металла, постольку сокращаются и работы»,— писали нефтяники. Как и в угольной промышленности, предприниматели в конце 1916 года говорили не об увеличении производства, а лишь о возможности его дальнейшего сокращения.

«Развить темп работ при таких условиях, или сохранить тот, который сейчас существует, не представляется возможным... нефтяная промышленность поставлена сейчас в такие условия, где, кроме краха, ей ничего другого не остается»

докладывал нефтяной воротила Гукасов. Конечно здесь не обошлось без преувеличения: Гукасов был заинтересован в возможно худших красках изобразить состояние нефтяной промышленности, чтобы вынудить у правительства повышение «твердой» цены на нефть, но в его словах, несомненно, имеется и большая доля истины.

Топливный кризис, который переживала страна, начиная с зимы 1915 года, был результатом не только плохой работы железных дорог, но и полнейшей дезорганизации всего производственного аппарата. Плохая работа железных дорог обостряла его и ставила под угрозу закрытия целые отрасли даже военной промышленности, для которой решающее значение имел донецкий уголь.

Особое совещание по обороне давало следующую картину топливного кризиса в Ленинграде:

«Все заводы вообще перебиваются в отношении угля со дня на день; небольшая задержка в текущей доставке расстроила 60% заводских предприятий, в число коих войдут и такие крупные заводы, как Вестингауз, Путиловский, Невский судостроительный, «Феникс», «Вулкан» и т. п. Причем на бездействие будут обречены до 20 тысяч станков и 85 тысяч рабочих. В частности на Путиловском заводе уже произошла остановка работ одной из мартеновских печей и для введения ее вновь в действие потребовались экстренные меры».

В еще худшем положении оказалась Москва. За сентябрь 1915 г. она получила всего 26% заявленных потребностей, в октябре больше, — до 40%. А всего за два месяца прибыло топлива около $^1/_3$ потребности. Некоторые группы потребителей, как городское самоуправление, получили совсем ничтожное количество топлива. Больницы уже тогда ломали и жгли деревянные заборы, а пекаря предупреждали «о неминуемой приостановке выпечки хлеба». Крупнейшие текстильные предприятия имели запасов топлива на 1—2 дня. Снабжение других районов находилось, по словам министра торговли и промышленности, «в столь же неблагоприятных условиях», благодаря которым стояли без работы 23 доменных печи. Осенний кризис 1915 года был грозным предостережением самодержавию. Путем ряда энергичных мероприятий кризис удалось преодолеть и отсрочить крушение царизма еще на $1^1/_2$ года.

Начиная с осени 1916 года, недогруз топлива опять начинает усиливаться. В августе он достигает 27%, в сентябре повышается до 32, в октябре до 37,4%. Кризис топлива охватывает все отрасли хозяйства и все районы. Особенно он обострился в Москве и Петрограде. Заготовка дров была недостаточна, запасы угля и нефти истощились, а потребности колоссально выросли. Когда в феврале 1917 года «по причинам небывалых морозов и снежных заносов» вывоз топлива упал до 89 млн. пуд., из которых 55 млн. пуд. потребляли железные дороги, а на долю всех остальных категорий потребителей оставалось всего

Московскій Градоначальникъ Свиты ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА Генералъ-Маіоръ Адріановъ имѣлъ счастіе получить 10 сего октября слѣдующую ВЫСОЧАЙШУЮ телеграмму:

Москва, Градоначальнику.

Передайте доброй молодежи Московскихъ Высшихъ учебныхъ заведеній, что Я тронутъ ея чувствами любви и преданности и цѣню горячую готовность ея на дѣлѣ послужить Родинѣ и Мнѣ.

НИКОЛАЙ.

ВЫСОЧАЙШАЯ телеграммма послѣдовала въ отвѣтъ на всеподданнѣйшее донесеніе Градоначальника слѣдующаго содержанія:

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ

Царское Село.

Освѣдомившись объ утвержденномъ ВАШИМЪ ИМПЕРАТОРСКИМЪ ВЕЛИЧЕСТВОМЪ Положеніи Совѣта Министровъ о привлеченіи въ войска молодыхъ людей, пользующихся отсрочками для окончанія курса въ Высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, студенты всѣхъ Московскихъ Высшихъ учебныхъ заведеній сегодня въ двухъ многочисленныхъ манифестаціяхъ, изъ коихъ послѣдняя была организована студентами Московскаго Института инженеровъ Путей Сообщенія Имени ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, съ пѣніемъ „Боже Царя Храни" и съ восторженнымъ громкимъ „Ура" ВАШЕМУ ВЕЛИЧЕСТВУ собрались у моего дома и, вызвавъ меня къ себѣ, просили меня всеподданнѣйше повергнуть ВАШЕМУ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ, что Московское студенчество, преисполненное вѣрноподданническихъ чувствъ, спѣшитъ повергнуть къ стопамъ ВАШЕГО ВЕЛИЧЕСТВА чувства безконечной любви и безпредѣльной преданности и горячую благодарность за дарованную ему высокую милость—немедля встать въ ряды побѣдоносной арміи ВАШЕГО ВЕЛИЧЕСТВА и клянется вѣрой и правдой, не щадя своего живота, служить своему Обожаемому Монарху и дорогому Отечеству.

Счастливъ всеподданнѣйше донести ВАШЕМУ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ о сихъ искреннихъ чувствахъ беззавѣтной преданности Московскаго студенчества ВАШЕМУ ВЕЛИЧЕСТВУ.

Московскій Градоначальникъ
Свиты ВАШЕГО ВЕЛИЧЕСТВА
Генералъ-Маіоръ **АДРІАНОВЪ.**

Октября 9 дня 1914 года.
гор. Москва.

Высочайшая телеграмма на имя московского градоначальника Адрианова 10/X 1914 г.

только 35 млн. пуд., — топливный кризис еще обострился. 35 млн. пуд. было достаточно только одним металлургическим заводам, а вся остальная промышленность должна была остановиться. Первого февраля 1917 года Особое совещание по обороне считало

«положение дела снабжения заводов топливом надлежит признать критическим и внушающим серьезные опасения... Во всяком случае необходимо считаться с предстоящим сокращением деятельности или даже временным закрытием некоторых обслуживающих оборону заводов» [1]).

Так обстояло дело в столице, на снабжение которой было обращено особое внимание. Со снабжением топливом оборонных предприятий по другим районам дело обстояло еще хуже. Важнейшие предприятия, как, например, металлургические заводы, не получали топлива и закрывались. Ниже приведена телеграмма уполномоченному Особого совещания по обороне по Екатеринославскому району, в которой рисуется положение в важнейшем центре металлургической промышленности, находящемся рядом с Донецким бассейном.

Положение дела в металлургической промышленности было такое же, как и в топливной. После бурного расцвета в предвоенные годы, добыча металла во время войны сократилась, а потребность в нем росла вместе с увеличением армии, продолжением войны и развитием военной промышленности. Общий итог развития металлургии такой: количество действовавших в 1916 году домен сократилось на 36, число рабочих выросло на 42,5%, а продукция сократилась по чугуну на 18,2%, по железу и стали на 17% и полупродукту — на 13%. Производительность труда упала к концу 1916 года на 40%. В 1915 году добыча металла была минимальной, хотя производительность труда еще не упала так значительно, как в 1916 г.; по числу занятых рабочих этот год был также минимальным. Постепенно удалось значительно увеличить число рабочих, благодаря широкому применению труда пленных, китайцев, женщин и детей, вследствие чего, несмотря на понижение производительности труда, выработка металлов в 1916 году несколько увеличилась.

Металл является одним из первых продуктов индустрии, который правительство стало распределять по карточкам. В какой мере производство металла удовлетворяло имеющуюся в нем потребность? В 1915 году около $^1/_5$ производства поступало еще в распоряжение частной промышленности или на вольный рынок. Всякое расширение потребления металла на оборону отражалось на сокращении той доли, которая доставалась частной промышленности. В августе 1916 года выяснилось, что производства металла нехватает для удовлетворения потребностей обороны. Ежемесячно в распределение поступало 15,5 млн. пуд. железа и стали, а потребности обороны исчислялись в 18,5 млн. пудов. В сентябре главноуполномоченный по снабжению металлами генерал Мышлевский в Совещании по обороне заявил: «Несомненно, что удовлетворить потребности всех ведомств полностью не представляется возможным», поэтому надо экономно расходовать имею-

[1]) Журнал Особого совещания по обороне № 14, 1 февраля 1917 года. Фонд «Особого совещания». Ленинградское отделение Центрархива.

щийся металл. Начиная с сентября 1916 года вопрос о металле не сходит уже с повестки дня Совещания по обороне. В начале октября Гучков поставил вопрос о повышении производительности металлургических заводов, но одновременно заявил, что «во всяком случае без крупного заграничного заказа мы не будем в состоянии выйти из надвигающегося кризиса». В ноябре снабжение металлом стало еще более неудовлетворительно. Потребность в металле возрастала, а производство оставалось неизменным, дефицит увеличивался, приходилось ограничивать потребление. В распределение поступало 16—16,5 млн. пудов металла в месяц, «между тем заявленные на октябрь потребности составляли 21,5 млн. пудов». При более полном учете потребностей фронта, ведомств и частично населения «дефицит достигнет 50%, т. е. составит 8 млн. пудов металла в месяц». Итак в конце 1916 года наша металлургия не могла уже на 50% удовлетворить потребностей только обороны, не считая нужд тыла, который также не мог обходиться без металла.

Не только за пушками, снарядами и паровозами, но и за металлом надо было обращаться к американскому дядюшке. И это в то время, когда война по-настоящему только разыгрывалась. Немецкая индустрия была еще далеко не подорвана, а русский капитализм уже сдал, как раз в той отрасли промышленности, которая считалась наиболее сильной в системе русского капитализма. Царскому правительству приходилось уже принимать постановления о закупке черного металла в Японии и других странах, отпуская для этой цели «кредиты», находившиеся еще в карманах японских и английских капиталистов; последние же, видя «зигзаги» политики царского правительства, его колебания и неустойчивость в вопросе войны, не обнаруживали особого желания открывать добавочные кредиты правительству, которое находится накануне своего падения.

Кризис железнодорожного транспорта.

Железнодорожный транспорт оказался наиболее слабым звеном капиталистического хозяйства. Все время войны железные дороги находились в состоянии перманентного кризиса, симптомы которого были налицо уже накануне войны в виде постоянных залежей грузов. Царское правительство являлось собственником большей части железнодорожных путей и своей политикой в значительной мере подготовило кризис железных дорог во время войны. Используя железные дороги в качестве одного из средств для затыкания бюджетных дыр, правительство больше всего заботилось о том, чтобы получить больше прибыли от их эксплоатации, поэтому во время предвоенного промышленного подъема рост сети и подвижного состава из года в год отставал от роста народного хозяйства. Плоды такой близорукой политики дали себя знать во время войны, когда в феврале 1916 года залежи достигали огромной цифры — 150 тысяч вагонов, из которых около $^1/_3$ приходилось на долю первоочередных грузов. Железные дороги оказались совсем не готовыми к тем задачам, которые поставила перед ними война. Для нужд железных дорог фронта с тыла была взята значительная часть паровозов и подвижного состава, что ослабляло работу тыловых дорог. Кроме того война изменила направление и размер грузовых потоков, увеличила нагрузку отдельных участков пути. Все эти обстоятельства

оказались непредвиденными, и в результате связь, например, с Архангельском, поддерживалась узкоколейкой, которую удалось переделать на нормальную колею только в 1916 году.

Железная дорога на Мурманск строилась лишь во время войны, поэтому главная масса импортируемых товаров поступала во Владивосток, а оттуда через весь сибирский путь перебрасывалась в центр. Эти перевозки забили отдельные участки сибирского пути, отчего провозная способность дороги зимой уменьшалась чуть ли не в 10 раз. В Архангельске и Владивостоке образовались громаднейшие скопления грузов, абсолютно необходимых для промышленности.

Следует отметить, что работа транспорта во время войны колоссально выросла: в 1916 году пассажирское движение увеличилось на 48% и грузовое на 25%, сравнительно с 1913 годом. Потребность же в перевозках выросла еще больше. За 1914 год железные дороги недовывезли 2 млр. пудов частных грузов. Осенью 1916 года дороги перевозили продовольствие для армии в размере 50% потребности, металл, топливо и ряд других материалов перевозились также в чрезвычайно ограниченном размере, что и вызвало общий паралич хозяйственной жизни в конце 1916 г. Еще в середине 1916 года генерал Алексеев писал в докладной записке царю:

«В переживаемое время нет ни одной области государственной и общественной жизни, где бы не ощущались серьезные потрясения из-за неудовлетворения потребности в транспорте... В среднем, заводы, работающие на оборону, удовлетворяются транспортом всего лишь на 50—60% своей потребности, а для Петроградского района, вместо необходимых 18½ миллионов пудов, по заявлению министра путей сообщения, возможно перевезти лишь 8 миллионов. При таких условиях не только немыслимо увеличение производительности заводов, но придется сократить и теперешнюю работу» [1]).

Такую картину Алексеев рисовал в документе, который не рассчитывал увидеть скоро свет. Как же царское правительство надеялось разрешить транспортную проблему? Для того чтобы работа железных дорог сколько-нибудь улучшилась, требовалось более 100 тысяч товарных вагонов, несколько тысяч паровозов и несколько десятков миллионов пудов рельс. Все эти величины далеко выходили за пределы производительности русской промышленности. Металлургия не могла дать стали, так как ее не было, паровозостроительные и вагонные заводы не были приспособлены к такому громадному масштабу производства. Положение было трагическое. В апреле 1916 года правительство обратилось со специальной нотой по вопросу о транспорте к Англии. В ней писалось: «Россия не имеет никакой возможности собственными средствами изготовить требуемое количество рельс, вагонов, паровозов и автомобилей, а также и некоторых других предметов, необходимых для нужд министерства путей сообщения; в этом отношении ее производительность доведена до максимума, которого, при всем желании, перейти нельзя. Поэтому ей приходится обратиться за границу, чтобы обеспечить правильность перевозки войска и снабжения армии снаря-

[1]) «Монархия перед крушением». 1914—1917 гг. Доклад ген. Алексеева Николаю II, стр. 261.

дами и всяким провиантом». К этой ноте был приложен список необходимых заказов на общую сумму около 280 миллионов рублей. Не дожидаясь согласия английского правительства, Трепов, бывший министр путей сообщения, разместил часть заказа в Америке. Но англичане ответили решительным отказом и в средствах и в транспорте для перевозки этих товаров в Россию. Вне американского рынка удалось купить лишь несколько десятков старых паровозов, которые, понятно, не разрешили кризиса транспорта, положение которого с каждым днем ухудшалось.

Кроме значительного абсолютного сокращения подвижного состава происходил рост «больных» вагонов и паровозов. В августе 1914 года «больных» товарных вагонов было 3,7% общего количества, в августе 1916 года — 5,6%, а в январе 1917 года уже 6,9%. За два с половиной года войны количество больных вагонов почти удвоилось. «Больных» паровозов до войны было 16%, в январе 1917 года уже 17,59%, а в феврале — процент поднялся уже до 22,2%. Одновременно с увеличением разрушения парового парка и подвижного состава происходит понижение производительности железных дорог: уменьшается погрузка, скорость оборота подвижного состава значительно сократилась. Вот данные: оборот товарных вагонов удлинился с 5,4 суток для всего 1916 года до 7,2 суток, т. е. на 33% в январе—феврале 1917 года. Это было равносильно уменьшению работы всего товарного парка на $^1/_3$. За это же время суточная погрузка на 100 верст пути уменьшилась на 22%.

Все приведенные показатели о работе железных дорог свидетельствуют о глубоком кризисе, который переживал транспорт. Запасы топлива на железных дорогах также значительно сократились. К 1 марта 1917 г. железные дороги имели запасы топлива в 5—6 раз менее довоенных размеров.

Кризис транспорта особой остроты достиг за несколько месяцев до Февральской революции, когда день за днем очень быстро сокращалась провозоспособность железных дорог, увеличился недогруз угля, железа, продовольствия. Промышленность осталась без топлива, города — без хлеба, металлические предприятия — без металла. Обнаружился паралич важнейших отраслей хозяйственной жизни. Уже в октябре вырисовывались тревожные симптомы надвигающегося кризиса. Родзянко требует плановости перевозок «без различия районов тыла и фронта». Обследование Кавказских дорог в декабре 1916 г. установило, что для улучшения работы их нужны рабочие руки, металл, продовольствие. Провозоспособность Сибирской дороги упала в несколько раз. Она должна была давать 1 200 вагонов в день летом и 1 000 вагонов зимой. Даже эта «нормальная» провозоспособность отставала от потребности, которая измерялась в 1 350 вагонов. Погрузка во Владивостоке сократилась до 150, потом до 100 вагонов, что давало всего 10% зимней провозоспособности. Во Владивостокском порту скопилось 26 млн. пудов чрезвычайно важных грузов, которые не могли быть переброшены внутрь России.

Февраль с морозами и буранами еще ухудшил положение с перевозками. Продовольственный кризис в городах обострился. В течение нескольких заседаний Особое совещание по обороне обсуждало создавшееся положение. «С самого начала войны не было еще такого критического для России момента, как тот, который пережи-

вается нами ныне», говорил Гучков в заседании Особого совещания по обороне, и он был совершенно прав. С самого начала войны не было еще такого глубокого кризиса транспорта и промышленности, как перед Февральской революцией, никогда еще продовольственные затруднения не достигали такой остроты, как тогда, а правительство не было так слабо. Экономические затруднения всколыхнули широкие массы рабочих и солдат, вытолкнули их на улицу с политическими лозунгами. Назревала революция, на борьбу с которой царизм обратил все свои силы, но было уже слишком поздно: революционная волна своим потоком смыла царизм.

Положение сельского хозяйства.

Империалистическая война оказала свое разрушающее влияние не только на промышленность и финансы, но и на сельское хозяйство, которое в предвоенные годы обнаружило некоторое развитие: увеличилась площадь посевов, улучшились урожаи вследствие интенсификации сельского хозяйства. Столыпинщина облегчила проникновение капитализма в земледелие, усилила дифференциацию деревни, значительно укрепила «мужицкий» — кулацкий капитализм. Благодаря высоким ценам на продукты земледелия часть помещичьих и крестьянских хозяйств стала переходить к интенсивному хозяйству. Благодаря этому значительно выросло потребление сельскохозяйственных машин, искусственного удобрения, увеличились посевы трудоемких и технических культур. Экономические сдвиги в деревне нашли свое отражение в классовой борьбе — обострили не только отношения крестьянства в целом с помещиками, но одновременно усилили и борьбу между крайними слоями крестьянства— кулачеством и беднотой.

Война резко оборвала эту линию подъема в сельском хозяйстве. Под ее влиянием сложился целый ряд факторов, оказывавших глубочайшее разрушающее влияние на сельское хозяйство, определявших его упадок. Больше всего сельское хозяйство теряло от мобилизаций, от разрыва сношений с внешним рынком в связи с почти полным прекращением экспорта сельскохозяйственных продуктов, от дезорганизации внутреннего рынка. Многочисленные мобилизации забирали людей, скот, сельскохозяйственный инвентарь — лишали сельское хозяйство необходимой базы своего дальнейшего развития.

В армию было взято около 16 млн. человек, или 47,4% общего числа взрослых трудоспособных мужчин. На каждую сотню хозяйств приходилось 60 мобилизованных работников. Если в первый год войны еще говорили, что мобилизации взяли только «избыточное» население, то во второй и третий годы войны деревня лишалась своих основных работников. Многие бедняцкие хозяйства были подорваны мобилизацией «хозяина» — кормильца семьи — и разорились. Как ни старались старики, женщины и дети заменить взятых работников, но многие хозяйства принуждены были сократить посев.

В 1914 году острого недостатка в рабочих руках еще не было. Из 44 губерний только в 14 отмечается частичный недостаток рабочих рук. В 1915 году

положение резко ухудшается: корреспонденты с мест отмечают повсеместный недостаток рабочих мужчин, усиленное применение женского труда. Сводки ответов корреспондентов с мест рисуют следующую картину:

«Недостаток в рабочих руках в период уборки хлебов ощущался повсеместно и наибольшие затруднения встречались в приискании взрослых рабочих, в особенности в хозяйствах владельческих, так как крестьяне, спеша с уборкой своего хлеба, до окончания ее не шли на работы, заменяли взрослых рабочих женщинами, подростками, военнопленными, и применяли жатвенные машины» [1]).

Однако большого сокращения посевов вследствие недостатка рабочих в помещичьих хозяйствах еще не произошло. Осенью 1915 года в сельском хозяйстве, т. е. у помещиков и частью у кулаков-крестьян, было занято 266 тысяч человек пленных, заменявших мобилизованных рабочих. В 1916 году недостаток в рабочих усилился: отсутствовали не только взрослые рабочие, но не было женщин и подростков. В целом ряде районов помещичьи хозяйства значительно сократили посевы. Например, в Херсонской губернии — в наиболее капиталистическом районе земледелия — в 1916 году помещичьи посевы сократились более чем на 50%. Донесения с мест пестрят сообщениями об отсутствии рабочих, рабочего скота и семенного материала не только в помещичьих хозяйствах, но и у крестьян. Цены на рабочие руки поднялись, в связи с этим увеличились расходы по обработке. Например, уборка ржи в 1916 году вздорожала на 287%, перевозка с поля на 270% и молотьба на 244%, сравнительно с довоенным временем. Меньше всего увеличились в цене издержки на посев и обработку земли — 147%. Большое вздорожание по уборке отмечается в губерниях нечерноземной полосы, где по ржи и пшенице повышение определяется в 217—241%, тогда как в черноземных губерниях производство тех же хлебов вздорожало на 189—217%, а в среднем по Европейской России на 208—230% [2]). То же самое и по ячменю. Благодаря большому вздорожанию продуктов в потребительских районах, наживались помещики и производители хлеба черноземной полосы, снабжавшие хлебом центральные районы России. В армию было взято все, что можно было взять. Разорение крестьянства быстро увеличивалось. Впрочем министерство земледелия больше заботилось о помещиках. Это отражается и на документах: о положении помещичьего хозяйства имеется много данных, о крестьянстве почти никаких. Вот какими красками описывается положение у помещиков весной 1917 года:

«Площадь ярового посева подверглась наибольшему сокращению во владельческих хозяйствах, особенно же в крупных экономиях, где в нередких случаях размеры сокращения превышали 1/2 и доходили даже до 3/4 обычной площади ярового посева. Причинами такого значительного сокращения площади яровых у владельцев служил прежде всего сильный недостаток рабочих, граничивший с полною невозможностью достать рабочих за какую бы то ни было цену».

---

[1]) «1915 год в сельскохозяйственном отношении», вып. IV, стр. XI.

[2]) «Стоимость производства главнейших хлебов в 1916 г.», вып. III, стр. VI.

Нельзя было смягчить недостаток в рабочих руках путем большего применения сельскохозяйственных машин, так как их не было. До войны почти 50% машин ввозились из-за границы; во время войны ввоз их упал до нескольких процентов от довоенных размеров. Внутреннее производство также сократилось, так что сельское хозяйство могло, по расчетам проф. Лященко, удовлетворить лишь 8—9% своих потребностей в машинах. Недостаток машин, искусственного удобрения, отсутствие рабочих — это только одна группа причин, мешавших развитию сельского хозяйства. Прекращение экспорта хлеба, масла, сельскохозяйственного сырья, главных продуктов нашей внешней торговли, также усиливало разруху сельского хозяйства. Надо было приспосабливаться к внутреннему рынку, значительно дезорганизованному, покупательная способность которого увеличилась за счет заготовок правительства. Но правительственные покупки не могли дать того, что давал мировой рынок. Крестьянин получал только бумажки, на которые нельзя было найти не только средств производства, но и предметов потребления: мануфактуры, сахару, кож. На рынке было полное бестоварье. Купить можно было только у спекулянта за бешеную цену. Таким образом разруха промышленности, отсутствие индустриальных товаров подрывало развитие сельского хозяйства и уменьшало стимулы, толкавшие крестьянство к расширению запашки. Все эти причины в первую очередь оказывали влияние на кулацкое и помещичье хозяйства, уменьшали их запашки, сокращали товарность хозяйства. Бедняцкое, а отчасти середняцкое хозяйство разорялось сразу после того, как на войну забирался «хозяин» семьи, часто единственный работник.

В общем надо удивляться сравнительно незначительному сокращению посевных площадей. По подсчетам проф. Кондратьева, посевная площадь 1916 года, за исключением оккупированных во время войны областей, сократилась на 6,7%. Его данные минимальные. По другим данным, площадь посева 1916 года сравнительно с 1913 г. уменьшилась на 9,6% по черноземной полосе и на 9,2% — по нечерноземной. Больше всего сокращение посевов падало на районы торгового земледелия, теснее всего связанные с внешним рынком: Северо-кавказский — на 23,8%, Новороссийский — 13%. По отдельным культурам увеличился посев подсолнуха, гречи, кукурузы, озимой пшеницы и яровой ржи, а остальные хлеба дали большое сокращение: посев сахарной свеклы сократился в 1916 году на 13,5% против 1914 года, еще больше упали посевы картофеля и конопли.

Объяснение этого кризиса кроется в разорванности торговой связи между районами производства и потребления, транспортной разрухе, спекуляции, отсутствии промышленных товаров и, наконец, неудачной правительственной политике хлебозаготовок и регулировании рынка.

Валовой сбор хлебов также значительно сократился. С одной стороны, благодаря плохому урожаю в 1914 году, с другой — вследствие разорения сельского хозяйства, истощения почвы и плохой обработки земли в 1916 году. Урожай 1914 года был сравнительно плохой, значительно ниже предшествующих годов. Во всей России недобор хлебов равнялся 22,1% сравнительно с 1913 годом, что дает процентов на 14 меньше предшествующего пятилетия. Таким образом Россия вступила в мировую войну сравнительно

с небольшими запасами. Положение улучшилось благодаря исключительно хорошему урожаю 1915 года. По подсчетам того же автора [1]), урожай был выше 1914 года на 25,4% и на 8,7% выше нормы. Благодаря прекращению внешней торговли, внутри страны образовались большие запасы продовольствия. В 1916 году разрушающее влияние войны на сельское хозяйство выразилось в значительном уменьшении посевов и урожая. Недобор 1916 года колеблется между 15—20% сравнительно с 1915 годом. Урожая 1916 года было недостаточно для продовольствия страны. Однако, если учесть имевшиеся в стране запасы, то по теоретическим расчетам получался избыток хлеба около 1 млрд. пудов. Практически дело обстояло совсем иначе: несмотря на наличие избытка продовольственных хлебов, большинство городского населения голодало уже осенью 1915 года.

Получается странное противоречие: Россия, единственная из воевавших стран, переживала продовольственный кризис при наличии внутри страны громаднейших запасов хлеба. Но это «противоречие» создано войной, кризисом всего народного хозяйства.

Продовольственный кризис.

Продовольственный фронт имел и свои слабые стороны. Не со всеми продуктами продовольствия обстояло дело так благополучно, как с хлебом. Сахарный, масляный и мясной «кризисы» были вызваны острым недостатком этих продуктов. Например, производство сахара из года в год сокращалось, а потребление росло. Предложение сахара, вместе с остатками 1914—1915 гг., было 126,6 млн. пудов, а в 1916—1917 г. сократилось до 82—83 млн. пудов. Летом и осенью 1916 года в России был абсолютный недостаток сахара. Чтобы свести концы с концами, пришлось не только запретить экспорт, но нужно было ввести из-за границы 20 млн. пудов, чтобы сахара хватило до 1 сентября 1917 года. Причины сахарного голода заключаются в увеличении потребления армией, в сокращении площади посевов и громадной гибели свекловицы, в отсутствии топлива, благодаря чему сахарные заводы не могли переработать даже имевшуюся в наличности свеклу. В основе мясного кризиса лежит истребление мясных ресурсов страны. Статистика скотоводства отмечает для 1916 года прирост мелкого скота и сокращение крупного всего только на 2 млн. голов. Фактически дело обстояло иначе. За первые 18 месяцев войны было убито свыше 10 млн. голов скота, что составляло 20% скота по империи и 30% по Европейской России, где количество скота уменьшилось с 40 млн. до 31 млн. голов. Мы видим, как война съедала основной капитал скотоводства. За отсутствием скота был уменьшен солдатский паек и даже введены мясопустные дни.

Благодаря транспортным затруднениям, дороговизна и недостаток продовольственных продуктов обнаружились в городах чуть ли не на второй день после начала войны, когда вообще странно было говорить об отсутствии в стране продовольствия. Постепенно продовольственные затруднения расширялись,

---

[1]) «Влияние неурожаев на народное хозяйство России», ч. 1, статья Черванина.

углублялись и к весне 1915 года приобрели «всеобщий характер». В 1915 году уже по 47 губерниям России 88% городов и 82% уездов заявили о недостатке хлеба, соли, сахара и рыбы. Общая дезорганизация хозяйственной жизни отражалась и на продовольственном деле.

Неудачная продовольственная политика правительства еще больше запутывала дело. Во второй год войны было заготовлено около полмиллиарда пудов хлеба. Армия росла, кроме нее надо было снабжать города, рабочих оборонной промышленности. С такими сложными задачами правительство думало справиться при помощи своего бюрократического аппарата, установив лишь твердые цены для покупок правительства и общественных организаций.

За сахаром (Петроград).

Однако «твердых» цен оказалось недостаточно, чтобы заготовить достаточно продовольствия, поэтому осенью 1916—1917 г. вводится принудительная разверстка на 771,3 млн. пудов. Для полного удовлетворения всех категорий потребителей хлеба требовалось около 900 млн. пудов, но и для царских чиновников не было надежды даже путем разверстки добыть столько хлеба. Разверстка потерпела полный крах. Помещики распродали хлеб по вольным ценам, а население отказалось ее выполнять.

При Временном правительстве к апрелю 1917 года удалось выяснить следующие итоги разверстки. «По 2 070 волостям разверстка была принята только на 118 млн. пудов, из числа которых сельскими сходами было разверстано по домохозяевам 67,7 млн. пудов хлеба, а общие итоги разверстки среди крестьян едва ли достигают 100 млн. пудов, а может быть и еще меньше».

Крах разверстки, а следовательно, и всей продовольственной политики правительства, совершенно очевиден. Вместо 800 млн. пудов — 100, разверстанных только на бумаге. Правительству пришлось изыскивать хлеб особыми путями. От разверстки отказались, твердые цены фактически оставались на бумаге: комиссионерам и посредникам увеличили комиссионные, «твердые» цены стали считать франко амбар, вместо станции, и все же к 1 апрелю 1917 года удалось заготовить 365 млн. пудов, т. е. вдвое меньше того количества, которое было необходимо для продовольствия армии и рабочих. К неблагоприятным условиям заготовок надо прибавить еще транспортные затруднения. Распад транспорта как раз усилился в последние месяцы 1916 г. В это время

Очередь у продовольственного магазина.

особенно уменьшилась работа железных дорог: сократилось количество перевозок, увеличился процент «больных» вагонов и паровозов, что значительно обострило продовольственные затруднения. Железные дороги не могли доставить в города даже имевшиеся скудные запасы продовольствия. Начиная с 1 октября 1916 г. по 1 марта 1917 года, армия получила продовольствия в среднем около 50% нормы. В конце января продовольственные запасы фронта исчислялись в 18—30 дней, а ко времени Февральской революции они совсем иссякли. Если военные — «первоочередные» — потребители фактически голодали, то нечего говорить об остальном населении. За январь — февраль 1917 года гражданское население получило около $^1/_4$ планового назначения, железные дороги $^1/_3$. Сильнее всего голодали Москва и Петроград, где были огромные гарнизоны и большое число рабочих, занятых в оборонной промышленности. Многие пред-

приятия уже закрылись, и рабочие остались без работы и без средств к жизни.

В ноябре и декабре 1916 года Петроград получил всего только 15% продовольствия. Население уже давно голодало, запасы к 1 февраля 1917 года были съедены. Аналогичная картина была в Москве и многих крупных промышленных городах.

В январе 1917 года, считавшемся «благоприятным» месяцем, когда поступление продовольствия несколько улучшилось, вместо 79 вагонов муки в сутки Москва получала около 50%, да и то считая вместе с рожью. Без всякого преувеличения можно сказать, что городские «низы», рабочие, мелкобуржуазные слои, накануне Февраля голодали. Денежная инфляция, недостаток промышленных изделий и продовольственный кризис били сильнее всего по этим слоям населения, которые несли военные тяготы на своих собственных плечах.

Царизм не мог справиться с продовольственным вопросом, и голодуха явилась тем последним толчком, который переполнил чашу терпения питерского пролетариата и толкнул его на выступления против царизма. «Возникшие с 23 февраля в городе волнения имели своим первоначальным источником недостаток хлеба», говорит генерал Хабалов, генерал-губернатор Петрограда, расстреливавший восставших рабочих и солдат. При отпуске вдвое уменьшенной нормы продовольствия было всего на 10—12 дней, говорится в его показаниях; фактически — ничего не было. Продовольственный кризис является выражением общего экономического распада страны, он сыграл важнейшую политическую роль: революционизировал рабочие и солдатские массы и толкал их к политической борьбе против царизма и войны. Разрешение продовольственной проблемы упиралось в общие хозяйственные задачи снабжения страны. «Дать крестьянству железо, керосин, мануфактуру, кожу, бумагу, мыло и другие нужные ему продукты действительно значило бы теперь разрешить продовольственный вопрос», говорил один из представителей буржуазии на другой день после свержения Николая. Но как это сделать, если нет ни первого, ни второго, ни третьего? Первым шагом к разрешению всех хозяйственных проблем, в том числе и к восстановлению разрушенных отношений между городом и деревней, являлось прекращение войны, заключение мира. Но самодержавие с заключением сепаратного мира с Германией «тянуло», а пришедшая к власти буржуазия хотела воевать до победного конца. Поэтому продовольственный кризис при Временном правительстве не был изжит, а еще более усилился, а промышленность и сельское хозяйство вступило в полосу еще большего кризиса, чем при царизме.

Помещичье и крестьянское хозяйство перед Февральской революцией.

Во время революции 1905 года вскрылись основные противоречия между помещичьим и крестьянским хозяйством. На одном полюсе 10 млн. мелких крестьянских хозяйств (с площадью до 15 десятин на двор), владеющих вместе 72,9 млн. десятин, на другом — 28 тысяч помещиков, с площадью земли в 500 десятин и больше на каждого, а вместе владеющих 62 млн. десятин земли. Кроме этих

крупнейших лендлордов существовала еще группа более мелких помещиков, числом 22 тыс. владений, с размером землевладения от 50 до 500 десятин на каждое, на долю которых приходилось 17,3 млн. десятин, и, с другой стороны, группа крестьянской буржуазии, числом 618 тыс. дворов, с площадью земли свыше 30 дес. на двор, владевших вместе 32,7 млн. десятин из общей площади крестьянской надельной земли в 137 млн. десятин [1]).

Крупное помещичье землевладение являлось главной экономической базой самодержавно-крепостнического строя. Класс крепостников-помещиков являлся господствующим: он держал бюрократическую машину абсолютной монархии в своих руках, руководил политикой правительства. Естественно, что при таких условиях борьба с самодержавием была неотделима от борьбы против помещичьего землевладения. Целью революционной борьбы крестьянства являлась помещичья земля. Крестьянство в революции 1905—1906 гг. мужественно боролось с помещиками за конфискацию их земель и за свержение самодержавия. Однако революция нанесла самодержавию недостаточный удар: самодержавие пошатнулось, но устояло, уцелело, а вместе с ним сохранилась и власть помещиков над крестьянством. Наступили тяжелые годы реакции...

В столыпинской «реформе» правящий класс пытался найти разрешение аграрной проблемы и тех противоречий, которые вызвали революцию. Разрушение общинного землевладения, создание кулацкой земельной собственности, ставка на сильного и разорение широких слоев крестьянства — вот те мероприятия, при помощи которых царизм пытался защититься от новой революции, сохранить помещикам их земельную собственность и доходы. Разорение деревни, покровительство кулакам и зажиточному крестьянству, развитие капиталистических элементов в земледелии при одновременном сохранении крупных латифундий, т. е. остатков полукрепостничества, азиатчины и отсталости, тормозивших в течение столетий экономическое развитие России,— вот то, что Ленин называл прусским путем развития капитализма, на который Россия вступила после революции 1905 года. Это был путь медленного перерождения крепостнических тканей помещичьего хозяйства в хозяйство капиталистическое, и самодержавной монархии в буржуазную. Интересную оценку столыпинщине дает Ленин.

«Столыпин — министр такой эпохи, когда крепостники-помещики изо всех сил, самым ускоренным темпом повели по отношению к крестьянскому аграрному быту буржуазную политику, распростившись со всеми романическими иллюзиями и надеждами на «патриархальность» мужичка, и щадя себе союзников из новых, буржуазных элементов России вообще и деревенской России в частности. Столыпин пытался в старые мехи влить новое вино, старое самодержавие переделать в буржуазную монархию, и крах столыпинской политики есть крах царизма на этом последнем, последнем мыслимом для царизма пути (подчеркнуто нами. *А. С.*)... Помещичья монархия Николая II после революции пыталась опираться на контрреволюционное настроение буржуазии и на буржуазную аграрную политику, проводимую теми же помещиками; крах этих попыток, несомненный теперь даже для кадетов, даже для октябристов, есть крах последней возможной для царизма политики» [2]).

[1]) Ленин, т. IX, стр. 436, 623.

[2]) Ленин, т. XI, ч. 2, стр. 366.

Прусские рельсы развития капитализма внутри себя таили такие противоречия, которые неминуемо должны были вызвать новую волну революционных потрясений. Они обостряли борьбу крестьянства с помещиками, усиливали противоречия внутри самого крестьянства.

Нам предстоит познакомиться с последним, заключительным этапом этого пути и подвести его итоги. Как происходила эволюция помещичьего и крестьянского хозяйства по прусским рельсам?

Подводя итог влиянию столыпинщины на сельское хозяйство, тов. Дубровский пишет: «За межреволюционный период никакого экономического переворота в русской деревне не произошло. Наметилась лишь тенденция к этому перевороту» [1]). Эта тенденция выражалась в некотором росте интенсивности хозяйства, особенно крестьянского, в увеличении потребления сельскохозяйственных машин, искусственного удобрения, в увеличении урожаев, в усилении товарности хозяйства, и т. д. Однако влияние столыпинщины на классовую структуру деревни и на развитие классовой борьбы было громадное, и его нельзя не дооценивать. Подводя итоги по одному из районов, Н. Карпов пишет:

«Стал подниматься «крепкий» крестьянин — сельский предприниматель, и наряду с этим усилилась пролетаризация деревни — увеличилось число мелкого крестьянства; оказалась расплющенной «золотая» середина — среднее крестьянство в численном отношении сократилось; оно постепенно сжималось как со стороны правого лагеря — деревенской буржуазии, так и со стороны левого лагеря — пролетаризованного мелкого крестьянства, а отсюда еще один весьма ценный вывод — усилилась классовая борьба; росли классовые противоречия — деревня делилась на два враждебных друг другу лагеря» [2]).

В районе с преобладанием крепостнических остатков побеждала эта же тенденция, правда, медленнее, чем в капиталистическом районе земледелия, но неизмеримо быстрее, чем происходил процесс диференциации деревни в дореволюционное время.

Помещичье хозяйство также подвергалось капиталистической трансформации, но в своей массе оно сохранило свою полукрепостническую природу. Наряду с частичной капитализацией сельского хозяйства, происходила массовая ликвидация дворянского землевладения. Только за одно пятилетие 1906—1911 гг. в центрально-черноземном районе дворянское землевладение уменьшилось на 23%, а в средне-волжских губерниях даже на 36% [3]). После революции 1905 г. крупная помещичья собственность сократилась к 1916 г. на 9,6 млн. десятин. Процесс распада помещичьего землевладения, начавшийся со времени реформы, совершался в период столыпинщины особенно быстро. Все же на долю крупного землевладения приходилось еще очень много земель. Достаточно привести цифры распределения земли накануне революции 1917 года, чтобы видеть, как силен был еще гнет помещика над деревней, как велики были

---

[1]) С. Дубровский. «Столыпинская реформа», стр. 87. Разрядка автора.

[2]) Н. Карпов. «Аграрная политика Столыпина», стр. 130.

[3]) «Аграрная революция», т. II, стр. 54. Статья Лященко «Экономические предпосылки 1917 г.».

возможности для экономического воздействия помещиков на крестьянство. Распределение земли было следующее [1]):

	млн. дес.	%
Крупно-помещичья собственность	75	30,4
Удельная »	6,5	2,7
Крестьянская надельная и мелкая купчая	165,2	66,9

Одна треть всей земли находилась еще в распоряжении крупного землевладения; $^2/_5$ этой площади были заняты под лесом и лишь меньшая часть остальной земли эксплоатировалась самими хозяевами, а большая сдавалась в аренду крестьянам. Собственный посев помещиков в 1916 году равнялся 7 687 тысячам десятин или около 10% всей помещичьей земли, а в аренду сдавалось больше 20 млн. десятин. Таким образом арендный фонд был в 3 раза больше помещичьих посевов. За аренду помещики ежегодно получали 450 млн. рублей. Если сюда прибавить еще 215 млн. руб. ежегодной платы за покупаемую крестьянами землю, то получается довольно значительная сумма в 665 млн. рублей [2]), которая ежегодно попадала в карманы помещиков. Крупные землевладельцы могли жить припеваючи: за продаваемую и арендную землю они получали огромный капитал.

Вместе с тем остальная часть земли с каждым годом увеличивалась в цене, обеспечивая и на будущее время большую ренту. В течение 35 лет дворяне потеряли почти половину своих земель, получив за них 1,5—2 млрд. рублей. Зато другая половина увеличилась в цене с 1 400 млн. рублей до 6,5 млрд. рублей. Непрерывный рост ценности земли, дорогая аренда являлись сильнейшим препятствием капитализации сельского хозяйства. Вместо того, чтобы итти на интенсификацию сельского хозяйства, кулацкие капиталы попадали в карман помещику, который их проматывал. Кулак и помещик были, с одной стороны, союзниками в эксплоатации крестьянства, с другой — были антиподами. Капиталистическая часть крестьянства представляла «передовой» капитализм, но его развитие натыкалось на сильнейшую преграду, на полукрепостническое землевладение, поэтому между кулацко-зажиточной частью деревни и помещиком был конфликт, носивший довольно острый характер. Дальше мы покажем, что от помещиков несравненно больше терпела середняцко-бедняцкая часть крестьянства.

Что собой представляет помещичье хозяйство, какова была его интенсивность и удельный вес сравнительно с крестьянским хозяйством? Материалы сельскохозяйственной переписи 1916 года дают возможность ответить на этот вопрос [3]). В 1916 году на долю «частных владельцев» приходилось 10,7% общей площади посева. Эта величина значительно меняется в зависимости от района. Меньше всего помещики сеяли ржи — 6,9%, исстари являвшейся крестьянским хлебом. Товарные и экспортные продукты занимали в помещичьем хозяйстве

---

[1]) «Записки института изучения России», ч. 1, стр. 9. Челинцев. «Помещичье хозяйство перед революцией».

[2]) Проф. Огановский. «Очерки по экономической географии России», ч. 1, «Сельское хозяйство», стр. 81.

[3]) Предварительные итоги всероссийской с.-х. переписи 1916 г., стр. XIII и XIV.

больше места: овес 12%, пшеница 12,4%. Очевидно, что перед империалистической войной эти продукты играли еще большую роль. В области скотоводства на долю помещиков приходилось еще меньше, чем в посевах: лошадей 6,2%, крупного рогатого скота 5,8% и мелкого всего только 5,4%. Таковы основные цифры, характеризующие удельный вес помещичьего хозяйства.

Было несколько районов, особенно насыщенных помещичьими хозяйствами, где, понятно, они играли большую роль. На первом месте стоял Прибалтийский район, где на долю помещиков приходилось почти 1/4 посевов, 17,4% лошадей, 18% крупного скота и 11,3% мелкого; второе место занимал Юго-западный, где посевная площадь поднималась даже до 27,5%, а лошадей было более 12%, и третье место занимала Малороссия с значительным посевом и незначительным превышением общей нормы по скоту.

В остальных районах, за исключением Центрального земледельческого, собственное помещичье хозяйство не играло сколько-нибудь значительной роли. Посевы помещиков были сосредоточены, во-первых, в районах торгового земледелия, во-вторых, в более черноземной полосе. «Это были районы крестьянского малоземелья», пишет А. Челинцев, следовательно, помещичьи хозяйства были обеспечены дешевой рабочей силой «весьма прочно и обильно». По данным Челинцева, помещичьи хозяйства, на долю которых приходилось 10 и более процентов всей посевной площади, находились в 15 губерниях черноземной полосы и всего только в 5 губерниях нечерноземной.

Теперь несколько слов об интенсивности помещичьего хозяйства. По урожайности на десятину оно было выше крестьянского на 20%, по товарности также: по пшенице на 55%, по ржи на 100% и по овсу и ячменю даже более чем вдвое [1]). Следовательно, в товарной части хлебов роль помещичьего хозяйства значительно поднималась: оно, по всей вероятности, давало на рынок не менее 1/4 всей товарной продукции. В области связи с рынком частновладельческое хозяйство было более денежным, более работающим на рынок, чем крестьянское. Но структура помещичьего хозяйства не многим отличалась от крестьянского: это было по преимуществу хозяйство зерновое. Лишь в области посевов сахарной свеклы да травосеяния помещичье хозяйство имело плюсы перед крестьянским. Сеяные травы занимали в крестьянском хозяйстве 1,9 %, в помещичьем — 8,9%, т. е. в 4 раза больше; технические культуры — 3,9 и 6,3%, но, за исключением сахарной свеклы, посевы конопли, льна и других технических культур были более распространены в крестьянском хозяйстве.

Если в общем сравнить крестьянское и помещичье хозяйство, то «и земледелие и животноводство у помещиков имели в среднем по России низшую по интенсивности организацию, по сравнению с крестьянским сельским хозяйством» [2]). Были лишь отдельные районы интенсивного, капиталистического помещичьего земледелия.

Теперь перейдем к рассмотрению крестьянского хозяйства.

---

[1]) «Аграрная революция», т. II, стр. 31. Статья Лященко.

[2]) «Записки института изучения России». Челинцев, стр. 55.

По исследованию проф. Першина рост участкового землевладения в России за время войны происходил так:

Годы	Устроено Хозяйств	Десятин
1913	192 988	1 833 600
1914	203 915	1 970 272
1915	173 502	1 666 875
1916	93 578	896 997

Несмотря на войну, разложение общины происходило до 1916 года почти тем же темпом, как и до войны. Всего к 1917 г. было устроено 1 300 тысяч хозяйств с 12 177 тысяч десятин, почти $^1/_{10}$ часть всех крестьянских хозяйств. Если учесть около 2 млн. хозяйств, не получивших еще документов на выход из общины на руки, то будет ясен довольно быстрый процесс разложения общины и, следовательно, значительного роста капиталистических элементов в деревне.

Столыпинская реформа имела больший успех в районах капиталистического земледелия, там община распадалась наиболее безболезненно; там же, где капитализм медленно проникал в земледелие, крестьяне цепко держались за общинные порядки. Эту зависимость успеха столыпинщины от развития капитализма можно иллюстрировать следующими данными, заимствованными у профессора Першина. В губерниях, где процент участковых хозяйств был не более 5, одна десятина земли стоила 83,6 руб., а посев интенсивных культур и пшеницы равнялся 16,5%. Совершенно иная картина в 9 других губерниях, где процент участковых хозяйств больше 20, там десятина земли стоила 147 руб., посев технических культур и пшеницы в два раза больше, чем в первых — равнялся 34,8%. Совершенно ясно, что здесь капиталистические отношения более проникли в сельское хозяйство, чем в первом районе.

За все послереформенное время эволюции сельского хозяйства России сохранилась разница между районами капиталистического земледелия и районами с преобладанием отработок. В первых районах почти $^2/_3$ крестьян укрепили в собственность свои наделы и 27,7% дворов вышли на хутора. Во вторых соответствующие цифры дают 56% и 13,9%.

Там, где преобладала отработочная система, разложение общины и насаждение кулацкого, хуторского, хозяйства совершались значительно медленнее. Несмотря на некоторый упадок сельского хозяйства в годы войны, на прекращение его связей с мировым рынком, на понижение процента товарности, усиление капиталистических элементов в деревне и разложение крестьянства шло семимильными шагами. Бедняцкие хозяйства разорялись, пролетаризировались и пауперизировались. Многие из них продавали свои укрепленные наделы или «души» кулакам и превращались в безземельных пролетариев. Параллельно с этим идет укрепление и организация зажиточной верхушки деревни, которая организуется в кооперативы, кредитные товарищества. Известно, что все эти капиталистические орга-

низации объединяли наиболее передовую, прогрессивную с точки зрения капиталистического развития, часть деревни, — кулаков и зажиточных хозяев, которые кое-что подзаработали на войне. Вот, например, цирфы роста сельскохозяйственных обществ. В 1913 году их было 1 164, в 1914 г. — 4 685. Война дала сильный толчок их росту, и в конце 1915 года сельскохозяйственных кооперативов — без кредитных товариществ — было 10 350. Одних маслодельных артелей появилось 2 700 [1]).

Так развивался «кооперированный» кулацкий капитализм. Высокие хлебные цены и возможность спекулировать сельскохозяйственными продуктами способствовали росту кулака. Но те же самые условия были чрезвычайно разорительны для бедняка, покупавшего хлеб, не имевшего инвентаря, скотины, поэтому дифференциация деревни и классовые противоречия в самом крестьянстве усилились. Увеличилась группа беспосевных и безлошадных крестьян. Статистический материал, рисующий сдвиги в крестьянском хозяйстве, чрезвычайно ограничен, но кое-какие цифры имеются.

Так по Тульской губернии процент беспосевных крестьян в 1910 — 1912 гг. был 4,2, а в 1917 г. — 6,5. В Полтавской губернии он увеличился с 5 до 18,4, т. е. более чем на 250%; в Калужской — соответствующие цифры будут 6,5 и 14,6, рост более чем в два раза [2]).

Тот же автор в другой своей работе показывает, как изменилось число хозяйств без рабочего скота. Цифры свидетельствуют о росте бедняцкой части деревни. Благодаря разорению кустарной промышленности, ухудшилось материальное положение не только бедняцкой, но и середняцкой части крестьянства. Процент хозяйств с промыслами в Тульской губернии упал с 75,4 до 32,8, уменьшение больше чем в два раза, то же самое происходило в Тверской губернии и Пензенской,— очевидно по всей России происходил тот же процесс. Благодаря росту кулацких элементов в деревне, середняцко-бедняцкие слои крестьянства несли двойную тяжесть эксплоатации — со стороны помещика и кулака. Ростовщичество, аренда за отработки, произвол помещика и материальная зависимость от кулака, — все это сплетало над крестьянством густую сеть кабальных отношений, вырваться из которой без революции было невозможно.

Особенно тяжело было положение бедняков и отчасти середняков, так как земельная теснота, в результате столыпинщины, усилилась. Переселенчество и покупка земли ни в малейшей степени не могли разрешить земельного голода. После революции 1905 года увеличилось только землевладение крестьянской буржуазии. Середняцкие хозяйства покупали землю только в отдельных, крайне немногочисленных случаях, а бедняки пролетаризировались, теряли земельные наделы. Благодаря приросту населения, размеры земельных наделов значительно уменьшились, земельная теснота выросла. Кроме того кулаки захватили лучшую часть крестьянских общинных земель.

Безвыходная нужда принуждала крестьянина соглашаться на самые кабальные условия аренды, лишь бы кое-как существовать.

---

[1]) С. Дубровский. «Очерки революции», стр. 139.

[2]) Хрящева. «Экономическое расслоение крестьянства в 1917 и 1919 гг.», стр. 7.

Борьба крестьянства за землю в военные годы ведется по двум направлениям: с одной стороны, против помещиков, с другой — против отрубников, т. е. своей крестьянской буржуазии, выходящей на отруба и хутора. Если в революцию 1905 г. кулак выступал еще в отдельных случаях организатором борьбы крестьянства против помещика, то перед Февральской революцией картина коренным образом меняется. Застрельщиком и руководителем борьбы за землю является крестьянская беднота, середняки, жены мобилизованных крестьян.

Столыпинщина провела широкий водораздел в классовой структуре деревни. Несмотря на противоречия с помещиком, кулаку было легче с ним ужиться, так как стала реальной опасностью угроза потерять ту землю, которую кулак купил или выделил из общества. Во все время войны не прекращается борьба крестьянства против кулаков, против «отрубщиков» и землеустроительной политики правительства. Например; бунт солдаток 22 апреля 1915 года в Лукояновском уезде Нижегородской губернии, охвативший несколько сел, своим острием был направлен против отрубщиков: в одном селе у них было разгромлено 16 домов, в другом — 14. В дополнение к этой расправе солдатками была отправлена телеграмма верховному главнокомандующему с протестом против выделения и укрепления земли [1]). Подобные же движения солдаток были в Харьковской губернии. В Приуральском районе и еще в ряде губерний во время войны имелись факты жестокой борьбы внутри самого крестьянства. Крестьяне протестуют, иногда с применением оружия, против землеустройства, выделов земли кулакам. Одновременно не прекращается борьба с помещиками. Решительно во всех районах России происходила эта борьба. Формы борьбы были различные, но цель одна — крестьяне стремились захватить помещичью землю, лес, луг, т. е. стремились выкурить помещика. Иногда в этой борьбе принимали участие и кулаки, но чаще всего деревня выступала и против помещика и против кулака, грабивших общину одновременно.

Классовая борьба забиралась внутрь крестьянства; таким образом столыпинщина не только усилила и развила противоречия между помещиком и большинством крестьянства, но одновременно подготовляла условия для борьбы против кулака. Последний элемент проявлялся в разных местах по-разному — в зависимости от того, как шла диференциация крестьянства и каким темпом совершалось разложение общины. Перед февралем 1917 года столыпинщина была еще далека до своего завершения, но в ходе ее все более выяснялась контр-революционная роль кулака, который от борьбы с самодержавием и помещиком все более переходил к союзу с ними, так как вопрос стоял не только о помещичьей земле, но и о кулацкой.

Финансовое положение.

Мы проследили влияние войны на различные стороны народного хозяйства России — на транспорт, сельское хозяйство, промышленность. Итог получился почти везде одинаковый: в результате войны произошло громадное падение производительных сил страны, истощение капитализма.

---

[1]) А. В. Шестаков. «Очерки по сельскому хозяйству», стр. 114.

Финансы являются составной частью экономики страны, поэтому и они не избежали общей участи. Являясь одним из наиболее чутких барометров хозяйственной жизни, они подвергались влиянию самых различных факторов, как внешних, так и внутренних. Если до войны устойчивость валюты поддерживалась займами, то разрыв экономических связей с Западом оказал сильное влияние на финансовое положение России. Однако самый основной фактор, перевернувший финансы вверх дном, заключался в том, что правительства должны были как-то финансировать войну. Самодержавие пробовало решить эту задачу исключительно путем финансовой политики, без достаточного согласования с общей системой экономических мероприятий, направленных на регулирование всего хозяйства. За такой «сепаратизм» финансовой политики правительство было жестоко наказано тем, что рост дороговизны, обесценение рубля в России были значительно больше, чем в других странах. Если подсчитать общие расходы царизма по 1 марта 1917 года, то получается громадная цифра — почти 39 млрд. рублей, из них 8,238 млрд. рублей приходится на «обыкновенные» расходы и 30,5 млрд. рублей на «военные» [1]). Какие источники были найдены финансовыми мудрецами для покрытия огромной суммы военных расходов? Часть расходов по «обыкновенному» бюджету была покрыта поступлением доходов, благодаря увеличению многих старых и введению новых налогов. Косвенные налоги за время войны колоссально выросли, но с буржуазии до Февральской революции не взяли ни копейки с ее военных прибылей. Большая часть расходов была покрыта за счет печатного станка — выпуска бумажных денег, да внешних и внутренних займов. Количество кредитных билетов в обращении увеличилось почти в 6 раз: на 1 июля 1914 года их было 1 630 млн. рублей, а на 1 марта 1917 года — 9 950 млн. рублей.

По подсчетам экономистов, царизм получил от выпуска кредитных билетов реальный доход в сумме 5 365 млн. рублей [2]). Это чрезвычайно значительная цифра. Путем выпуска бумажных денег казна отняла от населения реальных ценностей больше чем на 5 млрд. рублей. Вот один источник покрытия военных расходов.

Второй источник — внутренние займы. До Февральской революции внутри страны было реализовано шесть займов на 8 млрд. рублей. Фактически выручено было много меньше, так как это сумма номинальная, продавались же займы дешевле своего номинала. Кроме того значительная часть их осталась на руках банков и правительства. С займами правительство «блестяще провалилось». Так оценивает их результаты известный финансист Гурьев. Последний заем перед революцией был в 3 млрд. рублей. Синдикат банков взялся реализовать из него на 1 800 млн. рублей. Наличными по подписке удалось собрать всего только 225 млн. рублей. Поэтому после выпуска каждого займа приходилось выбрасывать значительную дозу бумажных денег.

---

[1]) Сумма расходов на войну исчислена нами по материалам архива Наркомфина, где хранятся документы Комитета финансов, II отд., I стол Особенной канцелярии по кредитной части. Сумма расходов по «обыкновенному» бюджету исчислена по работе Дементьева. См. «Очерки по истории Октябрьской революции», т. I, стр. 43.

[2]) «Наше денежное обращение 1914—1925 гг.». Редакция Юровского, стр. 9.

Рабочие и крестьяне не хотели подписываться на займы. Об этом имеются красочные документы. Например, кадет Шингарев рассказывает, как его встретили рабочие одного завода в Петербурге, куда он явился пропагандировать заем. Вместо подписки на заем рабочие спрашивали: «а где наши депутаты?» и протестовали против агитации за заем.

Следствием такой финансовой политики явилось значительное обесценение бумажных денег и невиданный в других странах рост цен.

Соотношение между ростом цен и ростом эмиссии было следующее [1]):

	Количество обращающихся денежных знаков всех видов	Рост обращ. ден. знак. по сравн. с 1-й полов. 1914 г.	Рост товарных цен по сравнен. с 1-й полов. 1914 г.	Товарн. цены растут быстрее или медленнее денежн. знаков и во сколько раз
1914 г. 1-е полуг. . .	2 370 млн. руб.	1	1	—
1915 » 2-е » . .	4 724 » »	1,99	1,41	—1,41
1916 » 2-е » . .	7 972 » »	3,36	3,98	+1,18
1917 » 1-е » . .	11 229 » »	4,73	7,02	+1,49

До конца 2-го полугодия 1915 года рост денежных знаков происходил быстрее, чем рост товарных цен, а потом процесс совершался в обратном направлении: рост дороговизны обгоняет темп прироста денежной массы и в первое полугодие 1917 года эта разница достигает значительных размеров — 1,49%.

Бросается в глаза незначительное «внешнее» обесценение рубля в иностранной валюте сравнительно с внутренним. В январе 1917 года рубль стоил в переводе на золото 56 коп., а к Февральской революции стоил только 50 коп., золотом, в Париже — еще выше. Курс рубля больше всего обесценился в первое время войны, так как и расчетный и торговый балансы сразу стали складываться не в пользу России. Потом курс удалось стабилизовать, благодаря финансовой помощи, которую оказали для этой цели союзники.

Вследствие обилия выпущенных бумажек увеличились вклады в кредитных учреждениях: сберегательных кассах и акционерных банках.

Вклады в сберегательных кассах на 1 января 1914 года была 2 034 млн. руб., а на 1 января 1917 года уже 5 225,3 млн. рублей.

Такой рост накоплений некоторые экономисты истолковывали как улучшение положения деревни. Между тем рост бумажек вовсе не означал роста материальных ценностей — это был рост фиктивного капитала, реальная ценность которого была значительно меньше довоенной. Несомненно у кулацких слоев деревни денежные накопления увеличились, но положение трудящихся слоев города и деревни в связи с дороговизной, бестоварьем и бешабашной спекуляцией значительно ухудшилось: они выносили всю тяжесть войны на своих плечах. Сокращение потребления, достигавшее по расчетам Прокоповича

[1]) Проф. Каценеленбаум. «Денежное обращение в России», стр. 72. Повышение товарных цен, исчисленное проф. Каценеленбаумом, мы считаем преувеличенным для 2-го полуг. 1916 года и первой половины 1917 года. Другие данные устанавливают высоту товарного индекса за январь 1917 года в 3, а за март — 3,3.

более 50%, в первую очередь задевало рабочих, широкие слои крестьянства и большую часть служилого элемента. Городская буржуазия, спекулянты, наживавшиеся на войне, могли не стеснять себя и жили не хуже, чем до войны.

Существенна еще одна важная деталь нашей финансовой политики, которой мы не касались — это финансовые отношения России с союзниками. Царизм и до войны получал большие кредиты, главным образом от Парижской биржи — это имело свой смысл и свои причины. Во время войны надо было платить долги, проценты и делать новые заказы. За «свой» счет, т. е. на средства, которые можно получить внутри страны, царизм более одного года вести войны не мог. Это хорошо понимали и союзники, открывшие довольно значительные кредиты. Следовательно, царское правительство воевало в значительной мере за счет союзников. Франция и особенно Англия открыли большие кредиты. Французские кредиты не играли особенно большой, существенной роли с точки зрения войны, так как они шли больше всего для покрытия процентов по старым долгам.

Зато Франция ничего и не требовала взамен, кроме пушечного мяса. Попытка с поставкой пшеницы и прочие разговоры о сырьевой гарантии не имели большого практического значения. Англия же старалась вытянуть все, что можно — и в первую очередь золотые запасы, как гарантию по кредитам. Всего за время войны до Февральской революции нами отправлено в Англию 649,2 млн. рублей золотом. На почве высылки золота в сентябре 1916 года произошел скандал между русским и английским правительствами. Последнее соглашалось впредь отпускать кредиты по 25 млн. фун. стерл. в месяц, т. е. около 250 млн. руб., если Россия вышлет еще порцию золота в 600 млн. руб. Совет министров заупрямился: высылка такой суммы золота означала полнейшую зависимость от Англии. Подвалы Госбанка совсем остались бы пустые. В течение почти 3 месяцев тянулись переговоры, договор не подписывался. Под нажимом военного министра пришлось пойти на компромисс: Совет министров согласился выслать 200 млн. рублей, и Россия продолжала получать паек от своего хозяина.

«Союзники» давали кредит России на ужаснейших условиях: английское и французское правительства не только устанавливали объем кредита, но и порядок его расходования. С царским правительством обращались как с вассалом. Министры царя хорошо понимали свое положение, но некуда было податься. Летом 1916 года, когда начались переговоры о новом кредите, закончившиеся только осенью, Барк — царский министр финансов — сделал попытку опереться на Америку, чтобы несколько освободиться от финансовой зависимости своих союзников. По этому поводу он писал в комитет финансов:

«Кредит России у одних только союзных держав становится все более затруднительным, и полнейшая наша финансовая зависимость от союзников является чрезвычайно тяжелой». Далее Барк предлагает, «хотя бы ценой известных жертв» получить деньги в Америке у одного из могущественнейших синдикатов. В общем этот маневр кое-что дал, но он не освободил царское правительство от финансового господства Англии. Англия открыла кредит до Февральской революции в размере 4,5 млрд. рублей. За полмесяца до Февраля перерасход по английским кредитам выражался в 582 млн. рублей. По французским

кредитам было получено 1 350 млн. рублей (вперед до 1 февраля 1918 г.), из них оставалось неизрасходовано только 133 млн. рублей. Если учесть ряд других ссуд и кредитов, полученных правительством, то общая сумма англо-французских кредитов достигнет 7 млрд. золотых рублей.

Американцы совсем неохотно субсидировали русское правительство. Несколько сделок, устроенных с Морганом, дали всего лишь около 250 млн. рублей, а величина заказов в Америке к 1 апреля 1917 года (нов. ст.) выражалась в солидной цифре 1 967,3 млн. рублей.

С японскими банками финансовые отношения завязались еще в 1915 году и на выгодных для России условиях. Но объем сделок не был велик. Чем ближе к Февральской революции, тем более отношение японских кругов делается недоверчивым. В 1916 году японское правительство потребовало золотой гарантии займа или «поручительства со стороны Англии или Франции». Поэтому пришлось «откупаться» повышенным процентом по займу, а последний заем, в 100 млн. иен, о котором переговоры велись еще до революции, японцы отказались подписать «впредь до выяснения политического положения в России». Даже «союзники» начинали отказывать Николаю II в кредите. Всего кредитов получено было в Японии около 200 млн. иен.

Общий итог заграничных расходов и кредитов такой: 1 200 млн. золотом, это те средства, которые были за границей на текущем счету до войны, и экспортированное во время войны в Англию золото; 7 300 млн. рублей новых долгов, взамен которых царизм получил пушки, снаряды, винтовки, станки и сырые материалы. Этот материально-технический костяк позволил продержаться царскому правительству против немцев еще почти 2 года, а рабочие и крестьяне России заплатили за эти долги несколькими миллионами человеческих жизней. Общая величина государственного долга за $2^1/_2$ года войны (к 1 января 1917 г.) увеличилась в 4 раза:

К 1 января 1914 г.	. . . . .	8 824 5 млн. руб.
» 1 » 1917 »	. . . . .	33 580 » »

Одни проценты по займам должны были поглощать не менее половины довоенного бюджета. Октябрьская революция освободила трудящихся Советского Союза от этого дополнительного гнета империалистической войны.

б) РАБОЧИЙ КЛАСС В ГОДЫ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ.

Рабочее движение в момент объявления войны.

Рабочее движение России накануне империалистической войны переживало фазу высшего подъема, начало которого относится ко времени Ленского расстрела. Годы промышленного расцвета в промышленности принесли с собой и подъем рабочего движения. Стачечная волна подымалась с каждым годом все выше и выше. Царское правительство вместе с союзниками деятельно готовилось к войне, в то время как у него в тылу было далеко не все спокойно. Рабочие забастовки вышли за рамки экономической борьбы и все более приобретали политический характер. 1914 год начался политической забастовкой по случаю 9 января, охватившей в одном Петрограде более 100 тысяч рабочих. Первомайская

забастовка встряхнула уже 300-тысячную массу пролетариата. Пролетариат оправляется от поражения в революции 1905 года и наступает на царизм, борясь одновременно за улучшение своего экономического положения. Летом 1914 года стачечная борьба пролетариата захватывает всю Россию. В Питере предприниматели объявили локаут 70 тысячам пролетариев. Чувствуя, что в воздухе пахнет революцией, правительство настояло на отмене локаута. Июльские забастовки охватывали почти все промышленные предприятия Питера. По сообщениям правительства, в движение было втянуто до 117 тысяч человек, а по сообщению Шляпникова еще больше: «число стачечников достигало 300 тысяч человек». Во время приезда Пуанкаре в Петроград дело доходило до баррикад и до стычек с полицией. Рабочее движение в Москве имело в июле также ярко политический характер: 60 тысяч политических забастовщиков, и только 10 тысяч бастовало по экономическим причинам.

Политическая борьба в столицах поддерживалась экономическим движением пролетариата в текстильном районе, движением металлистов в Сормове и Нижнем, забастовками в Брянской губернии. Наконец грандиозная борьба происходила в центре нефтяной промышленности — в Баку, где в течение нескольких месяцев тянулась всеобщая забастовка бакинского пролетариата, боровшегося за улучшение своего материального положения. После 1905 года революционная энергия русского рабочего никогда не билась так сильно, как в месяцы, предшествующие мировой войне. Около 300 тыс. человек бастовало по экономическим причинам и более 1 млн. — по политическим. Главное острие рабочего движения было направлено против царизма, и кто знает, не думало ли царское правительство своей политикой, провоцировавшей войну, положить конец этой борьбе. Ведь желал же Плеве в свое время небольшой победоносной войны. Война и еврейский погром всегда являлись отдушиной, в которую правительство старалось выпустить революционные пары. Как бы там ни было объявление войны подорвало революционную борьбу пролетариата. Стачечное движение почти совсем прекратилось до 1915 года. С августа 1914 года до конца года была 41 забастовка с небольшим количеством участников. Путем мобилизации, террора и разгрома партийных организаций, запрещения рабочей печати, ареста рабочих депутатов Думы — большевиков, правительство еще раз справилось с «гидрой революции». Наиболее активная часть рабочего класса сразу была вырвана и отправлена на позиции. За первой мобилизацией последовали другие, которые произвели значительные опустошения в рядах пролетариата.

«От тисков и станков было взято до 40% рабочих. Пустотой и унылостью повеяло повсюду» [1]), пишет Шляпников про первую мобилизацию. Среди мобилизованных рабочих охранка отмечает революционное настроение. «Рабочий фабрики Ралле Белов выразил надежду, — пишет охранник, — что война приведет к революции, так как солдатам все равно где умирать, идея войны им чужда, а революция близка» [2]). Таких примеров из мемуаров и документов охранки можно привести довольно много. Среди рабочего класса

[1]) Шляпников. «1917 год», ч. 1, стр. 20.

[2]) Цитирую по Пионтковскому — «История рабочего движения в России», стр. 225.

России с самого начала войны было сильно представлено течение, которое войну не «принимало», отношение к ней у них было отрицательное.

Рабочие считали, что война ведется в интересах помещиков и буржуазии и что она неминуемо вызовет революцию. Такие настроения были у передовой, политически наиболее развитой, части рабочего класса, прошедшей правдистскую школу. Благодаря работе большевиков, это пораженческо-революционное течение вскоре завоевало большинство передовой части пролетарского авангарда.

«Факты говорят, — пишет Ленин, — что первые уже месяцы после войны сознательный авангард рабочих России на деле сплотился вокруг ЦК и ЦО. Как бы ни был неприятен тем или иным «фракциям» этот факт, — он неопровержим... Правдистские газеты и работа «Мурановского типа» создали единство $^4/_5$ сознательных рабочих России» [1]).

Однако война не могла не вызвать известной растерянности в среде рабочего класса и проявления оппортунизма: социал-шовинизма, оборончества и даже патриотических настроений в среде менее сознательных рабочих.

Измена международной социал-демократии и открытый переход ликвидаторов на сторону буржуазии оказали сильное влияние на настроение рабочих. Шовинистическое и патриотическое настроения охватили поголовно всю буржуазию и часть интеллигенции. Социал-шовинисты способствовали их распространению и на некоторые слои рабочих. Полиция и администрация предприятий потворствовали таким настроениям.

«Этим и объясняется отчасти, например, — пишет К. Сидоров, — что старая цитадель революционного движения — паровозостроительный завод в Харькове — находился недолгое время под влиянием группы рабочего Наливайко из «Союза русского народа» [2]).

Рабочие мелких предприятий и мастерских в Москве принимали участие даже в патриотической манифестации. Конечно такие явления были исключением, но в отдельных местах они в начале войны происходили. Постепенно рабочие все более размежевывались между двумя течениями: большевистским — пораженческим — и ликвидаторско-оборонческим. Но прежде чем перейти к изложению этой темы, необходимо осветить вопрос о материальном положении рабочих во время войны и проследить те громадные изменения, которые война вызвала в самом рабочем классе, благодаря мобилизациям и изменению самого характера производства в связи с колоссальным развитием продукции средств разрушения.

Влияние войны на состав пролетариата и условия труда.

Численный состав индустриального пролетариата вместе с горнорабочими и железнодорожниками достигал к началу войны по меньшей мере $3^1/_2$ млн. человек. Только в предприятиях, подчиненных надзору фабричной инспекции, то есть без горнорабочих и железнодорожников, к началу 1914 года насчитывалось в производстве 2 320 тыс. человек. В первые же месяцы войны, благодаря потере части территории в Варшавском округе, рабочая армия сократи-

[1]) Ленин, т. XIII, стр. 56, 57.

[2]) «Очерки по истории Октябрьской революции», т. I, стр. 199.

лась тысяч на 350 [1]). Если мы учтем еще мобилизации, то состав рабочего класса в значительной мере обновился в первый же год войны. Были втянуты в производство резервы из числа безработных и значительный слой новых рабочих, не бывших ранее в производстве.

Если ограничиться только предприятиями, подчиненными фабричной инспекции в районе Европейской России и без Польши, то в течение 1914 и 1915 гг. произошло общее сокращение рабочих на 1,5%. Таким образом в основных районах индустрии количество рабочих до начала 1916 г. не увеличивалось. С середины 1915 года начинается мобилизация промышленности, ее перестройка и приспособление индустрии к военным потребностям.

Под влиянием широкого развития работ на оборону и падения производительности труда в 1916 году происходит значительный рост занятых в производстве рабочих. В общем по данным фабричной инспекции к 1 января 1917 года численный состав рабочего класса увеличивается на 8,6%, а по данным ЦСУ еще более — на 13%. В отрасли добычи металла рост занятых рабочих достигает 40%, а в каменноугольной промышленности количество рабочих увеличилось к 1 марта 1917 года на 73%. По сравнительно точным подсчетам Воробьева, общий рост числа рабочих к началу 1917 года достигает также 13%. Следовательно, несмотря на потерю части пролетариата в занятых неприятелем областях, общее число рабочих в промышленности значительно увеличилось и достигло почти 3 млн. человек без железнодорожников.

Чрезвычайно характерно распределение рабочих по отраслям производства. Из главы о положении промышленности во время войны мы знаем, что развивались лишь производства, работавшие предметы военного снаряжения: пушки, винтовки, снаряды и взрывчатые вещества, другими словами, все виды металлообрабатывающей промышленности и химии. По сведениям Совещания по обороне, полученным от заводских совещаний, только в 4 698 крупнейших предприятиях, плюс казенные заводы, насчитывалось 2 666 тыс. человек рабочих. Здесь были представлены очевидно все предприятия, прямо или косвенно связанные с работой на оборону. Из этого числа на металлургическую промышленность, электротехнику, казенные заводы и обработку металлов приходится около 1,5 млн. человек. Следовательно, *число металлистов в общей массе русского пролетариата, а соответственно с этим и в революционной борьбе значительно выросло. На их долю приходилось более 50% всего индустриального пролетариата России.* Вторым по численности слоем рабочих являлись текстили,— более 700 тысяч человек. Потом идут горнорабочие, а за ними химики, насчитывающие значительную армию рабочих в 122 тыс. человек. Химическая промышленность выросла за время войны раза в 4—5. Остальные категории пролетариата были сравнительно малочисленны, чем и определялась их скромная роль в революционной борьбе.

Еще до войны столичные города, как Москва и Петербург, являлись главными центрами рабочего класса и индустрии. Поэтому они играли решаю-

[1]) Свод отчетов фабричной инспекции за 1914 год.

щую роль в классовых боях с царизмом и буржуазией. Во время войны, в связи с развитием металлообрабатывающей промышленности, численный состав пролетариата столиц еще более увеличился, в Петрограде, главным образом, за счет металлистов. Численный состав рабочих Петроградского района за время войны увеличился на 152 тыс. человек — с 278 до 430 тыс. человек, почти исключительно (148 тыс. человек) за счет металлистов [1]). На 17 крупнейших заводах-гигантах было сосредоточено 165 тыс. рабочих. Такая концентрация пролетариата облегчала борьбу с буржуазией, обеспечивая товарищескую солидарность и поддержку рабочих других предприятий.

Несмотря на численный рост пролетариата, к Февральской революции произошло значительное снижение его квалификации и чистоты, благодаря изменению социального и полового состава. Начиная с 1915 года в промышленности стали широко практиковаться отсрочки. К сентябрю 1915 г. ими пользовалось около 300 тыс. человек рабочих, но значительная часть рабочих отсрочек не получила и была мобилизована; им не удалось вернуться обратно из армии. Квалифицированных рабочих заменяли чернорабочие, женщины, дети, подростки и пленные. Число мужчин в промышленности уменьшилось на 10%. Женщины ранее составляли лишь 31,2% всех рабочих, а к 1 января 1917 года — 41%. Таким образом предприниматели увеличили эксплоатацию более дешевого женского труда. Они добились отмены всех существовавших законодательных ограничений по применению женского и детского труда, который стал применяться и для подземных и ночных работ. В отрасли обработки металлов применение женского труда выросло на 400%. Однако широкое применение женского труда не покрывало всей потребности в рабочей силе. Промышленность нуждалась в рабочих руках: на Урале в 1915 году недостаток рабочих достигал 30% общего состава рабочих. Рынок труда был исчерпан, спрос на квалифицированную силу на много превосходил предложение. На биржах труда увеличилось предложение подростков и пожилых рабочих. На Морозовской бирже труда предложение подростков до 17 лет возросло в 3 раза, пожилых рабочих свыше 40 лет — более чем в два раза, но это были в большинстве малоквалифицированные рабочие. Высококвалифицированных рабочих фабриканты искали повсюду и принимали на хорошее жалованье. Отчасти поэтому рабочие переходили с одного места на другое, в поисках лучшей оплаты, вследствие чего рабочий состав предприятий характеризуется необычной текучестью. Крупнейшие предприятия Урала за $1^1/_2$ года войны $1^1/_2$ раза обновили свой состав, рассчитав 141,8% рабочих. То же самое происходило и в Петрограде, на Путиловском заводе.

В Центральном промышленном районе и в Петрограде половой и национальный состав рабочих изменился меньше, чем на юге, в горных предприятиях, и на Урале. Там значительную роль играли пленные, китайцы, персы и женщины. На заводах Петрограда и Москвы роль пленных была незначительна, потому что в этих районах осело довольно значительное количество квалифицированного пролетариата из эвакуированных районов.

---

[1]) «Известия Особого совещания по топливу» № 7. И. Росселевич. «К характеристике промышленности Петроградского района».

Иное дело на юге. Там на металлургических заводах процент пленных доходил до 33% всего числа русских рабочих. В каменноугольной промышленности в сентябре 1916 года было занято 51,5 тыс. человек пленных [1]), что составляло около 1/4 русских рабочих. Крупнейшие заводчики Урала эксплоатировали еще более труд пленных, чем иностранные капиталисты в Донбассе. В октябре 1916 года в 19 крупнейших предприятиях Урала «с общим числом рабочих в 161,1 тыс. человек было 47,2 тыс. военнопленных, что дает около 42% всего количества русских и китайских рабочих» [2]), а по отношению только к русским рабочим процент повышается до 44. Такой разжиженный состав пролетариата страшно затруднял как экономическую, так и политическую борьбу. Бэльшой процент пленных, китайцев, женщин и детей в предприятиях горной и горнозаводской промышленности объясняет, почему там в течение всего 1916 года не было ни одной политической забастовки, а в 1915 году было всего две — с незначительным числом участников в 2 634 человека. Несмотря на скверные материальные условия, экономическая борьба в этих отраслях также развивалась слабо и усилилась только в 1916 году, когда условия существования рабочих сделались абсолютно невыносимыми. В нефтяной и сахарной промышленности процент применяемого труда военнопленных был также очень велик. Следовательно, за время войны произошло в отдельных районах значительное разводнение пролетариата, благодаря применению труда китайцев, пленных, женщин, детей и втягиванию нового слоя рабочих из деревни. Вести работу среди них и организовать для борьбы эти новые слои рабочих, находящихся в большинстве случаев под надзором военных властей, было очень трудно.

В общем не будет преувеличением, если мы скажем, что пролетариат за время войны обновился процентов на 50. Были втянуты в производство не только сколько-нибудь квалифицированные рабочие из резервной армии труда, но значительный слой крестьянства, городской и сельской буржуазии, которые шли на фабрику, чтобы избавиться от окопов и призыва на военную службу. Чем более практиковались отсрочки, тем все многочисленнее становился слой укрывающихся от военной службы, «рабочих» по необходимости. В горнопромышленных предприятиях в конце 1916 года процент получивших отсрочки доходил до 45 [3]). По сведениям московского заводского совещания, из 343 тыс. рабочих мужчин получило отсрочку 138 тыс. человек. По отдельным производствам процент «отсрочников» колебался от 27 — текстильные предприятия и частично работавшие на оборону, в металлургии поднимался до 40, в химической промышленности доходил до 45, а в механических и снарядных производствах даже до 61,2 [4]). Конечно, этими отсрочками пользовались в первую очередь старые квалифицированные рабочие, связанные с производством десятилетиями предыдущей работы в промышленности, но все чаще можно было встретить даже на квалифицированной работе таких людей, которым, по воспоминаниям т. Воробьева,

[1]) «Изв. ЦВПК» № 189, от 10 января 1917 года.

[2]) Там же.

[3]) Там же, № 173.

[4]) «Россия в мировой войне», стр. 75.

«до войны и не снилось, что они когда-либо будут работать у станка. Например, одно время моим соседом по станку был рыжий широкомордый и брюхатый детина Бызунов. При ближайшем рассмотрении он оказался лавочником из одного близлежащего села» [1]).

Конечно, эти мелкобуржуазные элементы не изменили общего лица русского пролетариата. Руководящую роль в рабочем движении попрежнему играли старые рабочие, прошедшие правдистскую школу, но вновь пришедшие увеличивали инертные, политически малоактивные, слои пролетариата. Дорожа своей шкурой и боясь быть отданными в солдаты, они всячески тормозили стачечную борьбу. Правительство очень широко пользовалось правом отдавать

в солдаты каждого «бунтовщика», проделывая этот эксперимент не только с одиночками, но иногда отдавали в солдаты «бунтовавших» рабочих всего завода. Поэтому скрывающиеся обычно сидели очень смирно на своих местах. Политически же наиболее активная часть их поставляла сторонников Гвоздеву и социал-оборонцам.

Общее правовое положение и условия труда рабочих значительно ухудшились. Рабочих-«бунтовщиков» сдавали в солдаты, увеличились сверхурочные работы, ухудшились условия труда. Сдельщина и сверхурочные работы удваивали продолжительность рабочего дня.

---

[1]) Воспоминания Воробьева, цитирую по Пионтковскому — «История рабочего движения».

Фабриканты добивались работы круглые сутки, отмены праздничных дней. Женщины и дети должны были работать наравне с мужчинами. Условия труда все ухудшались, в помещениях была скученность, росло количество несчастных случаев и заболеваемость рабочих. Война превратила рабочих в бесправных рабов капитала, которые увеличивали богатство своих господ.

Кое-где рабочим удалось добиться осуществления закона 1903 года о фабричных старостах, но далее этого дело не пошло. Положение рабочих значительно ухудшилось по сравнению даже с довоенным временем. Рабочие организации были все разбиты, печать задавлена, а рабочие депутаты сосланы в Сибирь. Царизм допускал неприкосновенность «народных» представителей не для рабочего класса и постарался поскорее с ними рассчитаться. Проект 1915 г. о милитаризации рабочих должен был еще больше ограничивать права рабочих.

Посредством этого проекта правительство старалось добиться прекращения забастовочного движения и увеличить производительность труда. Но буржуазия высказалась против него, так как он увеличивал правительственный контроль над промышленностью, и проект не получил осуществления. Позднее к нему несколько раз возвращались, но всегда встречали отрицательное отношение со стороны буржуазии, и дело откладывалось.

У Палеолога сохранилась интересная запись разговора «социалиста» Тома с реакционным министром царского правительства Штюрмером на эту тему: «Заводы ваши работают недостаточно напряженно, — говорит Альберт Тома; — они могли бы производить в 10 раз больше. Нужно было бы милитаризовать рабочих.— Милитаризовать наших рабочих? — восклицает Штюрмер.— Да в таком случае вся Дума поднялась бы против нас...» [1]). «Вся Дума» для Штюрмера почти равнялась «вся буржуазия», а с ней правительство еще не хотело окончательно ссориться.

Часть буржуазии, главным образом Московского района, под руководством Коновалова и других «деятелей» военно-промышленных комитетов попробовала было сыграть в либерализм в рабочем вопросе. Она открыла кампанию за свободу профессионального объединения рабочих, за легальные профсоюзы, биржи труда, примирительные камеры, надеясь опереться на эти оранизации для борьбы со стачечным движением и царизмом. Передовая часть буржуазии из опыта Европы видела, что профсоюзы помогают осуществить сотрудничество пролетариата с буржуазией, особенно если ими руководят реформисты и попробовала путем «европеизации» формы рабочего движения обеспечить социальный мир в промышленности. Но эта попытка показалась довольно смелой не только для самодержавия, но и для большинства буржуазии. За пределы разговоров на эту тему, докладных записок да газетных статей дело не пошло.

Экономическое положение рабочих.

Выше мы показали картину хозяйственного положения России: кризис промышленности, бестоварье, отсутствие продовольствия и рост дороговизны. Кризис народного хозяйства определял, конечно, и условия материального положения пролетариата.

[1]) Палеолог. «Царская Россия накануне революции», стр. 121.

Благодаря дороговизне заработная плата рабочих отставала от роста цен на товары; уровень жизни рабочих понижался, потребление сокращалось.

Важными причинами военной дороговизны является обесценение бумажных денег и недостаток промышленных товаров. По расчетам Прокоповича, лишь благодаря выпуску бумажных денег цены на товары должны были вырасти в первый год войны на 31%, во второй—на 85% и в третий год на 145%. К этой основной причине прибавлялись еще другие: транспортные затруднения, недостаток товара и бешеная спекуляция. Все эти причины, действуя в сторону повышения цен, обостряли дороговизну. Промышленники наживались на военных заказах, банки — на спекуляции, на кредитовании и гарантиях военных заказов. Спекулятивная волна поднялась настолько высоко, что сделалась предметом переписки между генералом Рузским и председателем Совета министров. В своем письме Рузский писал: «Банки, крупные и мелкие спекулянты бесконтрольно спекулируют во-всю». А что получал рабочий класс? Он должен был нести выросшее бремя налогов, которые увеличивались с каждым днем, покупать по спекулятивным ценам продовольствие, работать изо всех сил на пользу помещиков, предпринимателей и спекулянтов. На основании документов можно доказать, что заработок рабочего класса в целом в связи с войной снизился. В первые месяцы войны происходит повсеместное снижение заработной платы, между тем как цены на продовольствие к концу 1914 года возросли на 25%, а на остальные товары — на 11%. За то же самое время мы имеем следующее движение заработной платы в Московском районе [1]):

Годы	Все производства		Металлисты		Текстильщики	
	Руб.	%	Руб.	%	Руб.	%
1913	218	100	374	100	210	100
1914	221	101,3	324	74	202	96
1915	248	113	445	116	221	105

По всем производствам заработок поднялся в 1914 году на 1,3%, а у металлистов и текстильщиков значительно сократился, упала даже номинальная заработная плата. Только в 1915 году заработок всех рабочих достиг уровня роста цен конца 1914 года.

В первый год войны больше всего вздорожали предметы продовольствия. За второй год войны повышение цен совершается в обратном порядке: цены на промышленные товары растут быстрее, чем на предметы продовольствия. Первые выросли на 145%, а вторые — только на 122%. В общем к лету 1916 года происходит выравнивание цен на промышленные и продовольственные товары. Если цены 1913/14 г. принять за 100, то к июню 1916 г. мы получим следующее возрастание цен:

6 хлебных продуктов	189
12 других	195
18 всех продуктов	194

[1]) «Статистика труда» № 5—7, 1919 г.

Таким образом к концу второго года войны цены почти удвоились, а повышение заработной платы рабочих значительно отставало.

Заработная плата рабочих в предприятиях, подчиненных фабричной инспекции, за 1915 год увеличилась в следующем размере [1]):

	Проценты
Обработка хлопка	10,9
» шерсти	3,9
» шелка	31,5
Бумажное и полиграфическое	10,6
Механическая обработка дерева	31
Обработка металлов	22,1
» минеральных веществ	5,3
» животных продуктов	21,6
» пищевых	7,2 и т. д.

Во всех остальных производствах заработная плата повысилась меньше чем на 10%. За исключением 3—4 производств, где имеется значительный рост заработной платы, во всех остальных производствах ее прирост был мизерным, а бюджетный индекс за это время увеличился процентов на 30—40. В 1916 году дороговизна нарастает еще более быстрым темпом, чем ранее. Если принять московские цены в январе 1916 г. за 100, то через год, т. е. в январе 1917 года, они выразятся в следующем:

Хлеб печеный	141
Мясо	249
Мясные изделия	252
Рыба	208
Овощи	328
Молоко	191
Молочные продукты	238 и т. д.

За исключением хлеба все остальные продукты вздорожали на 100 и даже более 200% в течение одного года. Если взять промышленные изделия, то рост цен будет еще значительнее. Общее движение бюджетного индекса по Москве и России будет такое [2]): на 1 января 1916 года по Москве и России 1,43.

	Россия	Москва
1 июня 1916 г.	1,79	1,80
1 августа » »	2,11	2,14
1 октября » »	2,35	2,40
1 декабря » »	2,75	2,83
1 января 1917 г.	2,94	3,06
1 марта » »	3,15	3,58

Эта таблица чрезвычайно любопытна. Она показывает, во-первых, что дороговизна в Москве, а следовательно и других крупных промышленных центрах, росла значительно быстрее, чем по остальной России, с лета 1916 года, когда особенно ухудшилось дело со снабжением продовольствием городов.

---

[1]) Отчет отдела промышленности за 1915 год.

[2]) «Наемный труд в России», ч. 1, стр. 52.

Осенью 1916 года дело с продовольствием Москвы еще ухудшается, поэтому дороговизна начинает нарастать особенно быстро. В это время развивается сильная волна стачечного экономического движения, так как заработная плата отставала от роста дороговизны. За последние 7 месяцев перед революцией дороговизна росла и по Москве и по всей России еще быстрее, чем за предшествующее время. В общем цены в течение только 1916 года поднялись более чем на 100%. Как же росла заработная плата рабочих? [1])

	Июнь 1914 г.		Июнь 1916 г.		Прирост в %
	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.	
Заработок текстильных рабочих в среднем	—	80	1	29	60
Заработок металлиста	1	85	3	50	94
» химика	1	12	2	17	94
» в пищ. и вкусов. пром. . . .	—	88	1	54	75

Только у металлистов и химиков заработная плата к лету 1916 г. увеличилась в соответствии с ростом дороговизны, в остальных производствах она была ниже. Меньше других, конечно, получали текстили, у которых рост номинальной заработной платы отставал на 25% от роста цен.

Во время войны значительно увеличилась разница в оплате квалифицированных и чернорабочих, снизилась оплата женского и детского труда. Тов. Граве неправа в своем утверждении, будто положение квалифицированных рабочих ухудшилось сравнительно с чернорабочими. Получилось наоборот: слой хорошо оплачиваемых рабочих значительно расширился. Небольшая привилегированная прослойка рабочего класса значительно выросла. На некоторых заводах этот слой увеличился во много раз, особенно у металлистов, химиков. Плохо оплачиваемая часть рабочих (с заработком до 1 р. 50 к.), несмотря на дороговизну и падение ценности денег, сократилась незначительно. Только у металлистов эта категория рабочих уменьшилась до 20%, у текстилей $^3/_4$ всех рабочих получали не свыше 1 р. 50 к. в день, в полиграфическом производстве более 50%, в предприятиях по обработке минеральных веществ 60%, в нефтяной промышленности 67% и т. д. Некоторый численный рост верхушки рабочего класса усиливал социал-патриотические настроения во время войны. В сентябре 1916 г. по трем заводам заработок квалифицированных рабочих колебался от 10 до 13 рублей в день; у Эриксона 43% рабочих получали от 4 до 7 руб. в день, а 17% — от 7 до 12 рублей. У Леснера заработок квалифицированного рабочего был от 150 до 200 руб. в месяц. Но если перейти к московскому текстильному округу, то картина экономического положения рабочего класса получится очень тяжелая. Несмотря на потогонную систему работы, на сверхурочные, на увеличение числа рабочих дней в году, заработная

плата рабочих оставалась очень низкой. Министр промышленности князь Шаховской отмечал в 1915 году непомерно низкий уровень заработной платы у донецких шахтеров; военный министр Поливанов в июле 1916 года «признал очень низкими расценки на патронном и паровозостроительном заводах в Луганске, тоже и на Донецко-юрьевском металлическом заводе при ст. Алчевской» [1]). Жандармский полковник Долгов следующими красками рисует положение рабочих Брянской губ.:

«положение значительной части мастеровых, не говоря уже о рабочих, действительно тяжелое как в материальном отношении, так и по условиям отпуска им из заводских лавок необходимых предметов потребления, а равно и по санитарным гигиеническим условиям работы на заводе и жизни в заводском поселке. Так у многих мастеровых в расчетных книжках значится заработок в 4 и более рублей в день, тогда как на самом деле их месячная получка не превышает 50 руб. Директор завода в личном разговоре со мной не отвергал этого положения» [2]).

Если жандарм рисует положение рабочих такими мрачными красками, то в действительности оно было вероятно еще хуже. Система штрафов, отпуск товаров из фабричной лавки, чем особенно прославилась русская буржуазия в период 70-х и 80-х гг., во всей красе дожили и сохранились до империализма и были уничтожены лишь Октябрьской революцией.

Приведем еще несколько примеров, показывающих, как изменялась заработная плата рабочих. Возьмем Прохоровскую мануфактуру в Москве за май 1916 г. — март 1917 г.: за указанный промежуток времени заработок рабочего увеличился на ситцевой фабрике на 10%, в прядильном отделении—на 38%, в ткацком—на 30%, швейном—около 28%. Товарный индекс вырос за это время процентов на 100. Таким образом дороговизна одинаково задевала всех рабочих текстильного производства. Теперь перейдем к рабочим-нефтяникам. Заработная плата рабочих нефтяных промыслов Нобеля вместе с наградными и премиальными увеличилась за время войны всего процентов на 50—60. Так как рост дороговизны на предметы продовольствия и снабжения далеко опередил рост заработной платы, то за месяц до Февральской революции рабочие забастовали, предъявив требования об увеличении заработной платы от 25 до 100%. По Донбассу имеются данные относительно Общества южно-русской каменноугольной промышленности. Эти данные были, вероятно, характерными для всей каменноугольной промышленности в целом. Заработная плата рабочих к 1 марта 1916 г. увеличилась в среднем на 36,7%. Большинство рабочих получило увеличение заработка от 20 до 40%. На 50% и больше заработная плата увеличилась лишь у 4 групп рабочих, которые имели раньше совершенно нищенскую оплату. Индекс же товарных цен на 1 марта 1916 года повысился процентов на 60. Надо считать совершенно доказанным, что материальное положение рабочего класса за время войны значительно ухудшилось. Разнообразный

---

[1]) «Очерки по истории Октябрьской революции», т. I, стр. 228, ст. «Положение рабочего класса в годы войны» К. Сидорова.

[2]) «Революционная борьба рабочих Брянского завода». «Мальцовщина в годы войны» (1914—1916 гг.), стр. 9.

статистический материал дает бесспорное основание для подобного заключения. По подсчетам Струмилина реальная заработная плата рабочих в 1916 году была ниже довоенной процентов на 10. Эту цифру надо считать слишком низкой. Перед Февральской революцией реальная заработная плата рабочих была не выше $^2/_3$ довоенной.

Потребление всего населения в первый год войны сократилось на 25,3%, во второй год — на 43,5% и в третий — на 53,6%. Конечно, такое громадное сокращение потребления было связано с понижением реальной заработной платы рабочих не на 10%, как получилось у Струмилина. Если пролетариат потреблял столько же, сколько и до войны, то выходит, что должна была сжаться буржуазия, получавшая невиданные барыши.

Война ложилась всей своей тяжестью на широкие рабочие и крестьянские массы. Рабочий и крестьянин являлись одновременно и пушечным мясом и источником покрытия военных расходов. Ухудшение положения рабочих началось с самого начала войны. Во время осени 1916 года и зимы 1917 г., когда дезорганизация хозяйства достигла своего апогея, а дороговизна росла буквально по часам, жизненный уровень рабочих особенно снизился. Не было хлеба, сахара и мяса. Из очередей жены рабочих уходили, не получив продуктов питания. Еще в самом начале кризиса промышленник Дитмар докладывал правительству о кризисе продовольствия и дороговизне в южной промышленности. Он писал о том, что рабочие испытывают

«крайние продовольственные затруднения вследствие недостатка и дороговизны муки и мяса, при соответственном недостатке и дороговизне сахара, картофеля и других пищевых продуктов. Создавшееся положение вызывает опасность острых рабочих конфликтов на почве продовольственного вопроса» [1]).

Предупреждение оказалось пророческим. У правительства не было средств справиться ни с продовольственными затруднениями, ни с дороговизной. Наоборот, своей бесшабашной политикой правительство еще больше увеличивало эти трудности. Не только рабочие юга оставались без хлеба, но через несколько месяцев вся Россия голодала, фабрики останавливались за отсутствием топлива, в городах мерзли, железные дороги перестали работать. Кризис оказался всеобщим, и из него не удалось выбраться самодержавию.

Стачечное движение.

Интересно проследить, как развивалось массовое рабочее движение, как росла организованность пролетариата и его сознательность. Характер стачечного движения, его широта и организованность являются свидетельством мощи рабочего класса, его политической активности. В стачечной борьбе растут опыт и закалка рабочих; через экономическую борьбу пролетариат втягивается в борьбу политическую. Известная фраза Маркса, что всякая экономическая борьба пролетариата в последнем счете есть борьба политическая, особенно оправдывается на историческом опыте России, где рабочий в своей борьбе с буржуазией натыкался на тысячи преград со стороны царизма и стал

[1]) Цитирую по Флееру — «Рабочее движение в годы войны», стр. 58.

понимать, что без свержения царизма невозможна победоносная экономическая борьба с буржуазией.

Война сорвала не только политическое движение, но свела к минимуму и экономическую борьбу пролетариата. Затишье в рабочем движении наступило сразу же после объявления войны. За пять военных месяцев 1914 года по материалам Совещания по обороне значится лишь 68 забастовок с 35 тыс. участников, тогда как за первую половину этого года было 3 466 забастовок с громадным количеством участников в 1 млн. 300 тыс. человек. Все же надо удивляться тому, как каторжные условия работы и жизни не заглушили совсем революционной энергии масс и она, несмотря на военное положение, все

же изредка проявлялась. Обстоятельства первых месяцев войны — мобилизация, военное положение, массовое закрытие предприятий, переход с одного места работы на другое — отражались на ходе и размерах забастовочного движения. Потом началась беспощадная эксплоатация в связи с работой на оборону, рост дороговизны, расцвет спекуляции и уменьшение заработной платы рабочего. В это время стачечная борьба вновь оживает. Рабочие борются за повышение заработной платы, за улучшение условий труда, за сокращение рабочего времени. Начавшаяся экономическая борьба неизменно порождает и политическое движение. От борьбы с фабрикантом и заводчиком движение перебрасывается на борьбу с самодержавием, которое затеяло бессмысленную войну.

Следующая таблица даст представление о развитии стачечного движения в военные годы [1]).

	Забастовки экономические		Забастовки политические		Всего		
	Число забастовок	Число бастовавших рабочих (в тысячах)	Число забастовок	Число бастовавших рабочих (в тысячах)	Число забастовок	Число бастовавших рабочих (в тысячах)	Число потерянн. раб. дней (в тысячах)
1914 г.	969	278,3	2 565	1 059,0	3 534	1 337,5	5 755,0
1915 »	715	383,6	213	156,0	928	539,5	1 863,4
1916 »	1 041	641,4	243	310,3	1 284	951,7	4 649,3
1917 » янв.—февр. . .	190	101,5	1 140	574,8	1 330	676,3	3 001,0

В 1915 году число забастовок составляет приблизительно $^1/_4$, сравнительно с предшествующим годом, количество участников — немного более $^1/_3$, число потерянных дней — около $^1/_3$. В 1916 году движение развернулось значительно мощнее. Общее количество забастовок увеличилось на $^1/_3$, количество участников выросло почти на 50%, а число потерянных дней на 250%. Стачечная волна шире охватила рабочие массы, вовлекла больше участников, борьба стала сильнее и продолжительнее.

Бросается в глаза и другая черта этой таблицы: рост экономического движения. Число участников экономических забастовок в 1915 и 1916 гг. больше, чем в 1914 г. Особенно показателен 1916 год, давший в $2^1/_2$ раза больше участников экономической борьбы, чем 1914.

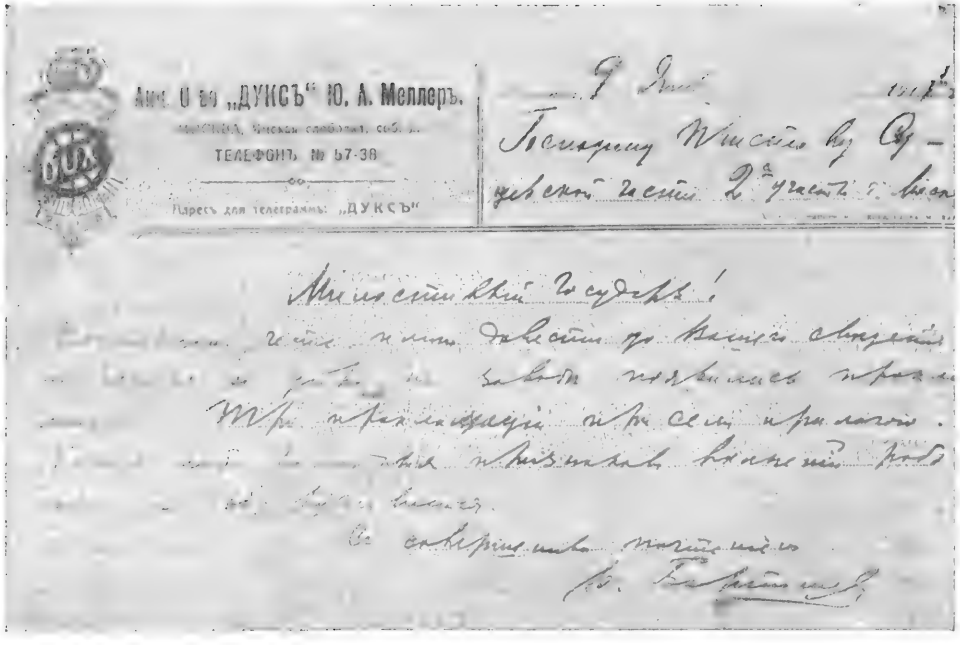
В области политической борьбы, хотя налицо было известное затишье, но все же с каждым годом, можно сказать, с каждым месяцем растущая активность рабочего класса все больше проявлялась в форме политической борьбы. Увеличивалось и количество горючего материала. Распад самодержавия, господство Распутина, а потом Протопопова ставили в лагерь политических противников царизма даже контрреволюционную буржуазию. В обстановке растущей политической активности всех слоев населения пролетариат шел впереди, был руководителем и застрельщиком борьбы с самодержавием.

В первые два месяца 1917 года отношение между политическим движением и экономическим было 6 : 1. Политическая борьба опять, как и в 1914 году, заняла преобладающее место, растворила в себе борьбу экономическую. Причин к экономической борьбе было больше, чем ранее, но рабочий класс отлично понимал, что в обстановке деградации хозяйства и продолжавшейся бойни нельзя выбраться из пропасти, в которой оказалась хозяйственная жизнь страны. Поэтому борьба за свержение самодержавия сделалась лозунгом революционной борьбы.

Остановимся на отдельных моментах революционной стачечной борьбы. Начало 1915 года было отмечено в Петрограде политической забастовкой

[1]) «Очерки по истории Октябрьской революции», т. I, стр. 328.

9 января, в которой участвовало более 25 тысяч рабочих. Передовая часть рабочего класса, несмотря на все притеснения военного времени, отметила день массового расстрела рабочих забастовкой. В течение всего весеннего времени в Петрограде не прекращалась экономическая борьба, но переломными являются месяцы май — июнь. В июне насчитывалось во всей России 80 тыс. забастовщиков. В Петрограде бастовало несколько крупных заводов. Дело дошло до закрытия Невского судостроительного завода и до расчета части рабочих у Эриксона. Питерцы боролись за повышение заработной платы. Руководство движением находилось в руках большевистской партии, которая, несмотря на провалы и аресты партактива, крепко связалась с рабочими и восстановила свое влияние на рабочие массы. Приближались выборы в военпромы, поэтому большевики усиливали партийную работу, чтобы дать отпор гвоздевцам.


Акц. О-во „ДУКСЪ" Ю. А. Меллеръ.
ТЕЛЕФОНЪ № 57-36
Адресъ для телеграммъ: „ДУКСЪ"

Донесение заводоуправления полиции о появлении революционных прокламаций на заводе.

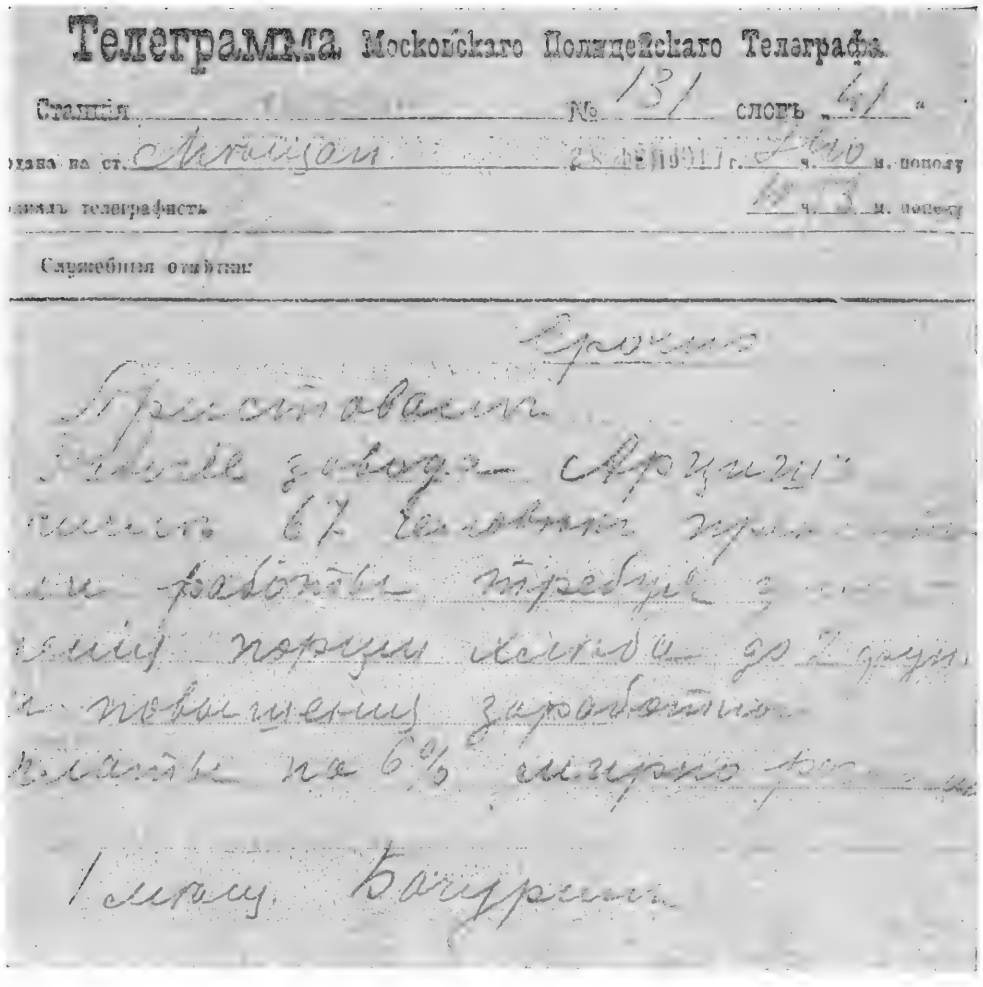
В августе был ряд политических забастовок, представлявших ответные демонстрации на расстрел рабочих в Костроме и Иванове. 19 августа путиловцы предъявили ряд требований, где на первом плане были выдвинуты политические вопросы, начиная с освобождения депутатов-большевиков, сосланных правительством в Сибирь [1]).

Рабочий класс Питера становится все активнее. Оживление стачечного движения в Петербурге оказывает известное влияние и на Москву, где застой продолжался до осени 1915 года. Несколько экономических забастовок там было в феврале 1915 года, но активность московского пролетариата была меньше, а политическая сознательность ниже, чем в Питере. Среди отсталой полукре-

[1]) «Очерки по истории Октябрьской революции», т. I, см. ст. К. Сидорова, стр. 263.

стьянской части текстильного пролетариата были живы еще патриотические настроения. Тем не менее в майском немецком погроме, организованном охранкой, пролетариат участия не принимал. Полиции удалось собрать сброд, подонки, а масса индустриального пролетариата осталась в стороне от этого движения.

Наиболее значительными фактом в истории освободительной борьбы пролетариата, оказавшим сильное влияние на весь пролетариат России, был рас-



Телеграмма Московскаго Полицейскаго Телеграфа.

Станція ... № 131 слова „41"

...дана на ст. Мещан ... 28 ... 1917 г. ... ч. ... м. пополу

...ималъ телеграфистъ ... ч. ... м. пополу

Служебныя отмѣтки:

Срочно

Приставамъ

Рабочіе завода Арцишъ

числѣ 67 человѣкъ ...

...и работы требуя ...

...ленія порціи хлѣба до 2 фун...

...и повышенія заработной

платы на 6% мирно ...

1 мѣщ. Бачуринъ

Полицейская информация о рабочих стачках.

стрел безоружных текстилей-рабочих в Костроме 5 июня и в Иваново-Вознесенске 10 августа. Почти 7 тысяч рабочих льняной мануфактуры в Костроме забастовали, требуя повышения заработной платы. Материальное положение их было ужасно: заработная плата ткачей, несмотря на дороговизну, не подымалась. На требование рабочих директор фабрики ответил снижением зарплаты. Правительство арестовало часть рабочих, и когда безоружные рабочие потребовали выдачи своих товарищей, их расстреляли.

Через два месяца то же произошло и в Иванове, только в большем размере. Еще в мае ивановские текстили протестовали против дороговизны и спекуляции. В августе их движение началось с требования хлеба и приобрело политический характер. Ивановские рабочие были расстреляны по пути к тюрьме, куда они шли для освобождения арестованных товарищей. На месте расстрела осталось 30 трупов и несколько десятков раненых рабочих и работниц. Самодержавие держалось старой тактики времен 9 января 1905 г. и Ленского расстрела. Всякое движение пролетариата оно пыталось усмирить путем расстрела. Оба изложенные факта имели огромное влияние на политическое оформление и полевение рабочих. Патриотические настроения быстро выветривались, а проповедь гвоздевцев о социальном мире все больше теряла кредит. Самодержавие еще раз дало предметный урок.

В октябре и ноябре по всей России заметно было оживление в рабочем классе. А 1916 год начинается при подъеме рабочего движения не только в столицах, но и на окраинах. Достаточно следующих фактов: 9 января в Питере бастовало около 100 тыс. рабочих, а по правительственным сообщениям — 67 тыс. человек. В феврале происходит ряд забастовок, которые вынудили правительство наложить секвестр на все Путиловские заводы. Борьбой пролетариата руководила «ленинская группа», т. е. большевики. В начале года происходит грандиозная забастовка в Николаеве. Рабочие судостроительного завода предъявили требование о повышении зарплаты и в продолжение 45 дней героически держались, не отступая от своих законных требований, несмотря на нищету, аресты и отдачу в солдаты. Весь аппарат насилия вместе с социал-шовинистом и провокатором Абросимовым [1]) был пущен в ход, но сломить стального сопротивления и организованности рабочих не удалось. Завод был закрыт по распоряжению морского министра.

В марте 1916 года вспыхивает движение в Брянске, охватившее 16 тысяч человек. Мы цитировали уже донесение полковника Долгова своему начальству, где он самыми мрачными красками рисует положение «мастеровых». «Забастовка вспыхнула помимо партии», пишет исследователь этого движения, но потом большевикам удалось захватить движение в свои руки. Главные требования рабочих сводились к следующему: а) повышение заработной платы от 10 до 70%, б) увеличение количества бань, в) право получать всем рабочим продукты из фабричной лавки, г) введение института старост и отсутствие репрессий в отношении забастовщиков.

С перерывом это движение продолжалось весь апрель. Дело кончилось отправкой двух тысяч рабочих в солдаты.

Нет возможности останавливаться подробно на всех фактах борьбы пролетариата. Весной и летом 1916 года движение все растет не только количественно, но и качественно и свидетельствует о высокой степени сознательности пролетариата и его руководящего ядра. Экономическое и политическое положение России, война с ее ужасами значительно ускоряли процесс роста сознательности рабочего класса. В мае происходит большая забастовка среди горно-

---

[1]) Абросимов — член рабочей группы Центрального военно-промышленного комитета, провокатор.

рабочих Донбасса, которая как по численности, так и по продолжительности является наиболее значительной во все время войны.

В июле начинается сильное движение в Нижнем-Новгороде: бастует гигант металлургической промышленности — Сормовский завод.

К осени 1916 года намечаются все признаки революционной ситуации. Движение приближается к последнему заключительному аккорду.

Октябрьские политические стачки в Питере являются исторической вехой, которая отмечает готовность пролетариата итти на борьбу и против царизма и против капитализма. Начавшись с 13 октября, они продолжались почти весь месяц. Князь Шаховской докладывал царю, что рабочие не предъявляли «никаких требований об увеличении заработной платы и об улучшении условий труда» [1]). Рабочие приветствовали речи ораторов с протестом против бессмысленной бойни, в которой рабочий является или пушечным мясом или каторжником на своем заводе.

Октябрьское движение является в известном смысле репетицией Февральского восстания. Оно показало не только высокую степень сознательности пролетариата, его организованности и влияния большевиков на рабочих, но одновременно предупреждало царизм о ненадежности армии. Солдаты 181-го пехотного полка вместо того, чтобы помогать полиции избивать рабочих, соединились с рабочими и разогнали полицию. Таким образом октябрьская стачка чрезвычайно показательна в том отношении, что она свидетельствует об известном сдвиге в настроениях армии. Из орудия угнетения царизма армия превращалась в фактор революционной силы.

Каковы итоги экономической борьбы пролетариата и его завоевания? Для ответа на этот вопрос мы воспользуемся подсчетом, произведенным К. Сидоровым [2]). В 1914 году около 70% всех забастовок с 69% участников рабочие проиграли. Лишь 9% забастовок с 5,9% участников кончились в пользу рабочих. Таким образом эффективность экономической борьбы в предвоенное время была небольшая. 1915 год в экономическом отношении дает рабочим больше. Против рабочих кончается лишь четверть забастовок с тем же числом участников, в пользу же рабочих заканчивается почти треть забастовок с $^1/_5$ всех участников. Остальные забастовки кончились компромиссом. Работа на оборону и большие прибыли сделали капиталистов несколько уступчивее. Выгоднее было немножко уступить, чем не работать и терять поэтому военные заказы и громадные барыши. Уступки буржуазии объясняются отчасти и большой решительностью борьбы рабочих, которых подгоняла дороговизна. В 1916 году борьба происходит более ожесточенная и решительная: количество компромиссных решений значительно уменьшается, и буржуазия и рабочие держатся до конца. Благодаря этому вырастают обе группы выигрывающих и проигрывающих забастовки. Первая часть равняется примерно четверти всех бастовавших рабочих, а вторая — $^1/_3$. Чрезвычайно характерная и интересная деталь: в январе — феврале 1917 года движение рабочих достигает своего апогея. Кажется, что в это время большая часть забастовок должна была окончиться

---

[1]) «Очерки по истории Октябрьской революции», т. I, стр. 268, ст. К. Сидорова.
[2]) Там же, стр. 254.

в пользу рабочих, а между тем картина получилась обратная: в пользу рабочих кончается значительно меньше стачек, чем в 1915 и 1916 годах. Очевидно, в момент политического подъема движения рабочие меньше обращают внимания на результат своих экономических требований, не они являются основой движения.

Чрезвычайно интересно теперь выяснить вопрос о том, кто давал главную массу забастовщиков и какие районы и слои пролетариата являлись организаторами и руководителями борьбы, так сказать, оформляли движение и представляли его политическое лицо.

Ограничиваясь только предприятиями, подчиненными фабричной инспекции, в которых было занято большинство пролетариата, мы можем довольно точно ответить на поставленный вопрос. Главную массу забастовщиков давали две отрасли производства: текстильная (по всем 5 группам) и металлическая, на которые приходится около 90% всех потерянных человеко-дней и в 1915 и в 1916 годах. На все остальные предприятия остается только 10%, хотя удельный вес пролетариата в них был значительно больше. Подтвердилось старое положение, что рабочие в крупных предприятиях политически более активны и играют большую роль в стачечном движении, чем пролетариат, разбросанный по мелким предприятиям. Указанные выше две области производства стоят на первом месте по численности пролетариата и его концентрации. Если провести дальнейшую диференциацию, то оказывается, что в 1915 году около 60% всех бастовавших рабочих дали текстили, а в 1916 г. их участие снижается примерно до 30%, а около 60% приходится на долю металлистов [1]). В политическом движении металлисты все время войны стояли на первом месте, но перед Февральской революцией они количественно преобладают во всем стачечном движении. С самого начала XX века металлисты встали во главе борьбы российского пролетариата, и с тех пор знамя борьбы они пронесли с честью до самого Октября 1917 г. Процент политических забастовок у них достигал 56 за 1915, а в 1916 г. перед Февральской революцией поднялся до 87,7. Движение текстилей на $^9/_{10}$ было движением экономическим. Они боролись, главным образом, за улучшение своего экономического положения, за повышение заработной платы. Текстильный пролетариат был «исстари» самой отсталой, темной и экономически хуже обеспеченной частью русского рабочего класса. Там преобладал женский труд. За время войны его применение еще более увеличилось. Раскачать текстилей к политической борьбе было нелегко. Но в первые два месяца 1917 года они дают 44,3% политических забастовок. Это в два раза меньший процент, чем у металлистов и полиграфов, но все же заметно подтягивание текстилей к общему уровню борьбы [2]).

Полиграфическое производство в 1915 и 1917 гг. дает еще больший процент политических забастовок, чем металлисты, но ввиду небольшого числа рабочих в этой отрасли производства они не играли такой важной роли, как металлисты. Кроме того среди них довольно сильное влияние имели ликвидаторы и гвоздевцы. Таким образом роль политического организатора рабочего

---

[1]) «Наемный труд в России», ч. 1, стр. 154, 155, см. табл. № 5 и 6.

[2]) «Очерки по истории Октябрьской революции», т. I, стр. 329, табл. № 11.

класса во время войны сыграли металлисты; чтобы быть еще более точным, надо сказать: металлисты Питера. Город-гигант с полумиллионным пролетариатом, с громадными революционными традициями, центр революционных сил и политической жизни страны — он имел более 300 тысяч квалифицированных и развитых рабочих-металлистов, которые скорее, чем другие, поняли характер войны. Являясь главным центром нашей военной промышленности, Питер имел весь цвет рабочего класса, который естественно отличался большей политической активностью, подвижностью мысли и пониманием задач всего класса, наконец большей организованностью. 9 января 1916 года Питер дал 85% всех забастовщиков по империи, в октябрьской забастовке 1916 г. — 77%, а в январе 1917 г. — 39% всего забастовочного движения [1]). В связи с усилением политического движения в рабочем классе по всей стране на Питер приходится все меньший процент политических забастовок, но он до конца сохранил за собой гегемонию в движении, помогая в то же время подтянуться к политической борьбе огромным резервам трехмиллионного пролетариата России. Когда питерский пролетариат нанес последний удар самодержавию, он мог уже опереться на активную поддержку всего рабочего класса.

В начале 1917 года Россия переживала уже революционную ситуацию. Ленин указывал один из признаков ее:

«Невозможность для господствующих классов сохранить в неизмененном виде свое господство; тот или иной кризис «верхов», кризис политики господствующего класса, создающий трещину, в которую прорываются недовольство и возмущение угнетенных классов. Для наступления революции обычно бывает недостаточно, чтобы «низы не хотели», а требуется еще, чтобы «верхи не могли» жить по-старому» [2]).

В начале 1917 года самодержавие находилось в агонии; «распутинщина» наверху отталкивала от него даже черносотенцев типа Пуришкевича. Один кабинет сменялся другим быстрее, чем капризная дама меняет свои перчатки. Одно политическое ничтожество за другим приходило к власти, чтобы еще отсрочить на несколько дней падение царизма. Сначала надежды возлагали на ограниченного Штюрмера, говорившего свои речи даже в Совете министров по бумажке. Его пророчили даже в диктаторы. Но Штюрмер оказался с подмоченной репутацией германофила и взяточника, и его пришлось убрать; вскоре затем его патрон — Распутин — оказался также убранным. После Штюрмера идут фигуры: Трепова, паралитика князя Голицына, даже не знавшего, что его назначают спасать тонущий корабль. Всю эту компанию возглавляет ренегат и сумасшедший Протопопов, занимавшийся по ночам вызыванием духа Распутина. Вместо того, чтобы заниматься вопросами хозяйства и борьбы с хищениями и спекуляцией, правительство специализировалось на борьбе с «крамолой», — революционным движением. Между тем страна переживала серьезный экономический кризис, дошедший в начале 1917 года до кульминационного пункта. Железные дороги не работали; рабочее население и армия оставались без хлеба, народные массы находились на пороге голода; фабрики и заводы

[1]) Сборник Центрархива «Рабочее движение в 1917 году», стр. 20.

[2]) Ленин, т. XIII, «Крах II Интернационала», стр. 139—140.

закрывались за отсутствием топлива и сырых материалов. Останавливались сотни заводов-гигантов; рабочие выбрасывались на улицу. Правительственная политика дала резкий крен в сторону заключения сепаратного мира с Германией. Самодержавие и правые круги дворянства, на которые опиралось правительство, чувствовали, что без заключения мира им не «выплыть», не избежать революции.

Правые мобилизовали свои силы и против растущего рабочего движения и против буржуазных организаций. Из их среды вышел проект коренной реорганизации правительства. Они требовали, чтобы правительство сосредоточило все силы на борьбе «с мятежом и анархией». Государственную думу предлагалось разогнать, общественные организации отдать под еще более сильный полицейский контроль, в Государственном совете усилить правое крыло, рабочих милитаризировать, подготовлялись вооруженные силы для «подавления мятежа», в столицах должно быть введено военное и даже осадное положение и т. д.

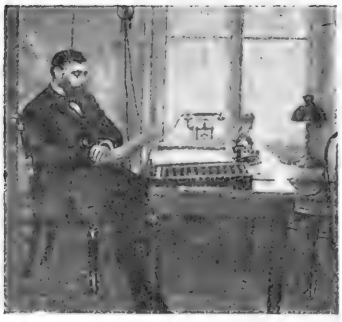
Вся правительственная политика, слухи о германофильстве царицы, распространявшиеся по Петрограду совершенно открыто, репрессии по отношению к буржуазным организациям толкали вожаков буржуазии не только в оппозиционный лагерь, но даже на путь заговора и государственного переворота. Гучков и Терещенко вошли в состав той центральной организации, которая подготовляла государственный переворот.

Даже трусливая контрреволюционная буржуазия осмелела и подняла свой голос против царившей распутинщины, высказываясь против правительства. Вождь «земской» России князь Львов на съезде союзов земств и городов (см. табл. № 3) сказал: «Оставьте дальнейшие попытки наладить совместную работу с настоящей властью. Они обречены на неуспех, они только отдаляют нас от цели. Не предавайтесь иллюзиям! Отвернитесь от призраков! Власти нет, ибо в действительности правительство не имеет ее и не руководит страной». Совещание буржуазных общественных организаций вынесло 11 декабря 1916 г. резолюцию, в которой говорится: «должно быть покончено с политической системой, приведшей страну на край гибели». Буржуазия проголосовала, хотя и робко, против царизма. Почва под ногами царизма заколебалась. До конца верными царизму не остались и крепостники-помещики. Даже казаки — не говоря уже про армию — заколебались. С такими силами нельзя было противостоять растущей активности масс, нельзя было вывести страну из кризиса, нельзя было даже расстрелять революцию. «Верхи», действительно, не могли жить больше по-старому, не могли более управлять голодной измученной страной посредством кнута и пуль. «Нужда и бедствия», переживаемые рабочими, вместо покорности вызывали жажду борьбы, стремление поскорее покончить с царизмом, с войной; хозяйственный и политический кризисы толкали массы «к самостоятельному историческому выступлению». 9 января 1905 года началась первая революция. 9 января 1917 года пролетариат заявил царизму о приближающемся дне расплаты. Почти трехсоттысячная армия питерского пролетариата бастовала в этот день. Политические забастовки и демонстрации пронеслись во всей стране. Московский пролетариат «раскачался» и приобщился к политической борьбе.

ОРГАНИЗАЦИЯ БУРЖУАЗИИ И ДВОРЯНСТВА В ГОРОДСКИЕ И ЗЕМСКИЕ СОЮЗЫ

П. М. Кишкин, зам. председ. главного комитета Всеросс. союза городов. Оппозиция правительству по мотивам патриотического оборончества.

Князь Г. Е. Львов, председ. Всеросс. союза земств, помещ.-капит., знающ. толк в с.-х. машинах и чилийской селитре (Н. И. Бухарин о Львове).



М. В. Челноков, председ. Всеросс. союза городов, владелец крупных заводов на ст. Мытищи.

Из речи Кишкина на частном совещании представителей общественных организаций 11 декабря 1916 г.

... вы знаете, что собиравшиеся съезды разогнаны. Теперь наша задача — взять на свои плечи управление страной, окончательно разорвать с существующей властью, с которой нельзя итти ни одного шага вместе, так как она ведет родину к гибели.

Напряжем же наши силы и в стойком единении грудью защитим нашу родину.

Открытие М.В. Челноковым первого собрания Всер. гор. съезда.

Главный комитет Земгора по снабжению армии во главе с кн, Львовым,

9 января в Москве бастовало около 30% рабочих. Политические демонстрации и митинги проходили по всему городу. В январе-феврале бастовало в стране почти 700 тысяч человек, в большинстве по политическим причинам. Вместе с политической борьбой не прекращались и экономические забастовки. Текстили Московского района, рабочие нефтяных промыслов в Баку боролись за повышение заработной платы. Стачечная волна захватила Нижний-Новгород, Харьков и другие города. Рабочие тульского оружейного завода чуть не первый раз за время войны в феврале приняли участие в движении. Движение децентрализуется, охватывает все больший район. Партийная организация большевиков стремится охватить движение, но это не всегда удается, так как оно совершенно неожиданно развивается, казалось бы, по незначительному поводу. Особенно боевое настроение создается в Питере, где политические митинги и демонстрации почти не прекращаются. Хотя большевистская демонстрация 10 февраля и не удалась, зато и 14 февраля по зову оборонцев питерский пролетариат не пошел на поклон к Государственной думе. Приближалась революция...

«Где начало революции, — спрашивает т. Яковлев, — где ее исходный пункт, где решение, превращающее стачку в демонстрацию, демонстрацию в революцию, где организации, направляющие движение, осмысливающие каждый шаг, дающие ему твердо определенные для каждого этапа цели? — Их нет» [1]).

Это не значит, что не было никакого партийного руководства, но массовое движение, развертываясь стихийно, переливалось через организационные рамки, выходило из берегов партийного воздействия. «Во всем движении преобладал несомненно стихийный элемент, почти полумиллионная рабочая масса Петербурга всколыхнулась на почве продовольственных неурядиц, недостатка хлеба, ограничения его выдачи», пишет Ельницкий. 18 февраля движение начинается с одной мастерской Путиловского завода. 22-го предприниматели объявили локаут всем рабочим-путиловцам, 23-го движение расширяется и охватывает весь Питер. По сообщениям охранки, бастовали 43 предприятия с 78,4 тысячами человек. Еще через два дня, 25 февраля, в Питере началась всеобщая забастовка. Бастовало, по сведениям охранки, 240 тысяч рабочих, а в действительности много больше. Начался штурм самодержавия. Революционная ситуация превратилась в революцию, так как налицо были не только объективные ее предпосылки, но и субъективные: революционный рабочий класс, способный «на революционные массовые действия, достаточно сильные, чтобы сломить (или надломить) старое правительство» (Ленин).

Пролетариат России при деятельной поддержке крестьянской армии и при сопротивлении буржуазии оказался в силах нанести удар такой силы, что самодержавие было разбито. Начало положил Питер, которого поддержала вся Россия, весь пролетариат, вся армия, что было равнозначно поддержке всего

[1]) «Пролетарская революция« № 2—3, 1927 г., стр. 80—81. Яковлев. «Февральские дни 1917 года».

крестьянства. В союзе пролетариата с питерским гарнизоном, а потом со всей армией, по-новому, в соответствии с изменившейся обстановкой, осуществилась гегемония пролетариата над крестьянством и реализовалась в форме Советов демократическая диктатура пролетариата и крестьянства.

Экономические корни оппортунизма в рабочем классе.

Задолго до мировой войны в рядах международной и русской социал-демократии оппортунизм свил себе прочное гнездо, хотя он и считался «все же законной составной частью социал-демократических партий» [1]). И экономизм 90-х годов и его преемник — меньшевизм являлись мелкобуржуазными оппортунистическими течениями в рядах русской социал-демократии, проводниками буржуазной политики на рабочий класс. Оба эти течения прикрывались все же «рабочей» идеологией и боролись с революционной социал-демократией за руководство рабочим классом. В своем дальнейшем развитии оппортунизм отмежевывается от революционной социал-демократии, отрываясь одновременно от массового рабочего движения. В период империализма оппортунизм «созрел», как буржуазное течение, как эмиссар «буржуазии в рабочем движении» (Ленин). Российское ликвидаторство, представляемое кучкой буржуазных интеллигентов, порвавших после революции 1905 г. с социал-демократической партией, и небольшим слоем рабочей аристократии, призывавшей рабочий класс укладываться в рамки столыпинской легальности, оформилось еще до мировой войны, как левый фланг буржуазии. «Важно то, — пишет т. Ленин, — что экономический откол слоя рабочей аристократии к буржуазии назрел и завершился»; несколько позднее он еще более четко формулировал ту же самую мысль: «Факт тот, что буржуазные рабочие партии, как политическое явление, создались уже во в с е х капиталистических странах» [2]). Эта тенденция отхода части рабочего класса к буржуазии «экономически» обоснована. Правда, все это относится к периоду войны, но война наиболее ярко вскрыла и размежевала то, что было создано до нее. Именно в свете войны нам теперь совершенно ясно, что российское ликвидаторство представляло не что иное, как буржуазную рабочую партию, именно поэтому его влияние на массовое рабочее движение как в годы войны, так и подъема было совершенно ничтожно. Ликвидаторство до войны наиболее полно, последовательно и ярко выражало «наш» русский оппортунизм, оно ближе всего стояло к буржуазии, чем другие оппортунистические течения. Нет ничего удивительного в том, что ликвидаторы скорее других превратились в социал-шовинистов, хотя социал-шовинизм и не ограничивался только ликвидаторством. Как известно, ряды Потресовых, Череваниных и Левицких пополнились Плехановым и еще многими представителями «левых» течений довоенного оппортунизма. Социал-шовинизм периода войны объединил различные оппортунистические течения, привел их к одному знаменателю и противопоставил пролетарскому течению в рабочем классе, как течение буржуазное. Классовая основа оппортунизма как в России, так и в Европе одна и та же:

---

[1]) Л е н и н, т. XIII, стр. 104.

[2]) Там же, стр. 479 и 480.

оппортунизм «выражает интересы мелкой буржуазии и союза ничтожной части обуржуазившихся рабочих с «своей» буржуазией против интересов массы пролетариев, массы угнетенных» [1]). Период легализма, парламентаризма и буржуазных «свобод», эксплоатация громадных колоний и подкуп буржуазией за счет сверхприбылей части рабочего класса создали «маленький слой бюрократии и аристократии рабочего класса» (Ленин), которая делала большую политику в интересах буржуазии. Ряды международной социал-демократии были засорены мелкой буржуазией. Этот союз мелкой буржуазии и рабочей аристократии с «своей» буржуазией и генеральными штабами увеличивал в огромной степени силу социал-шовинизма, обеспечил ему временную победу в европейском рабочем движении.

Несколько иначе происходило дело в России. Влияние оппортунизма на рабочий класс в России было неизмеримо меньше, чем на Западе. Оппортунизм почти не пользовался среди рабочих кредитом. Гегемоном массового рабочего движения была большевистская партия. Слабость оппортунизма в России объясняется и сравнительной экономической отсталостью России и ее особым политическим положением. Русский империализм был слабее европейского. Возможность получения сверхприбылей за счет экспорта на внешний рынок была чрезвычайно ограничена. Русской буржуазии приходилось довольствоваться лишь «своим» потребителем, внутренним рынком. Между тем «свой» покупатель предварительно обдирался самодержавием посредством различных налогов и податей, путем спаивания водкой. Сливки снимались царизмом, и разоренный крестьянин представлял собой слабую базу для развития капитализма. Это не значит, что буржуазия в России не получала прибылей, или получала их меньше своих просвещенных европейских коллег. Ее «заработки» были больше, чем на Западе, «норма прибыли» выше, чем там, но благодаря известной отсталости русского капитализма возможностей подкупа рабочего класса (да, пожалуй и необходимости к этому) в России было меньше, чем на Западе, поэтому слой рабочей аристократии у нас был значительно слабее, чем там.

Вторая черта известного своеобразия России заключается в том, что русский рабочий не был избалован буржуазными свободами и культом легализма. Царизм душил все рабочие организации. После печального опыта полицейского «социализма» Зубатова и провокаторской работы Гапона самодержавие боялось пуще огня всяких рабочих организаций — культурно-просветительных и профессиональных. Кроме куцого представительства в Государственной думе, рабочий класс не имел возможности с легальной трибуны сказать свое слово. Да и возможность говорить в Думе была очень ограниченной: за разоблачение грабительского, империалистского характера войны, за борьбу с царизмом, за революционную пропаганду среди рабочих представители в Думе оказались в Сибири. Таким образом режим политического террора, господство крепостнического самодержавия создавали в России революционное настроение. Единый фронт между буржуазией и сколько-нибудь широким слоем рабочих был невозможен ввиду контрреволюционности буржуазии, постоянно прятавшейся за спину помещичьего самодержавия. Таким образом

[1]) Ленин, т. XIII, стр. 103

политические условия и классовая революционная борьба не давали таких возможностей, как в Европе, для расцвета оппортунизма.

Но, несмотря на все эти ограничения, оппортунизм в России все же вырос, правда, более хилый и слабый, чем на Западе, так как «европейский тип развития, когда известные слои мелкой буржуазии, особенно интеллигенция, и ничтожная доля рабочей аристократии могут «попользоваться» привилегиями «великодержавного положения» «своей» нации, не мог не сказаться и в России» [1]). Когда Ленин говорит о «типе развития», то в первую очередь имеется в виду процесс перерастания свободного капитализма в монополистический, рост элементов империализма. Раз Россия становилась империалистической страной, несмотря на существование царизма, процесс отрыва части рабочих и перехода их на сторону буржуазии несомненно происходил, правда, более медленно, а количественно этот слой аристократии среди рабочих был очень мал.

Во время войны социал-шовинисты в России значительно усилились. Объясняется это тем, что связь части капиталистической и мелкобуржуазной интеллигенции, рабочей аристократии с буржуазией увеличилась. Самодержавие скомпрометировало себя. Оно перед всем миром расписалось в своей неспособности вести победоносно войну и тем самым защищать империалистические интересы своей буржуазии. Национальная буржуазия «полевела». Она стала играть в политическую оппозицию с царизмом и выступила инициатором мобилизации промышленности. Создались различные буржуазные организации. Интеллигенция засела в военпромы, Городской и Земский союзы, деятельно помогая буржуазии организовать победу над немцами и одурачить часть рабочих. В это время буржуазия сделала ставку и на рабочих, с целью обеспечить гражданский мир, добиться большего выжимания пота из рабочих; социал-шовинисты с радостью приняли предложение буржуазии о сотрудничестве, «превратив тайный союз оппортунистов с буржуазией в открытый» (Ленин). Получая громадные барыши на военных заказах, буржуазия могла не скупиться на оплату части высококвалифицированных рабочих, добившись одновременно для них отсрочки призыва в армию. Бурный рост военной индустрии, громадные поставки по бешеным ценам, десятки миллиардов рублей израсходованных капиталов — являлись экономической основой для роста оппортунизма и социал-шовинизма.

Ленин подчеркивает единство экономической базы оппортунизма и социал-шовинизма, — это

«интересы ничтожного слоя привилегированных рабочих и мелкой буржуазии, отстаивающих свое привилегированное положение, свое «право» на крохи прибылей, полученных «их» национальной буржуазией от грабежа чужих наций, от выгод ее великодержавного положения» [2]).

Мы уже сказали, что источником сверхприбылей буржуазии являлась сама война, которая разорила население и увеличила богатство крупнейших магнатов капитала.

---

[1]) Ленин, т. XIII, стр. 181.
[2]) Там же, стр. 103.

Далее мы постараемся на основе цифрового материала выяснить удельный вес рабочей аристократии как накануне войны, так и во время ее и покажем, среди рабочих каких отраслей промышленности социал-шовинисты имели свою опору.

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ПРОМЫШЛЕННЫХ РАБОЧИХ ПО ВЕЛИЧИНЕ ЗАРАБОТКА И ПО ГРУППАМ ПРОИЗВОДСТВА В ИЮНЕ 1914 И 1916 гг. [1]).

Группы производства	Число рабочих, вошедших в подсчет	Из них % рабочих с дневным заработком						
		В июне 1914 г.			В июне 1916 г.			
		до 1 р. 50 к.	от 3 р. до 5 р.	свыше 5 р.	Число рабочих, вошедших в подсчет	до 1 р. 50 к.	от 3 р. до 5 р.	свыше 5 р.
По пяти (I—V) гр. по обработке волокн. веществ . .	604 447	95,23	0,23	0,04	574 516	74,72	1,96	0,31
VI. Производство бумажн. издел. из бумаги и полиграфическое	32 829	77,29	2,93	0,43	29 450	56,41	10,21	3,9
VII. Механич. обр. дерева . .	39 372	70,68	2,12	0,2	29 118	30,04	23,76	9,84
VIII. Обраб. металл., производство машин и оруд. . . .	190 000	35,05	11,8	1,54	307 393	19,24	27,58	19,97
IX. Обраб. минер. вещ. . . .	50 864	82,78	1,11	0,64	32 184	61,66	7,53	2,97
X. Обраб. живот. прод. . . .	22 177	70,17	3,97	0,12	25 501	34,29	18,81	6,5
XI. Пищев. и вкус. прод. . .	54 172	89,44	0,79	0,1	65 074	65,58	5,25	2,81
XII. Химич. производство . .	41 834	80,88	1,77	0,13	46 649	38,37	15,08	4,43
XIII. Добыча нефти, подр. бурен.	19 297	77,3	4,61	0,67	22 446	67,14	6,98	1,4
XIV. Производства, не вош. в пред. гр.	3 434	57,51	8,38	0,35	3 840	31,15	23,91	6,46
По всем производствам (I — XIV)	1 058 426	82,33	2,64	0,37	1 136 171	54,51	11,1	6,49

Эта таблица чрезвычайно интересна тем, что она дает возможность представить, из каких слоев по своему заработку состоял рабочий класс перед войной и в каком направлении сказалось влияние войны. Подсчет охватывает 1 млн. человек, а по двум наиболее значительным отраслям производства — текстильной и металлургической — он охватывает большую часть рабочих. В общем таблица дает объективные представления о группировке рабочих по высоте заработка во всей промышленности. Эта таблица показывает, что по всем отраслям текстильной промышленности почти отсутствовала группа рабочей аристократии. Более 95% пролетариата получало ничтожную, полуголодную заработную плату. Две высших по оплате группы рабочих с заработком от 3 руб. и выше составляли ничтожную прослойку рабочих, около 1,4%. Рабочих с заработком

[1]) Подсчитано на основе таблицы «Наемный труд в России», ч. 1, стр. 28, И. М. Кузьминых-Лапина.

от 3 до 5 руб., в общем, нельзя отнести к рабочей аристократии. Собственно рабочая аристократия среди текстильщиков насчитывается отдельными единицами. Это очень важное обстоятельство, так как текстили представляли до войны более $^1/_4$ индустриального пролетариата России.

Несмотря на сильные связи с крестьянством и деревней, на большой процент женщин, на известную культурную отсталость, текстильный район являлся цитаделью большевизма. Оппортунизм ни до, ни во время войны не пользовался там ни малейшей поддержкой. Почти в аналогичном положении с текстилями находились рабочие пищевой и вкусовой промышленности. Основная масса пролетариата (почти 90%) получала нищенскую заработную плату. Слой хорошо оплачиваемых рабочих очень тонок (0,1%), он не в состоянии был оказать сколько-нибудь значительного влияния на поведение широкой массы. Во время войны слой хорошо оплачиваемых рабочих значительно вырос (у текстилей меньше), но экономическое положение основного массива рабочих ($^3/_4$ текстилей и $^2/_3$ рабочих пищевой промышленности) значительно ухудшилось: несмотря на дороговизну, их заработная плата не подымалась выше 1 руб. 50 коп. в день. Естественно, что проповедь социального мира и защиты отечества не находила у этих рабочих никакого сочувствия. Все прелести войны они испробовали на собственной спине и желудке.

В привилегированном положении находились рабочие-металлисты. Они имели сравнительно небольшой (35%) слой плохо оплачиваемых рабочих, а во время войны он сократился почти вдвое (до 19%). Большая часть рабочих получала приличный заработок, а слой хорошо оплачиваемых достигал 12%, почти в 50 раз более, чем у текстилей. Среди металлистов и до войны был слой рабочих (1,54%) с заработком свыше 5 руб. в день. Очевидно, это была наиболее развитая часть рабочих. Из этой группы зербовали своих сторонников ликвидаторы и социал-шовинисты — гвоздевцы, что подтверждается и воспоминаниями Шляпникова, который пишет, что рабочие-меньшевики «имели самый «большой цех» в мастерской» и зарабатывали «чуть не вдвое больше многих» [1]). Среди других отраслей промышленности по высоте оплаты выделяются: полиграфическая, нефтяная, обработка животных продуктов и механическая обработка дерева. Эти производства хотя и отставали от металлистов по общему уровню оплаты, но имели сравнительно большую верхушку хорошо оплачиваемых рабочих. В общем по всей промышленности слой хорошо оплачиваемых рабочих составлял не более 3%, из коих верхушка, аристократия рабочих, составляла всего лишь 0,37%. Тов. Ленин абсолютно прав в своем утверждении, что оппортунизм опирался лишь на очень тонкий слой рабочих. У нас это были до войны преимущественно верхушки металлистов и типографов.

Как изменялись группы рабочих в связи с войной? Казалось бы, что в связи с дороговизной, обесценением денег и ростом номинальной заработной платы надо было ожидать особенно больших изменений. На самом деле мы видим, что у текстилей, нефтяников, в пищевой промышленности и обработке минеральных веществ около $^2/_3$ пролетариата попрежнему получали до 1 руб. 50 коп.

---

[1]) Шляпников. «Канун 1917 года», стр. 12.

в день. Еще по двум другим группам производств эта часть рабочих составляла больше 50%. Следовательно, громадная часть рабочих страдала под тяжестью экономических последствий войны. Заработная плата большинства рабочих, особенно малоквалифицированных, женщин и детей, оставалась попрежнему на голодном довоенном уровне, и это несмотря на рост дороговизны в 2—3 раза, на инфляцию, на сверхурочную работу. Было 4 группы производств, где плохо оплачиваемая часть рабочих сократилась раза в два, примерно, в соответствии с ростом дороговизны. Следует еще отметить, что за время войны (до середины 1916 года) металлисты являлись единственной группой пролетариата, реальная заработная плата которых не понизилась, а у некоторых слоев рабочих даже выросла. Категория рабочих с заработком от 3 до 5 руб. увеличилась на 250%, а высшая категория с заработком свыше 5 руб. выросла на 1 300%, в то время как дороговизна максимально поднялась в 2 раза. Это отнюдь не исключение. По всем производствам верхушка квалифицированных рабочих увеличивалась значительно быстрее, чем это должно быть от «передвижки» в связи с дороговизной. Например, группа с заработком от 5 руб. и выше у текстилей увеличилась в 8 раз, полиграфов в 9, в механической обработке почти в 50 раз, в обработке животных продуктов больше чем в 50 раз, в пищевой промышленности в 28 раз, в химической промышленности почти в 35 раз и т. д. Это показывает, насколько неправа Граве в своем утверждении об ухудшении положения квалифицированных рабочих сравнительно с чернорабочими.

В общем за время войны несомненно значительно расширился слой хорошо оплачиваемых рабочих. До войны рабочая аристократия по всем производствам насчитывала всего лишь $^1/_3$%, а во время войны 6,49% — рост в 20 раз. Правда, надо ввести «поправку на дороговизну» [1]). Реальное значение заработка в 5 руб. во время войны стало совсем другое. И было бы грубой ошибкой всю группу рабочих, получающих свыше 5 рублей, зачислить в «аристократию». Если мы во время войны к «аристократии» будем относить рабочих с заработком свыше 7 рублей, то получим следующую картину:

	(в процентах)
У металлистов	7,47 (до войны 0,21)
Механическая обработка дерева	2,1
Обработка минеральных веществ	1,39 (» » 0,33)
» животных продуктов	1,35
Химическая промышленность	1,0
Вкусовая »	1,0
Полиграфическая »	1,0 (» » 0,13)
Нефтяная »	0,31 (» » 0,12)

Совершенно ясно, что рост рабочей аристократии совершался вне всякой связи с ростом дороговизны, значительно обгоняя его. Мы подчеркиваем другую сторону процесса. В то время как жизненный уровень даже у многих квалифицированных рабочих понизился сравнительно с довоенным, численно этот слой за годы войны сильно вырос. Благодаря хорошему заработку, этот слой

---

[1]) Наше денежное обращение, стр. 248. Индекс статистики труда на 1 июля 1916 г. равен 1,95.

рабочих мог значительно легче перенести военные тяготы, чем широкая рабочая масса, жизненные условия которой еще более ухудшились. Понятно, почему расширился слой рабочих, относительная заработная плата которых была высокая. Война принесла с собой массы точной работы, большие заказы капиталистам по дорогим ценам, обеспечила им громадные прибыли. Поэтому они обеспечивали этому слою рабочих «приличную» зарплату, гарантировали от мобилизаций, выезжая на бесчеловечной эксплоатации большинства рабочих.

Мы отметили все производства, которые имели до войны тонкий слой рабочей аристократии; за время войны в этих производствах он значительно вырос, а кроме того впервые появился среди рабочих в ряде новых отраслей промышленности. Такое подведение экономической базы под оппортунизм может показаться кое-кому грубым, слишком материалистическим. Конечно, совсем не обязательно, чтобы каждый оппортунист из рабочих принадлежал к категории рабочих с заработком в 5 или 7 рублей. Да этого и не было. Отдельные исключения всегда бывают и возможны. Но объяснение больших социальных явлений в жизни рабочего класса без выяснения его экономического положения — только на основе психологии — невозможно. Ведь бесспорный факт, что меньшевики, а потом и ликвидаторы, имели своей опорой типографских рабочих, мелкую буржуазию, часть металлистов. На верхушку металлистов военной индустрии опирались и гвоздевцы. В то же время определенные районы, в частности Центрально-промышленный, исторически находились под влиянием большевизма; большинство рабочих металлистов также все время шло за нашей партией. В общем и целом рабочий класс остался чужд шовинизму, им не заразился, отрицательно отнесся к сотрудничеству с буржуазией в военно-промышленных комитетах. Но там, где оппортунистические элементы в рабочем классе усилились и численно выросли, им удалось вместе с буржуазией, при ее помощи и при всяческом благословении шовинистов, захватить на некоторое время под свое влияние и отдельные слои рабочих.

ВОПРОСНИК-ПЛАН К IV ГЛАВЕ.

БОЛЬШЕВИКИ И МЕНЬШЕВИКИ В РОССИИ В ГОДЫ ВОЙНЫ.

I. Оценка большевиками и меньшевиками войны и революционных перспектив.

1) Особенности оборончества в России (революционный шовинизм). Эволюция меньшевизма и его социальная сущность в годы войны.

2) Оценка всеми разновидностями русского меньшевизма характера и движущих сил предстоящей революции.

3) Ленин о ближайших перспективах революции в России (вопрос о перерастании революции буржуазно-демократической в социалистическую в этот период); партия и ленинский стратегический план; извращение ленинского плана у некоторых «старых» большевиков (каменевская концепция развития революции).

II. Партийная работа и партийное строительство во время войны.

1) Состояние партийных центров и партийной печати; положение на местах.
2) Тактика большевистской фракции Гос. думы.
3) Процесс фракции и позиция Л. Б. Каменева.
4) Вопрос о взаимоотношениях с меньшевиками.
5) Партия в борьбе за руководство рабочим движением.
6) Пути влияния на крестьянство в этот период.
7) Общий характер разногласий среди большевиков в годы войны; примиренчество в годы войны.

Заключение.

Партия, как она была накануне революции.

Литературу см. в тексте.

ГЛАВА IV.

БОЛЬШЕВИКИ И МЕНЬШЕВИКИ В РОССИИ В ГОДЫ ВОЙНЫ.

а) БОЛЬШЕВИКИ И МЕНЬШЕВИКИ О ВОЙНЕ И РЕВОЛЮЦИИ.

Мы уже познакомились с различными оттенками оборончества меньшевиков во II главе, когда разбирали различные течения в международном рабочем движении. Своеобразие русского «оборончества» можно понять лишь изучая позицию меньшевиков по отношению к войне в связи с перспективой надвигающейся революции. И наоборот, изучить их оценку перспектив революции можно лишь в связи с их взглядами на оборону страны.

Можно ли в данном случае говорить о меньшевизме, как о течении, не было ли различие отдельных оттенков так велико, что снимало вопрос о целом? Мы полагаем, что можно и нужно говорить о меньшевизме (патриотической и «интернационалистской» разновидности) как о целом. Если исключить единичные случаи («белых ворон»), если не подменять вопрос о позиции политических организаций вопросом о позиции отдельных лиц, как это делает хотя бы О. А. Ерманский [1]), то неоспоримым фактом является, что антивоенную и активно интернационалистическую позицию заняли большевики, а меньшевики оказались в лагере социал-империализма и центризма. Это было предопределено всей предыдущей историей меньшевизма, его ролью в рабочем и революционном движении России.

В предвоенные годы, когда формировалась идеология русского империаризма и русский либерализм перерастал в национал-либерализм, меньшевизм рос к социал-империализму, ликвидаторство росло к национал-ликвидаторству. С 1910 г., когда подъем рабочего движения заставил все жизнеспособные политические группировки в рабочем движении перейти от споров о тактике к проведению определенной тактической линии, меньшевики окончательно оформляются как либеральные рабочие политики. Они пытаются перенести методы борьбы конституционной монархии в «тоже конституционную» столыпинскую Россию. Лозунг «борьбы за право коалиции» и «петиционная кампания» — вот образцы политики этих доморощенных либералов от марксизма. В рабочем классе они терпят поражение за поражением. Это их толкает на сближение с буржуазной демократией в лице партии эсеров. Листок «Голос социал-демо-

[1]) См. О. А. Ерманский «Из пережитого» (1887—1921). Гиз, 1927, стр. 120—122.

крата» даже ставит в порядок дня создание «единой социалистической партии» [1]), т. е. радикально-демократической партии. Такие литературные предприятия, как журнал «Современник», являются памятниками консолидации всех сил мелкобуржуазной демократии от кадетов до Троцкого включительно. По поводу него Ленин писал в «Просвещении» о создании блока буржуазной интеллигенции против рабочих [2]). Почву для такого блока создал предвоенный расцвет капитализма, способствовавший созданию привилегированного положения для технической и отчасти «идеологической» интеллигенции. Рост элементов «европеизации» в русском капитализме обусловил «европеизацию» (наряду с сохранением «старинки») методов эксплоатации рабочих, делал либеральных рабочих политиков все более «своими» и все более «нужными» людьми для капиталистов. Орган либеральной буржуазии «Речь» в 1914 г. открыто взял под свою защиту меньшевиков против большевиков.

Тенденция к «сращиванию» меньшевизма с радикальной и либеральной демократией накануне войны проступает совершенно отчетливо. Меньшевизм все тесней связывает свою судьбу с либеральной русской буржуазией, занявшей позицию воинствующего империализма. Это было обусловлено связью и зависимостью тех социальных слоев, на которые опирался меньшевизм, с русским и международным империализмом.

Война дала толчок к оформлению ликвидаторства в национал-ликвидаторство. «Прикрываясь на первых порах стыдливыми фразами о «непротиводействии войне», меньшевизм на деле себя проявил пособником русского и всего антантовского империализма в его борьбе с империализмом германским. Ликвидаторство, служившее проводником влияния либеральной буржуазии на пролетариат, теперь, с превращением либерализма в национал-либерализм, превращается в национал-ликвидаторство или социал-шовинизм. Превращение ликвидаторства в социал-шовинизм — это дозревание российского оппортунизма до открытого перехода на сторону своей буржуазии» (Ленин). Отказ от революционной классовой борьбы, дополненный национализмом, это и есть окончательный переход на сторону буржуазии. Переход этот оппортунисты прикрывали марксистской и революционной фразеологией, но это не меняло объективной сущности их позиции, не меняло факта окончательного разрыва с революционным марксизмом и перехода на сторону буржуазии.

«Я думаю,— писал Ленин Шляпникову 11 февраля 1915 г.,— что и у нас, в России, и во всем мире намечается новая основная группировка внутри социал-демократии: шовинисты («социал-патриоты») и их друзья, их защитники, — и антишовинисты. В основном это деление соответствует делению на оппортунистов и революционных социал-демократов, но оно plus précis и представляет, так сказать, высшую, более близкую к социалистическому перевороту, стадию развития. И у нас старая группировка (ликвидаторы и правдисты) устаревает, сменяясь новой, более разумной: социал-патриоты и антипатриоты» [3]).

---

[1]) Листок «Голос социал-демократа» № 6 за июль 1912 г., статья Л. М. «Хороший почин».

[2]) «Просвещение» № 6 за июнь 1914 г., стр. 68.

[3]) «Ленинский сборник», т. II, стр. 227. Курсив наш. Ред.

Еще более четко этот вопрос был поставлен В. И. полгода спустя, в статье «Поражение России и революционный кризис», написанной в сентябре — октябре 1915 г., где он писал:

«Возникло новое политическое деление в России на почве этих новых, более высоких, более развитых, более переплетенных, международных отношений. Это новое деление между революционерами-шовинистами, которые хотят революции для победы над Германией, и революционерами — пролетарскими интернационалистами, которые хотят революции в России д л я пролетарской революции на Западе и одновременно с ней» [1]).

Об этом новом делении Ленин говорит в связи с оценкой предстоящей революции, как революции, являющейся частью международной с о ц и а л и с т и ч е с к о й революции.

Почему новое деление в рабочем движении, деление на социал-патриотов и антипатриотов представляет «высшую, более близкую к социалистическому перевороту, стадию развития»? Потому что социал-шовинизм есть переход оппортунизма в лагерь империализма, отражающий союз рабочей верхушки с буржуазией против пролетариата и всех угнетенных империализмом непролетарских масс. Борьба между социал-шовинизмом и революционным марксизмом — это борьба между империализмом и социализмом.

Борьба большевиков за изоляцию либеральных партий и их борьба с мелкобуржуазными партиями в 1905 г., — это была борьба д в у х л и н и й в р у с с к о й б у р ж у а з н о - д е м о к р а т и ч е с к о й р е в о л ю ц и и. Борьба большевиков за изоляцию мелкобуржуазных партий в 1917 г. — это борьба между б у р ж у а з н о й реакцией и с о ц и а л и с т и ч е с к о й революцией, борьба между империализмом и социализмом.

Для нас сейчас важно установить, когда же произошел этот скачок, изменивший социальное содержание борьбы между большевиками и меньшевиками — в феврале 1917 г. или в июле 1914 г.?

Ленин в вышеприведенном отрывке ясно говорит, что этот скачок произошел в начале войны. Ленин подчеркивает, что в этом отношении Россия выравнилась по передовым капиталистическим странам Европы. Годы войны в отличие от 1917 года характерны тем, что в это время сохраняются еще старые задачи борьбы с самодержавием, но наряду с ними выдвигается уже для пролетариата России новая задача — задача борьбы против «буржуазного империализма» за социализм. Поэтому н а р я д у со старым содержанием борьбы большевизма с меньшевизмом, как борьбы между либеральным подновлением монархии и всего старого строя и уничтожением ее и всех пережитков крепостничества, выдвигается н о в о е ее содержание — борьба между империалистической реакцией и социалистической революцией. Борьба за руководство рабочим движением между пораженцами и оборонцами была борьбой за гегемонию пролетариата в революции в новой обстановке, в обстановке мировой войны.

«Разрешение проблемы «революция и война» ставило вопрос о борьбе за гегемонию пролетариата по-н о в о м у. Свержение царизма еще не разрешало задачи выхода из войны, задачи разрыва с международным империализмом.

[1]) «Правда» от 7 ноября 1928 г., стр.1.

Русская революция для полного своего завершения должна была быть революцией не только демократической, но и антиимпериалистической. А меньшевики были не только непоследовательные демократы, но и активные помощники империализма русского и антантовского. Их лозунг был «долой правительство измены». В нем сочетался и компромисс с монархией («правительство доверия» при монархии) и сохранение верности интересам Антанты и «гальванизация трупа войны» во что бы то ни стало. Нельзя было бороться за гегемонию пролетариата, не борясь с социал-шовинизмом. Нельзя было бороться с шовинизмом, не беря прицел дальше буржуазно-демократической республики.

Ленинский тезис о необходимости борьбы с революционерами-шовинистами, вставшими у власти [1]), дает установку на борьбу не только с царизмом, но и с «буржуазным империализмом».

Социал-шовинистов Ленин называет революционерами-шовинистами. Этот термин вскрывает своеобразие роли русских социал-шовинистов. В Европе соединение революционности с шовинизмом невозможно, так как

«...во Франции и в Германии, идущих навстречу социалистической революции, нет и тени буржуазной революционности, нет и тени буржуазного общественного движения, стремящегося к революции ради победы над врагом. А в России, именно потому, что она идет навстречу буржуазно-демократической революции, такое движение заведомо есть» [2]).

Так писал Ленин в 1916 г. И дальше он подчеркивает, что даже «призывцы» не только шовинисты, но и революционеры. «Вы можете упрекать, — пишет, — он, — «призывцев», что они плохие буржуазные революционеры, но что они по-своему соединяют шовинизм с революционностью, — этого вы отрицать не можете». [2]).

Ленин перечисляет, кого он относит к революционерам-шовинистам: народников (трудовики и социал-революционеры), «призывцев», группу журнала «Наше дело» и газеты «Рабочее утро» (группа Потресова), Организационный комитет (группа Аксельрода—Мартова) и фракцию Чхеидзе [3]). Итак, от Плеханова до фракции Чхеидзе, т. е. все разновидности меньшевизма, все оттенки его, представленные в августовском и брюссельском блоке, Ленин охватывает понятием «революционер-шовинист». Ликвидаторство, переросшее в национал-ликвидаторство, стало революционным шовинизмом.

К русским социал-шовинистам название революционеров-шовинистов Ленин начинает применять осенью 1915 г., когда уже вполне определенно обозначился революционный кризис в России, заставивший все политические группировки высказаться по вопросу о перспективах предстоящей революции. Как определял Ленин сущность революционного шовинизма?

«Революционерами-шовинистами, — писал он в «Нескольких тезисах», — мы считаем тех, кто хочет победы над царизмом для победы над Германией» [4]).

---

[1]) Ленин, т. XIII, стр. 209.

[2]) Там же, стр. 227.

[3]) Там же, стр. 212.

[4]) Там же, стр. 208.

То есть к революционным шовинистам Ленин относил тех, кто хотел победы над царизмом ради у с и л е н и я «буржуазного империализма».

Где видел Ленин с о ц и а л ь н у ю б а з у революционного шовинизма?

«В России, — писал он, — мелкобуржуазные народные массы, главным образом крестьянство. Они составляют попрежнему большинство населения... Они политически частью спят, частью колеблются между шовинизмом («победа над Германией», «оборона отечества») и революционностью» [1]).

«Мелкая буржуазия,— писал Ленин,— т. е. гигиантская масса едва просыпающегося населения России, идет ощупью, «вслепую», в хвосте буржуазии, в плену националистических предрассудков, с одной стороны подталкиваемая к революции невиданными, неслыханными ужасами и бедствиями войны, дороговизны, разорения, нищеты и голода, с другой стороны оглядываясь на каждом шагу н а з а д, к идее защиты родины или к идее государственной целости России, или к идее мелкокрестьянского благоденствия благодаря победе над царизмом и над Германией, без победы над капитализмом» [2]).

Обывательская аполитичность и колебания мелкой буржуазии между крупной буржуазией и пролетариатом — вот почва для революционного шовинизма, переросшего в 1917 г. в массовое «добросовестное оборончество».

Итак, шовинизм меньшевиков мы должны рассматривать в связи с его вырастанием из ликвидаторства и имея в виду его перерастание в «революционное оборончество» и «социал-соглашательство» эпохи керенщины. В русском социал-шовинизме, как революционном шовинизме, элементы социал-соглашательства преобладают над элементами ликвидаторства, завтрашний день преобладает над вчерашним. Ликвидаторов Ленин называл «столыпинской рабочей партией» или либеральной рабочей партией.

Меньшевизм эпохи войны должен был сдвинуться с почвы реформизма и либеральной рабочей политики, с почвы признания столыпинской России отеческим кровом, где для либеральных рабочих может найтись «и стол и дом». Хотя меньшевики в годы войны еще остаются либеральными рабочими политиками, но уже н е э т о д л я н и х х а р а к т е р н о. Для них, как для проводников буржуазного влияния на рабочий класс, характерен в данный момент их ш о в и н и з м (сочетаемый в России с революционностью), их защита интересов империализма. Основной интерес буржуазии в данный момент — это «защита отечества». Перед ним вопрос о монархии, конституционной монархии и республике отходит на второй план («прогрессивный блок» тому свидетельство). Этот о с н о в н о й классовый интерес буржуазии пролагает себе дорогу, находит себе выражение в н у т р и социалистических партий, в н у т р и рабочего движения. Выразителями его явились в России социал-шовинисты. Во имя усиления влияния буржуазного империализма и в рабочем движении они готовы были сменить реформистские методы борьбы на революционные.

Они, понятно, плохие, непоследовательные революционеры. В них живут две души. Они колеблются между революцией и шовинизмом. Революцией они могут пожертвовать в интересах шовинизма (империализма), но наоборот — никогда. В этом их отличие от масс мелкой буржуазии (главным образом,

---

[2]) Л е н и н, т. XIII, стр. 212.

[1]) Л е н и н. «Поражение России и революционный кризис». «Правда» от 7 ноября 1928 г.

среднего и беднейшего крестьянства). В этом предопределенность их перехода вместе со всей крупной буржуазией и помещиками в лагерь контрреволюции в 1917 г. В этом предопределенность их изоляции не только от пролетариата, но и от мелкой буржуазии, пошедшей в октябре за пролетариатом в его борьбе против империализма.

Революционный кризис осени 1915 г., пробудивший массы, отбросивший буржуазию в оппозицию правительству Горемыкина и поставивший во весь рост вопрос о новой революции, заставил все политические группировки определить свое отношение к событиям и выработать свою платформу. Меньшевики, объединенные «августовским блоком», выступили с целым рядом статей, деклараций, тезисов и резолюций. Эти выступления на первый взгляд обнаруживают отсутствие какого-либо единства мнений в рядах меньшевиков.

Плеханов и его единомышленники — «призывцы» — на своей конференции 5 сентября 1915 г. высказались в духе открытого социал-империализма.

«Успех революционной демократии в ее борьбе за свои общие социальные и политические требования, — писали они в своей резолюции, — будет зависеть от энергии ее участия в самозащите народа от неприятельского нападения. Путь, ведущий к победе, является и путем, ведущим к свободе» [1]).

Это значило: «Сначала победа, а потом — реформы». Этой неприкрыто кадетской формуле вполне соответствовали слова резолюции «всякое революционное вспышкопускательство в тылу армии ...по своему значению равнялось бы измене», что «к стачкам можно прибегать только всесторонне взвесив их военно-технические, нравственные и политические последствия» и т. д. и т. д.

А сам Плеханов в июле 1915 г. писал в письме Бурьянову:

«Наша русская земля не была в таком опасном положении со времени смуты начала XVII века. Она должна напрячь все силы для самозащиты, и было бы крайне печально, если бы наши единомышленники помешали делу самообороны русского народа каким-нибудь необдуманным шагом... Сделайте свои оговорки, но голосуйте за кредиты. Голосование против кредитов было бы теперь изменой (по отношению к народу), а воздержание от голосования было бы трусостью. Голосуйте за» [2]).

Братавшийся в 1905 г. с кадетами Плеханов теперь заговорил языком черносотенного «Нового времени». Такие «патриотические призывы» не могли найти отклика в русском рабочем классе. Поэтому основное ядро старой ликвидаторской партии — группа «нашедельцев» (по имени журнала «Наше дело») или группа «Самозащиты» говорила со своими читателями иным языком: вместо плехановского призыва к рабочим отказаться от каких бы то ни было выступлений во имя победы над внешним врагом, «Наше дело» звало рабочих «к энергичному действию, к всестороннему вмешательству в процесс организации общественных сил» [3]). В этом же духе выступали и гвоздевцы, которые звали пролетариат «организовать свои силы», не останавливаясь перед тем, чтобы взломать

[1]) Резолюция конференции группы «Призыв». Цитирую по прилож. к цирк. департ. полиции № 157651 от 9/XI 1915 г.

[2]) «Биржевые ведомости» (утренний выпуск) от 14 октября 1915 г.

[3]) «Наше дело» № 5—6 за 1915 г., стр. 65. Ст. Н. Череванина «К характеристике современного положения».

мозолистой рукой двери (якобы закрытые для рабочих) военно-промышленных комитетов [1]).

Еще более «левые», «окисты», звали рабочих прямо на борьбу с правительством. В своей прокламации они писали: «Страна на краю гибели! Спасение ее требует прежде всего свержения существующего правительства» [2]).

Соответственно этому различию в оттенках политической мысли фразеологии каждая из перечисленных групп выбросила свой лозунг. У Плеханова этот лозунг: «Все для победы», «Никакой смуты, пока враг угрожает стране!» У нашедельцев: «Мобилизация общественных сил в интересах обороны!» И, наконец, Л. Мартов (левый среди окистов) в своей «левой» статье пишет:

«Не революция во имя национальной обороны, а р е в о л ю ц и я в о и м я м и р а. Центральным боевым лозунгом момента для российского пролетариата должно стать: «Всенародное учредительное собрание для ликвидации и царизма и войны» [3]).

При таком различии лозунгов можно ли говорить о меньшевизме как едином течении? Несомненно, можно.

При внимательном чтении документов всех этих трех групп мы видим полнейшее единодушие в основном. И «патриот» Плеханов, и «оборонец» Череванин, и «интернационалист» Мартов, — все они стоят на почве у с и л е н и я б у р ж у а з н о й Р о с с и и, империалистической России. Если Череванин за лозунг обороны, а окисты, якобы, против него, то лишь потому, что без перетряхивания правящей верхушки оборона будет безуспешной.

«У ... нас участие в обороне было бы бесполезной растратой сил и энергии,—говорят в своей декларации петербургские окисты. — Ибо, пока существует самодержавие, вносящее во всю государственную жизнь величайшую дезорганизацию и вакханалию злоупотреблений, все общественные усилия пойдут прахом» [4]).

Это значит — дайте нам толкового царя и честных министров, и... мы будем за оборону. То же самое, но более ясно, сказал член фракции Чхеидзе, депутат Чхенкели, заявивший: «Если бы у меня была малейшая уверенность в том, что власть может защитить страну от разгрома, будьте уверены... я не мешал бы ей»? [5]) Не мешать правительству, поскольку оно способно организовать оборону (читай: победу)! Но ведь это и есть позиция буржуазии! «Интернационалист» и «скрытый пораженец» Чхенкели недалеко ушел от Милюкова, Гучкова и Шульгина. То, что Череванин называет «защитой отечества», то Мартов и Чхеидзе называют «спасением страны», а Плеханов «разгромом германского милитаризма». Суть одна и та же. Разве «нашедельцы» менее патриотичны, чем Плеханов, когда они пишут в своем воззвании «ко всем рабочим», выпущенном в сентябре 1915 г.:

---

[1]) Газета «Рабочее утро».

[2]) Сб. «Интернационал и война» № 1, 1915 г., стр. 144.

[3]) Там же, стр. 120.

[4]) «Известия Организационного комитета» № 5, стр. 3.

[5]) «Социал-демократ» № 53, стр. 3. Заметка «Чхеидзе и его фракция — пособники гвоздевской партии».

«Защита страны, угрожаемой разгромом, есть кровное дело русского пролетариата, неразрывно связанное с его классовыми интересами, с его будущим, с его конечной целью,— целью пролетариев всех стран. Защита страны есть социалистический долг и обязанность русских рабочих» [1]).

А меньшевики-интернационалисты из Организационного комитета разве отличаются существенно от критикуемой ими «слева» группы «Самозащита», когда пишут в своих тезисах:

«Тем самым создаются и в российском пролетариате отсутствовавшие в начале войны условия для того, чтобы он стихийно стремился искать ограждения своих угрожаемых катастрофой интересов в совместной с буржуазными классами работе по организации обороны страны под знаменем «войны до победы», — работе, которая в данной обстановке означает борьбу за изъятие дела обороны из рук правительства измены в руки общества» [2]).

И дальше:

«Она (социал-демократия) неравнодушна ни к судьбе тех народностей России, которым такой разгром может грозить новыми формами национального угнетения и раздробления, ни к тому ухудшению условий экономического развития России, которое может явиться результатом решительного военного поражения и которое затруднит развитие классового движения пролетариата» [3]).

Выступать против военного разгрома царизма во имя интересов удушаемых им народностей, — разве это не великорусский шовинизм? Выступать против военного разгрома царизма во имя интересов классовой борьбы пролетариата, — разве это не полный отказ от марксизма! Разница между Мартовым и Аксельродом, Аксельродом и Потресовым, Потресовым и Плехановым — это разница в оттенках единого течения — социал-шовинизма.

Оценка момента, оценка влияния войны на соотношение классовых сил у всех течений меньшевизма в основном одинаковая. Истоки ее — в ликвидаторской оценке итогов революции 1905 г. и третьеиюньской монархии. В первые месяцы войны появился последний номер журнала «Наша заря». В нем была дана статья, подытоживающая успехи столыпинской аграрной реформы. Автор статьи «На пути к политическому оформлению», на основании разбора материалов о росте кредитной кооперации в деревне, доказывает, что в деревне растет и организуется «крепкий мужик».

«Наш вывод, — пишет он, — о примирении» жизнеспособного крестьянства с третьеиюньским решением аграрного вопроса — получает, таким образом, подтверждение со стороны непосредственных участников движения. О политическом значении этого факта вряд ли приходится распространяться» [4]).

Итак, автор делает вывод, что «все жизнеспособное крестьянство» (а не жизнеспособное должно раскрестьяниться) является опорой третьеиюньской

---

[1]) Воззвание петербургских меньшевиков-оборонцев, см. «Канун революции». Птг. 1918 г., стр. 105. Курсив наш. Ред.

[2]) Тезисы Заграничного секретариата ОК «Пролетариат и война» изд. ЗРОК РСДРП. Цюрих 1915 г., стр. 8.

[3]) Там же, стр. 8, 9.

[4]) «Наша заря» № 7—8—9 за 1914 г., стр. 67. Статья Астрова «На пути к политическому оформлению».

монархии. Переоценка успеха столыпинской реформы была теоретическим базисом ликвидаторства. Это особенно наглядно видно в статье Н. Рожкова в «Нашей заре», названной Лениным манифестом столыпинской рабочей партии. Мартов в статье 1915 г. «Война и российский пролетариат» подчеркивает связь между организационными идеями ликвидаторов и их оценкой столыпинщины.

«Став на почву, созданную поражением революции 1905 года и начавшимся процессом взаимоприспособления старой и новой России, — пишет он, — мы выдвинули «борьбу за открытую партию», как лозунг, суммирующий организационно-тактическую сторону новых задач классовой борьбы российского пролетариата» [1]).

И дальше он пишет, что теперь снова торжествует потерпевшее в 1912—1914 гг. поражение течение (ликвидаторство) в социал-демократии, принимавшее победу столыпинщины «за окончательно данное». Тот же Рожков в 1915 г. пишет:

«В нашем отечестве на очереди переход к настоящему, чуждому грубого хищничества, культурному капитализму и соответствующим ему более свободным государственным формам. И в чаянии этого поднято знамя национального развития» [2]).

Война не сорвала начавшуюся «европеизацию» России и мирное приспособление монархии к интересам буржуазного развития — таков вывод Рожкова.

В этом же духе бесхитросного реформизма оценивали влияние войны и Плеханов с его учениками и единомышленниками. «Призывцы» считали, что, если война будет победоносной и не замедлит развития производительных сил, то все дальнейшее развитие пойдет путем мирной эволюции.

«И можно было с уверенностью сказать, — пишут они в своей декларации, — что чем быстрее будут расти ее (России. *Д. Б.*) производительные силы, тем сознательнее будет становиться ее трудящееся население и тем скорее наступит час окончательной гибели царизма. Но война, навязанная нам Германией, грозит прекратить это выгодное для народа течение дел. И в этом заключается главная опасность для России нынешнего момента» [3]).

Плехановская схема развития вычеркивает окончательно классовую борьбу из истории России. Если победа принесет России рост производительных сил, то Россия быстро ликвидирует элементы «экономического застоя», а вместе с ним и самодержавие. Ученик Плеханова П. Дневницкий, солидаризируясь с положением своего учителя (а попутно и с П. Б. Струве), что «будущее нашего рабочего и революционного движения зависит от экономического развития России», вносит в эту схему некоторое дополнение.

Восстанавливая основные положения своего доклада, якобы искаженные в заметке о нем в № 38 «Социал-демократа», П. Дневницкий пишет в редакцию:

«так как по самой своей сущности современный царизм непригоден для роли «военного сторожа земли», то лозунг националь-

[1]) «Интернационал и война» № 1, стр. 107.

[2]) «Современный мир» № 1 за 1915 г., стр. 53. Цитирую по собр. соч. Зиновьева, т. V, стр. 167.

[3]) Резолюции конференции группы «Призыв», цитирую по приложению к циркуляру департамента полиции № 175, 651 от 9 ноября 1915 г.

ной обороны является для нас лозунгом не примирения, но борьбы с царизмом» [1]).

Это замечание П. Дневницкого целиком вытекает из всей философии русской истории Плеханова, данной им в «Истории русской общественной мысли». Самодержавие устарело, война докажет господствующим классам, что его надо сменить лучшим военным сторожем земли русской. Вся эта оборонческая плехановская схема мирного развития во что бы то ни стало основывается: 1) на полном отказе от марксистского анализа, 2) на затушевывании того, что рост производительных сил в результате военных побед еще более сблизит буржуазию с самодержавием, еще больше укрепит царизм.

Л. Мартов не удовлетворяется этим слабо подмарксированным либерализмом Плеханова и иже с ним. В его схеме остаются классы с их антагонистическими классовыми интересами и классовой борьбой. Третьеиюньский режим не уничтожил полностью противоречия интересов между буржуазией и помещичьим государством. Выход из противоречий третьеиюньской монархии—в расширении внешнего рынка. Поражения лета и осени 1915 г. должны повести к обострению противоречий. Поэтому неизбежна борьба буржуазии за власть [2]).

«Первое революционное действие всемирно-империалистической войны, — пишет Мартов,— и сказалось прежде всего в том, что все более пропитывающаяся империалистическими тенденциями русская буржуазия двинулась на борьбу за власть».

...«Эта борьба, — читаем дальше,— должна стать исходным моментом громадного общественного движения, которое имеет много шансов принять характер революции» [3]).

Итак, Мартов считает, что влияние войны сказалось не в сглаживании внутренних противоречий, а в обострении их. Основное, что видит Мартов,— это неизбежность борьбы буржуазии за власть. Его схема целиком вытекает из ликвидаторского тезиса о том, что буржуазия при новом подъеме революционного движения станет во главе его и, опираясь на демократию, придет к власти. Ликвидаторы, правда, считали, что общественный подъем, может пройти вполне мирно, но и Мартов осторожен в оценке методов борьбы за власть («движение имеет много шансов принять характер революции»). Оппортунистическая суть меньшевизма в данном случае не в фетишизации реформистских методов борьбы, а в гипнотизировании масс, удержании их от революционного действия иллюзией борьбы между буржуазией и самодержавием.

Меньшевики-оборонцы («нашедельцы», «гвоздевцы»), в основном, приемлют схему Мартова (вернее Потресова-Череванина). Они в своем воззвании от сентября 1915 года пишут:

«Буржуазное русское общество, после долгих колебаний и преступных промедлений (?), поняло, наконец, что оборона страны немыслима без решительных изменений существующего порядка. Изолированность дворянского режима достигла таких пределов, каких она не достигала даже в 1905 году» [4]).

---

[1]) Архив Истпарта. Письмо П. Дневницкого 2/III 1915 г. в редакцию «Социал-демократа» по поводу заметки в № 38 «Социал-демократа».

[2]) См. Сборн. «Интернационал и война» № 1, стр. 103.

[3]) Там же, стр. 103.

[4]) Сб. «Канун революции», стр. 104.

Итак, война приблизила момент торжества буржуазной России над полуфеодальным царизмом, так как она организовала буржуазию и привела к изоляции царизма. Это является в глазах авторов воззвания одним из аргументов, подкрепляющих старую меньшевистскую схему русской революции, как революции, возглавляемой буржуазией. Она должна подтвердить ликвидаторский прогноз о «левении буржуазии». «Нашедельцы» подчеркивают, что именно теперь события пошли по меньшевистскому расписанию.

«Общественное движение имущих классов, — пишут они, — в настоящее вермя гораздо более соответствует их духу и интересам, чем движение этих слоев в начале текущего столетия» [1]).

Буржуазия заняла подобающее ей место, а пролетариат, чуть не перепутавший в 1905 г. все карты, несколько осажен назад. Это значит, что революция в России будет «настоящей» буржуазной революцией. Это значит, говоря по-ленински, что победит либеральная линия в демократической революции.

Вся меньшевистская оценка перспектив предстоящей революции сводится к прогнозу: «Теперь гегемоном в революции будет либеральная буржуазия». Социал-шовинизм здесь выступает как продолжатель традиций старого меньшевизма, меньшевизма, как «либеральной рабочей политики». Социал-шовинисты продолжают дело экономистов, пытавшихся рабочее движение пристегнуть к движению либеральной буржуазии. В своих выступлениях перед питерскими рабочими оборонцы во главе с Гвоздевым доказывали «от марксизма», что пролетариату надо становиться под команду либеральной буржуазии, так как революция предстоит буржуазная. Вот что говорил «сам» Кузьма Гвоздев:

«Социализм не на очереди, а очередная задача—переход власти из рук дворянства в руки капитала. В вопросах экономики буржуазия наш враг, но в вопросах политики она пойдет с нами рука об руку, ибо ей так же нужны условия свободной политической жизни, как и нам» [2]).

И дальше, исходя из основных положений «исторического материализма», он развивает все тот же тезис о неизбежности гегемонии буржуазии в революции:

«Давно уже вся организаторская роль в руках буржуазии, но не у нее политическая власть... Экономически теперь сильнее всего буржуазия: она должна получить соответственную силу политическую» [3]).

Чтобы убедительней доказать необходимость поддержки буржуазии, он доказывает рабочим, что не пойти за буржуазией значит поддержать старый режим: «Мы должны сказать теперь, на чьей мы стороне: на стороне ли буржуазии или отживающего режима».

Меньшевики скрывали от рабочих, что существуют три лагеря: первый — царизма, второй — буржуазии и третий — пролетариата и крестьян-

---

[1]) Журнал «Дело» за 1916 г., № 9—10, стр. 59. Курсив мой. Ред.

[2]) Из речи Гвоздева на собрании выборщиков 29 ноября 1915 г. Дело департамента полиции № 347 за 1916 г., лист 134.

[3]) Шляпников. «Канун 1917 г.», ч. 1, изд. 2-е, стр. 127.

ства. Они доказывали, что без буржуазии в роли гегемона не может быть буржуазной революции, а потому дело пролетариата — поддерживать либеральную буржуазию.

Исходя из общего с большевиками положения, что предстоящая революция будет общенациональная, они, в отличие от большевиков, считавших выразителем интересов большинства народа пролетариат, считали буржуазию выразительницей интересов всей нации в ее борьбе со старым режимом.

Меньшевики считали, что оппозиционное топтанье на месте русской буржуазии может породить общенациональное революционное движение.

«Стремление к власти, — писал В. Левицкий, — самая главная отличительная черта движения буржуазных кругов, придающая ему серьезное историческое значение. ...Собственными силами, без демократии, буржуазия неспособна достигнуть власти, к которой стремится. ...Дело буржуазии, борющейся за власть, часто против ее собственной воли, становилось общенациональным делом» [1]).

Итак, меньшевики старались изобразить торги и переторжки между буржуазией и правительством, как «движение... исторического значения», как «общенациональное дело». Иначе говоря, они доказывали, что гегемоном в нарастающей революции должна быть обязательно буржуазия. «Новая борьба за власть, — писал Л. Мартов, — против царизма и дворянства начата в данный момент при гегемонии торгово-промышленной буржуазии» [2]).

Должен ли был пролетариат оспаривать у буржуазии роль гегемона в революции? Должен ли он был отрывать крестьянство от буржуазии и подчинять его своему влиянию?

Нет, пролетариат должен был помогать буржуазии сплачивать под ее знаменем (под знаменем «прогрессивного блока») демократические массы.

«Буржуазная оппозиция, — писали в своем органе «окисты», — вступила, наконец, на путь собирания распыленных общественных сил. В интересах пролетариата поддерживать организационно-политическую работу оппозиции, влить в эту работу силы широкой демократии» [3]).

Роль пролетариата сводилась к роли помощника буржуазии в деле собирания демократических масс. Его задачей было сделать движение более демократическим и более решительным. У социал-демократии оставалась важная задача работать над «организационным сплочением пролетариата», дабы он «оказался возможно более влиятельным слагаемым» [4]) в сумме организационных процессов других классов. Будучи «влиятельным слагаемым», он мог рассчитывать на то, что буржуазия, став у власти, не использует «победу для своих классовых целей» [5]), что она сможет кое-что сделать для улучшения положения рабочих.

---

[1]) Сб. «Самозащита», стр. 115, 116.

[2]) Сб. «Интернационал и война», стр. 111. Курсив наш. Ред.

[3]) «Известия Организационного комитета» № 5, 10 июня 1916 г., стр. 2.

[4]) Сб. «Самозащита», стр. 119. Курсив наш. Ред.

[5]) Из речей гвоздевцев на собрании 29 ноября 1915 г. См. Шляпников. «Канун 1917 г.», стр. 128.

Итак, меньшевики, исходя из оценки предстоящей революции как буржуазной, считали, что буржуазия будет решительно бороться за власть, эта борьба ее станет ядром общенационального движения против царизма, участие в котором пролетариата придает ему радикальный и демократический характер. А как же противоречие интересов между буржуазией, наживающейся на войне, и массами, от этой войны страдающими? Интересы «спасения страны», защиты ее от германского нашествия должны спаять все классы. Это тем легче, что русская буржуазия заинтересована лишь в обороне, а не в нападении. Если русская буржуазия и империалистична, то ее империализм пока «из сферы чистой идеологии» не перешел еще в область «фактов практической политики» [1]). Так рассуждали «гвоздевцы» в оправдание своего участия в военно-промышленном комитете. Этот новый миф о «непорочном зачатии» теоретически базировался на идеологии каутскианства. Наши каутскианцы-окисты доказывали, что империалистическая буржуазия может быть не империалистичной, что в случае победы в России демократической республики она может честно бороться за демократический мир. На этом и базируется «революционное оборончество» времен керенщины. Теоретическое обоснование его было дано еще в 1915 г. Л. Мартовым в статье «Война и пролетариат», где он писал:

«Само собой разумеется, что если бы нынешний кризис привел к победе демократической революции, к республике, — характер войны коренным образом изменился бы» [2]).

Это значит, что пролетариат, после победы над царизмом, должен с оружием в руках выступить на защиту своей буржуазии против других империалистических стран. Вот здесь-то и обнаруживается своеобразие русского социал-шовинизма, своеобразие меньшевизма эпохи войны, как сочетания революционности (буржуазной) с шовинизмом. Вся меньшевистская концепция подпирает этот конечный тезис о необходимости помогать своей буржуазии, если она придет к власти. Это и есть революционный шовинизм. Это и есть служение делу империализма, ибо устранение империализма «военно-абсолютистски-феодального» должно было лишь, как подчеркивал Ленин, усилить «империализм чисто буржуазный». Борьба против царизма во имя усиления буржуазного империализма, — вот к чему сводилась политика социал-шовинистов.

Они звали пролетариат в интересах борьбы с царизмом и защиты от внешнего врага заключить мир с буржуазией и ликвидировать раздвоенность России на имущую и неимущую, цензовую и демократическую.

«Россия, — писал Потресов, — не умеет до сих пор преодолевать свое раздвоение для единства даже и тогда, когда единство повелительно диктуется условиями той определенной задачи, решение которой одинаково нужно обеим частям раздвоенной страны» [3]).

Гражданский мир и уничтожение «раздвоенности» в лагере антицаристских сил,— вот к чему призывали пролетариат оборонцы. Пролетариат должен был

[1]) Сб. «Канун революции».

[2]) Сб. «Интернационал и война» № 1, стр. 116.

[3]) Журнал «Дело» за 1916 г., № 3, стр. 60. Ст. А. Н. Потресова «Раздвоенная Россия».

отказаться от своей классовой борьбы во имя «координации усилий» с буржуазией. Эта «координация усилий» буржуазной оппозиции и рабочего класса[1]) становится одним из основных лозунгов социал-шовинистов. Какова цель этой «координации усилий»? Ее довольно верно формулировал чиновник департамента полиции, писавший в «Всеподданнейшем докладе»:

«Оборонцы» третьей группы утверждают, что социал-демократы теперь же, не ожидая революции, должны создавать, совместно с оппозиционными слоями буржуазии, органы национальной обороны, захватывая постепенно в свои руки функции правительства в этой области».

Мирный переворот путем вытеснения старой власти,— такова была основная стратегическая установка «нащедельцев». Передача власти буржуазии без участия масс — этот план буржуазного лагеря поддерживался большинством меньшевиков. Под революцией меньшевики понимали именно такой мирный переход власти. Власть, как созревшее яблоко, должна была упасть в руки буржуазии. Из этой стратегической установки меньшевиков вытекала их тактическая линия: итти работать во имя «координации усилий» в военно-промышленные комитеты, участвовать во всех буржуазных организациях и вовлекать в движение либеральной буржуазии массы для «подталкивания» буржуазии к власти, поддерживать Государственную думу, делать ее организующим центром общенародного движения и, в случае победы «революции», призвать пролетариат активно поддержать свое буржуазное правительство в его борьбе с «внешним врагом».

Из этих политических задач вытекали организационные: борьба за рабочий съезд и превращение рабочих групп ВПК в опорные пункты новой, открытой, либеральной рабочей партии.

Позиция меньшевизма в годы войны в вопросе о перспективах революции в связи с войной, в основном, единая. Она вырастает из ликвидаторской оценки третьеиюньской монархии и роли буржуазии в предстоящей революции. Она предвосхищает идеологию революционного оборончества меньшевиков в 1917 г. Она свидетельствует об окончательном переходе меньшевиков в лагерь империалистической буржуазии. Этим самым меньшевики делают решающий шаг к слиянию с буржуазной демократией, представленной в России народниками. Они противостоят большевикам уже не столько как оппортунистическое течение в социал-демократии, сколько как мелкобуржуазная партия, партия шовинистической мелкой буржуазии. Борьба за изоляцию меньшевиков наполняется новым содержанием, свидетельствующим о наступлении «высшей, более близкой к социалистическому перевороту стадии развития».

Все течения меньшевизма в вопросе об оценке перспектив революции, несмотря на различное место их в многоцветном спектре социал-шовинизма, выступают как единое течение. Их позиция — меньшевистская позиция, вырастающая из старой меньшевистской концепции русской революции. Троцкизм, являющийся одним из оттенков меньшевизма и в вопросе о войне представляю-

---

[1]) «Самозащита», стр. 97.

щий одну из разновидностей каутскианства, в вопросе о революции занимал несколько иную позицию. Его позиция являлась развитием троцкистской концепции русской революции, данной в 1905 году и известной под названием «теории перманентной революции». В вопросах тактики между ним и левым крылом не было существенной разницы. О троцкизме, как о самостоятельном течении, можно говорить только лишь в связи с вопросом об оценке характера и перспектив развития революции.

Л. Д. Троцкий не склонен переоценивать революционность русской буржуазии и придавать оппозиционному движению буржуазных кругов то решающее историческое значение, которое ему придавали меньшевики. Он правильно указывает, что буржуазные партии, «настаивая на деловых министерских перетасовках, ...фактически сплачиваются вокруг правительства, становясь буфером между ним и народными массами» [1]). Троцкий вскрывает затушевываемый меньшевиками факт, что «во имя обороны происходит дезорганизация сил революции буржуазией».

«Сейчас вся либеральная пресса, — пишет он, — сознательно стремится отвести социальное и политическое недовольство народных масс в русло национально-патриотического слияния с правительством и правящими партиями третьего июня» [2]).

Предвоенный подъем и война содействовали еще большему обострению социальных противоречий, чем это имело место в 1905 году. Почвы для сотрудничества пролетариата с буржуазией теперь еще меньше, чем в 1905 году.

«Мы имели перед собой, следовательно, — пишет Троцкий, — дальнейшее углубление тех социальных противоречий, которые уже в революции 1905 года исключали возможность длительной совместной или параллельной борьбы пролетариата и буржуазии против старого режима» [3]).

Итак, слабость и нереволюционность русской буржуазии, отмеченная Троцким еще в 1905 году, нашли теперь свое подтверждение. Еще в большей степени нашло себе, по мнению Троцкого, подтверждение его теория о невозможности в России национальной буржуазной революции.

«...Национальная буржуазная революция в России невозможна за отсутствием подлинно-революционной буржуазной демократии. Время национальных революций прошло — по крайней мере для Европы — так же как и время национальных войн. Между теми и другими глубокая внутренняя связь. Мы живем в эпоху империализма... Он противопоставляет не буржуазную нацию старому режиму, а пролетариат — буржуазной нации» [4]).

Здесь мы имеем дело со вторым изданием троцкистской теории перманентной революции, изданной автором «с дополнениями и исправлениями» применительно к эпохе империалистических войн и революций. Утверждение Троцкого о невозможности национальных войн и национальных революций

---

[1]) Л. Д. Троцкий. «Война и революция», т. I, изд. 3-е, стр. 263.

[2]) Там же, стр. 263, 264.

[3]) Там же, стр. 261.

[4]) Л. Д. Троцкий. «Итоги и перспективы», изд. «Советский мир», Москва 1919, стр. 83.

неверно, так как оно не учитывает неравномерности развития капитализма. Последний тезис о том, что империализм «противопоставляет не буржуазную нацию старому режиму, а пролетариат — буржуазной нации», неверен даже для передовых капиталистических стран, где пролетариат, идущий к власти, имеет за собой большие или меньшие демократические резервы, которые и составляют значительную часть нации. Выставляя тезис о невозможности в России национальной буржуазной революции, Троцкий тем самым утверждал, что если в России возможна революция, то лишь социалистическая.

Почему в России буржуазная революция невозможна? Потому что в ней нет революционной демократии. Основную массу буржуазной демократии в России составляет крестьянство. О крестьянстве Троцкий в 1915 году писал:

«Опыт русской революции, как и реакции, говорит нам, что сейчас менее, чем в 1905 году, можно надеяться на самостоятельную, а тем более решающую роль крестьянства в развитии революционных событий» [1]).

По существу Троцкий отрицает здесь какое бы то ни было серьезное значение крестьянства в предстоящей революции. Объясняет он это тем, что условия жизни крестьянства столыпинщина не изменила,

«поскольку крестьянство осталось в тисках сословно-феодального рабства, оно в своей стихийной оппозиции старому режиму продолжает нести на себе все те черты хозяйственной и идейной разобщенности и политической неразвитости, культурной отсталости и беспомощности, которая всегда и при всяком движении парализует его социальную энергию и заставляет его останавливаться там, где начинается подлинно революционное действие» [2]).

Вместо анализа классовых интересов крестьянства Троцкий подбирает ряд эпитетов (беспомощность, разобщенность, отсталость и т. д.), которыми пытается отгородить крестьянство от революции. Он глухо говорит о «стихийной оппозиции старому режиму», но не дает ответа на вопрос, осталось ли в силе противоречие интересов между крестьянством в целом и классом помещиков. Переоценивая расслоение крестьянства под влиянием столыпинской реформы, Троцкий приходит к выводу, что

«для промышленного пролетариата сейчас ...стоит вопрос о привлечении на свою сторону пролетарских и полупролетарских элементов деревни, а не крестьянства как сословия» [3]).

Этим самым Троцкий утверждает, что противоречия интересов между крестьянством в целом и помещиками снято противоречием интересов между пролетариатом и буржуазией. Итак, содержанием ближайшей революции будет борьба между пролетариями города и деревни и буржуазией. В этой борьбе пролетариат будет единственным революционным классом, имеющим против себя сплошную реакционную массу буржуазной нации.

«Единственной самостоятельной силой революционного движения, — пишет Троцкий, — может быть только пролетариат. Уже в первых своих выступлениях он будет иметь

---

[1]) «Война и революция», т. I, изд. 3-е, стр. 262.

[2]) Там же.

[3]) Там же, стр. 262. Курсив наш. Ред.

против себя могущественнейшие силы буржуазной нации, от ее реакционно-помещичьих вплоть до либерально-интеллигентских элементов» [1]).

И дальше:

«...И все эти изменения резюмируются в ярко определившейся сейчас изолированности пролетариата» [2]).

Будет ли пролетариат иметь против себя во время борьбы с царизмом также и крестьянство, Троцкий не пишет. Крестьянство Троцкий не причисляет ни к активно революционным, ни к активно контрреволюционным силам. Троцкий, как известно, считал неизбежным выступление крестьянства против пролетариата при переходе от борьбы за демократию к борьбе за социализм. И все-таки Троцкий пишет о том, что пролетариат увлечет «непролетарские элементы», что он будет «руководить политически» демократией. Как это увязывается со всей концепцией Троцкого? Никак не увязывается. Не сведены здесь концы с концами.

Переходя от анализа характера и движущих сил революции к вопросу о революционном правительстве, Троцкий опять-таки подчеркивает изолированность пролетариата, невозможность союза рабочего класса с крестьянством.

«Но если, — пишет Троцкий, ...передовые рабочие... должны взять на себя политическое руководство всей борьбой, которая будет прежде всего борьбой самого пролетариата, то ясно, что победа в этой борьбе должна передать власть тому, кто руководил борьбой, то есть социал-демократическому пролетариату. Вопрос идет, стало быть, ...о революционном рабочем правительстве, о завоевании власти российским пролетариатом» [3]).

Итак, царя должно сменить у власти «революционное рабочее правительство». На кого же будет опираться это правительство? Очевидно только на рабочих, так как даже поддержку пролетариата деревенской беднотой после захвата власти Троцкий считает маловероятной [4]). Но рабочие в России в незначительном меньшинстве. Это значит, что в России революция может быть победоносной лишь при условии государственной поддержки ее пролетариатом других стран.

«Только эпоха непосредственного натиска западно-европейского пролетариата на государственную власть, только международная социалистическая революция может создать ту обстановку и выдвинуть те силы, при помощи которых революционная борьба пролетариата России может быть доведена до конца» [5]—

пишет Троцкий в 1915 году, воспроизводя концепцию русской революции, выдвинутую им еще в 1905 году. Делая поправку на «империализм», он подчеркивает, что теперь от российской социал-демократии требуется сугубый интернационализм.

---

[1]) «Война и революция», 3-е изд., стр. 261, 262.
[2]) Там же, стр. 264. Курсив наш. Ред.
[3]) «Итоги и перспективы», стр. 85.
[4]) См. «Война и революция», т. I, стр. 248.
[5]) «Война и революция», изд. 3-е, стр. 267.

Суть этого «интернационализма» в том, чтобы не ставить движения пролетариата в «зависимость от революционного движения русской интеллигенции, мелкой городской буржуазии и крестьянства» [1]).

«Интернациональный курс» Троцкого — это политика перепрыгивания через неразрешенные задачи буржуазной революции, это по существу политика отказа от «привлечения непролетарских масс», кое-где прикрываемая фразами о необходимости «увлечь» эти массы. Политика, предлагаемая Троцким, так же гибельна для пролетариата, как и меньшевистская. «Пораженческая» политика Троцкого не лучше капитулянтской политики меньшевиков. Революционный авантюризм Троцкого так же оппортунистичен, как и либерализм меньшевиков. Он ведет к потере гегемонии пролетариата в демократической (а на очереди стояла именно д е м о к р а т и ч е с к а я революция) революции. В борьбе за гегемонию пролетариата большевики боролись и против меньшевиков и против Троцкого. «Троцкий, — писал Ленин в 1915 г., — на деле помогает либеральным рабочим политикам России, которые под отрицанием роли крестьянства понимают н е ж е л а н и е поднимать крестьян на революцию» [2]). В основном вопросе русской революции, в вопросе о роли крестьянства в революции, Троцкий был целиком с меньшевиками.

Несмотря на то, что Троцкий в отличие от Мартова п ы т а е т с я дать конкретный анализ соотношения классовых сил, несмотря на то, что он расходится с меньшевиками в вопросе о революционности буржуазии и возможности сотрудничать с ней, — несмотря на это, Троцкий не перестает быть социал-демократом и не становится «без пяти минут большевиком». Концепция Троцкого не представляет варианта ленинской. Нет, она п р о т и в о с т о и т ей, так же как и концепция Мартова.

В идеологии троцкизма есть, однако, с в о е о б р а з и е, которое, несмотря на его социал-демократическую сущность, сделало возможным его временное слияние с большевизмом. Это своеобразие троцкизма Ленин отметил в той же статье 1915 г. «Две линии в революции»: «Оригинальная теория Троцкого, — писал он, — берет у большевиков призыв к решительной революционной борьбе пролетариата и к завоеванию им политической власти, а у меньшевиков — «отрицание» роли крестьянства» [3]).

Троцкий в 1915 году еще стоит на почве социал-демократического мировоззрения. По-меньшевистски он понимает роль крестьянства в революции, по-меньшевистски он понимает пролетарскую революцию и диктатуру пролетариата. Самое п р о т и в о п о с т а в л е н и е социалистической революции демократической и национальной — интернациональной показывает, как далек был от ленинизма Троцкий в этом решающем вопросе переходного периода, как далеко он ушел от революционной марксистской диалектики. Схема Троцкого так же, как и меньшевистская схема, пошла на слом при первых же ударах революционной грозы 1917 года. Это было неизбежно, так как она не могла охватить диалектику живой действительности.

---

[1]) «Война и революция» изд. 3-е, стр. 265.

[2]) Л е н и н, т. XIII, стр. 214.

[3]) Там же, стр. 213.

Единственно правильная оценка момента дана была Лениным. Правильна она была потому, что она: 1) правильно выражала классовые интересы наиболее последовательно революционного класса — пролетариата; 2) потому что лишь диалектика ленинской схемы охватывала диалектику конкретной действительности.

Уделом Мартова должен был быть отказ от анализа действительного соотношения сил, так как он объективно был выразителем либерально-буржуазной тенденции в революции, объективно был выразителем интересов империалистической буржуазии. В противовес меньшевистской концепции, доказывавшей возможность сотрудничества пролетариата и буржуазии в деле «спасения страны», большевики подчеркивали обострение противоречий между пролетариатом и буржуазией в связи с войной.

Объективно большевики с первых дней войны встали на путь борьбы не только против царизма, но и против империалистической буржуазии.

Работа партии с первого дня войны была направлена на использование военного кризиса в интересах революции. Практика большевистских организаций в России была полной противоположностью политике Burgfrieden'а западных «социалистов». Мысль об использовании данного рабочим оружия против своего правительства высказывалась большевиками и сочувствующими им рабочими с первых дней войны. Можно сказать, что первой же непосредственной реакцией большевиков на объявление войны был курс на превращение империалистической войны в гражданскую.

В противовес меньшевикам вслед за буржуазной интеллигенцией и ничтожным слоем привилегированных рабочих и служащих, перешедших на сторону империалистической буржуазии, большевики объявили ей беспощадную войну. Этого требовали интересы пролетариата, экономическая и политическая борьба которого упиралась в вопрос о ликвидации войны путем революции. Пролетариат России и в своей борьбе с царизмом должен был притти в столкновение с империализмом. Вне борьбы с империализмом не могло быть решительной борьбы с царизмом.

Эта объективная связь борьбы с царизмом с борьбой с империализмом подчеркнута в книге «Вопросы ленинизма» т. Сталиным.

«Но из этого следует, — пишет т. Сталин, — что кто хотел бить по царизму, тот неизбежно замахивался на империализм, кто восставал против царизма, тот должен был восстать и против империализма, ибо кто свергал царизм, тот должен был свергнуть и империализм, если он в самом деле думал не только разбить царизм, но и добить его без остатка».

«Революция против царизма сближалась, таким образом, и должна была перерасти в революцию против империализма, в революцию пролетарскую» [1]).

Вот эта-то объективная связь революции против царизма с революцией против империализма была осознана партией еще в годы войны. Она нашла свое выражение в новой постановке Лениным вопроса о перерастании демократической революции в России в социалистическую в связи с дан-

[1]) Сталин. «Вопросы ленинизма», Гиз 1926 г., стр. 79.

ной войной. Она нашла свое выражение в подготовке смены стратегических планов.

Самая постановка Лениным вопроса о возможности перерастания демократической революции в социалистическую говорит уже о том, что большевики оценивали соотношение классовых сил и степень «зрелости» России для социализма иначе, чем меньшевики. В понимании меньшевиков буржуазно-демократическая революция целиком связывалась с борьбой буржуазии за власть. В понимании большевиков она связывалась с «крестьянской революцией», с борьбой крестьянства в целом против помещиков и монархии. Поскольку на очереди стояла борьба против монархии (в том числе и конституционной), а не свержение самодержавия царя, буржуазия объективно не была революционной. Октябристско-кадетская буржуазия и стоявший за ее спиной антантовский капитал слишком хорошо понимали необходимость сохранения в России монархии, монархии подчищенной и подправленной, но именно монархии.

«Русская либеральная буржуазия, — писали Ленин и Зиновьев в брошюре «Социализм и война», — окончательно стала на путь контрреволюции. ...Разбит жизнью тот взгляд наших оппортунистов, будто русский либерализм является еще движущей силой революции в России» [1]).

На основе опыта первого года войны, когда либеральная буржуазия безоговорочно обещала свою поддержку правительству, Ленин писал, что русская буржуазия стала окончательно контрреволюционной, что война, способствовавшая завершению превращения русских либералов в национал-либералов, еще более связала русскую буржуазию с монархией, сделала ее врагом всякой решительной ломки этой монархии, т. е. врагом революции. Таким образом ленинское понимание буржуазной революции допускает возможность демократической революции не только без буржуазии, но в известной степени и против буржуазии, поскольку она предпочитает старое — третьеиюньскую монархию — новому, к которому путь лежит через революцию.

Ни ход событий в феврале—марте 1917 года, ни связанная с ним ленинская оценка роли буржуазии в первом «письме издалека» в революции не противоречат этой оценке роли буржуазии, данной летом 1915 г. Буржуазия стремилась к смене одного правительства другим, одного монарха другим при сохранении монархии. Ее позиция отличалась от позиции контрреволюционной крепостнической клики, но это еще не значит, что она была революционной. Буржуазия с помощью идеологии «защиты отечества» пыталась дезорганизовать силы революции, заставить мелкую буржуазию пойти на компромисс с царизмом. Она продолжала отстаивать либеральную линию в русской революции, которая «состояла в «успокоении» и раздроблении борьбы масс, ради примирения буржуазии с монархией» [2]).

Меньшевики в полном соответствии с интересами либеральной буржуазии выдвинули [3]) лозунг Учредительного собрания, как самостоятельный лозунг.

---

[1]) Ленин, т. XIII, стр. 111. Брош. «Социализм и война», написанная летом 1915 года.

[2]) Там же, стр. 211, ст. «О двух линиях революции».

[3]) См. выше.

Ленин в «Нескольких тезисах» писал:

«лозунг «Учредительного собрания», как самостоятельный лозунг, неверен, ибо весь вопрос т е п е р ь в том, кто созовет его. Либералы принимали этот лозунг в 1905 году, ибо его м о ж н о б ы л о толковать в смысле созванного царем и соглашающегося с ним собрания» [1]).

Большевики выдвинули дополнения к лозунгу Учредительного собрания н е п р и е м л е м ы е для либеральной буржуазии лозунги демократической республики, конфискации помещичьей земли и 8-часового рабочего дня.

Лозунг конфискации помещичьей земли в России был лозунгом крестьянской войны, был лозунгом, который должен был привлечь на сторону пролетариата, борющегося против царизма и империализма, широкие массы мелкой буржуазии, в первую голову — крестьянство. Считали ли большевики крестьянство революционным? Они считали его объективно революционным, так как «интересы десятков миллионов мелкой буржуазии и полупролетариев в России непримиримы ни с монархией, ни с крепостниками-помещиками» [2]). Непримиримость интересов крестьянства и помещичьего государства делали его надежным союзником пролетариата в борьбе за искоренение всех остатков крепостничества.

Положение, однако, осложнялось шовинизмом мелкой буржуазии.

«Среди крестьянства,—писал Ленин,— правящей клике при помощи буржуазной печати, духовенства и т. п. тоже удалось вызвать шовинистическое настроение. Но по мере возвращения солдат с поля бойни настроение в деревне несомненно будет меняться не в пользу царской монархии» [3]).

Противоречие интересов крестьянства и помещиков делало шовинизм его непрочным. Ненависть солдата-крестьянина к офицеру-дворянину должна была помочь излечению деревни от патриотического дурмана и ее мобилизации на борьбу с царизмом. Революционный шовинизм мелкой буржуазии, ее колебания между революцией и шовинизмом были колебаниями между пролетариатом и буржуазией.

«Колебания мелкой буржуазии, — писал Ленин, — не случайны, а неизбежны, они вытекают из ее классового положения. Военный кризис у с и л и л экономические и политические факторы, толкающие ее — и крестьянство в том числе— влево. В этом объективная основа полной возможности победы демократической революции в России» [4]).

Итак, хотя и меньшевики и большевики держали курс на буржуазно-демократическую революцию в России, но их понимание буржуазной революции было р а з л и ч н о е, они связывали судьбу революционного движения пролетариата России с р а з н ы м и классами. Меньшевики делали ставку на левение буржуазии, большевики — на левение крестьянства.

Меньшевики связывали победу над «правительством измены» с «самозащитой», т. е. с усилением буржуазного империализма. Большевики стремились сплотить «миллионы мелкой буржуазии и полупролетариев России» под зна-

[1]) Л е н и н, т. XIII, стр. 207.

[2]) З и н о в ь е в. «Война и революционный кризис в России». Собр. соч. т. V. стр. 27.

[3]) Л е н и н, т. XIII, стр. 111.

[4]) Там же, стр. 213.

менем борьбы и против царизма и против империализма, под знаменем пролетариата, на котором было написано: «Долой войну!» «Долой царя!» Большевики считали, что демократическая революция в России может быть закончена, лишь приняв антиимпериалистический характер, перешагнув тем самым за рамки буржуазного строя. Большевики, в противовес меньшевикам, не считали, что на очереди буржуазная революция стоит потому, что Росиия «не созрела» для социализма, что предел изменений в ее строе — в передаче власти из рук помещиков в руки буржуазии. Они лишь подчеркивали, что «революция не может победить в России, не свергнув монархию и крепостников-помещиков. А свергнуть их нельзя без поддержки пролетариата крестьянством» [1]).

Невозможности в России победы революции без привлечения к борьбе с монархией крестьянства Троцкий не понимал. Поэтому его лозунг «без царя, а правительство рабочее» был авантюристическим лозунгом. Невозможность союза пролетариата с крестьянством в целом Троцкий обосновывал расслоением нашей деревни, достигшим такой степени, что о крестьянстве как о целом уже не приходилось говорить. Большевики не преуменьшали значения расслоения деревни.

«Расслоение крестьянства, — писал Ленин, — усилило классовую борьбу внутри него, пробудило очень многие политически спавшие элементы, приблизило к городскому пролетариату сельский... Но антагонизм «крестьянства» и Марковых-Романовых-Хвостовых усилился, возрос, обострился. Это такая очевидная истина, что даже тысячи фраз в десятках парижских статей Троцкого не «опровергнут» ее» [2]).

Троцкий не видел основного антагонизма, не видел того звена, за которое должен был в данный момент ухватиться пролетариат. Троцкий не видел того, что ни столыпинская реформа, ни империалистическая война не сняли с очереди в России «крестьянской войны», которая должна поддержать восстание пролетариата для того, чтобы довести буржуазно-демократическую революцию в России до конца.

Троцкий не понимал основного условия победы пролетариата — завоевания им демократических резервов.

Говоря на словах о пролетарской революции, он на деле отрезал к ней путь тем, что сбрасывал со счетов крестьянские резервы пролетарской революции. Возражая ему, ЦО партии писал в № 45—46 (одновременно с выходом «Нескольких тезисов» Ленина):

«Задача пролетариата — не махать рукой на демократические интересы масс, а высвобождать массы из-под влияния буржуазии, использовать уроки жизни для разоблачения вчерашних либеральных, сегодняшних патриотических иллюзий. Да здравствует вторая демократическая революция в России, открывающая эру мировой пролетарской революции»... [3])

Высвобождение масс из-под влияния либералов и шовинистов, как необходимый этап к пролетарской революции, — это и есть единственно правильная страте-

---

[1]) Ленин, т. XIII, стр. 208.

[2]) Там же, стр. 214.

[3]) Зиновьев, т. V, стр. 217.

гическая установка для пролетариата, идущего к пролетарской революции в стране, где еще существует полукрепостническая эксплоатация крестьянина помещиком.

Схема Троцкого была не только неверна тактически, но и ее теоретическая подоснова была глубоко ошибочной. Ставя в порядок дня в России социалистическую революцию, Троцкий не мог к ней указать верных путей, так как, помимо ошибочной оценки движущих сил революции, исходил из неверного анализа особенностей эпохи империализма и из немарксистского, антидиалектического противопоставления буржуазно-демократической революции — революции социалистической.

По Троцкому у русской революции возможны две взаимно исключающие друг друга перспективы развития и в связи с ними две установки у партии пролетариата:

«Ставим ли мы,— пишет Троцкий,— развитие русской революции,— а, значит, практически движение русского пролетариата в зависимость от революционного движения русской интеллигенции, мелкой городской буржуазии и крестьянства? Или же мы подчиняем движение российского пролетариата задачам и целям движения всего европейского пролетариата, и российскую революцию ставим в зависимость от пролетарской борьбы во всем капиталистическом мире? Словом, держим ли мы основной курс всей нашей политики на национальную буржуазную революцию или интернациональную революцию пролетариата» [1].

По иронии судьбы Троцкий, с именем которого связана так называемая «теория перманентной революции», выступил накануне революции 1917 года с теоретической установкой, в корне отрицающей возможность перманентного развития буржуазной революции в социалистическую. Троцкий выступил тем самым против марксистско-ленинской идеи «перерастания» как раз накануне того, как эта идея воплотилась в жизнь.

Большевиков к постановке вопроса о «перерастании» подводила старая большевистская схема революции, ленинский анализ эпохи империализма и пролетарской революции [2]) и оценка ими характера и движущих сил революции. Большевистскую оценку движущих сил революции мы только что разобрали. Борьба крестьянства за землю помещиков, переплетаясь с борьбой пролетариата, должна была придать ей огромный размах, способный вызвать революцию на Западе и на Востоке, т. е. поставить под удар всю систему империализма. Связь борьбы против царизма с борьбой против империализма, связь довершения демократической революции с превращением ее в антиимпериалистическую пролетарскую — все это подводило вплотную к постановке вопроса о перерастании демократической революции в социалистическую. Оценка характера надвигающейся революции была дана Лениным в статье «Несколько тезисов», написанной в октябре 1915 года, и в развивающей ее статье «О двух линиях в революции». Оценка характера революции дана тезисами в целом, но один из них, 5-й тезис, дает следующую, далеко не исчерпывающую формулировку:

---

[1]) Троцкий. «Война и революция», т. I, изд. 3-е, стр. 265. Разрядка наша.

[2]) См. выше.

«Социальным содержанием ближайшей революции в России может быть только революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства» [1]).

Значит ли это, что ленинская оценка характера предстоящей революции сводилась к определению ее, как буржуазно-демократической революции, как это истолковал т. Каменев в своей речи на XV партконференции? Ленинское толкование формулы «демократической диктатуры», данное им еще в 1905 году в «Двух тактиках», не оставляет сомнения в том, что эта формула не ограничивает характера революции рамками буржуазной революции. Вот оно:

«У революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства есть, как и у всего на свете, прошлое и будущее. Ее прошлое — самодержавие, крепостничество, монархия, привилегия. ...Ее будущее — борьба против частной собственности, борьба наемного рабочего с хозяином, борьба за социализм» [2]).

Итак, формула «демократической диктатуры» допускает возможность истолкования ее не в смысле оценки социального содержания ближайшей революции как буржуазно-демократической. Какое содержание надо вложить в эту формулу в данном случае?

Для выяснения этого вопроса обратимся к самим тезисам. Они начинаются с указания на недостаточность лозунга Учредительного собрания и «трех китов» и на необходимость добавления к лозунгам «трех китов» призыва на борьбу против шовинизма и за социализм (тезисы 1 и 9). Они говоряг о том, что задача пролетариата в России — довести до конца буржуазно-демократическую революцию «чрезвычайно приблизилась» к задаче борьбы за социализм (тезис 6). Дальше — отказ от участия во Временном революционном правительстве с шовинистической мелкой буржуазией, отказ от поддержки правительства революционных шовинистов (тезисы 7 и 9) и, наконец, постановка в числе «злободневных вопросов» вопроса о переходе власти к большевикам до окончания войны 1914 года.

Наиболее значительным является добавление к «трем китам», заключающееся в пункте 9-м тезисов. Об этом пункте позже Ленин писал [3]), что он за $1^1/_2$ года правильно указал тактику большевиков в революции 1917 года.

Смысл этого добавления становится ясней при рассмотрении пункта 9-го тезисов, к которому и отсылает вставка после слов «с добавлением». Этот пункт начинается словами: «Если бы в России победили революционеры-шовинисты, мы были бы против обороны их «отечества». И дальше: «Наш лозунг — против шовинистов, хотя бы революционеров и республиканцев, против них и за союз международного пролетариата для социалистической революции» [4]).

Каков смысл этого добавления к старым лозунгам? Смысл его тот, что пролетариат России в числе своих ближайших задач должен поставить борьбу не только против царизма за буржуазно-демократическую революцию,

[1]) Ленин, т. XIII, стр. 208.
[2]) Ленин, т. VI, стр. 359.
[3]) В письме Ганецкому, см. «Ленинский сборник», т. II, стр. 370.
[4]) Ленин, т. XIII, стр. 209.

но и против русских республиканцев-шовинистов за социалистическую революцию. Ленинский лозунг 1917 года «никакой поддержки Временному правительству» уже в основном дан. Дано в основном и положение апрельских тезисов о возможности немедленного перехода от первого этапа революции ко второму этапу, «который должен дать власть в руки пролетариата и беднейших слоев крестьянства»...

Ведь борьба против правительства революционеров-шовинистов — это значит немедленный переход от борьбы против царизма к борьбе против империализма, которая должна привести к переходу власти к последовательно-антиимпериалистическому классу пролетариата и к наиболее враждебному империалистической буржуазии слою крестьянства — к бедноте. Переход власти к пролетариату и бедноте означает приход к власти нашей партии. О нем Ленин и говорит в тезисе 11-м. Содержание этого тезиса ясно говорит о том, что речь идет о социалистическом правительстве. В случае столкновения между правительством большевиков и империалистическими государствами

«...мы должны были бы,— пишет Ленин,— подготовить и повести революционную войну, т. е. не только полностью провели бы самыми решительными мерами всю нашу программу-минимум, но и систематически стали бы поднимать на восстание все ныне угнетенные великороссами народы, все колонии и зависимые страны Азии (Индию, Китай, Персию и пр.), а также — и в первую голову — поднимали бы на восстание социалистический пролетариат Европы против его правительств и вопреки его социал-шовинистам» [1]).

Ленин ясно говорит, что став у власти, партии пришлось бы перейти за пределы программы-минимум, т. е. за пределы программы, осуществимой в рамках капиталистического способа производства. Если сопоставить это место из «Нескольких тезисов» с местом из статьи «О лозунге Соединенных Штатов Европы», где говорится, что

«победивший пролетариат этой страны, экспроприировав капиталистов и организовав у себя социалистическое производство, встал бы против остального капиталистического мира, привлекая к себе угнетенные классы других стран [2]),

то ясно видно, что Ленин считал Россию «созревшей» для строительства социализма. В этом отличие большевистской позиции от меньшевистской. От Троцкого (так же как и от меньшевиков) Ленин отмежевывается в тезисе 6-м, который гласит:

«Задача пролетариата России — довести до конца буржуазно-демократическую революцию в России, дабы разжечь социалистическую революцию в Европе. Эта вторая задача теперь чрезвычайно приблизилась к первой, но она остается все же особой и второй задачей, ибо речь идет о разных классах, сотрудничающих с пролетариатом России: для первой задачи сотрудники — мелкобуржуазное крестьянство России, для второй — пролетариат других стран» [3]).

---

[1]) Ленин, т. XIII, стр. 209. Курсив наш. Ред.
[2]) Там же, стр. 133.
[3]) Там же, стр. 208.

Итак, в тезизах говорится, что «теперь вторая задача чрезвычайно приблизилась к первой». Это положение дано в более развернутом виде в статье «О двух линиях революции», где говорится, что

«освобождением буржуазной России от царизма, от земельной власти помещиков пролетариат воспользуется немедленно не для помощи зажиточным крестьянам в их борьбе с сельским рабочим, а — для совершения социалистической революции в союзе с пролетариями Европы».

Ленинская оценка внутренних сил революции, оценка ее как части мировой социалистической революции наиболее четко дана в недавно опубликованной статье Ленина «Поражение России и революционный кризис», написанной им осенью 1915 г. В этой статье он пишет:

«Империалистская война связала революционный кризис в России, кризис на почве буржуазно-демократической революции, с растущим кризисом пролетарской, социалистической революции на Западе. Эта связь настолько непосредственна, что никакое отдельное решение революционных (задач?) в той или иной стране невозможно: буржуазно-демократическая революция в России теперь уже не только пролог, а неразрывная составная часть социалистической революции на Западе.

Довести до конца буржуазную революцию в России, чтобы разжечь пролетарскую революцию на Западе, — так ставилась задача пролетариата в 1905 г.

В 1915 г. вторая половина этой задачи стала настолько насущной, что она на очередь становится с первой» [1]).

Итак, благодаря войне революция в России «уже не только пролог, а неразрывная составная часть социалистической революции на Западе». В 1905 г. русская революция должна была стать «ступенькой» к социалистической революции на Западе, в 1915 г. она стала неразрывной составной частью ее. Россия «созрела» для социалистической революции не только в силу концентрации и бурного развития капитализма в течение десятилетия после 1905 г., но и главным образом в силу того, что она стала неразрывной частью системы мирового империализма, в силу новых, более высоких, более развитых, более переплетенных международных отношений. Империалистическая война связала воедино национальную буржуазную революцию в России с интернациональной пролетарской революцией на Западе.

В отличие от вышеприведенной дилеммы Троцкого: пролетариат России должен взять курс или на национальную буржуазную революцию или на интернациональную пролетарскую, Ленин не противопоставляет одну другой. В ленинской концепции одна вырастает из другой, одна перерастает в другую.

Намечая перспективу перерастания, Ленин подчеркивает необходимость различать одну от другой. В чем это различие?

В «Нескольких тезисах» Ленин пишет, что отличие одной от другой в том, что в демократической революции союзником пролетариата России является «мелкобуржуазное крестьянство России», а в социалистической — «пролетариат других стран». Не значит ли это, что Ленин считал возможной социали-

[1]) См. газ. «Правда» от 7 ноября 1928 г. После «революционных» пропущено слово, очевидно надо: «задач».

стическую революцию в России лишь при условии революции на Западе? Не значит ли это, что Ленин не видел внутренних сил для перехода от демократического этапа революции к ее социалистическому этапу?

В разобранном выше тезисе 11-м Ленин ясно говорит, что в России власть к пролетариату может перейти р а н ь ш е, чем в какой-либо из западных стран, что пролетарская революция в России и созданное ею пролетарское государство может явиться б а з о й дальнейшего развертывания мировой социалистической революции.

Вопрос об у с л о в и я х «перерастания», об условиях перехода от демократического этапа революции есть вопрос о «соответствии и содействии» революции в России и социалистической революции, это есть вопрос о с о ю з н и к а х пролетариата при переходе от борьбы за демократию к борьбе за социализм, это есть, в конечном счете, вопрос о в н у т р е н н и х с и л а х нашей революции.

Вопрос о возможности «соответствия и содействия» революционного в буржуазно-демократическом смысле движения в России и социалистического на Западе не был для большевиков спорным и до войны, а тем более во время войны. В брошюре «Социализм и война» [1]) и ряде статей и писем Ленин ставит этот вопрос, главным образом, как вопрос о возможности воздействия русской революции на революцию в передовых капиталистических странах. В отличие от меньшевиков Ленин не считал, что социалистическая революция должна итти с Запада, переходя от передовых стран к более отсталым. В отличие от Троцкого Ленин не ставил судьбу русской революции в зависимость от того, поспеет или не поспеет притти на помощь победивший пролетариат Запада. Ленин лишь указывал, что н а и б о л е е н а д е ж н ы м союзником пролетариата России, берущего власть, может быть пролетариат Запада, что з а в е р ш е н и е социалистической революции возможно в союзе с ним.

Был ли международный пролетариат е д и н с т в е н н ы м возможным союзником в борьбе с империализмом? В тезисах нет еще речи о другом возможном союзнике, но прощупывается уже переход от союза с крестьянством в целом к союзу с крестьянской беднотой. Так в 5-м тезисе, где говорится о борьбе вместе с крестьянством в целом против царизма, отмечается, что расслоение деревни сделало шаг вперед и что «за необходимость о т д е л ь н о й организации сельских пролетариев мы стояли и стоим безусловно во всех и всяких случаях». В тезисе 3-м говорится об особом значении распространения партийной работы «на сельский пролетариат, на деревенскую бедноту и на войско». В заключительном абзаце статьи «О двух линиях революции» подтверждается, что «освобождением буржуазной России от царизма пролетариат воспользуется немедленно н е д л я п о м о щ и з а ж и т о ч н ы м к р е с т ь я н а м в и х б о р ь б е с с е л ь с к и м и р а б о ч и м и»... [2])

Помимо этих мест, где упоминаются сельские пролетарии (это еще не беднота, а лишь пролетарии), в тезисах, в целом, заложена мысль о переходе к союзу с беднейшим крестьянством. Считая мелкую буржуазию шовинисти-

---

[1]) Л е н и н, т. XIII, стр. 80.

[2]) Т а м же, стр. 214. Курсив мой. *Д. Б.*

ческой и одновременно с этим считая возможной борьбу пролетариата против правительства шовинистов за власть, Ленин не мог говорить о том, что пролетариат о д и н придет к власти. Такая постановка вопроса идет вразрез со всей ленинской концепцией. Следовательно, Ленин предполагал, что пролетариат сможет опереться на беднейшее крестьянство. Вопрос о союзе с беднотой, не новый у Ленина («Две тактики», 1905 г.), ставится им в 1915 г. п о - н о в о м у, в связи с необходимостью борьбы против империализма и революционного шовинизма.

В первом же «Письме издалека», написанном 20 (7) марта, т. е. несколько дней спустя после получения известия о свержении царского правительства и упрочении нового, буржуазного, правительства, Ленин снова ставит вопрос о союзниках пролетариата при переходе его от первого этапа революции ко второму.

Теперь, когда этот переход стал р е а л ь н ы м, Ленин переходит от более общей постановки вопроса о союзниках пролетариата к более к о н к р е т н о й. Итак:

...«Каковы союзники пролетариата в д а н н о й революции? У него д в а союзника,— отвечает Ленин: — во-первых, широкая, много десятков миллионов насчитывающая, громадное большинство населения составляющая масса полупролетарского и частью мелкокрестьянского населения в России. Этой массе н е о б х о д и м мир, хлеб, свобода, земля...

«Во-вторых, союзник русского пролетариата есть пролетариат в с е х воюющих и всех вообще стран. Он в значительной степени придавлен войной сейчас, и от имени его слишком часто говорят перешедшие и в Европе, как Плеханов, Гвоздев, Потресов в России, на сторону буржуазии социал-шовинисты. Но освобождение пролетариата из-под их влияния шло вперед с каждым месяцем империалистской войны, а русская революция н е и з б е ж н о ускорит этот процесс в громадных размерах» [1]).

Итак, Ленин не считал безусловно необходимой революцию на Западе для перехода русской революции от демократического этапа к социалистическому. В отличие от меньшевиков и от Троцкого большевики считали, что в надвигающейся р е в о л ю ц и и д о с т а т о ч н о в н у т р е н н и х с и л для п е р е х о д а к с т р о и т е л ь с т в у с о ц и а л и з м а.

Статьи и тезисы 1915 г. ставят вопрос о перерастании, как вопрос о переходе от союза с крестьянством России к союзу с пролетариями Запада.

Ленин конц нтрирует внимание партии на тех задачах, которые в д а н н ы й момент являются о с н о в н ы м и. А таких задач в то время было две: 1) увлечь демократические массы России на штурм против царизма, 2) увлечь пролетариат Запада на борьбу с империализмом за социализм, увлечь его примером, почином, революцией в России. Наиболее полная, быстрая и решительная победа революции в России возможна была при этих условиях, но не исключительно при этих условиях.

Тезисы, ставя эти две задачи, говорят пролетариату России: надо бить и по царизму и по империализму, а иначе победа революции будет неполной. Бить по империализму надо не только в России, но и одновременно во всех капиталистических странах. Пролетариат России должен бороться не только

[1]) «Ленинский сборник», т. II, стр. 332, 333.

против крепостнической реакции, но и против «б у р ж у а з н о й реакции» [1]), против социал-шовинизма. Борьба с социал-шовинизмом выступает одновременно и как внутренняя и как внешняя международная задача пролетарских революционеров России.

Стержнем всей генеральной тактической линии, вытекающей из позиции большевиков, была борьба и против царизма и против империализма. Разъясняя основные большевистские лозунги: «поражения» и «гражданской войны», ЦО в № 38 писал: «П р о т и в ц а р и з м а и п р о т и в б у р ж у а з н о г о и м п е р и а л и з м а — таков наш лозунг» [2]). Главные вехи тактической линии партии, данные в резолюциях Бернской конференции заграничных секций РСДРП и в «Нескольких тезисах», являются развитием этого основного лозунга партии. Лозунг «полный разрыв с политикой национального мира (Bloc national, Burgfrieden)» в резолюциях Бернской конференции направлен не только против правительства, но и против буржуазии. Партийно-организационные задачи в этих же резолюциях поставлены тоже в плане борьбы против агентов империализма — социал-шовинистов:

«...Восстановление партийных с.-д. организаций рабочего класса н а б а з е р е ш и т е л ь н о г о о р г а н и з а ц и о н н о г о р а з м е ж е в а н и я с с о ц и а л - ш о в и н и с т а м и» [3]).

Размежевание с социал-шовинистами является основным принципом строительства партии на данный период. Соглашение с революционерами-шовинистами допустимо лишь при условии полнейшего идейного размежевания.

«Мы не будем, — пишет Ленин А. Шляпникову, — выпускать общих воззваний и манифестов с революционерами-патриотами, будем и з б е г а т ь думских «блоков» с ними, избегать «объединения» с ними при выступлениях на съездах, манифестациях и т. п. Но т е х н и ч е с к и е взаимные услуги, раз на них пойдут патриоты, — будут, вероятно, возможны (как до 1905 г. с либералами), и мы от них не откажемся [4]).

Итак, в отношениях социал-шовинистов основная линия — и з о л я ц и я их (как либералов в 1905 г.), при допустимости технических взаимных услуг (тоже как с либералами до 1905 г.). Эта основная директива свидетельствует об изменении социального содержания работы партии, намечающем расширение ее стратегической установки. Ограничение сотрудничества с социал-шовинистами предполагает, понятно, недопустимость сотрудничества с буржуазией в деле обороны страны. «Мы против участия в военно-промышленных комитетах, помогающих вести империалистскую, реакционную войну» [5]), писал ЦО партии в № 47, подчеркивая недопустимость какой бы то ни было «координации усилий» с буржуазией, ведущей реакционную войну.

Недопустимость участия в создаваемых буржуазией для обороны организациях еще не означала бойкота всех организаций третьеиюньской монархии.

---

[1]) Л е н и н. «О двух линиях революции», т. XIII, стр. 112.

[2]) З и н о в ь е в, т. V, стр. 52.

[3]) Л е н и н, т. XIII, стр. 49. Курсив наш. Р е д.

[4]) «Ленинский сборник», т. II, стр. 247—248.

[5]) Л е н и н, т. XIII, стр. 207.

«О бойкоте Государственной думы, — читаем мы там же, — не может быть и речи» [1]). Не бойкот, а революционное использование парламентаризма — такова была директива партии, блестяще выполненная депутатами-большевиками.

Наряду с этим Ленин в «Нескольких тезисах» предостерегает от фетишизации революционных организаций — Советов рабочих депутатов, от выбрасывания лозунга их организации вне «связи с развитием массовой политической стачки» и вне связи с восстанием.

«Важнейшей задачей революционной социал-демократии, — пишет там Ленин, — является развивать начавшееся стачечное движение» [2]).

Таким образом, тактическая линия большевиков в годы войны является продолжением линии партии, выработанной в годы реакции и подъема («использование легальных возможностей», развитие стачечной борьбы и т. п.), но в ней имеются уже н о в ы е элементы, связанные с подготовляющимся переходом к новому стратегическому плану. Позиция партии, ее тактика, ее организация и практическая партийная работа — все это носит на себе отпечаток переходной эпохи, эпохи перехода от борьбы с самодержавием за демократию к борьбе с империалистической буржуазией за социализм.

Позиция, занятая большевиками и меньшевиками, определила их тактику. Позиция Троцкого не создала особой троцкистской тактики. Троцкий остался на крайнем левом фланге созданной при его содействии ликвидаторской партии августовского блока. Его критическое отношение к Плеханову и группе «Самозащиты» не мешало ему быть одним из звеньев меньшевистской цепи. Не признавая Плеханова, он «признавал» фракцию Чхеидзе, Чхеидзе держался за Мартова, Мартов за Потресова, Потресов за Плеханова... Все они, дружески критикуя друг друга, признавали своих соседей «законным оттенком» в социал-демократии и покрывали перед рабочими оппортунистические грешки своего ближайшего соседа «справа». Чтобы доказать отсутствие у Троцкого самостоятельной тактической линии, достаточно указать на тактику органа Троцкого, газеты «Наше слово», по двум важнейшим вопросам этого времени: 1) об отношении рабочих к оставшимся после ареста депутатов-большевиков депутатам-меньшевикам во главе с Чхеидзе, 2) о вхождении рабочих в военно-промышленные комитеты.

О фракции Чхеидзе Троцкий в своем органе писал неоднократно, что она является действительной представительницей русских рабочих, стоящей на позиции последовательного интернационализма. Больше того: Троцкий в своем органе писал, что между большевистской частью с.-д. фракции (пошедшей за свою подпольную антивоенную работу в Сибирь) и меньшевистской ее частью (организовавшей в лице Скобелева комитеты помощи больным и раненым воинам, «успокаивавшей» стачки и т. д. и т. п.) нет никакой принципиальной разницы. К этому надо еще прибавить, что фракцию Чхеидзе, колебавшуюся между позицией активного содействия войне («до победы») и пассивного

---

[1]) Ленин, т. XIII, стр. 207.

[2]) Там же, стр. 208.

ей содействия («непротиводействия»), практически сотрудничавшую с Потресовыми-Гвоздевыми, он считал революционной и интернационалистской. «Левая» концепция и «платонический интернационализм» служили Троцкому для того, чтобы скрывать оппортунизм своих единомышленников.

Это видно особенно ясно на примере отношения «Нашего слова» к участию рабочих в военно-промышленных комитетах.

«В нашей среде, среди интернационалистов, есть сторонники взгляда, что целесообразнее было бы выборы произвести» [1]). И дальше: «Среди петроградских интернационалистов были и такие, которые полагали, что рабочие должны участвовать в комитете». Троцкий выдает гвоздевцам аттестат на звание «интернационалистов», считает их мнение «законным оттенком» и даже предлагает своим читателям их линию, как одну из возможных вариаций тактики интернационалистов.

Все это доказывает правильность ленинских выводов в статье «Прикрытие социал-шовинистской политики интернационалистскими фразами», что кампания выборов в военно-промышленные комитеты доказала, «что есть два, всего только два течения» [2]), и что выдумывать «т р е т ь ю группу» может только Троцкий в своей заграничной газете «Наше слово», которую русские рабочие не прочтут и потому не смогут посмеяться над саморазоблачением Троцкого, считающего себя снова сверхчеловеком, партийным суперарбитром, представляющим «третье течение», истинно интернационалистское, истинно революционное.

История революционного рабочего движения в годы войны — это история борьбы двух линий, двух тактик, двух течений: буржуазно-либерального и социал-империалистского и пролетарского революционно-интернационалистского.

6) ПАРТИЙНАЯ РАБОТА И ПАРТИЙНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО В ГОДЫ ВОЙНЫ.

В России начало войны совпадает с резким переломом в рабочем движении. Стачечная кривая, нараставшими взлетами подымавшаяся вплоть до середины июля 1914 г., уже во вторую половину июля резко падает вниз и в течение года не дает ни одного значительного подъема. Военно-феодальная реакция, усиленная буржуазной реакцией, совпала с затишьем в рабочем движении. Волна шовинизма не столкнулась с встречной волной революционных рабочих выступлений. Если рабочий класс и протестовал против войны, то протест его был пассивный: он сохранил угрюмое молчание, не присоединил своего голоса к хору «общенационального единения». Случаи активного присоединения рабочих к шовинистическим манифестациям первых дней войны редки. Еще реже случаи контрдемонстраций, столкновений мобилизованных рабочих с полицией. «Подавленное тревожно-унылое настроение сковало всех», пишет А. Г. Шляпников. Разгром рабочей печати и рабочих организаций, мобилизации, режим военного времени, шовинистический угар, охвативший все слои населения, — все это подавляло рабочий класс.

---

[1]) «Наше слово» № 220, 31 октября 1916 г.

[2]) Л е н и н, т. XIII, стр. 217.

Массовое «изъятие» наиболее революционных и классово-сознательных элементов рабочего класса, придавленность и, местами, шовинизм рабочей массы создавали невероятно трудные условия для работы большевиков. Рабочие, еще недавно шедшие за партией, теперь либо оставались глухи к ее призывам (Петербург), либо даже враждебно встречали антивоенную агитацию большевиков (Харьков). Вот наиболее характерные для этого периода отрывки из воспоминаний тт. Кондратьева и Балтина-Блума. Первый пишет, что после большой подготовительной работы Петербургского комитета, после выпуска листовок, несмотря на недавно происшедшие аресты депутатов-большевиков, никто из рабочих не вышел по призыву ПК на улицу.

«Искрестив весь Невский вдоль и поперек, — пишет т. Кондратьев, — мы только встречали наших товарищей, которые в этот день частично бросили работу. Весь остальной индустриальный петербургский пролетариат попрежнему угрюмо молчит» [1]).

Еще менее утешительную картину рисует работавший в это время в Харькове т. Балтин-Блум: «Назвать себя «большевиком» или «пораженцем» в это время никто не смел, даже в рабочей среде, не подвергаясь риску быть арестованным или избитым самими же рабочими». Таково было в это время положение дел в двух крупнейших центрах, где позже большевики были наиболее сильны. Такое же положение было, судя по другим воспоминаниям, и в Самаре, Екатеринославе, Саратове, Москве и др. городах.

Возможность вести массовую работу в этот первый период, продолжавшийся примерно год (июль 1914 г. — июль 1915 г.), была ничтожная. Основная задача партийной работы во время этой полосы затишья была — сохранить нелегальные организации, уберечь их от разброда и развала. Недавно окончательно сложившаяся большевистская партия подверглась тягчайшим испытаниям.

Огромное значение имела измена вождей II Интернационала. Сейчас, когда каждый пионер знает, что вожди II Интернационала — это социал-предатели, трудно представить впечатление, произведенное на партийцев этим переходом на сторону своей буржуазии признанных теоретиков и авторитетных вождей Интернационала. К этому надо прибавить, что о позиции Ленина и ЦК партии в целом в первые месяцы войны в России ничего известно не было. Возможности обмена мнений в партии и вынесения решений на областных или губернских конференциях тоже не было. Партийная печать до ноября, когда вышел подпольный ЦО, тоже отсутствовала.

И в такой обстановке оборонческую позицию заняли лишь единичные большевики. Все большевистские организации, имевшие возможность в прокламациях высказать свое отношение к войне, заняли вполне определенно антивоенную позицию, все они заканчивались лозунгом «Долой войну», «Война войне». Среди всеобщей придавленности и разгула шовинизма одни лишь большевики выступили с активным протестом против войны, одни лишь большевики не потеряли своего лица, не поплелись вслед за империалистической буржуазией. Партия с честью выдержала испытание. Это объясняется тем, что

[1]) «Красная летопись» № 5 за 1922 г., стр. 237.

теперь она была более однородна, чем в дни разгрома движения в 1907 г. Она была идейно монолитна и опиралась на целый слой рабочих «правдистов». Этот слой рабочих-большевиков очень сильно пострадал от мобилизаций и от репрессий правительства, но уничтожить его было нельзя. Сбить его с правильной дороги, дезориентировать и дезорганизовать его изнутри тоже не удалось. Поэтому большевики были единственной партией, устоявшей перед шовинистической волной.

Единственным организующим центром партии и выразителем мнений революционного пролетариата в первые месяцы была «пятерка» депутатов большевиков (см. таблицу № 4). Она добилась согласия меньшевистской части фракции голосовать в Государственной думе (см. таблицу № 5) против военных кредитов, но зато выступила в общей декларации с ними. Эта декларация была составлена в духе пацифистского неприятия войны и включала внесенный меньшевиками абзац о «защите культурных ценностей страны» [1]).

Депутаты-большевики были недовольны этой декларацией. «Мы думали, — пишет А. Бадаев, — что в этой думской декларации не выражено вполне отношение самой рабочей массы к войне и неточно формулировано н а ш е отношение к войне» [2]).

На другой же день после общего выступления против кредитов пути большевиков и меньшевиков-депутатов резко разошлись. Тогда как меньшевики ушли в свою ликвидаторско-оборонческую работу в легальных организациях, большевики-депутаты решили «слово претворить в действие», притти в рабочие массы с антивоенной пропагандой. Недавно вернувшиеся из поездки по промышленным районам депутаты-большевики снова разъехались на места. Муранов после своей поездки по Поволжью и Уралу поехал в Харьков, Шагов — в Костромскую губернию, Петровский — в Донбасс, Ф. Н. Самойлов тотчас по приезде из-за границы поехал в Иваново-Вознесенск, А. Бадаев работал в Петербурге. Вся «пятерка» в целом, по словам А. Бадаева, входила в Бюро ЦК. Депутаты-большевики, пользуясь своей становившейся все более призрачной «неприкосновенностью», пытались помочь местным партийным организациям оформить свою позицию в вопросе о войне.

Поводом для вынесения решения большевистских организаций по вопросу о войне было обращение бельгийского министра-социалиста и председателя МСБ II Интернационала Э. Вандервельде к социал-демократической фракции Думы. Проект ответа Вандервельде обсуждался в Харькове (при участии Муранова), в Москве и на некоторых заводах Петербурга.

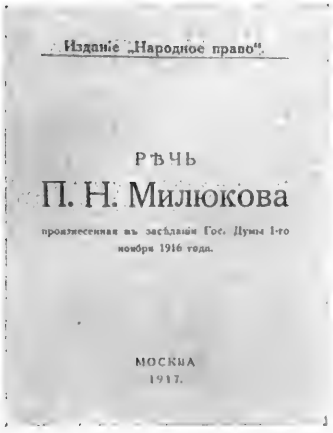
Окончательная формулировка ответа Вандервельде была выработана на партийном совещании в Финляндии. Это совещание, состоявшееся 30 сентября — 1 октября, представляло как бы расширенное заседание пленума русской части ЦК с видными петербургскими работниками. Кроме большевиков на этом совещании присутствовало несколько марксистских либералов-небольшевиков. На повестке стояло два вопроса: 1) обсуждение ответа Э. Вандервельде,

---

[1]) См. Воспоминания Н. К р е с т и н с к о г о. «Пролетарская революция» № 7 (30) за 1924 г., стр. 60.

[2]) «Красная летопись» № 1(10) за 1924 г., стр. 87.

IV ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА


Издание „Народное право".

РѢЧЬ

П. Н. Милюкова

произнесенная въ засѣданіи Гос. Думы 1-го ноября 1916 года.

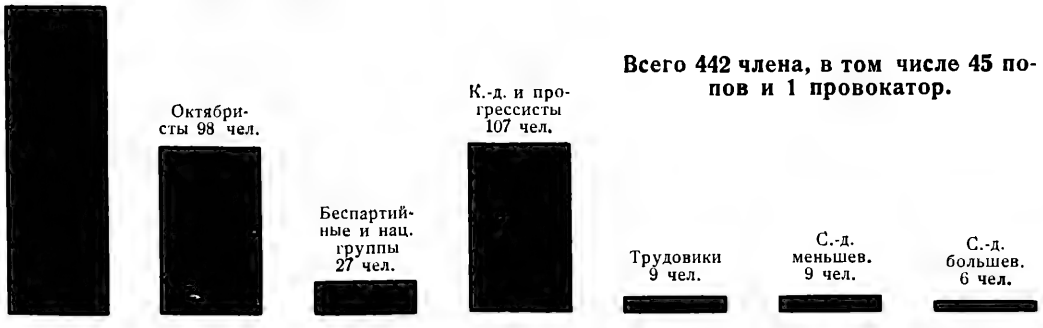
МОСКВА
1917.

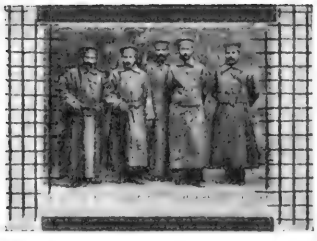
М. И. Родзянко.

Владелец десятков тысяч десятин земли. Окончил пажеский корпус, служил офицером в гвардии. Председатель IV Государственной думы.

СООТНОШЕНИЕ ПАРТИЙНЫХ ГРУППИРОВОК В IV ГОСУД. ДУМЕ

Всего 442 члена, в том числе 45 попов и 1 провокатор.





ЧТО ЭТО — ГЛУПОСТЬ ИЛИ ИЗМЕНА?

Из запроса правительству.

НАДО РАЗ И НАВСЕГДА ПОКОНЧИТЬ С ЛЕГЕНДОЙ О РЕВОЛЮЦИОННОЙ РОЛИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ

(Лелевич. Февраль в белогвардейском описании. «Пролет. револ.» № 1 (13), стр. 188).

Прогрессивный блок в Государственной думе явился последствием необходимости самообороны и борьбы с нарождающимся революционным движением в стране...

Признание М. В. Родзянко в его книге «Государственная дума и Февральская революция».

В февральские дни... фактически Дума оказалась упраздненной с первых же дней. Говорят, представители прогрессивного блока плакали по домам в истерике от бессильного отчаяния.

(Воспоминания Станкевича, стр. 70—71).

ОТ ИМЕНИ МОИХ ИЗБИРАТЕЛЕЙ ПРОШУ СДЕЛАТЬ ЗАПРОС ОБ ИЗМЕНЕ В ЦЕНТРАЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ.

(Из письма Керенского Родзянке в 1915 г.)

СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ФРАКЦИЯ IV ГОСУДАРСТВ. ДУМЫ

ПЯТЕРКА БОЛЬШЕВИКОВ

АРЕСТОВАННАЯ В НОЯБРЕ 1914 Г. ПО ОБВИНЕНИЮ В „ПОРАЖЕНЧЕСТВЕ“ И СОСЛАННАЯ В СИБИРЬ НА ПОСЕЛЕНИЕ, ОТКУДА ВЕРНУЛАСЬ ПОСЛЕ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 г.

Бадаев А. Е. (р. в 1883 г.)
Член IV Государственной думы от рабочей курии Петербургской губернии. Рабочий. Большевик. В партии с 1904 г.

Муранов М. И. (р. в 1873 г.)
Член IV Государственной думы от рабочей курии Харьковской губерн. Большевик. В партии с 1903 г. Ныне чл. ЦКК ВКП (б) и Верховного суда РСФСР.

Петровский Г. И.
(р. в 1879 г.)
Член IV Госуд. думы от рабочей курии Екатеринославской губернии и один из руководителей большевистской части с.-д. думской фракции. Рабочий. Старый большевик. В партии с 1897 г. Председатель ВУЦИКа и ЦИКа СССР.

Самойлов Ф. Н.
(р. в 1882 г.)
Член IV Госуд. думы от рабочей курии Владимирской губернии. Рабочий. Большевик. В партии с 1903 г. Работник ЦК ВКП(б).

Шагов Н. Р.
(1882—1918 гг.)
Член IV Государственной думы от рабочей курии Костромской губернии. Рабочий. Большевик.

ПРОВОКАТОР

Малиновский Р. В.
(1878—1918 гг.)

Член Государственной думы от рабочей курии Московской губернии, одновременно был секретным сотрудником департамента полиции. Пользуясь своим ораторским талантом, выдвинулся среди других депутатов. Летом 1913 г., опасаясь раскрытия своих связей с деп. полиции, принужден был выйти из думы и уехать за границу. В 1918 г. приехал в Петроград, добровольно отдался в руки суда и был расстрелян по приговору Верховного трибунала.

2) доклад о текущем моменте, ближайших задачах и тактике партии в связи с текущими событиями.

Принятые на этом совещании резолюции оформили антивоенную позицию партии. В ответе Вандервельде говорится о недопустимости поддержки правительства, ведущего войну, и о необходимости использовать военный кризис «в интересах российской свободы» [1]). Резолюция по вопросу об отношении к сборам в пользу жертв войны начинается словами: «Рабочий класс не может ни в каком виде поддержать правительство и войну» [2]).

На этом же совещании решено было созвать второе с представителями промышленных районов. Местом совещания была выбрана дачная местность под Петроградом — Озерки... Началось совещание 4 ноября. На совещание приехали представители: от Иваново-Вознесенска — рабочий И. А. Воронин, из

Депутаты IV Думы большевики в ссылке.

Харькова — В. И. Яковлев, из Риги — Линде (Печак) и от Петербурга — Н. К. Антипов и рабочий Путиловского завода И. А. Козлов. Основной задачей совещания было обсуждение тезисов Ленина 6—7 сентября об отношении к войне. В ночь на 5 ноября в квартиру, где происходило совещание, нагрянула полиция и арестовала всех собравшихся, кроме депутатов, которых лишь обыскала. Через несколько дней арестовали и депутатов. Правительство произвело это нарушение «депутатской неприкосновенности», будучи уверено, что никакого протеста со стороны Думы оно не встретит. И действительно, империалистическая буржуазия, в лице своих представителей в Думе, была вполне солидарна с правительством, арестовавшим большевиков, осмелившихся выступить против войны.

---

[1]) «Красная летопись» № 1(10) за 1924 г., стр. 103.

[2]) Там же, стр. 104.

Правительство давно уже подготовляло «изъятие» депутатов-большевиков и постановку большого процесса о государственной измене. Теперь в его руках оказались материалы, документально подтверждающие «пораженчество» депутатов-большевиков. И все же правительство, из опасения выступлений рабочих, не предало депутатов военному суду. На следствии Каменев и некоторые депутаты не только не отказались от дачи показаний, но заявили даже о своем несогласии с позицией ЦК. Так, например, в показании Каменева мы читаем:

«Содержание приобщенных к делу документов, в которых излагается отношение Российской социал-демократической рабочей партии к военным событиям, решительно противоречит его взгляду на текущую войну».

Под влиянием поведения Каменева во время следствия, в тюрьме и на суде, под влиянием всей обстановки затишья в рабочем движении—выступления депутатов на процессе не отразили вполне позицию ЦК. Исключением были выступления тт. Г. И. Петровского и М. И. Муранова. Они заявили, что всегда держали связь с рабочими. Муранов сказал, что «считает позорным скрывать, что он занимался внедумской деятельностью».

Двойственность поведения депутатов на суде несколько ослабила революционизирующее действие процесса, но самый факт ссылки депутатов-большевиков за их выступление против войны будил мысль рабочего. Карточка с закованными в кандалы депутатами-большевиками имела не меньшее агитационное значение, чем любая прокламация. На фоне всеобщей измены социалистов процесс депутатов-большевиков приобретал особую значительность.

«Подняться выше — к званию влиятельного в «обществе» депутата или министра, — писал Ленин, — таков на деле был смысл «европейского» (читай: лакейского) «социалистического» парламентаризма. Спуститься ниже — помочь просветить и объединить эксплоатируемых и угнетенных, — вот какой лозунг выдвинут образами Муранова и Петровского.

И этот лозунг получит всемирно-историческое значение» [1]).

Наряду с этим положительным значением процесса, Ленин отмечает и его отрицательную роль. «Суд над РСДР фракцией... показал, — пишет Ленин,— недостаточную твердость на суде данного передового отряда революционной социал-демократии России» [2]). Неправильное поведение на суде депутатов дало возможность буржуазии и социал-шовинистам в своей печати утверждать о несогласии думской фракции и работников русского ЦК с пораженческой тактикой ЦО. Самокритикой выбивая оружие из рук врага, т. Ленин писал:

«...стараться доказать свою солидарность с социал-патриотом г. Иорданским, как делал т. Розенфельд (Каменев. *Д. Б.*), или свое несогласие с Центральным комитетом, есть прием неправильный и, с точки зрения революционного социал-демократа, недопустимый» [3]).

Были ли действительно в это время у т. Каменева разногласия с ЦК или он показывал на суде о своем несогласии с ЦК «страха ради судейска»?

---

[1]) Ленин, т. XIII, стр. 54, 55.

[2]) Там же, стр. 52.

[3]) Там же, стр. 53.

Некоторые данные говорят о том, что у Каменева действительно были разногласия с ЦК по вопросу о лозунге «поражения». В конспиративном письме в ЦК, написанном после процесса «пятерки», мы читаем:

«Юрий (Каменев) оправдывается. Просит передать товарищам, что: 1) он не представлял себе до получения обвинительного акта размера процесса, 2) что депутаты (Бадаев, Шагов) так струхнули, что не пошли бы на придание ему более яркого характера, и 3) что вы виноваты, выпустив тезисы и статью в 33-м номере за подписью ЦК, в то время как был-де уговор тезисы без совета со здешними не выпускать.

Тоже несогласен с местом относительно поражения царизма»... [1])

По свидетельству А. Г. Шляпникова [2]), т. Каменев, отсылая с ним в заграничный центр ответ Вандервельде, говорил о своем несогласии с некоторыми пунктами ленинских тезисов. Далее, на экземпляре тезисов, отобранном при аресте партсовещания 4 ноября и приобщенном к делу в качестве вещественных доказательств, к пункту о поражении были сделаны поправки, меняющие смысл этого пункта [3]).

Наконец составленный под руководством Каменева ответ Вандервельде отличается мотивировкой отрицательного отношения партии к войне от ленинской постановки вопроса. Как видно из письма Ленина Шляпникову 17/X 1914 г., Ленин критически отнесся к некоторым положениям «ответа» [4]). Из целого ряда писем и воспоминаний видно, что не только т. Каменев, но и некоторые другие партийные работники были несогласны с лозунгом «поражения». Как велики, как значительны были эти разногласия? Касались ли они одного лишь лозунга «поражения», получили ли они свое выражение в создании каких-либо оппозиционных групп или фракций? Лозунг «поражения» не имел самостоятельного значения. Он вытекал из основного лозунга, лозунга «превращения империалистической войны в гражданскую». Будучи лозунгом революционного действия он подвергся наиболее яростным нападкам со стороны буржуазии, социал-шовинистов и некоторых «платонических интернационалистов», вроде Троцкого. Среди части большевиков (не отгороженных китайской стеной от мелкобуржуазных революционных группировок) обнаружились колебания в вопросе о приемлемости лозунга «поражения». Его считали «неподходящим» частью по соображениям «реальной» политики (как отнесутся массы), частью из-за непонимания особенностей новой эпохи.

Последнее нашло свое отражение в воспоминаниях А. Г. Шляпникова.

«Тезисы Ленина, — пишет т. Шляпников, — отвечали и настроению и мышлению тогдашних партийных работников, но вопрос о «поражении» вызвал недоумение. Товарищи не хотели свою тактику связывать со стратегическим положением армии» [5]).

---

[1]) Архив Истпарта ЦК ВКП (б), расшифрованное письмо без подписи 23—28 апреля 1915 г., фонд ЦК № 718.

[2]) Шляпников. «Канун 1917 г.», ч. 1, изд. 2-е, стр. 41.

[3]) См. журнал «Право» за 1915 г., стр. 824.

[4]) См. «Ленинский сборник», т. II, стр. 198.

[5]) А. Шляпников. «Канун 1917 г.», ч. 1, изд. 2-е, стр. 37.

Это «недоумение» и это военно-техническое понимание поражения показывает, как мало еще был усвоен ленинский анализ эпохи войн и революций и основной лозунг эпохи, лозунг «гражданской войны». Вне перспективы превращения империалистической войны в гражданскую лозунг «поражения» мог показаться таким же «зазорным» для большевиков, как и лозунг «торгуй культурно», вне перспективы строительства социализма.

Документы, изданные в России, будучи проникнуты духом активной борьбы против войны, в своей теоретической части, в части, о б о с н о в ы в а ю щ е й антивоенную позицию, несколько отличались от ленинских документов этого периода.

Для примера можно сравнить «ответ Вандервельде» и «манифест ЦК». В ответе Вандервельде говорится:

«Эта война глубоко затрагивает интересы всемирной демократии, ставя французскую республику и английскую и бельгийскую демократии под удары германского полуфеодального милитаризма, а с другой стороны — угрожая ростом политического влияния и усилением деспотической монархии Романовых» [1]).

И дальше речь идет о деспотизме царизма и невозможности примирения с ним. В манифесте ЦК оценка характера войны дана в первых строках: «Рост вооружений, крайнее обострение борьбы за рынки в эпоху новейшей, империалистической стадии развития капитализма... привели к этой войне» [2]). В чем разница между первой и второй постановкой вопроса? В ответе Вандервельде центр тяжести перенесен на деспотизм царизма, а не на империалистичность Антанты. После свержения царизма можно думать, что рабочим России надо будет выступать в защиту «демократической» Антанты от «ударов германского полуфеодального милитаризма». В манифесте ЦК война оценивается как и м п е р и а л и с т и ч е с к а я, одинаково реакционная с обеих воюющих сторон. Пролетариат должен не поддерживать одну из империалистических коалиций, не защищать свое республиканское отечество, а начать борьбу за свержение международного империализма, превратить империалистическую войну в гражданскую. С точки зрения ответа Вандервельде, лозунг «поражения» может вызвать «недоумение», — ведь поражение России должно усилить полуфеодальную Германию. С точки зрения манифеста ЦК, лозунг «поражения» с в о е г о правительства для рабочих в с е х воюющих стран есть единственно правильный лозунг.

Это непонимание н о в о г о, непонимание особенностей «эпохи войн и революций» привело некоторых большевиков к несогласию с лозунгом «поражения». Они не могли и в вопросе о характере и перспективах развития революции усвоить ленинской точки зрения. Они считали, что к этой революции вполне применима старая мерка революции 1905 г., что можно ограничиться старыми лозунгами: Учредительного собрания и т. д.

Так, например, группа уральских большевиков в своем листке, вышедшем осенью 1915 г., писала: «Либеральному лозунгу «сильная власть, пользующаяся общественным доверием», пролетариат вместе со всей буржуазной демократией

[1]) «Красная летопись» № 1 (10), 1924 г.

[2]) Л е н и н, т. XIII, стр. 5.

противопоставляет лозунг «Всенародного учредительного собрания» [1]). Эти товарищи не заметили того, что мелкобуржуазные партии готовы были объединиться с либеральной буржуазией против пролетариата на лозунге Учредительного собрания, что для пролетариата этот лозунг должен был быть дополнен новыми лозунгами, имеющими решающее значение. А некоторые московские большевики выставляли следующий тезис: «Если мы завоюем демократическую республику. — входим в сношения с немецким пролетариатом для борьбы за мир, но если он (т. е. немецкий пролетариат) откажется, — защищаем свою свободу с оружием в руках» [2]). И здесь видно непонимание того, что с свержением самодержавия война не теряет своего империалистического характера, что задача пролетариата — бороться не только против царизма, но и против империализма... Такие большевики были близки к условному оборончеству левых меньшевиков.

Об этих большевиках, и в вопросе о войне и в вопросе о революции не усвоивших того н о в о г о, что принесла война, Ленин писал, что «они оставались верны б у к в е большевизма, но изменили д у х у его» [3]), т. е. это были предшественники тех «старых большевиков», которые во главе с Каменевым выступали против Ленина в апреле 1917 г. Особенно трудные условия военных годов, а также и то, что разногласия касались вопросов з а в т р а ш н е г о дня, не дали возможности оформиться этому намечающемуся уклону в особую оппозиционную группу или фракцию. В некоторых организациях (питерской, тульской) отдельные товарищи, несогласные с лозунгом поражения, либо отходили от активной работы, либо, наоборот, даже отстаивали от меньшевиков по поручению партии лозунги партии. Попыток оформиться в особую группу и бороться за руководство в российских организациях мы не знаем.

Не то за границей. Там против линии редакции ЦО выступила хотя и небольшая, но активная оппозиционная группа. Эта группа выступала на Бернской конференции 1915 г. и позже, в конце 1916 г., с особой платформой. Она добивалась издания особого органа. У нее были явные попытки навязать партии свою позицию, свою линию. Если близкие по взглядам к Каменеву большевики из местных организаций критиковали линию ЦО «справа», то заграничная оппозиционная группа выступала с критикой «слева». Эта группа не только признавала особенности новой эпохи, но и пыталась еще резче, чем Ленин, противопоставить новое старому. Вместе с Троцким она недоучитывала значение закона неравномерности развития капитализма и потому говорила о с п л о ш н о м империализме и пришла к сплошному отрицанию защиты отечества, национальных войн и национальных революций, как «несовместимых» с эпохой империализма. Сущность ее взглядов излагалась уже выше [4]).

Разногласия между редакцией ЦО и оппозиционной божийской группой нашли свое выражение на конференции заграничных секций РСДРП (большевиков), созванной в Берне (25 февраля — 4 марта 1915 года). Это партийное совещание должно было уточнить и оформить позицию партии. По условиям

[1]) Сборник «Социал-демократ» № 1, октябрь 1916 г.

[2]) «Пролетарская революция» № 12 (71) за 1927 г., стр. 35.

[3]) Л е н и н, т. XIII, стр. 446.

[4]) См. гл. «Борьба с левыми уклонами», этого тома.

военного времени на это партийное совещание не могли прибыть представители российских организаций. Несмотря на это, совещание не носило характера общепартийного, хотя наряду с общепартийными вопросами стояли и чисто эмигрантские дела. Божийская группа (т. е. группа эмигрантов, жившая в Божи), состоявшая из Н. И. Бухарина, Н. В. Крыленко и Е. Ф. Розмирович, по докладу Ленина выставила свою резолюцию. В комиссию по выработке резолюции был включен Бухарин, и после долгих прений комиссия приняла резолюцию Ленина единогласно. Резолюция божийской группы [1]) пытается «углубить» лозунг гражданской войны, отстаивает лозунг «борьба за мир», который имеет, по ее мнению, «крупнейшее агитационное и революционное значение», наряду с лозунгом «Соединенных Штатов Европы».

Н. И. Бухарин в 1915 году.

«Группа категорически отвергает, — говорит дальше резолюция, — какое-либо выставление в качестве лозунга для России так называемого поражения России» [2]).

В это время у группы не было еще ни достаточной «спевки» между собой, ни достаточно четкой политической линии. Все же она пыталась организационно обособиться путем издания особого органа — газеты «Звезда». По вопросу о новом органе конференция приняла единогласную резолюцию:

[1]) См. «Пролетарская революция» № 40 за 1925 г., стр. 170—172.

[2]) Там же, стр. 172.

«По поводу проекта товарищей из Божи издавать новую газету конференция находит, что было бы очень нежелательно и неосторожно раздроблять немногочисленные силы большевиков за границей, и выражает надежду, что все товарищи сплотятся вокруг общепартийных предприятий, намеченных в резолюции конференции» [1]).

С присоединением к божийской группе тт. Ю. Пятакова и Е. Б. Бош, бежавших за границу из ссылки через Японию (отсюда название — «японцы»), и переездом ее поближе к России, в Стокгольм, разногласия ее с ЦО не прекращаются и трения усиливаются. В ноябре 1915 г. от имени «стокгольмцев» Ю. Пятаков пишет Владимиру Ильичу и Г. Зиновьеву письмо с предложением ЦК утвердить группу в качестве «особой комиссии» с правом переписки с местами и сосредоточения в своих руках информации и с правом издательства литературы и пересылки ее в Россию. Устав, предложенный ЦК, не удовлетворил группу, и 3/XII 1915 г. она сообщает о самоликвидации группы. На почве разногласий по национальному вопросу и в связи с непрекращающимися попытками группы сохранить свою организационную самостоятельность возникает конфликт между ней и редакцией ЦО по поводу издания журнала «Коммунист». Первый номер этого органа был издан заграничным центром совместно с «стокгольмцами», при подготовке второго номера возникли разногласия по вопросу о составе очередного номера и о составе редакции. Группа хотела под маркой ЦК вести пропаганду своих взглядов. После долгих переговоров это общее издание было сорвано [2]). У «стокгольмцев» были попытки втянуть в борьбу против ЦК некоторые местные организации, посылали «гонцов в Россию, путая работу и сея склоку» [3]). Разногласия приобрели такую значительность, что Бюро ЦК в России обсуждало этот вопрос и вынесло резолюцию о полной солидарности с линией ЦК.

Ни разногласия ЦК с «правыми» большевиками, ни разногласия с «левыми» оппозиционными группами [4]) не создали серьезной угрозы для единства партии. Эти два намечавшиеся «уклона» были в этот период скорее шатанием мысли отдельных большевиков, чем течением в большевизме. Они представляют для нас интерес главным образом как предтечи позднейших уклонов: каменевского в 1917 г. и лево-коммунистического в 1918 г. Никакой сколько-нибудь значительной оппозиции линии ЦК в эти годы не было. Рабочие большевики, выносившие на своих плечах всю тяжесть партийной работы на местах, были согласны с позицией ЦК, вся их практическая пораженческая работа вполне соответствовала намеченной Лениным линии. Поэтому-то манифест ЦК, по выражению питерского рабочего большевика т. Кондратьева, зажег в их сердцах «непреодолимое желание двигаться дальше, не останавливаясь ни перед чем» [5]).

Гораздо большую опасность представляли объединительные тенденции среди большевиков. Со вступлением партии в полосу подготовки борьбы за

---

[1]) «Пролетарская революция» № 40 за 1925 г., стр. 177.

[2]) Подробней см. «Очерки по истории Октябрьской революции», т. I, стр. 445—450.

[3]) См. там же, стр. 448.

[4]) С критикой линии ЦК пыталась выступить «левая» группа «Вперед», в это время стоявшая уже вне партии.

[5]) См. воспоминания т. Кондратьева. «Красная летопись» № 5 за 1922 г., стр. 236.

социалистическую революцию огромное значение принимает задача партии изолировать мелкобуржуазные партии, что предполагает полнейшее идейное организационное размежевание с оппортунистами. Поэтому «объединительство» имеет так же, как и антипораженчество, тенденцию вырасти в социал-демократический уклон. И то и другое в годы войны связалось с непониманием новой эпохи, новых задач партии.

Росту объединенческих тенденций способствовало наличие среди меньшевиков-«интернационалистов» («тоже-интернационалистов») и объединенных большевиков с полуцентристскими элементами в Циммервальде. Объединение с «циммервальдцами» типа Чхеидзе казалось некоторым большевикам вполне допустимым. Надо не забывать, что некоторые крупнейшие работники большевики не излечились еще от своего примиренчества. Наконец массовое изъятие старых «правдистов» принижало общий уровень политического развития партийной массы и местами способствовало нажиму партийных рабочих «восстановить единство рабочего движения». Довольно сильны были объединительные тенденции в Москве, где некоторыми большевиками ставился вопрос об объединении с фракцией Чхеидзе и т. п. В Питере была довольно сильна «межрайонка», в рядах которой, наряду с объединенцами троцкистского типа, были и большевики-примиренцы. Все это заставляло Ленина серьезно опасаться искажения местными организациями партийной линии в этом важнейшем вопросе. «Главным партийным вопросом в России, — писал он в сентябре 1916 г. А. Г. Шляпникову,— был и остается вопрос о «единстве»,— единстве, навязываемом партии Троцким и «примиренцами». «Примиренчество и объединенчество,— писал он дальше, — есть вреднейшая вещь для рабочей партии в России, не только идиотизм, но и г и б е л ь партии» [1]). И в письме к Шляпникову, и в «Письмах издалека», и в письме к Карпинскому в марте 1907 г. Ленин не перестает твердить: «единство с Чхеидзе и К⁰ есть г в о з д ь сейчас», «объединенчество гибельно». В этом же письме Ильич инструктирует Шляпникова:

«Полагаться мы можем только на тех, кто понял весь обман идеи единства и всю необходимость раскола с этой братией (с Чхеидзе и К⁰) в России. Беленину (Шляпникову. *Д. Б.*) надо бы сплотить т о л ь к о таких людей для роли руководителей».

Итак, задачу борьбы с объединительством среди большевиков Ленин считал одной из важнейших тактических задач русского бюро ЦК.

Придерживаясь принципа «прежде чем объединяться, надо размежеваться», большевики и в военные годы на основе размежевания с оппортунистами, прикрывающимися интернационалистскими фразами, вели работу по объединению и сплочению всех революционных и интернационалистских элементов рабочего класса.

Примером может служить то объединение революционных элементов на основе борьбы с гвоздевцами, которое создалось в Петрограде во время кампании выборов в ЦВПК. Объединение было достигнуто не в результате соглашений и уступок интернационалистам вроде Чхеидзе (поддержавшего в этот момент гвоздевцев), а на основе непримиримо-революционной последовательно-

[1]) «Ленинский сборник», т. II, стр. 278.

интернационалистской линии ПК. Рабочие заставили часть меньшевиков и эсеров примкнуть к большевикам, так как они видели, что гвоздевцам можно противопоставить только большевистскую линию, а промежуточные группки, если не хотят итти за гвоздевцами, должны итти за большевиками. Единый фронт революционных рабочих, единство снизу — такова основа большевистской тактики собирания пролетарских сил. Это собирание возможно лишь тогда, когда кратковременное или длительное объединение не лишает партийную организацию своего лица.

Ленин в письме Шляпникову предостерегал от соглашений с оппортунистами для совместного с ними выступления. Это значило, что, не вступая в соглашение и договоры с организациями, надо привлекать отдельных рабочих-меньшевиков и эсеров. Именно непримиримость большевиков, их четкая политическая линия способствовала привлечению в ряды партии передовых рабочих. Так, например, в Екатеринославе в 1915 году, по свидетельству т. Пирейко, у рабочих, в связи с арестом депутатов-большевиков, создалось настроение в пользу большевиков, и многие рабочие-меньшевики, бывшие оборонцами, сплошь и рядом переходили по вопросу о войне на сторону большевиков. Однако войной все было так сковано, что это не бросалось особенно в глаза. В Питере, где особенно последовательно проводилась тактика размежевания, рабочие-меньшевики и объединенцы (например Васильеостровского района) приходили и просили записать их в нашу партию [1]). Орган ПК «Пролетарский голос» (№ 4 от 18 декабря 1916 г.) тоже отмечает, что «часто происходит прямой переход сторонников межрайонной комиссии в наши ряды без каких-либо «объединительных» платформ» [2]).

Об этом же свидетельствует и письмо А. Шляпникова, где он пишет, что

«в Питере и провинции меньшевики, «объединенцы» и прочие отколовшиеся вновь вступают в ряды партии. Мы приветствуем такую мобилизацию пролетарских сил. Центры (Инициативная группа и Объединенный междурайонный комитет) ведут речи о создании общей организации. Мы предлагаем им вступать в наши ряды» [3]).

Вот это было объединением на основе последовательно проводимой большевиками революционной интернационалистической линии. Это было действительное собирание пролетарских сил, не только собирание, но и крепкое их сплочение. Это было единство по-большевистски, а не по-троцкистски. Такое единство достигалось лишь на основе непримиримого отстаивания определенной тактической линии. Оно ничего общего с беспринципным объединенчеством Троцкого не имело. Оно усиливало не социал-шовинистов, а большевиков-интернационалистов, оно усиливало не буржуазию, а пролетариат.

Наличие объединенной организации не всегда свидетельствовало о неправильности партийной линии местной большевистской организации. Бывали случаи, что большевики были слабы, а сильны меньшевики. Тогда большевики входили в общую организацию, завоевывали на свою сторону рабочих и,

---

[1]) Петроградская общегородская и Всероссийская конференция РСДРП(б) в апреле 1917 г., стр. 38.

[2]) «Красная летопись» № 1(10) за 1924 г., стр. 158.

[3]) А. Г. Шляпников. «Семнадцатый год», ч. 1, изд. 1-е, стр. 63.

окрепнув, организационно обособлялись. Иногда, как, например, в Николаеве, несколько рабочих-революционеров разных направлений начинали работу вместе, создавая общую социалистическую организацию. Такого рода объединенные организации свидетельствуют о невысоком уровне революционной работы в данном районе, обусловливающем слабую партийную диференциацию. В первый год войны, когда политическая жизнь едва билась на предприятиях даже в таких крупных центрах, как Сормово, не было создано еще обособленных большевистских организаций. Начало оживления летом и осенью 1915 г. способствовало размежеванию и борьбе между большевиками и меньшевиками, способствовало сплочению революционных рабочих в рядах нашей партии. Такое объединение создавалось уже не на основе недоразвития и недостаточной диференциации, а на основе последовательно проведенного размежевания с оппортунистами.

Достигнутое таким путем единство воли большевистских организаций создавало почву для подлинной пролетарской дисциплины и позволяло им быстро маневрировать. Гибкость партии, ее уменье использовать любую обстановку, бороться любым оружием, итти разными путями, разными способами к одной и той же цели давало перевес большевикам над меньшевиками.

Большим преимуществом большевиков было то, что им в большей степени, чем другим партиям, удалось сохранить единую централизованную подпольную организацию. Эта организация была очень несовершенной, но самый факт восстановления к концу 1916 г. связей бюро ЦК с крупнейшими организациями свидетельствует о превосходстве организационных принципов большевизма и его партийных кадров. Строительство партии на основе производственных ячеек делало партийный аппарат большевиков настолько прочным, насколько это было возможно в условиях того времени. Основной причиной этой прочности было то, что партаппарат местных организаций вырастал снизу. Производственная ячейка, находившаяся в толще рабочей массы, могла легче сохраниться при провалах и репрессиях, чем состоящий из профессионалов комитет. Она меньше, чем другие звенья партаппарата, страдала от провокации. При разрушении партийной ячейки вследствие ли массового расчета, мобилизации или вследствие «изъятия» членов полицией через некоторое время передовые рабочие данного предприятия снова ее восстанавливали. Районные или иные местные комитеты пополнялись работниками ячеек. Выдвинутые ячейками рабочие-партийцы вместе с уцелевшими профессионалами восстанавливали снова партийную организацию. Этот процесс непрерывного восстановления организации, несмотря на все провалы, особенно заметен в петербургской организации, где партия имела наиболее прочную базу на предприятиях. Тогда как в Москве, где большевики имели более слабые связи с предприятиями [1]), за все время войны не удалось выбрать МК, в Питере ПК возрождался около 10 раз и существовал почти беспрерывно. При отсутствии ПК в особо ответственные минуты (Февральский переворот) его замещал Выборгский районный комитет, который пополнялся ячейками крупнейших предприятий.

[1]) Судя по воспоминаниям т. Сапронова, большевики в Москве были сильны в профсоюзных объединениях, судя по воспоминаниям тт. Лациса, Меницкого, Тера, немалую роль в качестве опорных пунктов играли студенческие столовые.

Организационные принципы большевизма и организационная его структура так, как она сложилась в годы реакции и подъема, выдержали испытание в труднейшей обстановке военных годов. Условия работы в военное время наложили свой отпечаток на партийный аппарат того времени. На партийной работе особенно остро в этот период сказывался отрыв руководящих органов, находящихся в эмиграции, от важнейших центров борьбы. Военные действия, усиленная охрана границ, военная цензура и т. п. — все это затрудняло в высокой степени сношения с ЦК. При разгроме «Правды» и аресте депутатов был «изъят» целый ряд крупнейших работников. В эти годы в ссылке находилось большинство руководящих работников партии: Сталин, Каменев, Свердлов, Ем. Ярославский, Орджоникидзе, Сурен-Спандарьян и др. Целый ряд активных партийцев из крупных центров полицией выселяется в провинцию в качестве поднадзорных. При этом местом поселения часто бывали такие крупные промышленные центры, как Харьков, Самара и др. Создание новых центров военной промышленности в провинции, дороговизна, массовые расчеты стачечников — все это вместе с репрессивными высылками благоприятствовало разветвлению партийного аппарата. Эвакуация заводов из Прибалтийского края и Польши в центр России пополняла организации России новыми кадрами опытных партийных работников, из которых особое значение имели латыши. Таким образом, война способствовала не только разрушению, но и укреплению партийного аппарата на местах. Ссыльные и прибывшие с эвакуированными заводами работники сыграли крупную роль в восстановлении таких крупных организаций, как харьковская и самарская. В московской организации очень большое значение имела группа латышей (т. Лацис и др.), активно работавшая над восстановлением партийной работы, постановкой техники и воссозданием руководящих органов. Лучше удавалось восстановить партаппарат в центрах металлургической промышленности, хуже — в текстильных районах, так как текстильные районы гораздо более пострадали от мобилизаций: в них был почти полностью изъят слой «правдистских» рабочих. Правда, даже полиция отмечала необычайное упорство, с каким рабочие, например Владимирской губернии, восстанавливали свои ячейки, но такие ячейки очень часто замыкались в пределы своей фабрики, так как связаться с другими такими же ячейками им не удавалось. Лишь в условиях огромного подъема и при пополнении местных сил т. Наумовым иваново-вознесенцам удалось к августу 1915 г. создать окружную организацию. Все попытки создать окружную, а тем более областную организацию обычно проваливались. Такие попытки были в Поволжьи, в Северо-западной области, на юге (Донбасс и Украина).

Обычно партийный комитет объединял большевиков одного города или промышленного центра. Отдельные комитеты искали связи с ближайшими к ним организациями и с всероссийским руководящим центром. Возникали естественные центры, к которым тяготели другие организации и комитеты которых играли роль областных или губернских. Как пример, можно указать на Иваново-Вознесенск и Москву Центрально-промышленного района, Екатеринбург на Урале, Саратов в Поволжьи, Харьков и Екатеринослав на Украине, Тифлис и Баку на Кавказе, Иркутск в Сибири, Петербург

в Северо-западной области. В одних и тех же областях рядом с этими большевистскими центрами находились и меньшевистские: в Поволжьи рядом с большевистским центром в Саратове был меньшевистский центр в Самаре, на Урале рядом с Екатеринбургом была Пермь с меньшевистским центром в виде рабочей группы областного военно-промышленного комитета. Активная работа, наличие техники и возможность снабжать прокламациями издание легального органа, наличие крупных работников, — все это делало одну из местных организаций естественным центром по отношению к другим. Характерен факт обращения иваново-вознесенских товарищей одновременно и в Областной комитет (к «областнику» Романову — провокатору «Пелагея») и в тверскую группу за получением руководящих указаний и помощи литературой. Фактическое руководство и помощь иваново-вознесенская организация получила от

СОТРУДНИКИ ПЕЧАТИ ЛЕВЫХ ЦИММЕРВАЛЬДИСТОВ.

Крупская.

Ленин.

Бухарин.

Бронский.

Сафаров.

Инесса Арманд.

Шляпников.

Ролланд Хольст.

Зиновьев.

Радек.

Ротштейн.

тверской группы, бывшей по нынешнему масштабу всего лишь районной организацией, в то время как иваново-вознесенская в то время была окружной организацией.

Понятно, что руководство в данном случае не имело характера директивы. Централистический принцип оставался в силе, но разрушенное состояние партийного аппарата, с одной стороны, крайняя затрудненность связи и руководства, с другой, приводили к такому возникновению естественных центров, масштаб работы которых измерялся их удельным весом и числом связей, а не только территориальными рамками объединяемой данным комитетом организации.

Естественным руководящим центром в России был Петроградский комитет партии. Об этом свидетельствует простой перечень связей ПК в конце 1916 года. Он имел связи с Москвой, Екатеринославом, Харьковом, Киевом, Иваново-Вознесенском, Н. Новгородом (Сормово), Самарой. Саратовом, Царицыным, Пермью, Екатеринбургом, Ревелем, Нарвой, Тверью, Тулой, Кавказом.

Петроград имел наиболее многочисленную (около 2 тысяч членов), наиболее организованную и сплоченную большевистскую организацию; Петроград был связан с заграничным центром, он имел хорошую технику, — все это делало его признанным центром всех русских организаций.

После ареста думской «пятерки» долгое время русского бюро ЦК не было. Приехавшего за границу тов. Шляпникова заграничный центр кооптирует в ЦК и поручает ему создать бюро ЦК. Первоначальный состав бюро ЦК был: А. Шляпников, В. Залежский (от ПК) и Г. И. Осипов (от рабочей группы страхового совета). В аппарате бюро работали тт. И. М. Шведчиков и до своего ареста ему помогали А. И. Елизарова и М. И. Ульянова, позже активное участие в работе бюро принимал К. Еремеев (правдист) и членом его (но мало активным)

был рабочий Дунаев. В апреле 1916 года Шляпников пишет в ЦК: «От бюро ЦК осталось почти что название» [1]).

Осенью 1916 г. состав бюро ЦК и обслуживающих его работников обновился. Руководящая тройка составилась из А. Г. Шляпникова, В. Молотова и П. Залуцкого. В мае 1916 г. в Москве организовалось Областное бюро ЦК (см. таблицу № 6) в составе: П. Г. Смидовича, М. Савельева и В. Молотова.

Члены бюро и его инструктора объезжали время от времени провинцию с целью установления связей и восстановления организации. Так, в конце декабря 1915 г. А. Шляпников побывал в Москве и Нижнем-Новгороде, т. Лутовинов был в Екатеринославе, Донбассе, Харькове. Важной функцией бюро ЦК было поддержание связей с заграничным центром и транспорт литературы.

---

[1]) Письмо Шляпникова в ЦК 27 апреля 1916 г., см. «Очерки по истории Октябрьской революции», т. I, стр. 459.

Это ему удавалось, но не в такой мере, чтобы удовлетворить провинцию, откуда шли письма с жалобами на то, что «провинция очень плохо или совершенно не осведомлена о текущих делах и лозунгах момента» [1]).

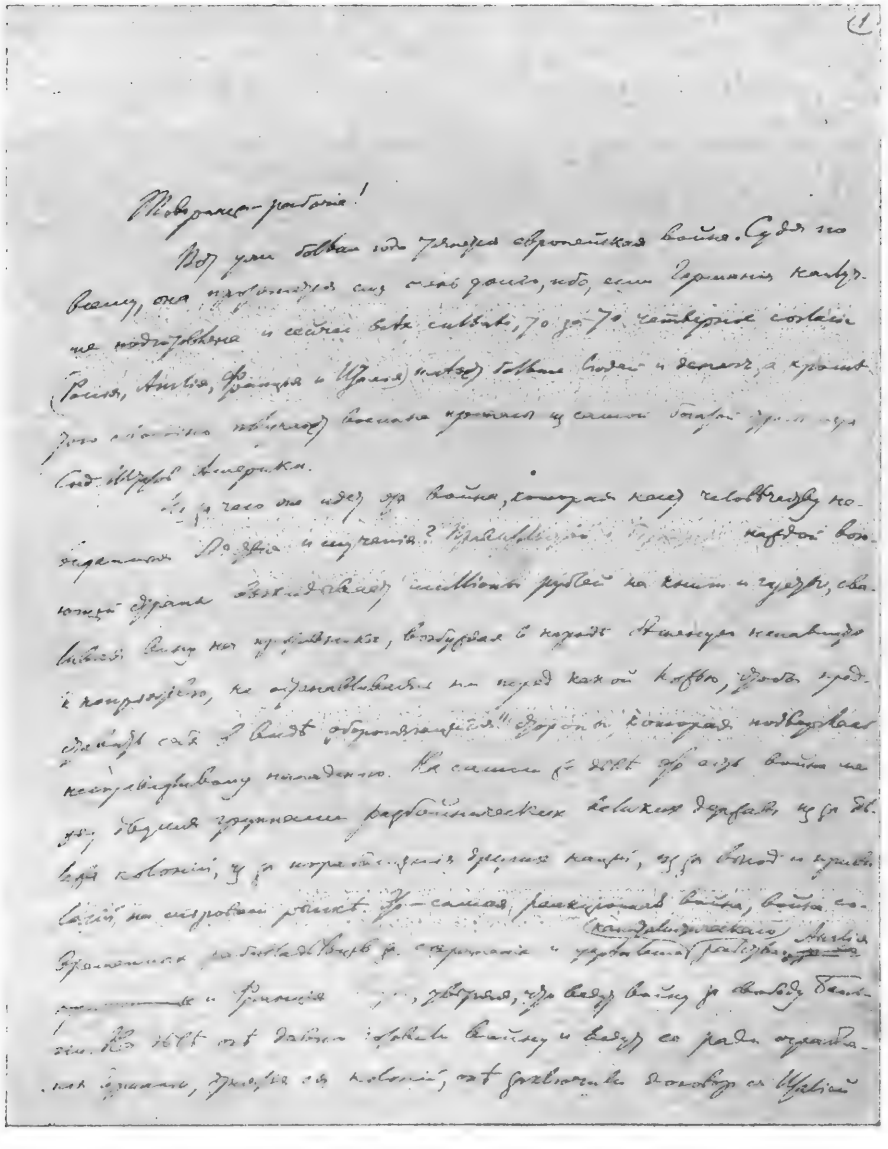
Огромное значение в деле руководства, связи и информации имел подпольный центральный орган «Социал-демократ» (см. таблицу № 7). Он в годы войны начал снова выходить с ноября 1914 г. (№ 33) и до Февральской революции выходил без больших перебоев с промежутком в 1—2 месяца. Всего за время войны вышло 25 номеров (№№ 33—58). Наряду с ним выходили в 1915—1916 гг. теоретические сборники, сначала «Коммунист» (№ 1—2), потом сборник «Социал-демократа» (№ 1—2). Работникам местных организаций ЦО помимо руководящих статей давал информацию о заграничном рабочем движении, борьбе за III Интернационал и о работе большевиков в России. Заграничная часть ЦК или непосредственно или через бюро ЦК получала информацию о положении на местах, обрабатывала ее и помещала в ЦО. Чтобы вести о партийной работе, например из Москвы, дошли, скажем, до Харькова, они должны были дважды пройти через границу: сначала в виде конспиративного письма в ЦК, потом в виде тонких листков подпольной газеты. По этому примеру можно судить, как затруднена была связь и руководство в эти годы.

Н. К. Крупская.

Идейное направление партийной работы и решение всех важнейших политических, а подчас и организационных, вопросов давалось в заграничном центре. Заграничный центр состоял из заграничной части ЦК и ЦО. Тов. Ленин нес вместе с т. Зиновьевым всю руководящую работу и в ЦК и в ЦО. Секретарем ЦК и ЦО была Надежда Константиновна Крупская. Заграничный центр, при

[1]) Письмо в газету «Пролетарский голос» № 4 от 18 декабря 1916 г., см. «Красная летопись» № 1(10) за 1924 г., стр. 164.

поддержке нескольких большевиков-эмигрантов, вел огромную работу по руководству партией, циммервальдской левой и по международной пропаганде интернационалистских идей. Условия работы Ильича и всех его ближайших сотрудников в эти годы были особенно тяжелы, что видно хотя бы из следую-



Воззвание В. И. Ленина о войне.

щего отрывка из письма Ленина Шляпникову: «О себе лично скажу, что заработок нужен, иначе прямо поколевать ей-ей... Дороговизна дьявольская, а жить нечем... Если не наладить этого, то я, ей-ей, не продержусь, — это вполне серьезно, вполне, вполне» [1]). К этому надо прибавить атмосферу ненависти

[1]) «Ленинский сборник», т. II, стр. 279.

к революционерам-интернационалистам со стороны окружающих швейцарских мещан, интриги правительств воюющих стран и некоторых социалистов, пошедших к ним в услужение.

Большие трудности в эти годы представляла постановка подпольной техники и в частности транспорта литературы. А. Шляпников осенью 1915 года наладил путь через шведско-финскую границу в Петроград. Распространение литературы по организациям было делом не менее трудным, чем перевоз ее через границу. В связи с этим бюро ЦК постановило (в ноябре 1916 г.): «На

Слева: большевики. В центре: троцкисты. Внизу: неопределенные. Справа: меньшевики-интернационалисты.

местах ставить технику (размножение). Централизовать литературную работу, — децентрализовать размножение, при объездах организовать технику [1]). Ленин настаивал, чтобы литературная работа (в первую голову издание листовок) проходила под контролем заграничного центра, так как была крайне важна четкость политической линии. Подпольные органы в годы войны издавались лишь немногими организациями: ПК выпустил в 1915—1916 г. 4 номера «Пролетарского голоса»; в начале войны, кроме того, издавался в Питере гектографированный журнал «Рабочий голос», и бюро ЦК выпустило в 1917 г. несколько номеров «Осведомительного листка». В 1916 году в Харькове в ноябре вышел гектографированный «Голос социал-демократа», в Иркут-

[1]) А. Шляпников. «Канун 1917 года», ч. 2, изд. 3-е, стр. 71.

ске в апреле 1915 года вышел один номер газеты «Товарищ пролетария», орган «Союза сибирских рабочих», распространявшийся среди рабочих Черемховских копей, в Донбассе в 1915 году распространялся подпольный орган «Южная правда» областной организации РСДРП Южного горнопромышленного района в виде листка с лозунгами: «Долой преступную войну!» и «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

В годы войны был целый ряд попыток ЦК и ПК поставить издание легального журнала, но они окончились неудачей. Издавать легальную газету было еще трудней. Мы уже упоминали о выходе в Самаре в начале войны нескольких номеров «Зари Поволжья». В Саратове удалось в 1915 году (август — ноябрь) выпустить 10 номеров еженедельной рабочей газеты «Наша газета», в Москве в конце 1916 и в начале 1917 года удалось выпустить 3 номера «Голоса печатного труда», в Кинешме в 1916—1917 году издавался журнал «Наше слово» (№ 1, 24 января) (см. таблицу № 8). Регулярно выходивший легально большевистский орган «Вопросы страхования» издавался в Петрограде рабочей группой страхового совета. Участие в нем принимали наряду с российскими работниками, тт. Подвойским, Гневичем-Фаберкевичем, В. Молотовым и др., и заграничные товарищи, в числе которых были Владимир Ильич и Г. Зиновьев. Он имел всероссийское распространение. Вышло за время войны 24 номера.

Коллонтай и Шляпников в Норвегии. 1916 г.

Кроме этих периодических изданий, большевики издали за годы войны два сборника: 1) «Под старым знаменем». Сборник статей: Б. Авилова, А. Витимского (М. С. Ольминского), А. Ломова, В. Павлова (В. Н. Милютина), И. Степанова, М. Фабричного (В. Ногина), Саратов 1916; 2) так называемый «Сборник», сборник 1. Статьи Н. Константинова (В. И. Ленина), А. Михайловича (Я. М. Свердлова), В. Павлова (В. Милютина), И. Степанова, М. Фабричного (В. Ногина), Москва, изд. «Прилив». Этот сборник был напечатан в начале 1917 года и конфискован. Февральская революция освободила его, и он тотчас разошелся. Перепечатан под названием сборника «Прилив» в 1919 г., в изд. «Коммунист» (сведения даны по справке М. С. Ольминского, библиотекой Истпарта).

Легальная печать большевиков, несмотря на свирепую военную цензуру, не только помогала ориентироваться партийным организациям, но и главным образом являлась для партии способом установить связь с массами, и вести

среди них антивоенную пропаганду (в замаскированной форме) и организовывать их борьбу. К редакциям большевистских органов тянулись связи со всех концов России. Они быстро становились организующими центрами рабочего движения.

У «Голоса печатного труда» были связи с Баку, Киевом, Иркутском, Саратовом. В редакцию саратовской «Нашей газеты» получались письма из разных углов Сибири, из Самары, Астрахани, Новгорода, Петрограда, Одессы. Подписка рабочих коллективов и отдельных лиц шла из Москвы, Питера, Одессы, Харькова, Н.-Новгорода, Иваново-Вознесенска, Екатеринослава, Астрахани, Самары, Костромы, Ростова-на-Дону, Тифлиса, Ташкента, Екатеринбурга, Енисейска, Минусинска, Иркутска, Казани, Витебска, Могилева, Царицына и др. городов России.

Заказы на газету превышали возможность их удовлетворить. Тираж «Нашей газеты» возрос с 2 до 10 тысяч. Это значит, что несколько десятков тысяч рабочих-«правдистов» сплотились вокруг этого большевистского органа.

Правительство достаточно хорошо понимало значение легальных большевистских газет и душило их вскоре после появления на свет. Это была весьма ненадежная «легальная возможность». Сравнительной «прочностью» отличались страховые кассы, которыми в значительной степени овладели большевики. Правда, меньшевики, администрация предприятий и полиция старались помешать большевикам использовать страховые учреждения в своих интересах, но все же они часто играли роль недурных легальных прикрытий. Петроградская охранка, отмечая, что ряды ПК после разгромов пополняются отсидевшимися в больничных кассах большевиками, называет кассы «запасными соц.-дем. батальонами». В некоторых городах большевики вели свою работу под прикрытием просветительных обществ, клубов, народных университетов и т. п. Здесь можно указать на Лиговский народный дом в Питере, «Маяк» в Саратове, «Шанявку» (ун-т Шанявского, где теперь занимаются свердловцы), клуб «Просвещение» в Москве, «Рабочий дворец» в Харькове, общество «Народный университет» в Смоленске, «Общество разумных развлечений» в Нижнем-Новгороде, культурно-просветительное общество «Знание» в Иркутске. Некоторые из этих культурных организаций сыграли большую роль в партийной работе. В первую голову надо указать на саратовский «Маяк», под прикрытием которого организована была «Наша газета». О выборгском отделении рабочего Лутугинского ун-та т. Гаврилов в своих воспоминаниях пишет: «Сплошь и рядом в университете назначались партийные явки, давались задания, устраивались на-лету совещания» [1]). Некоторые из этих страховых и просветительных учреждений, наряду с другими видами легальных рабочих организаций (профсоюзы, кооперативы, биржи труда и др.), служили не только легальными прикрытиями нелегальной работы партии, но и «приводными ремнями» между партией и рабочей массой. Поэтому они стали ареной борьбы между оборонцами и пораженцами, которая была одним из видов борьбы партии за руководство рабочим классом.

---

[1]) «Красная летопись» № 2 (23) за 1927 год, стр. 44.

в) ПАРТИЯ В БОРЬБЕ ЗА РУКОВОДСТВО РАБОЧИМ ДВИЖЕНИЕМ.

Легальные рабочие организации, уцелевшие после разгрома июля 1914 г., в годы войны подвергались постоянным набегам полиции. Каждый царский администратор старался во «вверенной ему губернии» или городе иметь как можно меньше рабочих организаций. Так в Питере, где значительная часть профсоюзов была завоевана большевиками, были задушены все рабочие профессиональные организации. В ноябре 1915 г. в докладной записке департамент полиции с удовлетворением констатирует, что «до сих пор в Петрограде не возобновлялась работа ни одного профессионального союза и во все время войны функционирует только профессиональное общество служащих фармацевтов» [1]).

В Москве с профсоюзами дело обстояло легче. Здесь не только существовал ряд профсоюзов (строителей, печатников и др.), но было Центральное бюро профсоюзов. Активную работу большевики развили в профсоюзе печатников и строителей. «В течение месяца, — пишет Сапронов, — в партийную организацию строителей вошло около 20 членов» [2]). Это — из ста с небольшим членов союза. На собраниях профорганизаций шла борьба большевиков с меньшевиками и эсерами за влияние. И те и другие стремились «увести» с собой побольше беспартийных рабочих. К профсоюзной работе у большевиков и меньшевиков был различный подход. Оборонцы в профсоюзах стремились вести мирную «органическую» работу, держаться в стороне от политики и беречь во что бы то ни стало их от репрессий. Такая политика приспособления сводила на-нет роль профсоюзов. Большевики искали в профсоюзах связи с беспартийными рабочими и стремились превратить их в боевые организации. Меньшевикам их оборончество предписывало вести в них работу по улаживанию конфликтов с предпринимателями и чисто культурническую крохоборческую работу.

В своей «миротворческой» работе меньшевики рассчитывали опереться на возрождаемый правительством старинный «институт фабрично-заводских старост». О борьбе большевиков и меньшевиков в профсоюзах дает представление сообщение охранки о расширенном заседании правления московского профсоюза металлистов «Единение» 11 июня 1916 года. На повестке стоял вопрос о введении института фабрично-заводских старост.

«Этот вопрос,— сообщает охранник,— вызвал горячие прения, причем мнения большевиков и меньшевиков были резко противоположны. Большевики доказывали, что институт старост, назначение которого — улаживание конфликтов между рабочими и предпринимателями, затормозит развитие забастовочного движения, являясь своего рода холодным душем для рабочих. Между тем в настоящее время необходимо стремиться к увеличению забастовочного движения для подготовки в нужный момент всеобщего выступления рабочих. Поэтому, по их мнению, нужно создавать не институты старост, а забастовочные комитеты, каковой уже, по заявлению присутствующего на этом собрании приехавшего из Петрограда Ивана Михайловича Голубева, сорганизовался и действует в Петрограде.

---

[1]) Сб. Центрархива «Рабочее движение в годы империалистической войны», стр. 277.

[2]) «Материалы великой революции», стр. 63.

«Меньшевики, наоборот, доказывали, не возлагая впрочем больших надежд, что институт старост будет предотвращать лишь вспышки рабочего движения, возникающие в ненужный момент и во вред самим рабочим, благодаря чему будут сохраняться силы для будущего общего выступления. Кроме того, по их мнению, институт старост послужит к сплочению разрозненных масс на почве все возрастающего недовольства рабочих.

«Мнение меньшевиков одержало верх, получив одним голосом больше» [1]).

Таким образом гвоздевцы в московских профсоюзах потерпели поражение в вопросе о фабрично-заводских старостах. Им не удалось создать себе опорные пункты на предприятиях Москвы. В связи с борьбой вокруг данного вопроса видна разница подхода к работе в легальных организациях у большевиков и меньшевиков. Она сказывается и на работе в биржах труда и кооперативах. Биржами труда кое-где удалось овладеть большевикам (Москва, Саратов), но вообще это были организации мало жизнеспособные, плохо связанные с рабочей массой, а потому могущие играть лишь роль легальных прикрытий, но никак не приводных ремней. Гораздо серьезнее значение рабочей кооперации. В связи с дороговизной она приобрела в рабочем движении значительную роль.

Меньшевики, работая в кооперации, пытались вселить в рабочих иллюзию возможности вести борьбу с порожденной войной дороговизной вне борьбы против войны. Большевики местами считали необходимым бойкотировать кооперативы.

В тульской организации происходили ожесточенные споры об участии или неучастии, например, в кооперации:

«Наша публика, — пишет т. Бригадиров, — в большинстве к кооперативному движению отнеслась отрицательно, мотивируя свое отрицательное отношение тем, что кооперация, в нынешних условиях начавшегося обнищания пролетариата и уже выявившейся разрухи, есть не более как «Тришкин кафтан», который, не улучшая положения рабочего класса, будет затемнять его классовое сознание, отвлекать энергию рабочих не туда, куда нужно».

Но в общем и целом большевики научились использовать легальные возможности и без боя не сдавали в них своих позиций меньшевикам. Работу в кооперативах большевики использовали для разъяснения рабочим истинных причин дороговизны. Под прикрытием кооперативов в Кинешме даже удалось иметь большевистский орган. Тогда как меньшевики с помощью кооперативов рассчитывали наложить кое-какие заплатки на существующий строй, большевики работали в них для сближения с рабочей массой и для разъяснения необходимости этот строй уничтожить. Большевики использовали движение рабочих против дороговизны для агитации против войны. Организационной формой, закрепляющей достижения партии в этой области, должны были явиться продовольственные комиссии на заводах. Эти полулегальные рабочие организации, по мнению ПК, должны были связывать партию с предприятиями и объединять и координировать выступления отдельных предприятий.

Кампания выборов продовольственных комиссий должна была связать партию с широкими рабочими массами на почве борьбы за дороговизну. Время

---

[1]) Дело департамента полиции, ос. отд., № 347 за 1916 г. Отношение начальника московского охранного отделения № 129137 от 19 июня 1916 г.

кампании было выбрано ПК удачно, в середине октября 1915 г., т. е. в разгар ряда затруднений, выступлений рабочих и буржуазной оппозиции и непосредственно после удачно проведенной большевиками кампании против выборов в военно-промышленные комитеты. Как видно из доклада начальника Петербургского охранного отделения 15 октября, правительство считало план кампании, намеченный ПК, весьма серьезным.

План этот сводился к следующему. «ПК, — сообщает доклад охранки, — устраивает на фабриках и заводах собрания рабочих, на основании закона «4 марта» или же явочным порядком». «Задача собраний, по словам охранки, обрисовывать на них обстановку текущего политического момента и причины, вызвавшие непомерное нарастание дороговизны, и вслед за сим, создав известное будирующее настроение, производить выборы в комиссии». ПК видит «в формируемых комиссиях лишь новые формы «легальных возможностей».

«Комиссии эти, — сообщает охранка, — наряду с постепенно усиливаемой политической агитацией, будут вырабатывать в наиболее крупных фабрично-заводских предприятиях отдельных районов одинаковые требования по вопросам увеличения заработной платы, уменьшения числа рабочих часов и улучшения вообще быта рабочих, будут предъявлять эти требования от имени рабочих администрациям фабрик одновременно и, под угрозою стачек в случае несогласия на удовлетворение таковых, будут давать одинаковые сроки на ответы.

«... В результате изложенного, ныне наблюдаемые разрозненные и не поддерживаваемые соседними предприятиями забастовки рабочих примут планомерный характер, дадут видимость и признаки широкого и массового рабочего движения и в конце концов на почве неминуемых репрессий и недоразумений, несомненно, приведут рабочих к неизбежным общим и открытым выступлениям определенно революционного характера» [1]).

Агитация за создание комиссий, по данным охранки, велась большевиками в Нарвском, Московском, Петроградском и Выборгском районах. В октябре 1915 г., в связи с забастовкой на заводе «Феникс», через аппарат продовольственных комиссий созвано было собрание представителей крупных заводов, на котором было вынесено решение призвать рабочих поддержать фениксовцев предъявлением требований о повышении зарплаты и забастовками в случае их неудовлетворения.

Движение солидарности было сорвано арестами, с одной стороны, и противодействием меньшевиков — с другой. Меньшевики поддерживали правительство и предпринимателей в создании института фабрично-заводских старост, на которых они могли опереться, и противодействовали создаваемым по инициативе большевиков продовольственным заводским комиссиям.

Борьба за руководство рабочим движением шла не только по линии существующих рабочих организаций, но и по линии создания новых рабочих организаций, могущих служить опорными пунктами на предприятиях.

Наиболее важными из всех рабочих организаций в это время были больничные кассы на предприятиях и другие органы страхового движения. Овла-

[1]) Доклад пр. охр. отд. от 15 октября 1915 г. за № 212226. См. частью в кн. М. Г. Флеер «Петербургский комитет большевиков в годы войны», «Прибой», 1927, стр. 48, 49.

деть больничной кассой крупного завода и поставить в ней своего секретаря— значило создать себе прочную базу на заводе. На должностях секретарей и других служащих больничных касс бывали крупные партийные работники, подчас нелегальные. Можно указать на таких секретарей больничных касс, как В. Невский, Э. Квиринг, С. Рошаль («Доктор») и др. В страховом движении работал ряд видных большевиков, как, например, тт. Подвойский, В. Винокуров, Г. Г. Ягода и др. В случае ареста секретаря больничной кассы большевистская ячейка старалась удержать его место до присылки подходящего человека из партийного комитета.

К этому же стремились и меньшевики, и на этой почве происходила борьба. Большевики, активно участвовавшие во всей деловой работе страховых учреждений, создали кадр работников, которых по деловым соображениям не могли провалить ни администрация, ни меньшевики-правленцы. На почве повседневной работы в страховых учреждениях большевики сближали массу с партией и под прикрытием их вели партийную работу. Так, например, на Путиловском заводе работа кассы была тесно связана с партийной работой. В Петербурге в больничных кассах, по сообщению охранки, начали зачастую устраивать партийные собрания и размножать нелегальную литературу. В Екатеринославе часть активных работников (нелегальных) работала в больничных кассах [1]).

Правительство хорошо понимало роль больничных касс и делало свои «оргвыводы». Например, на Путиловском заводе добрая половина рабочих-правленцев пошла в тюрьму и ссылку; той же участи подвергались и секретари кассы, которые менялись почти каждые три месяца. Из 15 представителей рабочих в страховых советах осталось всего 4 человека, из 12 представителей в центральном и губернском присутствии осталось только 2 человека.

В своей работе большевики встречали противодействие внутри самих больничных касс со стороны назначенных администрацией лиц, а в рабочей части правления — со стороны меньшевиков. Меньшевики нередко блокировались с правленцами против большевиков. Например, в Сормове «меньшевики, объединившиеся с назначенцами, вынесли недоверие рабочей части правления кассы» [2]) и таким путем добились избрания в правление 5 меньшевиков и 1 большевика.

Тактическая линия в страховом движении большевиков и меньшевиков определилась их позицией по отношению к войне. Это сказывалось и на обсуждении специфических страховых вопросов, и на общеполитической линии тех и других.

«Меньшевистская верхушка... — пишет т. Аверин, — рекомендовала нам не быть особенно требовательными, так как это, мол, обозлит предпринимателей и они, мол, не пойдут на уступки рабочим. Мы, большевики, в уступчивость капиталистов не верили, мы говорили, что капиталисты уступчивы только тогда, когда вынуждает их к этому организованное выступление рабочих» [3]).

---

[1]) «Красная летопись» № 2 (23) за 1927 г., стр. 21—22.

[2]) «Материалы по истории революционного движения в Нижегородской губернии», т. I, стр. 139—140.

[3]) «Летопись революции» № 2 за 1923 г., стр. 98.

Большевики-страховики шли по линии развития классового сознания пролетариата и выставили

«максимальные страховые требования: общегородские больничные кассы, как объединяющие наибольшие массы рабочих, и единый рабочий страховой закон, который включал бы в себя все рабочие страховые требования. Ликвидаторы и здесь заняли «умеренное» (соглашательское) направление: выдвигали лозунги частичных «дополнений и изменений» к законам 1912 года» [1]).

Так сказалось различие большевистской и меньшевистской тактики при рассмотрении предпринимательского устава.

«В дальнейшем, — пишет Аверин, — разногласия еще больше выявились и обострились, что привело к полному разрыву двух разнородно-социальных групп, непримиримую классовую позицию большевиков и соглашательско-мелкобуржуазную — меньшевиков. Мы, большевики, ставили своей задачей использовать больничные кассы не только в деле организации рабочего класса, но и в превращении больничных касс на деле в боевые штабы классовой борьбы рабочих с капиталистами за свое политическое и экономическое освобождение, в то время как меньшевики стояли за нейтрализацию больничных касс и невмешательство политики в больничные кассы. Пути наши с меньшевиками разошлись, и нам пришлось вести отчаянную борьбу не только с капиталистами, но и с меньшевиками» [2]).

Непримиримость политической линии большевиков и меньшевиков в страховом движении обусловила существование двух страховых журналов: «Вопросы страхования» — большевистский и «Страхование рабочих» — меньшевистский.

Большевистский журнал в противовес меньшевистскому проводил интернационалистскую линию, призывая рабочих к организации и боевым выступлениям. Все это писалось, понятно, в замаскированной форме. Когда предприниматели во главе с Гучковым обратились в рабочую группу страхового совета с просьбой помочь им подобрать представителей от рабочих в Центральный военно-промышленный комитет, большевики-страховики им посоветовали обратиться непосредственно к рабочим.

Большевики успешно вели борьбу с меньшевиками за овладение страховым движением. Это сказалось и на тираже большевистских «Вопросов страхования» и на составе важнейших страховых органов. Выборы в страховой совет (в Петербурге) 31 января 1916 года прошли с большим успехом для большевиков. Большевистский ПК развернул большую подготовительную работу. На рабочих собраниях (например у Эриксона) большевики объясняли, что «все заболевания есть следствие дороговизны, порожденной войной». В принятой на заводе «Эриксон» большевистской резолюции говорится:

«Общие условия и от страховых деятелей требуют участия в разрешении вопросов не только общественного, но и политического значения, ибо первые есть результат условий чисто политического порядка» [3]).

Меньшевики, несмотря на их победу на выборах в военно-промышленные комитеты, несмотря на существование у них легального центра партийно

[1]) «Летопись революции» № 2 за 1923 г., стр. 98, 99.

[2]) Там же.

[3]) М. Г. Флеер. «Петербургский комитет большевиков в годы войны 1914—1917 г.», «Прибой», 1927 г., стр. 68.

работы в виде рабочей группы при ЦВПК, несмотря на содействие им либеральной буржуазии, потерпели полное поражение на этих выборах. Успеху большевиков не могла помешать и охранка, которая противодействовала им не только извне, но и изнутри, «направив свою агентуру» (Мирона Черномазова) на создание конфликта между большевистской фракцией «Вопросов страхования» и «Страхового совета» и ПК и бюро ЦК. Охранка вынуждена была признать (в докладе 7 февраля 1916 г.), что «большевикам кампания дала положительный и блестящий результат, увенчавший их предвыборную кампанию и агитацию» [1]).

Большевики полностью провели свой список. «Из 70 голосов за список голосовало 39 представителей. Число ликвидаторских, народнических и беспартийных голосов было всего 26, объединившихся на двух заместителях» [2]). Это является крупным показателем победы большевиков над меньшевиками в их борьбе за влияние на рабочий класс на важнейшем участке борьбы за рабочие организации. Особенно чувствительна для меньшевиков была потеря позиций в провинциальной больничной кассе, это им отрезало все пути влияния на рабочую массу. Наглядный пример этого дает В. Астров в книге «Большевики в Смоленске».

Прекрасно понимая значение легальных организаций, меньшевики упорно отстаивали в них свои позиции против большевиков путем блока с эсерами и даже кадетами. Например, в Канавинском обществе разумных развлечений большевикам «пришлось выдержать отчаянную схватку с меньшевиками, здесь объединившимися с кадетами» [3]).

Буржуазия и даже некоторые царские чиновники умели хорошо ценить работу меньшевиков. На Трубопрокатном заводе в Екатеринославе, где господствовали ликвидаторы, «заводоуправление отказалось ввести своих представителей в правление больничной кассы» [4]), так как вполне доверяло защиту своих интересов ликвидаторам. При аресте деятелей больничных касс в Екатеринославе губернатор вскоре освободил меньшевиков, а большевиков оставил в тюрьме.

...На вопрос рабочего Копсина, почему он (губернатор) освобождает Боголюбову и несогласен освободить Гопнер, Чернявского, он ответил буквально следующее: «Боголюбова с.-д. плехановка, а Гопнер — ульяновка» [4]).

Даже губернатор понимал разницу между большевиками-ленинцами и меньшевиками. Понимала его прекрасно и военная цензура, которая пропускала оборонческие статьи. Но несмотря на то, что за спиной меньшевиков стояла не только либеральная буржуазия, но подчас даже и чиновники царского правительства, они теряли позицию за позицией по мере большевизации рабочих масс под влиянием войны и порожденного ею кризиса.

Кампания выборов представителей рабочих в ВПК имеет огромное политическое значение, ее исход повлиял на судьбы русской революции. Она про-

---

[1]) М. Г. Флеер, цит. соч., стр. 70.

[2]) А. Г. Шляпников. «Канун 1917 года», ч. 1, изд. 2-е, стр. 154.

[3]) «Материалы по истории революционного движения в Нижегородской губернии», т. I, стр. 161.

[4]) «Летопись революции» № 2 за 1923 г., стр. 99.

исходила в сентябре—октябре 1915 года, когда все классы пришли в движение. Кампания выборов в рабочие группы военно-промышленных комитетов была, по мягкому выражению М. Н. Покровского, попыткой буржуазии установить смычку с рабочим классом, точнее — подчинить его себе. От исхода этой попытки в значительной степени зависело, пойдет ли революция по либеральной линии или по рабоче-крестьянской, по империалистической или по антиимпериалистической. В этой кампании решался вопрос, пойдет ли пролетариат за большевиками или за Гучковыми — Милюковыми.

Борьба большевиков и меньшевиков за руководство рабочим движением в этой кампании достигает большого напряжения и большой исторической значительности.

Тактическая линия большевиков в этой кампании вытекала из всей позиции большевизма: никакой поддержки буржуазии в ее борьбе с правительством, а тем более в ее политике усиления военной мощи России. Чтобы бить по царизму, надо бить и по империалистической буржуазии, хотя бы и архилиберальной, архиоппозиционной. Легальные возможности надо использовать, поскольку они способствуют организации сил революционного пролетариата. Совместная работа в буржуазных организациях обороны есть подчинение пролетариата интересам отечественного империализма, есть дезорганизация сил революционного пролетариата. Поэтому итти работать в военно-промышленные комитеты ни в коем случае рабочим не следует. Самую кампанию выборов надо использовать для постановки перед массой вопроса о войне, для пораженческой и революционной агитации.

Некоторые споры среди большевиков были лишь по вопросу: участвовать или не участвовать в самой кампании, а если участвовать, то в какой стадии выборов: только на предприятиях или итти и на собрание выборщиков.

«В горячих прениях, — пишет Кондратьев, — где почти что все члены ПК по очереди выступали, выдвигались две точки зрения: первая — использовать кампанию, но выборов на общегородское совещание не производить; вторая — использовать кампанию, произвести выборы уполномоченных, на общегородском собрании дать бой, развить нашу точку зрения по отношению к войне, в выборах в комитет не участвовать или голосовать против. Помню, эти два предложения несколько раз ставились на голосование, но ни то, ни другое предложение не получало абсолютного большинства. Наконец к самому утру приняли предложение второе с дополнением Владимира о том, что в случае большого подъема революционного движения уполномоченные должны стараться оттянуть вопрос о выборах и объявить себя Советом рабочих депутатов» [1]).

Пленум ПК после долгих споров о том, итти или не итти на собрание выборщиков, решил итти на собрание и дать там бой меньшевикам. Это решение было вполне правильным и дало возможность большевикам одержать блестящую победу.

Меньшевистская линия в вопросе о выборах в рабочие группы была полностью предопределена их позицией: создание крупнейшей легальной возможности, дающей перспективу легализации либеральной рабочей партии, возможность «координации усилий» с буржуазией в общих организациях, возможность «подталкивания» буржуазии к власти в лице Гучковых-Коноваловых и т. д.,—

[1]) «Красная летопись» № 7, стр. 37.

все это могло осуществиться при вхождении рабочих в военно-промышленные комитеты. Можно сказать, меньшевизм рос к «военно-промышленному социализму». Меньшевики в целом (не только оборонцы из «Нашего дела») были за участие в военно-промышленных комитетах. Стыдливые интернационалистические жесты, которые делали некоторые «платонические интернационалисты», вроде Троцкого, нисколько не меняют того факта, что в кампании столкнулся большевизм и меньшевизм в борьбе за руководство рабочим движением. Меньшевики при этом выступали именно как революционеры-шовинисты. Революционное настроение рабочих масс, перед которыми пришлось меньшевикам выступать, заставило их припрятать не только свой либерализм (реформизм), но и свой шовинизм. Тогда как большевики заострили вопрос об отношении рабочих к войне, меньшевики его смазывали, заслоняя разговорами о необходимости для рабочих организации своих сил. В своей печати (газеты «Рабочее утро», «Утро») и в своих устных выступлениях и декларациях меньшевики во время кампании подчеркивали, что участие рабочих в военно-промышленных комитетах в интересах организации рабочих. Выборы в рабочие группы должны были явиться лишь ступенькой к созыву всероссийского рабочего съезда, который и решит, участвовать ли рабочим в военно-промышленных комитетах или нет [1]). Характерна для выступления меньшевиков на рабочих собраниях речь самарского рабочего трубочного завода Кузьмина.

«Нам говорят, — заявил он, — что мы идем в комитет, да пошлите к чорту этот комитет вместе с Гучковым, нам нужны возможности, которые дает нам комитет. Не добьемся этих возможностей (организации), тогда и обвиняйте, но только тогда».

Мы идем в комитеты не ради обороны, а ради организации — вот лейтмотив всех ликвидаторских выступлений. Лидеры их дошли даже до такого лицемерия, что прямо утверждали, что они отрицательно относятся к обороне. Так, например, на собрании 29 ноября они выступали со следующими речами:

Васильев заявил: «Вопрос о войне — праздный, к ней мы все относимся отрицательно, никто не стоит на точке зрения национальной обороны— это ложь. Военно-промышленные комитеты помогут делу революции».

Ему вторил Брейдо: «Война — одно, мы к ней относимся отрицательно, но нам надо бороться за вопросы внутренней жизни» [2]).

Итак, меньшевики свой шовинизм пытались прятать за словесную революционность. Впрочем и объективно они были непоследовательные, но все же буржуазные революционеры. Свою роль, как проводников влияния буржуазии в рабочем движении, они выполняли хорошо. Они умело приспособляли к настроению рабочих политические лозунги буржуазного лагеря. Они привлекали рабочих не только возможностью, благодаря рабочим группам ВПК, организовать силы рабочего класса, но пытались изобразить их как органы рабочего контроля над производством. О выступлениях оборонцев на собрании рабочих завода «Эриксон» большевик рабочий К—ч пишет, что они

---

[1]) Л. Троцкий. «Самарская организация ВКП в годы войны и Октябрьской революции», Самара 1927 г., стр. 30.

[2]) А. Г. Шляпников. «Канун 1917 года», часть 1.

«главным образом, пассивную рабочую массу увлекали приманкой контролирования и возможностью войти в курс дела обороны страны, ...на этих последних лозунгах они и получали перевес» [1]).

Об этом же пишет в своих воспоминаниях и В. Залежский:

«Они (оборонцы. *Д. Б.*), — пишет он, — никогда не говорили, что идут в комитет для «защиты страны», они обычно развивали ту мысль, что надо использовать представляющуюся легальную возможность: создать в лице рабочей группы военно-промышленного комитета открытый центр организации рабочего класса и, проникнув в тайны работы буржуазии, разоблачить их перед рабочим классом» [2]).

Итак, в своих выступлениях на предприятиях «гвоздевцы» показали себя умелыми агентами буржуазии и серьезными врагами большевиков. К началу кампании обе стороны вели подготовительную работу (выпустили листовки и т. п.), но обслужить в крупных центрах, как, например, в Петербурге, все предприятия агитаторами большевики не могли. Для изучения хода борьбы в первой стадии особенно интересен ход выборов на крупных предприятиях. Такие сведения о заводских собраниях имеются по Петербургу и Самаре. Из них видно, что соотношение сил у большевиков и меньшевиков на этих крупных предприятиях было примерно равное, с перевесом в пользу большевиков. Меньшевики, например, на заводе «Новый Лесснер» (7 тыс. рабочих), после ряда махинаций, получили на 50 голосов больше, но при голосовании наказ был принят большевистский. Преобладание на заводе было, очевидно, у большевиков, но не в такой степени, чтобы они могли задавить меньшевиков абсолютным большинством голосов. Характерен факт, отмеченный в письме в ЦК — на некоторых заводах избирали меньшевиков, а наказ давали им большевистский и наоборот. Этот факт в незначительной степени можно объяснить тем, что массы еще не вполне разобрались в разногласиях. Характерно здесь колебание числа голосов и небольшое большинство голосов у обеих сторон. Объяснить это надо тем, что на крупных металлургических заводах, наряду со старыми рабочими, было немало «оборонщиков» из мелкой буржуазии и что часть высококвалифицированных рабочих шла за оборонцами.

В ходе кампании, когда массы впервые широко познакомились со взглядами большевиков, наша партия получила перевес на большинстве крупных заводов. В Петербурге большевистский наказ был принят на заводах: Путиловском, Парвиайнен, «Новый Лесснер», Франко-русский, «Скороход», «Вулкан», «Феникс», Семенова.

В Самаре на всех крупных предприятиях города победили большевики: на фабрике Зимина, на Гранатной фабрике и на Трубочном заводе. На последнем, где на собрании присутствовали 4 000 рабочих, за участие в военно-промышленном комитете из 12 ораторов выступало всего трое.

Зато на собрании рабочих мелких предприятий победили меньшевики. Победа меньшевиков на более мелких и более отсталых предприятиях малоценна, так как они побеждали часто в результате пассивности рабочих. Отста-

---

[1]) Архив Истпарта, фонд ЦК, письмо рабочего К—ча.

[2]) Хрестоматия «Революция и ВКП», т. V, стр. 198—199.

лые рабочие вообще неохотно участвовали в кампании. Так, в избирательном округе строительных ж.-д. мастерских на Путиловском заводе, где преобладали отсталые рабочие, главным образом из приезжих крестьян, из 2 тысяч человек участвовало в выборах не более 100 человек [1]). В Самаре меньшевики победили голосами печатников мелких типографий. Число голосов на собраниях выборщиков не характерно для действительного соотношения сил. В Самаре, например, на собрании выборщиков за большевиками пошло всего 25 человек из 70-ти. На деле за большевиков было подано больше голосов, чем за меньшевиков. Это объясняется тем, что «избирательный закон в Самаре был таков, что на мелкое предприятие (свыше 20 ч.) давался один выборщик и на крупных предприятиях на 1 000 рабочих давался тоже один выборщик. При таком порядке свыше тысячи рабочих фабрики Зимина дали двух представителей, а 600 печатников дали около 15 представителей; так как большевики победили на крупных предприятиях, то 25 человек выборщиков-«пораженцев» имели за собой больше голосов, чем 48 человек выборщиков-оборонцев. Это не мешало, понятно, тому, что оборонцы добились создания рабочей группы при Самарском ВПК, которая, впрочем, была вскоре наполовину выслана в Сибирь, так как ее члены-оборонцы были поднадзорные.

Трудней было победить оборонцам в Петербурге. На собрание выборщиков 27 сентября явилось всего 198 человек, из них большевиков было всего 60 человек, ликвидаторско-народнический блок имел 81 голос и 57 человек составляли беспартийное «болото», тяготевшее к оборонцам.

При выборах президиума они получили 128 голосов против 70 голосов у большевиков. Председателем собрания они выставили К. Гвоздева, лидера рабочих-оборонцев. В упоении своей победой они «великодушно» дали одно место в президиуме большевикам. Место товарища председателя занял член ПК т. Богдатьев, умело «дирижировавший» большевистской фракцией из-за стола президиума. Кроме него был еще член ПК т. Залежский («Владимир»). Оба они прошли под фамилией двух рабочих, не пошедших на собрание.

Тт. Залежский и Богдатьев выступили с ясными и сильными речами и создали перелом в настроении собрания. Когда были поставлены на голосование большевистская и меньшевистская резолюции, то за большевиков голосовало 95 человек, а за меньшевиков 81. Победа была на стороне большевиков. Предложение гвоздевцев об участии в ВПК было провалено. Гвоздевцы решили бороться «до конца». Они использовали то, что двое выборщиков были заменены «посторонними людьми», и добились перевыборов. К моменту этих перевыборов охранка «изъяла» очень много большевиков. Кроме того многие сознательные рабочие бойкотировали эти выборы. На следующее собрание явилось всего 153 выборщика вместо 213, в то время как на первое собрание пришло 198 из 220 человек. Одни были арестованы, другие были запуганы, третьи отнеслись к выборам безразлично. Уменьшение шло, понятно, за счет беспартийных.

Под давлением рабочих избирателей часть эсеров и «межрайонцев» присоединилась к большевикам. В начале собрания большевики прочли протест

---

[1]) «Красная летопись» № 2 (23) за 1927 г., стр. 10.

против действий гвоздевцев, как изменников, которым не должно быть места среди рабочих. К ним присоединилась часть народников. После этого заявления большевики и часть народников ушли. Ушло сначала 79 человек, несколько человек из «пораженческого» блока осталось с информационной целью, но потом и они ушли. ПК выпустил прокламацию протеста от имени 84 выборщиков, таким образом большинство собрания и на этот раз фактически было против выборов. Партийное пораженческое крыло на втором собрании стало даже больше.

Все это не помешало гвоздевцам выбрать «представителей» от питерских рабочих в Центральный и в Областной военно-промышленные комитеты. На ряде заводов («Промет», Барановского, «Новый Лесснер») рабочие выносили резкий протест против этой фальсификации выборов. А лидерам гвоздевцев Бройдо, Божевельникову и Гвоздеву по данным охранки, на заводах «Новый Лесснер», «Нобель» и «Эриксон» было предъявлено требование отказаться от избрания или их вывезут с завода на тачке.

«Победа» оборонцев получилась своеобразная. В ней были заложены элементы окончательного поражения «гвоздевщины».

Отказ от выборов большевикам удалось провести в Харькове, Саратове, Нижнем-Новгороде и Баку. Всего было рабочих групп к апрелю 1916 г. 36 (при наличии 239 военно-промышленных комитетов) и к августу 1916 г. — 52.

Значит ли это, что во всех пунктах, где были созданы группы при ВПК, рабочие высказались за оборонцев? Нет, это вовсе не так. В огромном большинстве случаев выборы происходили «втемную», а местами они были просто фикцией — предприниматели назначали сами «благонадежных» рабочих. Назначение было, например, в Ревеле (3 рабочих Балт. завода). В Казани на некоторых предприятиях (пороховой завод) выборов не было, а на остальных рабочие отнеслись к выборам безразлично. Избранным от Крестовниковского завода оказался беспартийный рабочий, «сильно пьющий». Картина довольно типичная. Борьба между большевиками и меньшевиками была далеко не всюду, где были выборы, так как были города, где ни большевиков, ни меньшевиков не было. На Урале, например, в выборах участвовало 15 тысяч рабочих, а не участвовало 60 тысяч, т. е. выбирало всего 20%. В Москве в выборах приняли участие фактически около одной трети рабочих. И что это были за «выборы»!

Выборы показали, что к осени 1915 года в рабочем классе наметился уже определенный сдвиг в сторону «пораженчества», но и «оборонцы» еще имели за собой значительную часть масс. Дальнейшему излечению рабочих от оборончества содействовала не только объективная обстановка, не только работа партии, но и работа самих оборонцев.

Гвоздевцы, попав в военно-промышленные комитеты, показали на деле, зачем они шли туда. Так, например, Черегородцев, председатель московской рабочей группы, по данным охранки, заявил в ответ на речь Рябушинского на пленарном заседании,

«что его товарищи и их выборщики, несмотря на все те утеснения, которые испытывал рабочий класс в деле свободного устройства своей участи и своих взаимоотношений с работода-

телями, тем не менее ж а ж д у т д о в е с т и в о й н у д о п о б е д о н о с н о г о к о н ц а, чем и объясняется их участие в деятельности комитета» [1]).

Найдя почву для «координации усилий» с буржуазией, гвоздевцы начали проводить тактику подталкивания буржуазии к власти. Чтобы дать о ней представление, приведем следующую выдержку из речи одного из представителей рабочих на заседании ЦВПК 21 декабря 1915 года:

«Вы — члены Центрального промышленного комитета и, главным образом, входящие в таковой представители буржуазии, видите, каково положение, и обязаны теперь заговорить языком, достойным вас и настоящего положения дел. Вы должны потребовать, чтобы ныне существующая бюрократическая власть сошла со сцены, уступив свое место вам, как наследникам настоящего строя» [2]).

Сотрудничество с буржуазией обязывало гвоздевцев активно работать по части «тушения» стачечного пожара. Гвоздевцы создавали примирительные камеры, пытались улаживать конфликты самолично, но результаты этой работы были, понятно, не велики. Все же Гучков и К° после ареста рабочей группы писал с «прискорбием душевным»:

«Группа и отдельные члены ее оказывали комитету самое деятельное содействие по предупреждению стачечного движения в среде рабочих... группа высказывалась против всяких эксцессов, на которые подчас толкали рабочую массу некоторые элементы» [3]) и т. д. и т. п.

Поскольку гвоздевцам не удавалось предотвращать стачки, им приходилось уже возникшие стачки срывать, ломать, выступать в качестве стачколомов-штрейкбрехеров. Так, например, К. Гвоздев выступил 24 мая 1916 года на совещании областных военно-промышленных комитетов с заявлением, что «рабочие группы осуждают происходящие ныне повсеместно забастовки» [4]). Это штрейкбрехерское выступление Гвоздева было результатом совещания при рабочей группе ЦВПК, где было постановлено: «По вопросу о забастовках решено таковые осудить и потребовать ведения примирительных камер и института старост» [5]). Выступление Гвоздева было подхвачено буржуазной печатью. Это был удар в спину бастующим рабочим.

Штрейкбрехерской работе Гвоздевых помогала и фракция Чхеидзе, представители которой, по данным охранки, посетили в сентябре 1915 г. некоторые заводы с целью рекомендовать рабочим прекратить начатую ими забастовку [6]). Во время двух крупнейших подъемов рабочего движения: в сентябре 1915 года и в октябре 1916 г., меньшевики выступали в Петербурге с попыткой срыва забастовки.

---

[1]) Дело департамента полиции № 347 за 1915 г., лист 156, донесения московского градоначальника 7 декабря 1915 г.

[2]) Там же, лист 254, донесения начальника петроградского охранного отделения 19 января 1916 г., № 35.

[3]) Ш л я п н и к о в. «Канун 1917 года», ч. 1, стр. 281, 282.

[4]) Дело департамента полиции № 347 за 1916 г., лист 42. Агентурные сведения «Промышленника», московского охранного отделения.

[5]) Там же, лист 93, донесения Абросимова.

[6]) Дело департамента полиции № 5 за 1915 г., лист 112 (?).

Не отставали от своих вождей и оборонцы, работавшие на предприятиях. Например в Сормове в июне 1916 г., во время забастовки, меньшевик Норкин выступал против забастовки. Это выступление, хотя и не имело успеха, но вселило колебание в часть рабочих, искавших в нем оправдания своей слабости, и через 3 дня стачка была сломлена. Бывали, однако, случаи, что меньшевики не решались итти против массы и шли рука об руку с большевиками или даже старались забежать вперед. Это нимало не меняет общей линии меньшевизма, как линии штрейкбрехерской, социал-предательской.

В гвоздевщине меньшевизм раскрыл уже свою соглашательскую и предательскую сущность. «Координировать усилия» и бороться против стачечного азарта, против «стачкизма» — вот двуединая соглашательско-предательская сущность гвоздевщины. В ней меньшевизм пришел к полному саморазоблачению [1]). Союз русских оппортунистов с буржуазией стал, наконец, таким же «открытым и принудительным», как и союз западно-европейских социал-шовинистов. Потеряв, таким образом, невинность, они приобрели зато капитал. Прежде всего они получили возможность фактически легализовать партию. На содержание ВПК поступили в качестве обслуживающих рабочие группы ряд крупных меньшевистских работников: Б. О. Богданов, Евг. Маевский, Ф. Булкин и др. За счет военно-промышленных комитетов совершался объезд местных меньшевистских групп. Наконец гвоздевцы получали деньги из военно-промышленных комитетов для помощи своим арестованным партийным товарищам, как это было в Самаре [2]). Короче говоря, меньшевизм, сложившись в гвоздевскую партию, «европеизировался» до такой степени, что пошел на содержание к буржуазии.

Ленин подчеркивал, что в рабочем движении есть две силы, борющиеся за руководство массами — большевики и меньшевики-оборонцы. Меньшевики силу свою черпают из союза с либеральной буржуазией; большевики — из своей связи с рабочим классом, верного отражения его классовых интересов.

Почему же все-таки за меньшевиками тоже идут рабочие? Они имели за собой осенью 1915 года значительную часть рабочих масс, об этом говорят факты выборной кампании, это подтверждает и Ленин в своей статье «Прикрытие социал-шовинистской политики интернационалистскими фразами» [3]).

Гвоздевцы умели приспособлять шовинизм к революционному настроению рабочих, они умели клясться революцией, Циммервальдом, миром без аннексий и т. д. Будучи объективно в лагере империализма, они отличались от кадетов хотя бы тем, что колебались между шовинизмом и революцией. Они были не только буржуазными рабочими политиками, но и представителями мелкой буржуазии, главным образом той части мелкой буржуазии, которая связала свою судьбу с судьбой русского империализма — буржуазной интеллигенции. Их значение было в том, что они помогали буржуазии своим призывом к борьбе с «правительством измены» ввести революционный подъем масс в русло шовинизма.

---

[1]) В глазах передовых рабочих, которые были знакомы с опытом гвоздевщины. Широкие массы не вполне еще поняли предательскую сущность меньшевизма.

[2]) «Красная быль» № 1, стр. 49.

[3]) См. Ленин, т. XIII, стр. 217 и 223.

Каково же было соотношение сил в рабочем классе между большевиками и меньшевиками? За кем пошел пролетариат как класс — за большевиками или за меньшевиками?

Год революционной борьбы и год проверки массой на своем опыте гвоздевского эксперимента не прошел даром. В октябре 1916 года мы видели уже совершенно иное соотношение сил между большевиками и меньшевиками, чем в сентябре 1915 года. Кампания выборов в страховой совет в Петербурге дала перевес большевикам (39 голосов против 26 голосов у меньшевистско-эсеровского блока). Октябрьская стачка показала, что ПК является признанным руководителем питерских рабочих. К концу 1916 года мы имеем рост в целом ряде большевистских организаций. Наиболее нагляден он в Харькове, где весной 1915 г. было 15 членов, а к концу 1916 года стало 120 членов, аккуратно платящих членские взносы. Петербургская организация в июне 1915 года имела около 800 членов, в октябре 1915 года около 1 200 членов и накануне Февральской революции— 1 500—2 000 членов партии. В Москве к концу 1916 года, несмотря на сильную провокацию и т. п., отмечается рост организации, и она насчитывает несколько сот членов. Оживление партийной работы и рост большевистских организаций отмечается в Донбассе и т. д. Бюро ЦК сообщало в заграничный центр: «Работа наших организаций не падала, а к концу 1916 г. наблюдалось повсеместное укрепление и расширение ее» [1]).

Шел ли этот рост большевистских организаций за счет падения влияния меньшевистских, или параллельно росли и те и другие?

Революционный подъем осени 1915 г. использовали и большевики и меньшевики для укрепления и расширения своей работы. Можно сказать, что оборончество (не просто национализм, а именно идеология с о ц и а л-ш о в и н и з м а, оборонцев) начинает достигать своего расцвета осенью 1915 г., но дальше оно начинает клониться к упадку. Это видно прежде всего на падении влияния «гвоздевских» рабочих групп, на росте их изолированности в Питере и в Москве, на отозвании своих представителей из рабочих групп рабочими Николаева, Киева, Ростова-на-Дону и др. городов. О падении влияния «окистов» и говорить не приходится. Они прямо сходят на-нет. Даже сами гвоздевцы к ним относятся пренебрежительно. Это видели прекрасно и лидеры «меньшевиков-интернационалистов». Это видно из письма Ю. Мартова к П. Б. Аксельроду, в котором он пишет:

«У них (Ф. Дана и Лидии) впечатление, что в России наши дела плохи: сестра пишет, что, вопреки ожиданиям, среди работающих в самарском «Голосе» «не оказалось ни одного разделяющего «мартовско-минусинско-иркутского» направления, а Ф. И. боится, что все живое уйдет к ленинцам» [2])...

Все живое от интернационалистов на словах переходило к подлинным интернационалистам — ленинцам. Ленинцы повели за собой рабочий класс России.

---

[1]) Ш л я п н и к о в. «Канун 1917 года», ч. 2, стр. 27.

[2]) «Письма Ю. Мартова П. Б. Аксельроду», Берлин, стр. 355—356. Речь идет о направлении Церетели, Рожкова и др., находившихся в Иркутске и Минусинске, т. е. о меньшевиках-интернационалистах.

Если рабочий класс России в обстановке назревающей буржуазной революции не был вовлечен в русло буржуазной политики, борьбы буржуазии с «правительством измены», то это надо объяснить не только экономическим положением рабочего класса, но и тем, что в России была пролетарская партия, имеющая за собой огромный революционный опыт и руководимая революционной теорией ленинизма-марксизма. Ни революционный подъем, ни ухудшение положения масс не делали еще их автоматически «пораженческими». «Бурные чувства масс», порожденные войной, умели использовать и буржуазия (гвоздевщина) и помещичья реакция (погромы). Надо не забывать огромной деквалификации рабочего класса в годы войны, пропитывание его мелкобуржуазными элементами и трудностей условий работы в военной обстановке. Если, несмотря на все это, пролетариат вышел в феврале 1917 года с двуединым лозунгом: «Долой царя!», «Долой войну!», если он пошел за партией, боровшейся против царизма и империализма, то лишь потому, что большевики были партией пролетарской и по своей идеологии, и по своему составу, и организационной структуре, и по своим связям с широчайшими массами пролетариата России.

г) ПАРТИЯ И ОРГАНИЗАЦИЯ СИЛ РЕВОЛЮЦИИ.

Получить перевес над меньшевиками в борьбе за руководство еще не значило иметь возможность для большевиков охватить своим руководством рабочее движение. Перед партией стояла трудная задача повести за собою массы, в значительной мере сырые и разбавленные обороняющимся от войны мелкобуржуазным элементом. Эта задача была трудна, несмотря на то, что за несколькими тысячами большевиков шло несколько десятков тысяч рабочих-правдистов. Широкие массы партия за собой могла вести лишь связавшись с ними на защите их повседневных интересов. Нельзя представлять себе, что партия только и делала, что занималась пропагандой поражения и полемикой с меньшевиками. Большевики на заводах научились завоевывать доверие рабочих своей умелой защитой интересов рабочих. На заводе ВЭК (в Харькове), например, большевики взяли на себя роль «ходоков» по делу о выплате рабочим прибавки на дороговизну. Они угрожали администрации забастовкой, ездили к высшему начальству в Питер и в конце концов добились прибавки. После этого ячейка на заводе ВЭК стала пользоваться исключительным доверием рабочих. При возникновении конфликта, грозящего перейти в забастовку, ячейка обсуждала, выступать или не выступать. Бывали случаи, что и большевикам приходилось удерживать рабочих от заведомо невыгодной им экономической забастовки. Неверно представление, что экономические забастовки проходили стихийно без руководства партии, а партия руководила лишь забастовками политического характера. Да и невозможно было подчас отделить экономическую забастовку от политической. Партийные ячейки и комитеты стремились увязать отдельные выступления, осмыслить движение, дать ему общеклассовые лозунги. Для примера можно указать на план создания продовольственных комиссий, как органов, способствующих объединению движения отдельных предприятий и увязке борьбы за улучшение положения рабочих с борьбой против войны и всего существующего строя. Другой пример: летом 1915 г. в Иваново-Возне-

сенске стихийно нарастало возмущение рабочих. Партия хотя и не в силах была охватить его своим влиянием и удержать рабочих от несвоевременных выступлений, но старалась придать движению возможно более организованный характер, налаживала связь Иванова-Вознесенска с ближайшими текстильными районами (Кохмой, Вичугой, Вязниками) и, наконец, дала движению свои лозунги, лозунги борьбы против царизма и войны. Хотя движение и было раздавлено, но оно вошло в сознание рабочих, как протест рабочих против войны и всего строя, и вызвало широкий отклик по всей стране.

Тяга рабочих к партии усиливалась не только в случае победоносного исхода забастовки, но и в случае ее поражения. Там, где партия бросила свои семена, они давали всходы, несмотря на то, что самих большевиков выкидывали из завода. После разгрома стачки в Туле на патронном заводе «молодежь больше стала тянуться к той или иной форме организации, потому что стачка наглядно показала, как легко разбить неорганизованную массу» [1]).

Одной из причин поражения стачки Тульского патронного завода было то, что ее не поддержал оружейный завод, а не поддержал он ее потому, что в правлении тульского союза металлистов сидели меньшевики. После стачки меньшевики были переизбраны, и их место заняли большевики. Так в повседневной борьбе партия завоевывала доверие рабочих, показывала им значение организованности.

Организующая роль партии в экономической стачке особенно наглядно видна на примере забастовки на Брянских заводах (бывшей Орловской, теперь Брянской губ.). Во время этой стачки (май — июнь 1916 г.) свыше 16 тысяч рабочих бастовали в течение двух недель, несмотря на объявление расчета, призыв в войска, отказ в выдаче продуктов в кредит, выселение из заводских квартир и при отсутствии какого бы то ни было забастовочного фонда. Вопрос бастовать или не бастовать был решен сначала на совещании большевиков с меньшевиками и эсерами, где, после красноречивых возражений влиятельного рабочего-эсера, все же решено было бастовать. Решение партийного совещания было перенесено на нелегальную массовку (вроде беспартийного актива), где также решено было бастовать. После этого был организован 10-тысячный митинг, на котором поддержали решение бастовать и аплодировали ораторам, говорившим против войны. Стачка, сначала экономическая, приобрела политическую окраску. Большевики делали все возможное для того, чтобы удержать массу от колебаний. Так они весь партийный фонд, созданный путем членских взносов (всего 600 р.), обратили на помощь особо нуждающимся бастующим. Кроме того ячейка послала представителей в Москву, где ей удалось получить от студентов еще около 400 рублей. Эта тысяча рублей была каплей в море, но моральное действие этой денежной помощи было очень велико. Стойкость большевистской организации, ее активная подготовительная работа в цехах накануне стачки, планомерность развертывания стачки, короче — наличие руководства придало стачке наредкость стойкий и организованный характер.

Можно указать еще ряд крупных экономических в основе стачек, которыми руководили большевистские ячейки (например в Сормове, Туле). На почве эконо-

[1]) «Революционное былое» № 3, Тула 1924 г., стр. 18.

мической борьбы образовалась смычка между большевиками-пораженцами и рабочей массой. Хотя стачки часто кончались безуспешно и сопровождались разгромом партийной организации и всего слоя активных рабочих, но в обстановке нарастающего революционного кризиса эти поражения не ослабляли энергию рабочего класса, а повышали его волю к борьбе против царя и против войны. Каждая такая стачка говорила рабочим, что нельзя улучшить свое экономическое положение, если не изменить весь существующий строй. Массовые расчеты и мобилизации наталкивали рабочих на мысль о необходимости в с е о б щ е й с т а ч к и. Поэтому забастовки быстро развивались, охватывая крупные районы. Руководить партии такой широко развившейся стачкой при отсутствии крупных партийных объединений не было возможности. Попытку создания такого руководства мы имеем на примере иваново-вознесенской стачки 1915 г., но и она не дала значительных результатов.

Как пример м а к с и м а л ь н о й организованности и м а к с и м а л ь н о г о партийного влияния и руководства забастовочным движением целого промышленного района с более чем стотысячной рабочей армией, можно привести октябрьскую забастовку 1916 г. Основным ядром стачечников в ней (127 тыс. из 187 тыс. общего числа забастовщиков) были питерские металлисты. Всего бастовало в Питере в октябре больше 145 тыс., т. е. почти полтораста тысяч рабочих. Таков был размах движения.

В какой степени партии удалось охватить его своим влиянием?

Первая октябрьская забастовка возникла после проведения Петербургским комитетом митинговой кампании 13, 14 и 15 октября и после выпуска прокламаций с призывом к борьбе. И в митинговой кампании и в листовках ПК не призывал к немедленному объявлению забастовки. В них содержался общий призыв к переходу к организации сил, к всеобщей забастовке и вооруженному восстанию. В листовках говорилось: «и пролетариат России должен немедленно подать свой голос и повести за собою все живые и демократические элементы страны». В резолюции, предложенной ПК для проведения на рабочих собраниях, он обращался с призывом к пролетариату и всей демократии вступить «на путь решительной революционной борьбы против царской монархии и правящих классов под лозунгом — «долой войну».

Рабочие, благодаря напряженной атмосфере на заводах, приняли эти призывы общего характера за призыв к забастовке и 17 октября начали покидать заводы, не выставляя никаких экономических требований. С пением революционных песен они двинулись по Выборгской стороне. Движение рабочих повлекло за собой выступление солдат расположенного в рабочем районе 181 Запасного пехотного полка. Когда жандармерия пыталась разгонять рабочих, солдаты встали на их сторону. Все это произошло неожиданно. Движение не перекинулось в другие воинские части, и правительству удалось загнать солдат обратно в казармы.

Движение, таким образом, возникло стихийно. Петербургский комитет поспешил ликвидировать вспыхнувшую стихийно стачку В специально выпущенных листках ПК отмечал силу движения и роль в нем солдат. Совместное выступление наших братьев-солдат в эти дни может служить показателем того, что они с нами. Но этих первых признаков перехода армии на сторону рабочих

еще недостаточно для решительного штурма. «Товарищи-рабочие, — обращался ПК к питерским пролетариям, — разъясните самым отсталым и темным массам, что несет народу эта бесконечная война: устраивайте сборы, крепче связывайтесь с солдатами, но не давайте себя обмануть тем, кто хочет слухами, возбужденными действием полиции и провокации, вызвать вас на преждевременную бойню... Возвращайтесь теперь к станкам с тем, чтобы покинуть их снова, чтобы всеобщей стачкой в союзе с армией повести последний штурм за низвержение самодержавия, за установление демократической республики, восьмичасового рабочего дня, конфискации помещичьих земель». Рабочие по призыву ПК вернулись к станкам, но через неделю снова были призваны к забастовке для поддержки преданных суду по обвинению в большевистской пропаганде во флоте матросов. Суд был назначен на 20 октября. 25 октября забастовка вспыхнула снова. Демонстрации ходили с песнями и криками: «долой войну, долой казнь». В этот день бастовало свыше 130 тыс. рабочих. Это выступление питерских рабочих явилось блестящей демонстрацией их способности к организованным выступлениям по призыву партии. Оно показало армии готовность рабочих выступить в защиту революционных солдат и матросов. На эту грандиозную стачку революционной солидарности буржуазия ответила локаутом всех бастовавших 26 октября предприятий. В ответ на объявление локаута ПК 1 ноября призвал всех рабочих Петрограда поддержать своих локаутированных товарищей:

«Мы еще не знаем, — говорил листок ПК, — как направятся удары локаута. Захочет ли правительство, закрыв заводы, внеся расстройство в ряды рабочей армии, отобрать наиболее беспокойных и молодых и отправить их на позиции. Использует ли оно локаут, чтобы превратить самый завод в казармы, применяя все жестокости военного положения?»...

Во всяком случае буржуазия сама нарушает лозунг классового мира во имя интересов обороны; «поднимая меч междоусобной борьбы, правительствующие классы лишь облегчают задачу их свержения. Они сами приближают к нам позиции, превращая спор в войну» [1])...

ПК призывает рабочих поддержать своих товарищей по классу и быть готовыми в гражданской войне против «правительствующих классов». Буржуазия учла, что для нее невыгодно разжигать классовую борьбу. Она «сочла за благо» прекратить локаут без всяких последствий для забастовщиков.

Октябрьская стачка дала пример организованности пролетариата. Несмотря на то, что массы рвались в бой, ПК удалось предотвратить несвоевременное выступление.

В дни октябрьской стачки 1916 г. мы видим, как по призыву большевистского ПК рабочие то возвращаются к станкам, то покидают их снова. Движение явно развивалось под идейной гегемонией большевиков. Партия вносит организованность в движение и увязывает его с революционным движением в армии и флоте. Охват движения партийным влиянием значительный. Под руководством партии оно переходит в высшие формы, собирает силы для решающего

[1]) Прокламация ПК ко всем рабочим и работницам Петрограда 1 ноября 1916 г. См. у Флеера, стр. 199, 200.

удара и вовлекает в борьбу мелкобуржуазную демократию и, прежде всего, армию.

Октябрьская стачка показывает, как партия содействовала собиранию и организации сил революции. Основным средством для пробуждения революционных элементов мелкой буржуазии и организации их вокруг определенных лозунгов было развитие стачечного движения пролетариата. Борьба рабочих против царизма и войны приобретает все более общенародный характер. Рабочее движение из стен фабрик выходит на улицу, привлекая к себе внимание солдат, студенчества, городской бедноты. Отголоски рабочих выступлений доходят и до деревни.

Положение трудящихся становилось все более безвыходным. Все ясней становилось, что война, дороговизна грозят им истреблением, если они сами не возьмутся за изменение существующего порядка. Необходимость коренной ломки существующего строя толкала мелкую буржуазию в сторону пролетариата. Не только правительство, но и думская буржуазия к концу 1916 года чувствовала, что почва у нее уходит из-под ног, что опереться ей не на кого, что выступление масс будет направлено не только против правительства, но и против всего социального строя.

Степень организованности и сознательности пролетариата определяла силу всей армии революции. Вне этой организованности пролетариата не могло быть никакой армии революции, не могло быть и самой революции.

Как же рабочее движение способствовало пробуждению всех слоев мелкой буржуазии?

Выступления городской мелкой буржуазии не только были связаны с выступлениями рабочих, но рабочее движение накладывало свой отпечаток и на форму движения мелкой буржуазии. Это видно на примере беспорядков 14—15 сентября 1916 г. в Москве.

Поводом к беспорядкам послужило столкновение солдата с полицией. Толпа стала на сторону солдата и принялась избивать полицию. Столкновение с полицией перешло в форменное сражение, полиции пришлось отступать с потерями, потом, получив подкрепление, снова наступать. Только к 2 часам ночи удалось рассеять толпу. А к утру в районе Страстного монастыря снова началось избиение городовых, постройка баррикад и т. д.

В числе задержанных, убитых и раненых политически «неблагонадежных лиц» полицией обнаружено не было. Рабочих тоже не было в толпе, там были студенты и мелкие служащие. Уличное столкновение и расстрел толпы вызвали забастовку студентов. Таким образом, движение мелкобуржуазных низов приняло, вместо характерной для него формы погрома, характер баррикадной борьбы, забастовки и т. п., т. е. те формы, которые были еще в 1905 г. позаимствованы мелкой буржуазией у рабочих.

Учитывая значение привлечения городских «низов» и студенчества, московские большевики выпустили специально прокламацию, начинающуюся обращением: «Народ бесправный. Многострадальный русский народ!» В этой прокламации разоблачается ложь черносотенных газет и лицемерные призывы к народу нести жертвы на алтарь отечества. На эти призывы народ покорно кладет голову на плаху. А почетные и потомственные граждане уже получили

полную свободу обдирать народ, как липку, служат молебны и считают небывало крупные барыши, любуясь на здоровенных, красномордых действительных успокоителей, вооруженных представителей благоволящей им власти... Ужели спокойно ожидать истребления всего трудоспособного населения во имя их интересов? Народ не заинтересован в победе — и поражение и победы обещают нам цепи, а не свободу. Единственный и наилучший выход из настоящего положения — это немедленное заключение мира.

Надо сказать, что прокламации, обращенные к городской бедноте, после революции 1905 года были большой редкостью. И в эти годы революционного брожения среди мелкой буржуазии партия не могла вести среди нее даже систематической листковой агитации. Единственный слой мелкой буржуазии, где партия имела постоянные связи, где могла итти речь о партийной работе, это студенчество.

Члены студенческих организаций большевиков обычно использовались для помощи партийной технике или для агитационно-пропагандистской работы. Уделить серьезное внимание работе среди студенчества партия не могла. Если недостаточно было партийное влияние большевиков среди студенчества, то революционное влияние на него рабочего движения было довольно значительно. Через студенчество пролетариат революционизировал и другие слои городской и, отчасти, деревенской мелкой буржуазии.

Война создала во многих городах компактные массы так называемых «беженцев». Работе среди них большевистские организации в некоторых городах (Москва, Саратов) уделили достаточно внимания, и в результате этой работы, например, в Саратове, создалась связь между беженцами и рабочими. «Связь эта, — пишет т. Антонов-Саратовский, — была настолько крепка, что все попытки местных заводчиков и фабрикантов превратить беженцев в штрейкбрехеров и создать жестокий антагонизм провалились с величайшим успехом» [1]).

В Москве большевики работали в так называемых санитарных попечительствах, где они вели борьбу за влияние с оборонцами и кадетами. В попечительствах удалось развить большую деятельность вокруг вопроса о повышении квартирной платы и тем самым заинтересовать в них трудовой люд.

Для борьбы за влияние на мелкую буржуазию с кадетами и их социалистическими подголосками большевики шли на так называемые общественные съезды и совещания.

Примером их работы в этой области может служить съезд по борьбе с дороговизной в Москве 11—13 июля 1915 г. На этом съезде была довольно значительная рабочая группа, в которой было несколько большевиков. В рабочей группе была принята революционная резолюция. Выступавшие от нее питерский рабочий Н. Судаков и московский большевик В. П. Милютин дали отпор кадету Родичеву, призывавшему рабочих забыть старое и объединиться с остальным обществом в деле «одоления врага». Их выступления ослабили впечатление от выступления Родичева. В дальнейшем кооператоры и народники были откололы от кадетского большинства.

---

[1]) Антонов-Саратовский. «Под стягом пролетарской борьбы», стр. 33.

Несмотря на то, что кадеты пошли на компромисс с «крайними левыми» и придали своей резолюции радикальный характер, за эту резолюцию большинство съезда не голосовало. Из 327 делегатов за кадетскую резолюцию голосовало всего 101, против нее—71 (марксисты, народники и кооператоры), а остальные воздержались. Таким образом, решительное выступление рабочей группы привело к отколу от кадетов их мелкобуржуазных союзников. Керенский в рабочей группе торжественно провалился. Даже народники не пошли за ним. В общем этот съезд показал, что сплоченное и решительное выступление рабочих способствует «левению» мелкобуржуазных элементов, их отрыву от крупной буржуазии.

Вела ли партия какую-либо работу среди крестьянства? Как удалось партии влиять на него?

На основную массу мелкой буржуазии — крестьянство — партия могла влиять тоже через рабочих и через армию. О постановке партийной работы в деревне большевикам не приходилось и думать. Революционизирование деревни шло в основном через армию. Основной путь «смычки» пролетариата и крестьянства лежал через армию. Революционные рабочие, попадающие в солдатскую среду, становились проводниками пролетарского влияния на крестьянство. Правительство массовыми призывами забастовщиков и превращением фронта в своеобразную каторгу для неблагонадежных способствовало усилению связи пролетариата и крестьянства. Размещение больших масс солдат в тылу, в промышленных районах, подвергало этих крестьян в шинелях революционизирующему воздействию города, особенно его рабочих кварталов. Из солдатских писем в деревню никакая военная цензура не могла выскрести революционной заразы. Правительственная обработка солдат в казармах в обстановке войны была ослаблена, а революционная обработка их улицей и фабрикой усилилась. Ненависть солдат к полиции, ненависть к дворянству в офицерских мундирах передавалась в деревню, будоражила ее против власти и против помещиков.

Земляческие связи коренных рабочих с деревней были другим путем воздействия на крестьянство. К этому надо прибавить и то, что у нас в ряде губерний фабрики стоят среди деревень. В таких промышленных губерниях революционизирование крестьянства шло заметней. В Владимирской губернии, по сообщению жандармского управления, в крестьянской среде слышатся жалобы на призывы в войска, на реквизицию, раздаются речи о невозможности победить немцев, о целесообразности сдачи в плен и т. п.

Наконец в годы войны усилился приток «сырья» и «оборонщиков» на фабрики и заводы. Эти элементы, кровно связанные с деревней, заражали ее революционным настроением рабочих.

В армии, где крестьянство было собрано компактными массами, создались, в связи с обстановкой военного времени, не позволившей правительству как следует обработать солдата и изолировать от населения, условия для проникновения в солдатскую массу пролетарского и революционного влияния. Говорить о сколько-нибудь значительном п а р т и й н о м влиянии в армии не приходится. Его не было и не могло быть ни у одной партии. И все же большевики, не имея возможности создать военную организацию, охватывающую

сколько-нибудь значительную часть армии, имели возможность местами вести свою антивоенную пропаганду. Почва для нее была подготовлена.

Благодаря тому, что в армии шло глухое брожение и среди солдат было не мало революционных рабочих, в ней то здесь, то там возникают (не совсем «стихийно») революционные ячейки, которые уже потом завязывают сношения с революционным подпольем. Так было и в Балтийском флоте, где ячейки и коллективы народились на судах совершенно самостоятельно, без помощи [1]) Петербургского комитета РСДРП.

О возникновении революционных ячеек в войсках укомплектования сообщает еще в январе 1915 года начальник штаба верховного главнокомандующего. В состав этих ячеек, по этим сведениям, входят «бывшие народные учителя, студенты, фабричные и заводские рабочие» [2]). По имеющимся материалам видно, что в армии эти ячейки были очень редки, что они не носили партийного большевистского характера, что революционная работа велась, главным образом, или одиночками солдатами-рабочими или путем листковой агитации большевистского комитета. «Работу в войсках, — по словам т. Шляпникова, — наши комитеты возлагали, главным образом, на членов партии, мобилизованных репрессивно (за стачки, протесты и т. п.), а также и взятых в войска в общем порядке» [3]). О партийной работе в армии можно говорить условно, так как она обычно не опиралась на соответствующую военную организацию (ячейки и т. п.). Самое основное в военной работе партии этих годов — это наличие в самой армии классово-сознательных рабочих, стремящихся к постановке партийной, вернее, революционной работы в армии. В этой работе они связывались, по возможности, с одним из партийных комитетов, который им помогал литературой или советами. Иное положение было во флоте. Там уже можно говорить о партийной организации. Но и эта партийная организация отличалась тем, что «вся непосредственная как организационная, так и идейно-революционная работа велась самими моряками, среди которых был целый ряд партийных работников-большевиков, имевших опытный стаж 1905 года», а «связь» «военных с моряками, с ПК была почти исключительно идейно-организационная и идейно-направляющая»... «и в этом было отличие начавшегося революционного движения в Балтийском флоте от движения 1905—1906 г.» [4]).

Итак, особенность военной работы партии кануна второй революции в отличие от подобной же работы в годы первой революции в том, что в самой армии и еще более во флоте были элементы, способные к активной революционной работе.

«Армия и в тылу, и в особенности на фронте, — сообщает охранка, — полна элементами, из которых одни способны стать активной силой вос-

---

[1]) Из записки петроградского охранного отделения от 3/XII 1915 г., Д. П., д. № 5 и 57 за 1915 г. См. Граве, стр. 223, Шляпников, ч. 2, изд. 3-е, стр. 49—50.

[2]) Циркуляр начальника московского охранного отделения, 10 января 1915 г., участковый пристав, дело МООТ.

[3]) Шляпников. «1917 г.», ч. 1, стр. 19.

[4]) В. Залежский. «Борьба за флот». Цитата по «Красной летописи» № 3 за 1926 г., стр. 17.

стания, а другие могут лишь отказаться от усмирительных действий» [1]).

Эти элементы, способные стать активной силой восстания, были рабочие и крестьяне, солдаты и матросы, участвовавшие в революции 1905 года, репрессивно мобилизованные в годы войны рабочие и др. Правдистские рабочие были душой этих активно-революционных элементов армии и флота.

Рабочие-правдисты осторожно, но настойчиво, вели антивоенную пропаганду среди солдат. Примером такой пропаганды является работа т. Пирейко, о которой он рассказывает в своих воспоминаниях [2]). Чтение газеты, разговоры о мире, замечания «начальства» — все это старался использовать рабочий-большевик т. Пирейко для пропаганды среди солдат. «Разложение» армии нельзя приписать таким большевикам-одиночкам. Это был стихийный процесс, в который кое-где большевики вносили сознательность. То же надо сказать о работе прифронтовых большевистских организаций: сколько-нибудь заметную работу на фронте вела рижская и двинская организации. В Риге Центральный комитет с.-д. партии Латвии в начале войны выпустил ряд листовок к солдатам, но военной организации в войсках он не имел, ограничиваясь отдельными связями.

Сами условия передовых позиций даже при окопной войне делали создание организации трудным. Усиленное «разложение» войск и на рижском участке фронта надо приписать не столько партийной работе в войсках, сколько наличию в них рабочих, находящихся под влиянием партии. На рижском участке было несколько латышских частей, состоящих в значительной степени из рабочих. Да и сами войска приходили в соприкосновение с латышским населением (в значительной степени с.-х. или промышленными рабочими), настроенным революционно. «Разложению» армии на фронте способствовало рабочее движение в тылу. Никакая военная цензура не могла изолировать фронт от революционного тыла. Как заражались фронтовики революционностью рабочих, можно судить хотя бы по следующим отрывкам из писем солдат в деревню:

«Пока, тятенька, в наступлении не были, да и бог бы и не дал быть: не хотят солдаты. Сделали забастовку. Все полки говорят, что довольно воевать, просят мира. Если солдаты не замирят, то мира скоро не будет. Везде пошли забастовки, в Петрограде и Москве идут бунты, може скоро мир будет» [3]).

«Мы только ждем, — говорится в другом письме с фронта, — этого, как только начнутся внутри России бунты, так мы и забастуем, более не будем воевать, все дела стоят за Россией, если не будет бунтов, то не останется в России народу» [4]).

Солдаты на фронте, как видно из письма, толковали о том, чтобы по примеру рабочих забастовать. Свои надежды на заключение мира они возлагали на рабочих, на их борьбу с самодержавием. Солдаты не сомневались, что революция против царя будет и революцией против войны. Уберечь армию на фронте от революционного действия на нее солдат-рабочих было невозможно, так как их были десятки тысяч в миллионной крестьянской армии.

---

[1]) Граве, стр. 224.

[2]) А. Пирейко. «На фронте и в тылу империалистической войны».

[3]) «Красная летопись» № 3 (24) за 1927 г., стр. 184.

[4]) Там же, № 1 (25) за 1928 г., стр. 117.

В тылу еще труднее было отгородить рабочих от соприкосновения с революционно-настроенным населением, особенно, если части стояли в рабочих районах. Рабочие понимали значение сближения с армией.

«К настроениям солдатской массы, — пишет т. Шляпников, — рабочие Питера чутко прислушивались. В Петербургский комитет бывало много сообщений, шедших непосредственно от заводских коллективов» [1]).

«Члены заводских коллективов и кружков» обычно привлекали ПК для агитации среди войск. Помогали агитации среди солдат земляческие связи рабочих, наличие местных рабочих и т. д. Листки, доставлявшиеся в казарму, читались с жадностью.

«Были у нас, — пишет один солдат, — рабочие листки. Начальство злилось, пугает больно, — повесит первого попавшегося, а мы, солдатики, знаем свое дело, почитываем листки, где рабочие пишут всю правду-матку о войне и наших муках. Скорее бы, товарищи, нам подняться на борьбу с царем Николаем» [2]).

Военные организации в тыловых частях существовали лишь при исключительных условиях. В Смоленске такими условиями были: сосредоточение в городе нескольких инженерных частей, технических мастерских и т. п. в связи с тем, что Смоленск являлся базой западного фронта. В этих частях, по свидетельству т. Астрова [3]), «было много заводских рабочих. У партийных солдат здесь возникла мысль о создании военно-революционного центра».

В Сибири военная организация сложилась благодаря призыву в войска ссыльных большевиков и эсеров из Нарымской ссылки в Томск «послужить верой и правдой царю и отечеству». Имея ядро революционеров, «Социалистический военный союз» развернул значительную работу среди солдат (была своя подпольная организация), которых в одном лишь Томске было 70 тысяч.

Значительная военная организация в годы войны была в Балтийском флоте. Во главе всей матросской организации стоял «Главный коллектив Кронштадтской военной организации», имевший связи с судами Балтфлота и береговыми командами Кронштадта, Гельсингфорса, Петрограда и в других пунктах. Этот коллектив возник, повидимому, в середине 1915 года, в виде инициативной группы матросов-большевиков (Сладков, Кузнецов-Ломакин, Писарев и Ульянцев), которая взялась связать между собой все возникшие уже судовые и береговые ячейки. Итак, организация растет снизу, инициативная группа оформляет ее. Она начинает искать связей с подпольем. Эту связь найти было нелегко, а потому матросы-большевики из инициативной группы «готовы были обратиться к эсерам, чтобы ухватиться хоть за какую-нибудь нить с остальным миром» [4]). Наконец инициатором удается установить связь со старым большевиком (с 1903 г.), питерским рабочим Кириллом Орловым (И. Ф. Егоровым), который был в ПК представителем сначала Выборгского района, а затем

---

[1]) Шляпников. «1917 г.», ч. 1, стр. 161.
[2]) «Красная летопись» № 3 (24) за 1927 г., стр. 160.
[3]) Астров. «Большевики в Смоленске», стр. 42.
[4]) «Красная летопись» № 5 (20) за 1926 г., стр. 55.

организации Балтфлота. Он вместе с товарищами матросами Сладковым, Ульянцевым, Ховриным и др. организует конспиративные квартиры, вырабатывает пароли, шифр, сигнализацию и т. п. С момента установления связи с ПК

«революционное выступление во флоте ставится в связь и зависимость от выступления рабочих. А это было основное. Петербургскому комитету не без труда удавалось сдержать стремление матросской организации организовать несвоевременное «выступление» флота. Среди моряков, даже пролетариев, в силу оторванности от рабочего движения в целом, создавались анархические настроения, стремления к самостоятельным выступлениям и т. п. действиям. Организации приходилось бороться с подобными явлениями, особенно с теми мнениями, что флот «сам по себе», независимо от общей борьбы пролетариата, может победоносно вести революцию» [1]).

Мерой партийности революционной организации Балтфлота была степень преодоления ею анархических тенденций среди матросов и способность подчинить движение во флоте пролетарскому руководству питерских рабочих.

Роль ПК, как связующего звена рабочего движения Питера с матросским движением Балтфлота, была очень велика. Прочные организационные связи ПК, впрочем, существовали недолго. Охранка, частично проследившая военную организацию, «пресекает» ее деятельность в декабре 1915 г. 28 декабря 1915 г. производятся обыски и аресты в Петрограде, во флоте и местах его стоянки. Проваливаются работники ПК Кирилл Орлов (И. Егоров), В. В. Шмидт (Николай), С. Г. Рошаль и ряд деятелей матросской организации.

Но полиции не удалось уничтожить революционную организацию в Балтфлоте. «Аресты от 28 декабря и позднее по этому же делу нарушали работу организации лишь частично» [2]). В январе 1916 г. в Балтфлоте распространяются прокламации ПК, в феврале восстанавливается связь организации с ПК, в апреле снова появляются в Балтфлоте листки ПК, в июле 1916 г. воссоздается «коллектив Кронштадтской военной организации»; «Кронштадтский коллектив стал после арестов еще сильнее, чем в 1915 году» [3]). Ночью с 8 на 9 сентября охранка производит новый налет на организацию: производит 30 обысков и 7 арестов. Аресты и обыски лишь нервируют матросскую массу, изъять же «зачинщиков» они не в состоянии. Тогда пытаются прекратить движение путем посылки ненадежных элементов на передовые позиции и в «отдаленные военные округа». На фронте моряки, посланные на рижский участок фронта, где полки отказались наступать, усилили брожение среди сухопутных войск, устроили бунт, и всех пришлось поскорее убрать с позиций.

Революционную организацию во флоте правительству уничтожить не удалось, как не удалось ему уничтожить и петроградскую организацию большевиков. Значительные кадры пролетариев и связь с Питером делали организацию Балтфлота прочной и боеспособной.

Руководство ПК октябрьской стачкой и создание организации в Балтфлоте, — все это были ступеньки к вооруженному восстанию. После октябрьской

[1]) Шляпников. «Канун 1917 г.»., ч. 2, изд. 3, стр. 56.

[2]) Там же, стр. 52.

[3]) Там же, стр. 58.

забастовки не только в руководящих кругах петербургской организации, но и в рабочей массе укрепляется мысль о необходимости вынесения движения на улицу. День 9 января 1917 г. — день давно небывалого стачечного подъема (бастовало около 200 тыс. рабочих), день митингов, демонстраций, кое-где братания с солдатами, показал всем, в том числе и «гвоздевцам», что революция не за горами. С 9 января 1917 года начинается поворот в тактике гвоздевцев. От политики торможения движения в интересах буржуазии они переходят к политике «непротиводействия» ему и использования его опять-таки в интересах буржуазии. Основное содержание остается, но методы меняются. Гвоздевцы ищут равнодействующую между стремлением буржуазии прекратить массовые выступления, могущие сорвать план дворцового переворота, и стремлением масс выйти на улицу. Были попытки подогнать «движение» буржуазии к движению рабочих, так сказать, «координировать усилия». Чхеидзе, например, 28 января пытался доказать Милюкову, как необходимо теперь прогрессивному блоку действовать решительно, иначе Милюков «рискует оказаться в хвосте событий... легко и неожиданно во главе политических выступлений и событий окажутся лишь одни рабочие» [1]). Но «подтолкнуть» буржуазию не удалось, так как Милюков не только не обнаружил склонности к решительным действиям, но и высказался решительно против выступлений рабочих, и пришлось действовать с другого конца. Вот здесь-то и рождается план гвоздевцев — организованную демонстрацию рабочих направить к Государственной думе в день ее открытия, 14 февраля.

«Рабочая группа, — пишет Евг. Маевский, — принимая во внимание традиционность 9 января и условия момента, решила на этот раз не препятствовать такому призыву, и лишь обратить своим вмешательством готовность рабочих забастовать — в однодневную стачку-протест, противопоставить пораженческим лозунгам большевиков свои лозунги, направленные против царского самодержавия во имя обороны и спасения страны» [2]).

Итак, оставаясь целиком на старой позиции «спасения страны» (от немцев и от революции), рабочая группа решилась повернуть «свою политическую ладью по ветру революционной стихии. Учтя настроение рабочих, их жажду борьбы и готовность на жертвы, либеральные политики задумали оседлать движение и направить его на пользу прогрессивного блока» [3]).

Причину этой перемены сами гвоздевцы объясняют так:

«Призвать рабочий класс к тому или иному решительному выступлению в форме, более соответствующей его психологии, нежели делегации к председателю Государственной думы, и в то же время в такой форме, которая не идет в разрез с настроениями широких кругов не-рабочего населения... Дело шло о вызове рабочего Петрограда на улицу, к Государственной думе» [4]).

Итак, найдено было счастливое сочетание выхода рабочих на улицу с поддержкой пролетариатом Государственной думы. Найдена была возможность

---

[1]) Граве. «Из истории классовой борьбы в России в годы империалистической войны», стр. 204, донесения по охранке.

[2]) «Канун революции», стр. 8.

[3]) Шляпников. «1917 год», ч. 1, изд. 2-е, стр. 27.

[4]) «Канун революции», стр. 10.

использовать движение питерских рабочих в интересах подталкивания буржуазии к власти. Не отрываясь от революционно-настроенных масс, гвоздевцы пытались лишить движение его революционной роли. Они решились возглавить его, чтобы обезглавить. Накануне 14 февраля гвоздевцы выпускают анонимное воззвание, в котором пишут:

«Момент борьбы пришел. Страшно было бы упустить его». «Имущи классы почувствовали наконец, что только всенародное движение и прежде всего активное выступление рабочего класса способно совершить то дело, которое не могут довести до конца они сами»... «Именно нынешнее столкновение буржуазного общества с властью создает наиболее благоприятный момент для активного вмешательства рабочего класса»...

«Теперь уже недостаточна забастовка, товарищи! Наш протест, наши требования должны быть вынесены на улицу...»

«К открытию Государственной думы выйти все до одного на улицу и двинуться к Таврическому дворцу! ...Пусть же сотни тысяч рабочих со всех концов города, район за районом, завод за заводом в полном порядке, не нарушая спокойствия жителей, никого не задевая и не обижая, не вызывая полицию на насилия, двинутся все к одному центру: к Государственной думе!» [1])

Итак, в день 14 февраля и большевики и гвоздевцы звали рабочих на улицу. В этот день, однако, демонстрация прошла очень слабо. Был ряд демонстраций с лозунгами «Долой войну»; у Государственной думы собралось человек 500 разношерстной публики, кое-где на заводах принималось обращение гвоздевцев. Несмотря на явный перевес сил у большевиков, меньшевики еще имели за собой часть рабочих. Попытка их направить в день 14 февраля движение питерских рабочих в русло буржуазной политики не удалась.

Борьба большевиков и меньшевиков теперь сосредоточилась вокруг вопроса, удастся или не удастся буржуазии подчинить себе рабочее движение, удастся или не удастся ей и ее агентам предотвратить революцию. Началась напряженная работа петроградской организации. Усилившаяся, несмотря на ряд провалов, петроградская организация большевиков повела решительную борьбу против этой новой попытки гвоздевцев устроить «смычку» пролетариата с буржуазией. От успеха борьбы с гвоздевцами зависел, в значительной степени, ход и исход событий февраля 1917 года. Большевики, в противовес гвоздевцам, звали рабочих итти не к Думе, а на Невский, традиционное место революционных демонстраций. Дата выступления у большевиков и меньшевиков была сначала различна. ПК призывал выступить в день двухлетия со дня суда над депутатами, 10—12 февраля, рабочая группа — 14 февраля в день открытия Государственной думы. Масленица, пришедшаяся 10—12 февраля, спутала карты. Большевикам пришлось в конце концов назначить демонстрацию на 14 февраля, но призвать массы выступать не против правительства и за Думу, а против правительства и против Думы.

Февральская революция была результатом победы большевиков в рабочем движении. Хотя большевики и не смогли охватить своим руководством движение, но оно шло под большевистскими лозунгами: «Долой царя!», «Долой

[1]) «Канун революции», стр. 96, 97, 98, 99, 100. Разрядка подлинника.

войну!». Это говорит о том, что наша партия была руководителем рабочих и солдат и накануне, и в момент свержения самодержавия.

С ясно поставленной целью большевистская организация вступила в борьбу с гвоздевцами. «В связи с организацией оборонческими (меньшевистскими и эсеровскими) элементами движения вокруг Государственной думы работа наших заводских кружков, коллективов и районных партийных комитетов била ключом. В гуще питерского пролетариата, по всем фабрикам и заводам велась усиленная агитация и борьба вокруг двух лозунгов: 1) единение вокруг Государственной думы и 2) выход на улицу для борьбы с царским самодержавием и его приспешниками». «К Государственной думе с петициями и резолюциями» звали меньшевики и эсеры-оборонцы, — «на Невский к солдатам, к оружию», — звали наши большевики [1]).

Так в дни февраля 1917 года столкнулись две тенденции в русском рабочем движении: социал-империалистическая и антиимпериалистическая. Гвоздевцы звали пролетариат итти за «прогрессивным блоком», за Гучковыми и Милюковыми, за Антантой. Большевики звали его к совместной с солдатами-крестьянами вооруженной борьбе за мир, за хлеб и за землю. Большевики, при всей своей малочисленности, выступали как представители «массового потока» в рабочем движении, как выразители интересов многомиллионных трудящихся масс, эксплоатируемых и угнетаемых царизмом и империализмом. Решительная борьба пролетариата и его партии с царизмом увлекла солдатские массы, а за ними и все крестьянство.

---

[1]) Шляпников. «1917 год», изд. 2-е, стр. 53.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стр.

Предисловие Ем. Ярославского 3

Вопросник-план к I главе 9

Глава I. Причины и подготовка мировой войны 10

а) Точка зрения Ленина и Каутского на причины империалистической войны. 11
б) Англо-германский конфликт 15
в) Франко-немецкие противоречия 19
г) Русско-германский конфликт 21
д) Антанта и тройственный союз 25
е) Последние дни перед войной 31

Вопросник-план ко II главе 34

Глава II. Большевизм на международной арене 55

а) Крах II Интернационала . . . . . —
Проблема войны во II Интернационале . . . . . —
Крах II Интернационала 41
Социал-шовинизм 45
б) Каутскианство 54
Каутскианство или центризм . . . . . —
Русский левый «центр» — троцкизм. 67
в) Большевизм и проблема войны 75
Борьба с левыми уклонами 95
г) Борьба за III Интернационал 104
Циммервальдская конференция . . . . . —
д) Кинтальская конференция 115

Вопросник-план к III главе. 121

Глава III. Россия в годы империалистической войны. 122

а) Экономическое положение России накануне Февральской революции . . . —
Империалистическая война . . . . . —
Война и мобилизация промышленности 123
Распад промышленности 127
Кризис топлива и металла 131
Кризис железнодорожного транспорта 136
Положение сельского хозяйства 139
Продовольственный кризис 142
Помещичье и крестьянское хозяйство перед Февральской революцией . . . 155

Стр.

Финансовое положение 152
б) Рабочий класс в годы империалистической войны 156
Рабочее движение в момент объявления войны . . . . . —
Влияние войны на состав пролетариата и условия труда 158
Экономическое положение рабочих 163
Стачечное движение 168
Экономические корни оппортунизма в рабочем классе 180

Вопросник-план к IV главе 187

Глава IV. Большевики и меньшевики в России в годы войны 188

а) Большевики и меньшевики о войне и революции . . . . . —
б) Партийная работа и партийное строительство в годы войны 218
в) Партия в борьбе за руководство рабочим движением 241
г) Партия и организация сил революции 255